

THRILLER & TERROR

ДЭВИД

МОРРЕЛЛ

TOTEM

TOTEM

T & T

THRILLER & TERROR

MELLOT

I & I

THRILLER & TERROR

Дэвид МОРРЕЛЛ

TOTEM

романы

Санкт — Петербург

1994

Дэвид Моррелл

ТОТЕМ

романы

Перевод с английского М.Лебедева

Художник Валерий Цикота

«... Слотер представлял, что видит над кустами хоккейные клочки — бесчисленное количество — как они стучаются о стволы деревьев. От страха его парализовало. Он понимал, что ничего страшнее в его жизни не будет, — и рассудок оставил его. Потому что он видел, как кусты раздвинулись, и из них выступили оскالившиеся фигуры, направляющиеся к ярмарочной площади, и каждая из них была безобразным, жутким созданием — частично оленем, частично человеком, частично волком, кошкой, медведем и дюжиной других существ — чудовищным, вынырнувшим из леса монстром. Человеческие части были ненормальны. Не хватало носов. Ушей и пальцев — тоже. Они хромали на своих культях...»

Эти странные и страшные существа пришли в наше время из тьмы веков, и в очень короткий срок едва ли не полностью уничтожили население маленького американского городка. Только мужество главного героя книги полицейского Слотера и его единомышленников позволило избежать катастрофы...

ВНИМАНИЕ!

Издательство «Лик» обладает исключительным правом издания романов Дэвида Моррелла «Тотем» и «Проклятый». Любые другие публикации этих произведений будут рассматриваться как грубейшее нарушение существующего законодательства, и изыматься, как незаконные.

TOTEM

роман

Перевод с английского М. Лебедева

Часть первая

1

Слотер вошел в бар, стараясь скрыть внутреннюю нервозность. Четверг, десять часов вечера. Помещение было заполнено лишь наполовину: люди сидели за столиками и у стойки; музыкальный ящик навывал тоскливую мелодийку в стиле «кантри-вестерн», но посетители казались еще более мрачными, нервно взглянули на вошедшего Слотера, и затем вновь напряженно уставились в правый дальний угол. Там, в полном одиночестве, наедине с самим собой восседал мужчина, перед ним стояла бутылка виски; ковбойская шляпа была сдвинута на затылок.

Но людей больше интересовал лежащий перед ним на столике дробовик.

Слотер сделал глубокий вдох, изо всех сил пытаясь выглядеть спокойным, и подошел к стойке. Он хотел выпить пива, но прекрасно понимал, что потом он себе этого ни за что не простит. И не потому, что выпивать на службе не полагалось, а из-за того, что пиво его успокоит, он же не собирался потакать своим слабостям. Да и как на это посмотрят окружающие, поэтому он просто бросил бармену:

— Коку.

Это слово, несмотря на то, что ящик орал вовсю, прозвучало удивительно громко и люди, которые, взглянув на Слотера при входе, больше не обращали на него внимания, вновь обернулись к нему, выжидательно сверля его фигуру глазами. Слотер смотрел вбок, словно не замечая этих испытующих взглядов. Он взял свою коку. Бармен был настолько расстроен, что и не подумал положить в стакан лед, но это было как раз хорошо, — кубики бы только звенели и раздражали бы его. Слотер оглядел зальчик, а затем, словно до сих пор его не замечал, кивнул и улыбнулся человеку, сидевшему в одиночестве в углу.

— Здорово, Уилли.

— Здорово, шеф.

— Ничего, если я присяду рядышком?

— Пожалуйста. Только, будь добр, не загораживай мне входную дверь.

— Ну, если дело только в этом...

Слотер подошел к столику и сел справа от Уилли, чтобы в случае надобности схватить его за руку, но мужчина предусмотрительно передвинулся к другому краю стола, захватив с собой дробовичок.

Слотер отпил коку и, почувствовав, что руки почти трясутся, вытянул их на столе.

— Чего это ты в одиночестве, а, Уилли?

— Да уж, лучше не скажешь — в полном одиночестве. А куда это, блин, вы двое направляетесь?

Слотер едва удержался, чтобы не кинуться к нему, в тот момент, когда Уилли схватил ружье и направил дуло на двух, шедших к дверям молодых ковбоев.

Они остановились и неуверенно взглянули в полутьму.

— Нам завтра рано вставать.

— Нет-нет, вы остаетесь. Еще выпейте. Я даже могу заплатить.

— Но мы не...

— ...очень хорошо, видимо, расслышали.

Уилли взвел курок, и ковбои, переглянувшись, молча прошли обратно к стойке.

— Во, хорошо. Выпейте-ка еще.

И Уилли медленно положил ружье на столик.

Слотер наблюдал за ним. По всем стандартам Слотер был крепким и сильным мужчиной. Уилли же был еще здоровее, и глаза его мутились от принятого алкоголя. Слотеру не хотелось с ним драться, потому что ему было прекрасно известно, что Уилли так просто ружья не отдаст, а если Слотер вытащит собственный пистолет, начнется пальба.

Слотер ткнул пальцем в сторону молодых ковбоев.

— В чем дело, Уилли? Они всего-навсего хотели выпастись.

— Да выпастись еще. Время детское. Сон таким молодцам вообще не нужен.

— Судя по всему, тебе самому было бы неплохо проспаться.

Уилли повернулся к нему.

— Ты ведь сам подсел, не так ли?

— Просто поддерживаю разговор.

— А мне вот не нужен никакой, понимаешь, разговор.

Слотер пожал плечами и отпил коки.

— Очень откровенно. — Он подождал. — Чего это ты таскаешь с собой пушку, Уилли?

— Да вот, таскаю. Раз таскаю, значит, нужно. И вообще я просто жду.

— Кого-нибудь, кого я знаю?

Но Уилли не ответил.

— Кого...

— Ага. Знаешь. Моего братца, наверное, знаешь, а?

Глаза Уилли сузились, и он сделал огромный глоток прямо из бутылки. Слотер хотел было схватить ружье, но, увидев, как, не отрываясь от горлышка, на него взглянули замутненные глаза Уилли, оставил руки лежать на столике.

— Очень умно, шеф.

— Ага, и я так подумал.

— Не хотелось бы мне тебя пристрелить.

— Ну, вот и успокоил. Знаешь, эти люди...

— Останутся.

— Если войдет твой брат...

— Он войдет. Он всегда сюда забредает. Ему давно пора уже появиться.

— Слушай, но эти люди... если случится неприятность... ты ведь не хочешь, чтобы кто-нибудь из них пострадал...

— Но я также не хочу, чтобы они, выйдя отсюда, предугрешили его.

— Ну, это я понять могу. У него может оказаться...

— Не хочу об этом говорить. Запусти снова эту песню. Почему позволил ей прерваться?

И Уилли повернулся к мужчине, стоящему возле музыкального автомата.

— Запусти, черт бы тебя подрал, эту песню!

Мужчина опустил в прорезь четвертак и нажал на кнопку. Был он неуклюж: верхняя часть туловища словно находилась под другим углом, по сравнению с нижней.

И вновь из ящика полилась все та же мрачная мелодия.

— Так-то лучше.

Уилли ухмыльнулся и отпил виски.

«Я не смогу тебя простить...»

— Ты застукал его со своей женой?

— Я слышал, что он с ней путался.

— Слухи, как правило, несколько отличаются от фактов.

— Слышал от портье в Хайвэй Мотел.

— А, это дело другое.

— Тут ты, шеф, чертовски прав, абсолютно другое.

Слотер сосредоточил все свое внимание на ружье, но не мог не наблюдать за дверью.

— Уилли, не нужно тебе этого делать.

Тот хихикнул.

— Я хочу сказать, что не стоит тебе убивать его.

— Да, я так все и понял.

— Просто тогда тебе придется иметь дело со мной и со всеми остальными.

— Плевать. Убью его, а на остальное наплевать.

— Ты только прикинь. Если бы ты хотел его грохнуть, так спрятался бы в кустах да выследил. Нет же, ты пришел сюда, чтобы показать всем, что не шутишь, но чтобы я или кто-нибудь другой отговорил бы тебя.

— Знаешь, я ведь и ее должен убить. Давным-давно надо было это сделать, да вот беда: она всегда была слаба на передок, а он ей нравился.

— Люди не станут тебя осуждать, если...

— Слотер, ну почему бы тебе не заткнуться.

И Слотер почувствовал, как внутри вспыхнул пожар.

Уилли отодвинулся от стола.

Слотер дернулся и тут увидел стоящего в дверном проеме брата Уилли, Орвала.

— Оставайся там, где стоишь, ублюдок.

Но Орвал, словно не слыша, двинулся вперед, и люди кинулись врассыпную.

— Уилли! — крикнул Слотер.

Орвал поднял руки, Уилли прицелился, а Слотер прыгнул на него, стараясь дотянуться до дробовика. Но дуло поехало вверх и уставилось в потолок. Слотер пытался не допустить выстрела.

— Эй, шеф, все в полном порядке. Дай ты ему в меня пулю, — обратился к борющимся Орвал.

И мужчины замерли, уставясь на него.

— Чего?

— Ты же слышал меня, Уилл, я этого заслуживаю.

— Вот тут ты чертовски прав.

— Я ее трахнул. Черт, я не мог отказаться, хотя сказать по правде, это она меня трахала, не я ее. Чертовка просто изнасиловала меня, если быть совсем точным.

Слотер крепче уцепился за руку с ружьем.

— Но она же моя жена!

— Кстати, я тебе еще вот что хотел сказать. Она сейчас сидит в автобусе и едет куда-то на юг. На твоём месте я бы просто рассмеялся и поблагодарил судьбу. За столь ценный подарок...

Слотер, наконец, отобрал дробовик. Он отступил на несколько шагов в тень, уповав на то, что никто не заметил, как трясутся его руки.

Уилли побрел к дверям.

— Слушай, да пусть едет, ради Христа. И где ты был, парень? Я тебя по всему городу искал.

Уилли остановился и уставился на брата.

— Ждал тебя здесь.

— Мне следовало догадаться, ведь ты же всегда здесь сидишь после десяти.

Уилли продолжал, не отрываясь, смотреть на него. Затем внезапно ухмыльнулся.

— Ублюдок тупоголовый.

— Слушай, не обзывайся. Сейчас схожу, принесу свою пушку. Хотя нет. Воспользуюсь твоей. Слушай, шеф, дай-ка мне его ружьецо на минуточку.

— Проку тебе от него никакого. Оно не заряжено, — сказал Уилли.

— Да неужто?

И они расхохотались.

Слотер переломил ружье и, заглянув в стволы, увидел, что они пусты.

Братья продолжали ржать.

— Я видел, как ты намочил штаны.

Слотер был настолько измучен, что не смог даже разозлиться. Он снова взглянул на ружье, увидел свои дрожащие руки. Конечно, можно было отвезти Уилли в участок и привлечь за нарушение общественного порядка, а что проку? Ружье оказалось не заряженным. Никто не пострадал. Люди в баре стали постепенно приходить в себя, и до них дошел комизм ситуации. Теперь шуточек по этому поводу хватит месяца на два. Слотер махнул рукой и подошел к братьям.

— Уилли, я должен...

— Эй, шеф, не обижайся.

— Ладно, подожду другого раза.

И он постарался выдавить легкий смешок из сдавленной глотки.

Братья отправились к стойке.

— Куплю тебе выпивку, — сказал Орвал.

А Слотер пошел к дверям.

— Слушай, а что с моим ружьем?

— Похоже, у тебя его больше нет, Уилли.

— Да отдай ты его ему, — сказал Орвал. — Не стоит придавать значения подобным шуткам.

Слотер не остановился. Около дверей стоял хозяин.

— Я рад, что вы пришли, — пробормотал он. — Все ведь могло повернуться иначе.

— На сей раз вам повезло, — откликнулся Слотер и кивнул. Он уже проходил в дверь.

За его спиной слышался разговор братьев:

— Слушай, она ведь ужасна. Как тебе удалось ее терпеть все эти годы?

Слотер закрыл за собой дверь и вышел на залитую лунным светом улицу. Эти ему братья... И до этого случая он уже сталкивался с ними несколько раз. Все из-за их чрезмерного пристрастия к алкоголю и определенного сорта шуточек. Он должен был сегодня сообразить, что ничего страшного произойти просто не может. Теперь они станут напиваться до самого закрытия, а потом пойдут по бабам. Им ведь больше ничего не было нужно. Жenuшка Уилли была еще тот подарок, она только и делала, что натравливала братьев друг на друга, чтобы выбрать подходящий момент и смыться. Вообще, Слотер не очень хорошо разбирался во всей этой ситуации. Он не мог и предположить, чтобы у этой стервы хватило ума на подобные штучки. Да и Уилли вряд ли дал бы ей так просто уйти, если бы она трахалась, кроме его братца, с кем-нибудь еще.

Слотер опустил глаза вниз и посмотрел на трясущиеся руки. Затем тряхнул головой. Эти два сопливых засранца довели его до такого состояния. Стыдоба. Он подошел к полицейскому автомобилю, забрался внутрь и уставился на луну, серебрившую ветровое стекло.

Да, городок этот был полон шпаны вроде этих вот братцев. «Ты с ними — два сапога пара», — подумал о себе Слотер. Черт, ведь даже заряжен не был, он никак не мог успокоиться продолжая трястись. «А ведь были времена, когда на такую пушку ты бы просто не клюнул и совладал бы с ситуацией как дважды два», — думал он и лихорадочно искал в карманах ключи, пытаясь вставить их в замок зажигания. Правда, то было в другом городе.

Наконец, ему удалось сунуть бородку ключа в замок и, чувствуя до сих пор слабость в коленках, он медленно покатил к окраине.

Пять лет назад он прибыл сюда из Детройта. Слотер никогда никому не рассказывал о том, что именно заставило его переехать. Продолжал темнить, что страшно утомился житьем в том городе, устал быть полицейским там, где столько жестокости и ненависти. В надежде обрести нечто лучшее, мирное, он с накопленными деньгами приехал в Вайоминг и попытался было разводить лошадей. Но у него ничего не вышло, и когда умер старый шеф полиции, Слотер сдался и обратился в мэрию с просьбой предоставить ему работу. В конце концов его обучали именно работе полицейского, а в таком маленьком городке вряд ли могла бы случиться такая беда, с которой ему было бы не справиться. «Так что, — говорил он себе, — по крайней мере...» Но всякий раз, когда приходилось усмирять драчунов или разбираться с последствиями дорожных катастроф, или даже входить в полночь в магазин, дверь которого оказывалась незапертой, Слотер ощущал непонятное загадочное напряжение в животе, а иногда ничего таинственного в этом слабом напряжении не было, ладони начинали потеть, и он думал, что, видимо, вернулся к работе полицейского только потому, что хотел, наконец, узнать, что именно скрывалось за всеми этими признаками.

Никто его страхов не замечал. Поначалу некоторые сильно боялись Слотера — из-за знаменитого имени, считая, что он будет чересчур крут и, приехав в Вайоминг с Востока, начнет вести себя здесь, словно в большом городе, и ломать кости, будто у себя в Детройте. Но члены городского совета тут же связались с Детройтом и получили о нем отзывы много лучшие, чем те, на которые сам Слотер надеялся. Никогда против него не выдвигалось обвинений. С работы его никто не выгонял. Поэтому его приняли на службу, правда, пока с испытательным сроком, а когда он закончился, зачислили на постоянную работу, больше ни в чем не подозревая и не опасаясь последствий. В конце концов Слотер так хорошо поставил дело, что в городке почти позабыли о том, что такое настоящая преступность.

Самое главное Слотеру нравился этот городок. Правда, иногда он твердил самому себе, что пал чересчур низко, надзирая за парой хулиганов, как, например, сегодняшние братья, но на самом деле ему даже это нравилось. И братья

тоже: хотя и тупые, и безразличные ко всему, но все-таки не подлые и не жестокие. У большинства здешних обитателей были хорошие характеры. И единственными проблемами, с которыми столкнулся Слотер в этих местах, оказались его собственные страхи и мучения. Но в конце концов у него оставалось его ранчо, хотя слово «ранчо» звучало чересчур громко, поскольку речь шла о пяти плохоньких акрах земли и двух лошадях. Но дом был очень милым. Здесь у Слотера были друзья, — те, с которыми он работал. Когда-то он был женат. Потом жена подала на развод, что в принципе являлось обычным делом среди полицейских, женатых в большей степени на своей работе. После развода дети остались у жены, и он практически ничего о них не знал, правда, время от времени ребята приезжали к нему. Последний визит был с месяц назад, и с тех пор Слотера мучало одиночество. Но в остальном это местечко было ему подстать. Конечно, оставался страх смерти, но зато он мог не беспокоиться по поводу того, что окончит свою жизнь в канаве с распоротым животом.

Он оглядывал горы, окружавшие долину, с острыми изломленными вершинами, покрытыми снежными шапками, на которых мерцал лунный свет. Потом сосредоточил все свое внимание на дороге, — сейчас он проезжал по окраине городка, направляясь к Хайвэю, намереваясь подкараулить любителей погонять на недозволенных скоростях, и тут увидел какой-то предмет, лежавший возле белой полосы. Поначалу Слотер посчитал, что это просто здоровенный джутовый мешок, вывалившийся на дорогу. Но подъехав ближе и включив фары дальнего света, он разглядел рюкзак и распростертое под ним тело.

Слотер, скрипя шинами по придорожному гравию, остановился. Не выключая мотора и фар, он взял поисковый фонарь, чтобы получше осветить дорогу. На мгновение Слотер отвел взгляд в сторону. Перенервничав сегодня один раз, он чувствовал себя совершенно пустым, словно человек, принявший слабительное. Открыв дверцу, Слотер решительно выбрался из патрульной машины, держа наготове фонарь, и услышал, как в придорожной траве застрекотали сверчки. Огромная луна стояла прямо над ним, и прежде, чем подойти к телу, он потерял рот и еще секунду смотрел в сторону.

Мужчина. Слотер увидел слегка повернутое в его сторону лицо, лежащее на гравии. Двадцать пять, а, может, и тридцать. Одежда голосующего на дорогах и путешествующего автостопом. На ногах — лесорубские ботинки.

Остановившись, Слотер увидел, что глаза человека закрыты. Наклонившись над ним, он пощупал запястье, пульса не обнаружил и заметил, как безвольно движется рука. Трупного окоченения нет. Значит, все произошло недавно. Что же случилось? Он заметил на руке и бедре засохшую кровь и решил, что это наезд. Но если все было так, как он предполагал, когда же успела засохнуть кровь? Этого Слотер понять не мог.

Он порыскал в вещмешке, обнаружил нейлоновую палатку и немного еды. Встряхнул флягу. И воды чуть. Конечно, этот хайкер путешествовал в горах. Несколько дней, как минимум, судя по щетине, залепившей его лицо. Почти закончилась еда, вот он и решил спуститься в город, но в темноте его кто-то сбил. Может, он стоял на дороге, голосуя, но с таким здоровенным рюкзаком за плечами не смог вовремя увернуться от машины или грузовика. Бедняга. Мертвое лицо его выглядело так умиротворенно. Слотер глубоко вздохнул и выпрямился, посмотрев вначале на траву, а затем на луну. Затем проверил бумажник на предмет какого-нибудь удостоверения и отправился к своей машине. Надо вызвать людей из управления и морга.

2

Слепой почувствовал опасность так же, как и его собака.
— В чем дело?

Она в напряжении стояла за его спиной, прижимаясь ближе к ногам.

— Тут кто-нибудь есть?

Но никто не ответил. Они стояли в переулке в полуквартале от дома. Этот участок города был старой застройки, и из разговоров владельцев домов старик знал, что за зданиями хорошо ухаживают, а улицы и сады засажены деревьями и кустарником.

И вот теперь собака рычала. Слепой вышел прогуляться, чтобы почувствовать себя уставшим. Конечно, часы с подъемным стеклом и выпуклыми цифрами подсказали ему, что почти полночь, но он любил это время суток, когда народа

на улицах мало, почти никого, нет никаких лишних звуков, кругом приятное спокойствие, поэтому и пошел, как делал много-много раз до этого, никогда не чувствуя опасности. Но сейчас он слышал шелестение кустов, и звук проехавшей мимо угла машины.

— Кто тут? — спросил он снова.

И тут ощутил, как собака-поводырь потянула его обратно к дому. Она продолжала злобно рычать, и слепой не мог сообразить, что там такое. Собака же была огромная — немецкая овчарка. Надо ничего не видеть и не слышать, чтобы приблизиться к такому зверю. К тому же на прогулку слепой надел старую одежду. И не выглядел человеком, в карманах которого водятся деньги.

Может быть, собака увидела какое-нибудь животное? Но какое же животное здесь, в центре города, смогло ее так взволновать? Овчарка была так воспитана, что не обращала никакого внимания на бродячих котов и заигрывающих с ней собак, да даже если бы она заинтересовалась себе подобными, то тянула бы его вперед; но собака подалась назад.

За десять лет слепой ни разу не слышал, чтобы она так рычала. А кусты продолжали шелестеть.

Старик уступил и дал отвести себя назад, шаркая ногами по мостовой. Теперь собака неслась чуть ли не прыжками, и ему приходилось почти бежать, чтобы не отставать от нее. Слепой старался не поддаваться панике, но ничего не мог с собой поделать, слыша нарастающий шум в кустах за спиной.

Он оступился и почувствовал, как собака рванула его вбок, подтаскивая к дому, нащупал тростью ступени и стал подниматься. Слепой торопился, потому как знал, что такая тренированная овчарка не станет пугаться без причины. Трусливой ее не назовешь. Вся жизнь собаки была подчинена одному — безопасности хозяина.

Вот и дверь, слепой шарил в карманах, отыскивая ключи, и вставил их в замок.

Наконец, он очутился дома.

3

Слотер стоял позади «скорой» и наблюдал за тем, как два санитары вытащили носилки с телом из машины и, разогнув спины, поставили носилки на столик с колесами.

Потом покатали их к боковому въезду в больницу. Чуть раньше, приехав на место наезда, они поспешили накачать тело хайкера стимуляторами работы сердца, накормить его кислородом из маски, но, увидев, что отклика никакого и что смерть вступила в свои права, они перестали торопиться.

А теперь, когда они везли носилки сквозь дверной проем, санитары едва ноги волочили. Их вялость проистекала не от безразличия, Слотер наблюдал подобное поведение множество раз и здесь, и в Детройте. Просто они надеялись вернуть этого человека к жизни, а когда не получилось, их просто охватило разочарование.

Внутри уже ждали медсестры, они смотрели на тело, покрытое простыней; за их спинами старый Маркл, нахмуясь, взглянул на Слотера.

— Неудачная ночка, Натан? — спросил старик.

— Да была вроде ничего. Пока вот это не случилось.

— В официальной бумаге сказано — «наезд».

— Похоже на то. Я тут на «поляроиде» нащелкал с места происшествия. Может тебе пригодятся.

Слотер передал старику конверт.

— Там сейчас трудятся мои ребяташки. Прочешут травку поблизости, — может, из машины что и вывалилось, — поищут тормозные следы. Но пока что версия о наезде — это все, что у меня имеется. Мне больше добавить нечего.

— Паспорт, удостоверение личности — у него хоть что-нибудь с собой было?

— Да, в бумажнике. Я его не знаю. Джозеф Литтон. Двадцать восемь лет. Из Омахи, штат Небраска. Судя по виду — турист. Никакого упоминания о жене или близких родственниках.

— Ну, тогда чуток полегче, — нет надобности торопиться сообщать и вызывать кого-то...

— Но твоя информация мне необходима к утру. Если это действительно наезд, я хочу, чтобы мои ребята начали поиски машины как можно раньше.

— Ради Бога. Я-то успею. Слушай, черт, ведь сегодня всего лишь четверг. Ничего себе уик-энд начинается... А если все пойдет по нарастающей?

И они посмотрели на тело, вытянутое на носилках под простыней. Санитары повезли его по коридору, и Слотер покачал головой, бредя со стариком к лифту.

Полицейский украдкой взглянул на Маркла: тот был изможден, шел медленно, маленькое худое тело сильно горбилось, а белые волосы тоскливо и безжизненно болтались вокруг черепа. На щеках и шее отвисала кожа. За последние два месяца после смерти жены Маркл совсем сдал, — иссох, состарился. Слотеру страшно не нравилось скрипучее дыхание старика, не нравился пепельный цвет лица и рук.

— Мне-то казалось, что теперь ты немного передохнешь, не станешь работать по ночам.

— Очень трудно менять привычки.

— Но ночная смена...

— Занимает мозг и руки делом. Дома-то делать нечего. Я весь день сплю, а ночью работаю. Как в те времена, когда я был практикантом. Со мной все в порядке. Можешь поверить.

Слотер не верил. Но он прекрасно знал старика, знал, насколько тот несговорчив и упрям, и понимал, что ничто в мире не сможет заставить его друга, свернуть с раз и навсегда выбранной дорожки.

Он остановился перед лифтом и нажал кнопку.

— Слушай, ты не подумай, что мне так уж срочно надо... Не торопись. У тебя вся ночь впереди.

— Да все это пустяки. Ничего сложного. Я тебе даже вот что скажу... Ты домой, как всегда, к двум?

Слотер кивнул.

— Заверни на обратном пути, как будешь направляться в родные пенаты. Вполне возможно, что к этому времени у меня появятся кое-какие новости.

— Завидую твоей энергии.

— Совершенно напрасно. Радуйся, что у тебя ее нет. Слушай, не волнуйся. Аккум возвращается с конференции в Сиэттле. Весь уик-энд будет работать в две смены. У меня будет куча времени для отдыха.

— Надеюсь.

Двери лифта откатились в стороны. Слотер наблюдал за тем, как Маркл и двое санитаров, кативших носилки в трупом, вдвинулись внутрь. Старик повернулся, чтобы нажать кнопку, и подмигнул Слотеру. Двери лифта закрылись, и он поехал вниз, в подвал, в морг.

Слотер замешкался. Ох уж этот старикан. Надо ж так подмигнуть. И Слотер улыбнулся. Затем вышел из здания и пошел к машине. Впервые он столкнулся с Марклом, когда только-только начал работать здесь шефом полиции. В городе

был обнаружен труп с огнестрельной раной. Предполагали, что это убийство, но Маркл, выяснив все обстоятельства, доказал, что это самоубийство. Узнав об этом, Слотер вздохнул с облегчением, потому что хоть этот городок и был попроще Детройта, но иметь под рукой такого высококлассного эксперта было большой удачей. Даже двух, потому что второй — Аккум — даже превосходил старика по мастерству. Но Маркл был более приветлив, всегда старался помочь и не только в работе, но и чисто по-дружески, по-человечески. Он поведал Слотеру о расстановке сил в местных политических дебрях и помог разобраться, кто друг, а кто враг, войти, так сказать, в среду обитания, и через короткий промежуток времени они стали добрыми друзьями. Ходили друг к другу в гости по выходным, частенько потребляли после работы забористое чилли, да и просто перезванивались, когда на душе становилось одиноко. Слотеру нравился старик, и он искренне скорбел по его умершей жене, которую любил ничуть не меньше и как мог старался облегчить Марклу горе. Ну, да сегодня попозже ночью они снова увидятся, а в выходные, быть может, проведут какое-то время вместе, как в старые добрые времена.

Слотер вывел патрульный автомобиль с больничной стоянки. Приемник под приборной доской начал потрескивать.

— Да, Слотер на связи.

— У нас тут один типчик шатается в городе...

— Я сам займусь. Давайте номер.

Слотер выслушал ответ и повесил микрофон обратно на щиток. Решил было включить сирену, но потом передумал. Правильно, старик, как всегда, прав. Что это будет за уик-энд, если настроение у народа начнет портиться еще в четверг?

4

Маркл наблюдал за тем, как санитары вкатывают тело в морг. Морг находился в углу подвала и занимал три зала. Первый, типа прихожей — здесь были раковины для отскабливания рук, шкаф для лабораторных халатов и всякого прочего имущества. В следующем стояли три стола с желобами и дренажными трубками для отвода крови, над ними висели микрофоны. Тут находились также шкафы для инструментов, конторка. Стены были покрыты зеленой кафельной

плиткой, а по потолку шли флюоресцентные лампы. Сильно воняло дезинфектантом. Третий зал был холодильником, в котором хранились трупы, чтобы свести процесс разложения к минимуму.

Маркл, морща нос от сильнейшего запаха дезинфектанта, наблюдал, как санитары кладут тело, не снимая с него простыни, на средний стол.

— Помощь не нужна? — спросил один.

— Нет, единственно, мне бы хотелось, чтобы вы сняли с него одежду. Дальше я сам. А тележку оставьте в прихожей. Когда я закончу, она нам понадобится.

Оба санитары кивнули.

— Ночка сегодня ядреная...

— Да? Как это?

— Да все луна. Можно было даже фары на «скорой» не зажигать.

— Смена времен года. Лето подступает. После всех этих зимних бурь вы просто позабыли, что такое настоящее чистое небо.

— Да, я тоже так думаю. Ладно, нам пора обратно на дежурство. Не думаю, что сегодня еще вызовы будут, но лучше нам сидеть у себя наверху. Просто на всякий пожарный.

— Увидимся попозже.

— Ага, заходи, кофейку выпьем.

— Зайду.

Маркл смотрел на простыню, которой было покрыто тело. Тут он услышал, как хлопнули двери в приемную, а затем те, что вели в холл, и почувствовал, что, наконец, остался совершенно один.

От напряжения, чтобы не показать боли во время разговора, Маркл сильно-сильно моргал. И сейчас ему пришлось прислониться к ближайшему столу и, задыхаясь, шарить по карманам в поисках лекарства, — острая игла пронизывала ему грудь. Наконец, найдя таблетку, он закинул ее в рот, но язык пересох, и поэтому Маркл оказался не в силах ее проглотить. Наклонившись вперед к конторке, он налил воду в пустую мензурку и жадно выпил. Влага покатилась по подбородку. Маркл вцепился пальцами в край стойки и принялся ждать, ощущая, как секунды складываются в минуту. Постепенно грудные мышцы расслабились, и он дышал более свободно.

Но боль не до конца отступила. Надо было идти домой, но он прекрасно знал, что Слотеру его рапорт нужен именно сегодня, а Аккум вернется с конференции лишь завтра утром. «Да плюнь ты на этот чертов рапорт. И не в нем, собственно, дело. Ты прекрасно знаешь, что стоит кому-нибудь узнать про твои страшные боли, то тебе больше здесь не работать. И что ты тогда будешь делать? Сидеть дома, пока в один прекрасный момент не умрешь в своей постели? Да, ладно, брось, эти боли — обыкновенная ангина. Ты с ними справишься, переживешь. Главное, чтобы никто ни о чем не узнал».

Он немного выпрямился и уже почти не трясся. В следующую минуту он окреп настолько, что смог даже почти без труда добраться до прихожей. Сев на стул, Маркл сказал себе, что с его знаниями медицины он справится с приступом и будет в полном порядке. Но несмотря на подобные уговоры, ему было трудно дышать, пока он мыл руки и одевал халат, маску и шапочку. Особой надобности в этой одежде не было, а маска, например, только сильно затрудняла дыхание, оно становилось тягучим и прерывистым, словно грудь специально сдавливали щипцами. Но годы привычки взяли верх, и Маркл, посыпав, наконец, тальком руки, натянул резиновые перчатки и вышел обратно к столам.

Средний зал был пуст.

Маркл огляделся. Почувствовал, как сжимается грудная клетка.

На полу лежала простыня. Смятая.

— Что за...?

Он был уверен, что тот человек умер. Он же прекрасно слышал, что говорили санитары. Да и сам проверил труп на предмет выявления признаков жизни. Которых не оказалось.

— Что за чертовщина...?

Его взор остановился на дальней двери, ведущей в охладитель. Она была почти, но не до конца закрыта. Если все-таки тот человек каким-то непонятным образом оказался жив, то он, очнувшись, наверно, сильно испугался, ничего не мог понять. Видимо, решив отыскать людей, он стал выбирать из двух дверей одну и полез не в ту, что надо. Там-то, в охладителе, никого и ничего, и теперь он, конечно, понял, что попал в морг. Перепугался, наверно. Дверь в холодильник медленно приоткрылась, и обнаженное тело появилось на пороге и злобно заворчало.

— Боже мой, не-ет...

Маркл отступил назад. Он увидел глубокие раны, разрезы на руке, бедре, разрезы, которые показались ему странными, когда он смотрел, как санитары стягивают с трупа одежду. Такие раны не могла нанести машина, но тогда Маркл не стал выносить поспешных суждений, намереваясь осмотреть тело внимательнее. Но видя, как тело неуклюже переставляет ноги, смотря в эти глаза — в глаза, которые не могли выносить света, и поэтому одна рука поднялась к лицу, чтобы заслонить их, — Маркл был уверен, что этого человека ранила не машина. Маркл шагнул назад и уперся спиной в стену. Боль пронзила руку и стала подбираться к горлу, он принялся молиться.

— Боже, Боже мой, не-ет...

За сумасшедшую, но протянувшуюся до бесконечности секунду, он явственно разглядел свою жену. Подумал о Слотере и о том, что не попрощался с ним. За этот короткий миг он успел подумать о многом. Тело прыгнуло к нему, — руки расставлены. Маркл задохнулся и стал сползать по стене. Ему показалось, что в груди открылась трещина. Часть его души вылетела, чтобы понаблюдать со стороны за тем, что происходит, а затем за наблюдаемым и наблюдателем пришла пустота, и все исчезло.

5

Слотер осматривал кусты, держа одну руку возле пистолета в кобуре. От больницы это было всего в пяти кварталах. Домишки здесь были захудалые, сзади росли мощные деревья, оград нет, сплошной кустарник, перекореженный и переплетенный — заросли, словно в лесу. Слотер светил всю фонарем, к тому же луна стояла высоко и освещала, как прожектор, все, что находилось между деревьями, и попадались такие места, когда фонарь ему даже был не нужен. Но несмотря на это, коп часто спотыкался: то на куче камней, то о разбитую песочницу или о проржавевшее корыто, лежащее вверх дном. Здесь было очень легко прятаться. В метре он него спокойно мог кто-нибудь залечь, и Слотер его ни за что бы не разглядел, настолько мощным было переплетение ветвей кустарника. Он посмотрел на луну, а потом огляделся. Было очевидно, что эти сады и вверх и вниз по склону сплошь заросли кустарником, и, похоже, даже гуще, чем здесь. Мож-

но провести тут всю ночь, забираться дальше в дебри, кидаться то вправо, то влево, да так и не отыскать воришку, если это воришка. Черт, парню всего лишь нужно переходить на те места, откуда Слотер только что ушел. Пустая трата времени.

«Только ответь честно, таковы ли на самом деле твои побуждения, — сказал он самому себе. — Тебе хочется прекратить поиски. Великолечно. Парень, если здесь действительно кто-нибудь был, сейчас, наверное, сидит дома и потягивает пиво. Но ведь он может таиться где-то рядом и выжидать удобный момент, чтобы на тебя броситься. Так что твое отступление вполне может иметь и другую причину: ты просто трусишь и нервничаешь из-за этого.

Нет. Я останусь здесь еще на полчаса. Мне совершенно некуда торопиться.

Ты уверен?

Да.

Тогда ладно».

Но если он и колебался, то шипы роз, царапавшие его и одежду заставили, его принять твердое решение. Слотер развернулся и оказался лицом к заднему крыльцу, с которого недавно спустился. Свет в доме, как и на крыльце, был зажжен, и сквозь стеклянную дверь полицейский видел женщину, всматривающуюся в темноту сада.

Он продирался сквозь кустарник к газону, давно не стриженному. Ему страшно не нравилось, что спина его не защищена, и Слотер снова стал разворачиваться, чтобы взглянуть в темноту, но тут же одернул себя, проговорив сквозь зубы «параноик», и продолжил путь к крыльцу, по скрипящим ступеням которого он забрался на дощатый настил и взгляделся в женское лицо.

— Ничего не обнаружил, мэм. Увы.

Ей было лет шестьдесят; крашенные хной волосы, густо намазанные губы и халат; надетый на ночную рубашку.

— Но я же его точно видела, мистер Слотер. Кто-то там крался в кустах. Очень низко пригибаясь. Чуть ли не полз.

— Так ведь я не обвиняю вас в том, что вы ничего не видели, мэм. Просто было темно. И вы вполне могли видеть там просто собаку.

Она лишь покачала головой.

— Нет, я его видела.

— Я сомневаюсь, чтобы он вернулся. Просто держите двери на замке, а свет с крыльца не убирайте. Если кто-нибудь вас напугает, позвоните в участок. Я дам распоряжение, чтобы по вашему вызову сразу же выезжали.

— И это все? Вы хотите сказать, что закончили?

— Мы ведь не знаем, кто это. Он вам не причинил вреда. Может быть, это пьяный полз на карачках домой. Я пошлю сюда патрульную машину: она проедет мимо вашего дома несколько раз за эту ночь.

Женщина продолжала молча смотреть на Слотера.

— Тут столько домов. Почему вы думаете, что этот человек хотел именно вас напугать? Оправляйтесь спать. Все слушается с недосыпа.

— Только не со мной.

— Я понимаю. Понимаю, что вы обижены.

Слотер пробормотал еще какие-то слова, чтобы ободрить женщину, подождал, пока она заперлась на все замки, и только после этого ушел. Спустившись по ступеням в очередной раз он снова оказался с темнотой лицом к лицу. Затем прошел вдоль стены, а женщина двигалась с ним вместе, только внутри дома, зажигая все лампочки. «Что ж, хуже от этого не станет, — подумал Слотер, — а если она еще и поспит слегка...». Сев в машину, он поехал к центру, глядясь в тени садов и дворов.

В Детройте такую ночь называли бы «тишайшей», но для этих мест все происходящее было чрезвычайным. Нет, конечно, сам факт крадущегося в саду человека, — это на самом деле ерунда. Слотер уже привык, что время от времени случаются подобные звонки. Но вместе с шуткой Уилли и найденным телом на дороге получалось уже прилично, и Слотеру не нравилось появившееся у него дурное предчувствие.

Он проехал четыре квартала и очутился в новом районе, по обеим сторонам дороги — аккуратные дома, света нигде нет. Но в десятом доме по правой стороне были зажжены, кажется, все лампы, поэтому он резко выделялся в темноте. Слотер вообще-то не ожидал ничего подобного. Думая о нарушителе, о женщине, от которой он уехал и тоже зажегшей все огни, полицейский решил узнать, в чем дело, и подкатил к этому дому, свернул к тротуару и остановился. Прежде чем вылезти, Слотер нахмурился, оглядел дом со всех сторон, и только потом вышел, поднялся на крыльцо и позвонил.

Он услышал, как прозвучал звонок. Подождал. Никто не подошел к двери. Позвонил снова. И уже собирался нажать ручку, как увидел ее.

— Офицер?

— Тут один человек шатается. Я увидел полный свет...

— Со мной все в порядке. Спасибо за предупреждение... Я просто пеку хлеб. Хотите попробовать?

— Я на службе.

— Можете прихватить его с собой.

Слотер кивнул, улыбнулся, зашел и поцеловал ее.

Она была высокая, правда, не выше Слотера, ее тело жалось к нему, а груди так и впились в его живот.

Она отстранилась и, улыбаясь, посмотрела на него.

— Хорошо же вы приветствуете девушек.

— Стандартная услуга.

— Не надо пошлить, Натан...

И она вновь прижалась к нему. Во время этого поцелуя ее язык раздвинул его зубы и схватился с его языком.

— Эй, я же сказал, что на службе.

— И десяти минуток не найдется?

— А что, есть возможность провести все на такой скорости?

Он ухмыльнулся, а она рассмеялась.

— Лучше уж закуси хлебом, пока рассудок не замутился.

Она взяла Слотера за руку и через холл провела в кухню. Ему нравилось, что все там выкрашено в белый цвет, а запахи такие чистые и такие знакомые.

Но взглянув на кухню, сейчас, он снова засмеялся.

— Был налет бомбардировщиков?

— Не так уж часто я пеку хлеб.

— И слава Богу! Тебе теперь всю ночь убираться.

— Еще бы! Разве вот ты освободишься пораньше и поможешь.

— А в спальне такой же разгром?

Слотер вдыхал запах дрожжей, смотрел на мучной отпечаток пятерни на джинсах. С удовольствием наблюдал за движениями ее руки, когда она резала хлеб и протягивала ему.

— Ты удивительная женщина.

На ее длинных темных волосах виднелись веснушки муки. Он протянул руку, чтобы смахнуть.

— А еще я умею готовить. И шью...

— Это шутовина мне чертовски нравится. Так что я забираю хлеб с собой. Весь этот разгром замечателен.

Он прожевал. Сладкий дрожжевой привкус был изумителен, прелестен. Слотер набил рот до отказа. Потом проглотил.

— Кофе хочешь?

— Можно попробовать, Мардж.

Она повернулась к нему.

— Что-нибудь случилось?

— Да знаешь, этот человек, крадущийся по садам...

— Так он на самом деле...?

Он откусил еще кусочек хлеба.

— Если верить показаниям той женщины, то да. — Прожевал.

— А я-то думала, ты шутишь.

— Кроме того, в баре сегодня заварушка произошла. А еще я обнаружил тело рядом с хайвэем. Наезд. Боюсь и думать о том, что еще может произойти. В Детройте, когда неприятности начинали валиться на головы, вскоре это приобретало скорость катящегося с горы снежного кома и остановить всю эту гадость бывало очень сложно.

— Это все луна.

Слотер нахмурился.

— Возбуждает. Полная луна.

— Не уверен в этом, Мардж.

Когда она сделала кофе, добавила сахар и сливки, Слотер пошел к выходу.

— У меня на это почти не остается времени. Меня еще ждет старый Док Маркл.

— Ну тогда кофе можно и не пить.

Мардж вновь прислонилась к нему, тонкое загорелое лицо оказалось рядом с его глазами, и Слотер почувствовал, как его тело куда-то проваливается.

Ему так нравился исходящий от нее хлебный запах.

6

Оно кралось по ступеням, пробираясь вверх. Свет ослеплял. Одну руку оно подняло, чтобы защитить глаза, второй же цеплялось за поручни, взбираясь все выше. Несмотря на лабораторный халат, тело содрогалось, ему надо было убираться отсюда.

Оно добралось до двери и затаилось, вслушиваясь. С другой стороны ничего не было слышно, и оно завожилось с ручкой. Там, за дверью оказался белый коридор, сильное освещение, и оно застонало.

Голоса: оно замерло. Там, дальше, в самом конце коридора. Оно скользнуло в щель, образованную дверью.

Но эти голоса. Женские. Настолько низкие, едва слышимые, что оно не смогло разобрать, что именно говорят — и взъярилось. Но ему надо было убираться. Увидел дверь в дальнем конце коридора, красную сигнальную лампочку и окно, а за ним — благословенная ночь. Оно едва сдерживалось от ярости. Послышались шаги, скрип резиновых подметок по линолеуму и удаляющиеся звуки.

Голоса замолкли.

Выглянув из дверей, оно увидело женщину в белой одежде и белой же шапочке. Она стояла спиной и, облокотившись на конторку, что-то писала. Такая маленькая. Оно выступило из-за двери, босые ноги холодил гладкий кафель коридора.

«Если она обернется, — думало оно, — хватит ли моей скорости добраться до нее прежде, чем она закричит?»

7

Услышав какой-то звук, она обернулась, но там никого не было.

Что такое? Просто распахнулась дальняя дверь, и какой-то врач вышел покурить. Ей захотелось к нему присоединиться.

И даже знала, к какому именно врачу ей хотелось бы присоединиться.

Она улыбнулась.

Затем она услышала еще один звук, на сей раз от распахивающихся дверей за ее спиной. Посмотрев туда, она увидела приближающегося Слотера. Он кивнул.

— Доктор Маркл пока что не закончил, — сообщила она ему.

— А он не мог подняться к себе в офис, не сообщив вам? Дайте-ка я проверю, вдруг он там ждет...

Слотер прошел мимо, и она посмотрела на него. Он был высок именно так, как это ей нравилось в мужчинах, квадратная челюсть, солиден, чуть больше сорока, а ей всегда

везло на этот возраст. Но зарабатывал он не очень и рушить свои планы с намеченным врачом только из-за развлечения с копом она не собиралась.

И все равно наблюдала за ним, пока он ждал лифта; ей нравилась его коротко стриженная песочного цвета шевелюра, живые глаза. Она рассмотрела его светло-коричневую униформу, ковбойскую, надвинутую на лоб шляпу, ботинки, значок на рубашке. Глаза ее сузились, дойдя до обхватившего талию ремня с кобурой, и когда Слотер обернулся, она ему улыбнулась. Он кивнул. Тут откатились двери лифта, и он вошел.

Какое-то мгновение она раздумывала. А затем вернулась к подготавливаемой карточке больного.

8

Слотер шел по верхнему коридору. В этой части больницы находились кабинеты и, когда он заметил, как из-под двери в офис старика пробивается луч света, то подумал, что Маркл его ждет, но ошибся. Маркл иногда так делал — оставлял свет включенным, даже если не собирался возвращаться. А вообще старик мог на минутку выйти в туалет или еще куда.

Слотер пожал плечами, налил себе чашечку кофе из термоса, сел и пролистал несколько журналов Медицинской ассоциации. Добравшись до самого низа стопки и не найдя в них ни единого знакомого слова, он обнаружил, что, оказывается, выпил чашку кофе. Почти два. Мог ведь и у Мардж остаться подольше, но нет, собирался к ней попозже заехать, ему обязательно нужно было заглянуть сюда.

Что-то уж слишком долго Маркл сидит в туалете — теперь абсолютно ясно, что его там и в помине нет, если только его состояние здоровья даже хуже, чем показалось на первый взгляд. Размышляя об этом, Слотер заглянул в туалет, но увидев, что кабинки пусты, укорил себя за глупость. Очевидную. Просто Маркл еще не закончил свое дело с этим телом в морге. До двух часов он, конечно, не справился, и, устав от ожидания, Слотер двинулся по коридору.

Трупов он не боялся. Лишь неожиданное нагоняет страх и, хотя он не находил вскрытия привлекательными, а все, что после них оставалось — тем более, он никогда не уклонялся от посещений морга по мере надобности. Если к этому

времени у старика уже сложилось какое-то мнение относительно причины смерти, Слотеру хотелось о нем знать и сообщить в участок, чтобы к завтрашнему утреннему разводу все было четко указано в рапорте. И затем, закончив на сегодня дежурство, он мог спокойно возвратиться к Мардж.

Под влиянием импульса, раздраженный медлительностью лифта, Слотер решил спуститься по лестнице: побежал по влажным бетонным ступеням вниз, до первого этажа, а потом и до подвала. Пройдя по коридору, он остановился перед дверью без всякой таблички, а потом вошел в «прихожую». Из прозекторской не доносилось ни звука. Правда, человек, медленно и вдумчиво рассекающий чужую плоть, производит не слишком много шума, потому что не обращает ни на что внимания. Слотер прошел в прозекторскую, но увидел лишь смятую простыню и пустые столы.

Наверное, Маркл все-таки закончил. Но куда тогда, черт побери, он подевался? Он же прекрасно знал, что Слотер будет его ждать. Куда он ушел? Невоспитанным никак нельзя было назвать старого врача. Слотер, стараясь не выйти под конец из себя, уже хотел было помчаться вон, когда пришедшая мысль остановила его, и он, пройдя в следующий зал, закрыл дверь.

Он почувствовал, что справа от него за створкой двери что-то лежит, и повернулся в ту сторону. Мгновение Слотер не мог двинуться. Внутри у него все похолодело. Он поспешно нагнулся, узнав одежду, но надеялся, что когда маска спадет с лица, то откроет совершенно иного человека.

Но это был Маркл.

Лицо его было передернуто и искажено, похоже, от предсмертного ужаса. Выпученные глаза смотрели вверх. Слотер пощупал запястье. Постарался услышать сердцебиение. Потом, промолвив:

— Господи Иисусе, — он выбежал вон.

9

Они смотрели на тело старика, лежащее на столе в пункте неотложной помощи. С шеи и из руки высовывались трубки, возле каталки с инструментами лежали две подушечки электрошока, но ЭКГ ничего не показывала, линия была совершенно прямой, без зигзагов, зуммер гудел ровно. Слотер, повернувшись к Аккуму, спросил дрогнувшим голосом:

— Ничего?

— Врачи сделали все, что было в их силах. Я бы именно так и поступил, будь я на их месте. Он умер прежде, чем вы его нашли.

Слотер вновь обреченно посмотрел на Маркла, на его неподвижное тело... Это перекошенное болью лицо...

— Надо хотя бы глаза ему закрыть.

— Им это следовало сделать уже давным-давно.

Аккум наклонился, чтобы выключить зуммер. Потом прикрыл мертвому веки, и Слотер почувствовал, что снова холодный нож полоснул по внутренностям. Он любил этого старика. Ему будет его не хватать.

— Я чувствую себя ответственным за его смерть.

— Не вижу к тому никаких причин.

— Это я подкинул ему работенку на ночь.

— Это не имеет никакого значения. Ясно было, что он умирает. Все это видели. Он мог умереть от усилия, даже переставляя тарелки на столе.

— Да, я знаю, что он смертельно устал, а гибель жены...

— Нет, признаки были очевидными. Он был тяжело болен, это было ясно с первого взгляда.

— И вы позволяли ему работать?

— А что, по-вашему, я еще мог сделать? Если у подобных людей отнимают работу, они лишь быстрее умирают.

Слотер повернулся и взглянул на Аккума. Высок, как и Слотер. Но тоньше. Всегда в темном костюме, контрастирующем с цветом кожи. Темные, почти черные глаза. Длинные, темные, зачесанные со лба назад волосы. Как медэксперт, он должен был понимать, что и сам здорово смахивает если не на труп, то, по крайней мере, на владельца похоронного бюро. Аккум не придавал большого значения внешнему виду. Он просто хорошо, даже очень хорошо, выполнял свою работу — и все. Он очень редко выходил в город, редко встречался с людьми не по делам службы. Семьи не имел. Это сознательное одиночество вряд ли было здоровой реакцией на действительность. Слотер подумал, что они с ним находятся в сходном положении — оба приехали с Востока, оба пережили кризис. Слотер, правда, никогда Аккуму об этом не рассказывал. Но сочувствовал этому человеку: более того — испытывал к нему дружеские чувства, основанные на преданности его своему делу. И все-таки Аккум спокойно наблюдал, как Маркл постепенно гибнет от порока сердца, и давал ему работать, понимая, что это губит старика.

С другой стороны, имея в большинстве своем, дела с мертвецами, Аккум, видимо, стал своего рода фаталистом, клиническим типом, своеобразным Джеком-Потрошителем.

Слотер не знал наверняка, но не хотел осложнять и без того трудные отношения с Аккумом, осуждая его за то, о чем не имел ни малейшего представления.

Слотер все смотрел на него, и Аккум нахмурился.

— Сердечный приступ, но если вы хотите подробностей, я смогу их выдать часика через два.

— Да нет. Можете не торопиться. Неприятно думать о том, что старика начнут потрошить. Можете заняться им утром.

— А как то дело, которое вы ему поручили?

— Понятия не имею. Маска и шапочка были на нем, а вот халата не было. Видимо, он даже не начинал.

— Это важно?

— Мы считаем, что это наезд. Но мне нужны более веские доказательства.

— Я займусь.

Слотер мог это понять: Аккуму просто необходимо было чем-то себя занять, а работа в этом случае подходила более всего.

— Да, мне кажется, мир не должен остановиться только из-за того, что умер друг. По крайней мере, наша работа не может этого позволить.

— В противном случае мне придется всю оставшуюся ночь не спать и думать о нем.

— Спасибо за то, что зашли.

— Он ведь был и моим другом. Я знаю, что вы с ним были близки, но и мы с ним прятельствовали. Я спешил сюда, думая, что может быть, успею...

Но он не успел, и они снова посмотрели на Маркла. На тело Маркла.

— Бедный старик. Лицо у него...

— Иногда во время сердечных приступов их еще не так корежит. Зато понятно, что он не страдал. Судя по всему, смерть был мгновенной.

— Надеюсь. Так было бы лучше всего.

Слотер протянул руку и дотронулся до тыльной стороны ладони старика. Остывшая мягкая кожа была неживой, но Слотер бездумно сжал его руку, желая ему доброго долгого пути и медленно повернулся лицом к двери.

— Я думаю, что мне лучше немного проехаться.

— Ближе нас у него никого не было. Думаю, что похороны лягут на нас.

— Поговорим об этом утром.

Слотер пошел к дверям, остановился и еще раз, обернувшись, посмотрел на Маркла.

— Увидимся.

Но он сам до конца не понял, к кому относились его слова — к Аккуму или старику, и постарался избавиться от любых мыслей, проходя мимо медсестер дальше — к вертящимся дверям — в ночь — к патрульной машине.

10

Аккум смотрел, как он уходит, затем повернулся к телу Маркла, отдал указания врачам, но сам замешкался. Он постепенно привыкал ко все возрастающей слабости Маркла и только сейчас понял, что уже давно относился к старику, как к умирающему. Аккум не знал, что он чувствует: скорбь или обычную усталость, и это его бесило. Всю свою взрослую жизнь он провел рядом со смертью, и жизнь после этого казалась ему эфемерной, слишком короткой, чтобы в нее можно было верить. И все-таки он медлил. Потом вышел из зала и на лифте спустился в подвал. И тут он осознал, что чувство, испытываемое им, — это глубокая скорбь. И Аккум, несмотря на свои железные нервы и на все усилия держать себя в руках, чуть не расплакался. Он именно поэтому почти не заводил друзей и не женился, чтобы избежать этого чувства. Если не сближаться с людьми, то их смерть тебя и не коснется. Этому он выучился давным-давно, но пришел к пониманию подобной истины нелегким путем.

И вот теперь ему было необходимо заняться делом, поэтому он вошел в «прихожую» и уже собрался было надеть халат, когда ему в голову пришло проверить, все ли готово в прозекторской. Поэтому он вошел в средний зал. Увидел скомканную простыню, открытую дверь в холодильник. Тело, наверное, там, в третьем зале, а старик был уже настолько ослабевшим, что даже дверь в нее закрыть не смог. Старик. Аккум попытался укротить нахлынувшие чувства. Он проверил охладитель. Пусто. Аккум был озадачен: скорбь смешалась с недоумением: куда мог Маркл подевать тело? Может, оно все еще в приемном покое (хотя вряд ли)?

Аккум пересек комнату и взял трубку телефона. Медсестра из приемного покоя тут же ответила.

— Это доктор Аккум. Не так давно шеф Слотер привез труп.

— Да.

— Его нет в морге. Проверьте журнал: куда его дели?

— Но я сама видела, как его спускали на лифте вниз.

— Вы абсолютно уверены?

— И доктор Маркл сопровождал его сам.

— Минутку.

Аккум вышел в коридор, пересек его и вошел в противоположную комнату. На столе лежала куча одежды. Она была аккуратно сложена. На материи явственно виднелась высохшая кровь. Аккум проверил еще несколько залов. Потом подошел обратно к телефону.

— Это снова доктор Аккум. Вам лучше опросить весь персонал, потому что либо у нас ходячий труп с раной или ранами, либо кто-то устраивает плохие шутки.

11

Клиффорд, спотыкаясь, брел по улице, намереваясь срезать дорогу: он было направился совершенно в другую сторону, к своему другу, но потом вспомнил, что тот уже давно уехал из города. Черт, забавно, как это он запомнил... Жена Клиффорда постоянно ворчала, что как только муженек напьется, так домой его никакими силами не заманишь. Вот он сейчас заявится и удивит ее.

И он свернул к выгульным огороженным площадкам и к полю перед ними, по которому и собирался срезать угол, — и тут его ослепила луна. Она вывернула из-за тучи и, сияя своим полным и чистым кругом, ударила Клиффорда по глазам. Он замер и зажмурился; затем поочередно открыл глаза. Нет... нет, он знал, что это все виски. Никогда до этого он не видел такой огромной луны и понимал, что просто под действием алкогольных паров она кажется ему такой невероятно-близкой и ослепительно-светлой. Он начал напевать:

— Этот свет...

И пошел через поле.

— Серебристой луны...

А потом он оступился и начал падать. Клиффорд мягко улегся в чертополох и кустарник, перекатился несколько раз и вновь уставился на луну. Она распухла над его головой, казалось, планета кружится и растет, стараясь приблизиться

к ее наблюдателю, который, путаясь руками и ногами в кустарнике, встает на четвереньки, и только затем выпрямляется в полный рост. Клиффорд накренился набок, раскинул руки для равновесия и вновь зашаркал ногами через поле, ему представлялось, что он движется по натянутому канату. Ветер, казавшийся слабым, стал усиливаться, его шепот звучал в кустах все громче. Клиффорд кожей ощущал магнетизм луны. Он вновь оступился. Упал и куда-то полетел, сильно стукнувшись. Удар настолько ошеломил Клиффорда, что он не смог подняться. Рывина. На расстоянии, на котором больше одного раза было трудно упасть, Клиффорд грохнулся аж дважды и лежал теперь лицом вверх, глядя на взиравшую на него луну. Боль от ушиба слегка притупилась, и Клиффорд вытянул руку, чтобы дотронуться до луны, которая, казалось, был совсем рядом, но это усилие его доконало, и он отключился. Заснул.

Когда он проснулся, луна казалась еще более яркой, хотя она и опустилась слегка. И ветер стих, но его шепот все еще можно было услышать, и тут Клиффорд увидел появившуюся из куста и освещенную лунным светом собаку.

Вот она, вырисовывается на краю, луна за ней, нимб вокруг туловища, а в середине — угольная тьма. Она смотрела на Клиффорда, и он почувствовал ее силу, массивность, более того — физически ощутил ее присутствие.

— Чего?

Он не осозновал, что происходит. Все еще пьяный и тупой со сна, Клиффорд увидел, как она согнулась пополам, а потом вытянулась, оторвавшись от земли. Человек завопил, стараясь увернуться от тяжести, обрушившейся на него со всего размаха. Он почувствовал, что ослеп.

— Только не лицо!

Но собака рвала его на куски, полосовала. Одной щеки уже не было.

— Не лицо! Черт, только не лицо!!!

12

Он проснулся с криком.

— Натан, что с тобой? — спросила Мардж.

Слотер обернулся и посмотрел на лежащую на плече руку. Верхняя часть тела вспотела и ему потребовалось некоторое время, чтобы сообразить, где он находится.

Слотер тряхнул головой.

— Ничего. — Он потер ладонью лицо. — Мне привиделся кошмар.

Он огляделся и постарался успокоиться.

— Ты уверен, что с тобой все в порядке?

Слотер пожал плечами и глубоко вздохнул.

— У тебя давненько не было кошмаров.

— Они возникают, когда на страже никого нет.

Он выполз из-под простыней. На голое тело надел трусы, затем брюки.

— Все то же самое?

Он кивнул.

— Из Детройта?

— Именно.

Ему не хотелось об этом говорить. Он подошел к выключателю и собрался включить свет. Но луна косо светила в комнату, и Слотер подошел к окну, встав под ее лучи.

— Никогда не видел настолько яркой луны.

Повернулся к Мардж.

— Сигаретки не найдется? — спросил он.

Она сидела на постели и ее обнаженные груди нависали над простыней, укрывающей женщину до пояса.

Луна освещала ее, как прожектор.

— Что, так худо?

Они почти никогда не курили, но всегда держали пачку наготове, на всякий случай. Слотер, думая о старике, вспоминал также и то первое дело, которым они вместе с Марклом занимались, — это была стреляная рана, сделанная, как оказалось, самоубийцей. Этим самоубийцей был муж Мардж. Тогда они встретились впервые и за последующие годы нашли друг в друге успокаивающих и нежных любовников. И хотя он постепенно к ней привыкал, периодически приезжали и уезжали его дети, одиночество захватывало Слотера целиком и полностью, и Мардж всегда понимала, что не имеет никакого права его в чем бы то ни было обвинять. Он был с ней только тогда, когда нуждался в поддержке, и она была счастлива тем, что отдавала ему. В конце концов они оба страдали от кошмаров.

Не ожидая ответа на заданный вопрос, Мардж покопалась в ночном столике.

— Парочка осталась.

— Годичной давности. Выбирать нечего.

Она кинула ему почти пустую пачку.

Слотер поблагодарил, зажег сигарету и устался в окно. На луну.

— Ты должен получить квалифицированную психиатрическую помощь.

— Я просто очень переживаю из-за старика. Знаешь, вот так прийти в морг и обнаружить его там...

— Как тогда двое парней в бакалее?

Ей и это было известно. Но кроме этого он ей ничего не рассказывал.

— Не совсем... Знаешь, просто смерть...

И он затаился. Дым был затхлый, безвкусный, как от прелых листьев. Голова казалась легкой и какой-то распухшей.

— С этим я ничего не могу поделать.

— С чем? Со сном? Или смертью старика?

— И с тем и с другим.

Он повернулся к ней.

— У тебя нет предчувствия, что что-то должно произойти?

Она смотрела на Слотера в упор.

— Когда умер мой муж... перед этим, я имею в виду...

— Вот именно.

И он вновь повернулся к окну, выходящему на сад, находящийся позади дома. И увидел, как что-то крадется среди кустов. Едва не ползет.

13

Оно замерзало. Куда бы оно не свернуло, сияли яркие огни, или луна начинала безжалостно бить в лицо. Подняв руку, оно юркнуло в переулок. Потом запрокинуло голову и издало мяукающий вой, потому что везде, куда бы оно ни тыкалось, везде был бетон, белые, расчерчивающие бетон полосы, лампы высоко на столбах и ряды зданий. Оно приближалось к ним, спотыкаясь, пошатываясь, белый лабораторный халат трепыхался и бил по голым ногам. Мимо проползла вывеска, на которой большими квадратными буквами было выведено ЗАПАДНАЯ АЛЛЕЯ, и вот оно добралось до окон. Посуда, лампы, диваны, столы. Оно зарычало и, отшатнувшись, двинулось, спотыкаясь, дальше. Книжки и пластинки. Пузырьки с аспирином. Все эти вещи оно хорошо помнило, но босые ноги стыли на бетоне, оно дергалось, тряслось на сыром холодном воздухе. Начиная наползать

туман и все, о чем оно могло мечтать, — это спасительная глушь темного ночного леса, но увидев, на что оно смотрит, оно встрепенулось. В следующем окне были выставлены куртки, рубашки и джинсы. Ему не было нужды защищать себя. Подняв локоть, оно вломилось в витрину. Хлынуло стекло. Затрещал звонок тревоги, и оно, подняв кулак, стало выбивать оставшееся стекло. Потом зарычало и вошло внутрь. Тепло. Куртка. Лес. Когда из ног выступила кровь, оно лишь зарычало и сграбастало несколько курток.

14

Три наезда в нетрезвом состоянии, два вооруженных нападения.

Ограбление магазина одежды.

Пропавший человек.

И другие происшествия. Слотер просмотрел список ночных правонарушений. За все пять лет, что он работал здесь шефом полиции, ему ни разу не доводилось видеть подобного перечня. Темные личности, лающие псы, украденные машины, драки и семейные ссоры. В Багдаде все спокойно... Это если не считать инцидента с Уилли, наезда, который он лично обнаружил и какого-то незнакомца, которого он видел из окна Марджиной спальни.

И еще старик. «Не смей забывать, что умер твой друг». Нет. Этого он забыть не мог.

«Сосредоточься на том, что делаешь».

Слотер стоял на пороге офиса. Он вышел.

— Видела, Мардж?

Она повернулась к нему, оторвавшись от работы. Ее стол находился у самой двери. Здесь она работала, когда еще был жив старый начальник полиции. После смерти мужа ей понадобилась работа, и Слотер устроил ее на полный рабочий день в участок. Он прекрасно понимал, что в крошечном городишке слухи распространяются мгновенно и все догадываются, что они спят вместе, но сделал, как и она, разделил работу и отдых, и народ стал говорить, что они с честью вышли из положения. Все дело в том, что ее назначение на пост не было протекцией. Просто Мардж чертовски здорово справлялась с работой, а это в принципе было все, что от нее требовалось.

Мардж кивнула, она была теперь очень к месту одета в выцветшие голубые джинсы.

— Черт, да такой сводки я не видел аж с тех самых пор, как прикатил из Детройта. Что здесь происходит?

— Не знаю. Но звонки продолжают поступать.

— Если все и дальше будет так продолжаться, то сегодня придется работать две смены.

— Я уже позвонила всем ребятам, у кого сегодня выходной. Они скоро выйдут снова.

Именно это он и имел в виду. Она очень хорошо выполняла свою работу.

— Судебный медэксперт звонил.

— Я с ним свяжусь попозже.

Слотер знал, чего хотел Аккум. Он расскажет ему, что показало вскрытие Маркла, но Слотеру этого вовсе не хотелось слышать. Он бродил ночью в поисках мародера, которого засек из окна Марджи. А до этого очень плохо спал. А уж после поисков вообще не смог заснуть. Поэтому не хотел ничего слышать об организации похорон. Этот следующий шаг был настолько тягостным, что думать о нем не было никаких сил.

— Тебе лучше послушать.

Мардж показала на стоящий перед ней радиопередатчик. Как-то она странно смотрела на Слотера. Он нахмурился и стал слушать.

Вместе с ними в этой комнате сидели также двое полицейских, перепечатававших рапорты: они тоже уставились на приемник.

Нет, не может быть, он ослышался.

Слотер наклонился к верхнему микрофону — утреннее солнце засверкало в восточных окнах.

— Это Слотер, Аккум.

— Я насчет того труп, что вы привезли в начале ночи.

— Что с ним такое?

— Я все везде осмотрел. И если я что-нибудь понимаю, то его кто-то украл.

15

Она звала себя Фиби, по крайней мере, на этой неделе, и сейчас она скорчилась в углу купе, смотря на измученного мужчину, спавшего на нижнем диване. Он назвался Данло-

пом — Гордоном Данлопом, но так как она сама меняла имена чаще, чем перчатки, то верить своему попутчику у нее не было ни малейшего основания. И желания. Фиби видела, что его преследуют призраки, и хотя ей было страшно, она чувствовала себя обязанной остаться с ним, не из сострадания, но словно кролик, замороженный готовящейся кинуться на него змеей, чувствуя холодок какого-то неземного ужаса. И к тому же: если она соберется сейчас и уйдет отсюда, то все равно не сможет слезть с мчащегося поезда. А он-то... проснется, станет искать ее, рыскать по вагонам. Нет уж, лучше такого не провоцировать.

«Спокойнее, — говорила она себе. — Контролируй события. Скоро будет остановка».

Она увидела его сразу, как только поезд выехал из Чикаго. Вагон-ресторан открылся, и она ушла со своего места, чтобы посидеть у стойки, он расположился в одиночестве у окна. Курил и поглядывал в стакан — с чем? По виду напоминало скоч или бурбон. Несмотря на то, что пригороды большого города постепенно сменились деревенским пейзажем, мужчина все так же упорно не глядел в окно и, понаблюдав за ним минут десять, она, наконец, взяла своей стакан с вином и подошла к его столику.

— Не возражаете, если я присяду?

Поначалу ей показалось, что он ее просто не расслышал, но вот прошла секунда, и мужчина медленно поднял взгляд, рассматривая ее.

Он не отрывал глаз, но ей было плевать. На самом деле она к этому привыкла, даже жаждала подобных взглядов: ей нравилось, как глаза мужчины вбирали ее в себя, прокатывались сверху донизу и пригласительно прикрывались.

Но этот же лишь внимательно смотрел ей в глаза и будто пронзил их насквозь и прошел куда-то вглубь.

Потом кивнул на пустое сиденье.

Она нахмурилась, но, ничего не сказав, села. Фиби не понимала, зачем вообще подошла. Может, отчасти от скуки, отчасти потому, что чувствовала себя одинокой. Но по большому счету, как ей казалось, из любопытства. Она давным-давно перестала клеить симпатичных мужиков, тех, которые ей самой нравились, но этот был что-то потрясающее — седоватые волосы, хотя ему явно было не больше сорока, стальные глаза, широкие лоб и скулы. Он носил деловой костюм, шикарный галстук, белую рубашку, отлично начищенные ботинки. Но хотя он и выглядел преуспевающим,

и костюм его был отменно отглажен, рубашка — без единой складочки, щеки классно выбриты, а волосы аккуратно причесаны, что-то в его виде было не то, словно костюму — шесть лет со дня покупки, да к тому же он единственный, а сам мужчина старается держаться с видимым трудом, не давая себе развалиться на куски.

Гордон Данлоп. Едет в Сиэтл. Не сам признался, а лишь ответил, когда она спросила. Фиби, привыкшая к легким признаниям после того, как первый шаг с ее стороны бывал сделан, была поражена: и, может быть, именно из-за этого она и осталась с ним, этот мужчина сильно отличался от всех остальных, он был для нее своеобразной проверкой. Фиби чувствовала, что если она будет молчать, этот человек так и станет сидеть, не произнося ни звука, уставясь в свой стакан, а ее присутствие рядом считать чем-то само собой разумеющимся.

Почему же он не летит? Потому что есть время. Спешить некуда. То, что его ждет — никуда не убежит.

А что его ждет? Он не ответил.

Она лично ехала в Сан-Вэлли.

Он кивнул.

У нее там друзья.

Он снова кивнул.

Летать она ненавидит. Самолеты приводят ее в ужас.

Он пожал плечами и заказал следующую выпивку и еще стакан вина для нее.

— Если хотите, я могу пересесть.

— Нет, все в порядке. Я люблю компанию.

— Но никак это не показываете.

— Я вообще никогда ничего не показываю.

Парировал удар и ушел в защиту. Надо было тогда же уйти... но ее купе было пусто. И в баре никого, кроме Данлопа, не было. Выбора не оставалось.

Пропустив по три стакана, они пошли к нему в купе. Она была вынуждена просто попросить его об этом. А у него в купе оказалась бутыл. Бурбон, как и в баре. Перескочив с вина на более крепкую выпивку, Фиби помогла ему прикончить полбутылки. При этом они трахались и трахались, не переставая. Ей казалось, что с ним секс будет чем-то механическим, простым отправлением половых потребностей, однако парень вонзился в нее с каким-то безумным отчаянием, словно старался с помощью траха остаться здесь, чтобы его не унес мощный поток событий. Кончая, он рыдал, словно

от боли. Удовлетворения это не приносило, и он брал ее снова и снова. Они выпили и вторую половину бутылки. Он стал рыться в чемодане, показалось горлышко следующей фляги. И они снова стали пить. Поезд въехал в Южную Дакоту. Совсем стемнело.

Вот тогда все началось. Добрав свою дозу, он разговаривал, но не выпалил все разом. Для откровений было необходимо горячее. Чем он больше пил, тем больше вылезало из него слов, наконец, они полились ровным потоком — он разглагольствовал, подробно растолковывал. Он стал своей прямой противоположностью и поведал, что едет в Сиэтл, в клинику, чтобы лечиться от алкоголизма. Что недавно с ним произошел нервный срыв, а заодно сорвалась и жена (она смотрела, но кольца на пальце не увидела), что срывы произошли и в других жизненных областях, что он бывшая звезда фотожурналистики (и тогда она поняла, зачем ему магнитофон и фотокамера), работавшего на «Лайф», «Лук» и «Пост». Но теперь таких журналов больше не существует.

— Да нет, я видела их в ларьках, — сообщила ему Фиби. — «Лайф» встал из гроба.

Но он жутко, истерически расхохотался, и вот тогда она впервые за все время испугалась.

— Черт, да я теперь на «Роллинг Стоун» работаю...

Ну это-то название ей, разумеется, было известно.

— Что-то не видала там твоей фамилии.

— И не могла видеть. После всего... Я работал под псевдонимом. Джеффри Клинкер.

— О! — Он мог прямо заявить, что сумасшедший. Фиби тут же замкнулась, выставила вперед щупальца. Она прекрасно знала его статьи: перекореженные, маниакальные, на грани безумия. Фиби была беспомощна. Его глаза, как две руки, держали ее за горло. Она думала: «Тебе двадцать три, бродяжка, никому не нужна. Ты любишь охотиться за мужчинами, и сегодня ночью попался, наконец, не тот человек, он тебя прикончит».

Но он ее не убил. Чокнутое бормотание превратилось в отдельные всхлипы. Под размеренный перестук колес Данлоп закрыл глаза. И отключился.

Но девушка не двигалась, боясь, что разбудит его.

А через час он заорал и, выскользнув из постели, скорчился, защищаясь.

Открыв глаза, он уставился на Фиби.

— Ты их видела?

— Кого?

— Оленьи рога?

Она покачала головой.

— И еще что-то...

— Что?

Он не мог сказать ей, да и не хотел. Совершенно потный, он снова забрался на постель.

— Рога, — повторил он в недоумении и испуге. Нахмурившись, Данлоп покачал головой. — Оленьи рога. Они... Черт побери. О, Господи, прости.

И столько всего прозвучало в этих словах, но девушка ничего не поняла.

Он повернулся к ней.

— Слушай, прости ради Бога.

— Что? Ты что, обращался ко мне?

— Этот сон уже случался. Он... В общем ничего. Извини. Я тебя напугал?

— Да.

— Я себя напугал. Поэтому я и еду в Сиэтл.

Он пристально смотрел на нее. Она бездумно протянула руку и взяла его ладонь. Не понимая, зачем и почему она это сделала. Но этот жест успокоил Данлопа. Видимо, именно этого он и дожидался. Она держала его, и через некоторое время он заснул. Фиби смотрела, как его колени вначале поднялись вверх, затем опустились вниз и тогда выползла и забилась в этом углу. Она смотрела в окно, наблюдая за восходом солнца, и наконец, увидела горы.

Они неясно вырисовывались и казались огромными. Поезд понесся вверх, добрался до линии снегов, и ледяные вершины оказались настолько близки, что Фиби просто физически ощутила потребность там походить. Посмотрев в сторону Данлопа, она увидела, что он, моргая, смотрит на нее.

— Я видел сны?

— Ты не помнишь?

— Нет.

— У тебя был кошмар.

Он, похоже, сделал для себя какой-то выбор.

— Где мы находимся?

— В горах.

— Это я вижу. Но где именно? В каком штате?

— В Вайоминге.

Он продолжал молча смотреть на нее.

Поезд шел теперь вниз. Фиби выглянула, увидела долину, горы вокруг и город посередине.

Она думала. Если поезд остановится, она сойдет.

Данлоп выкарабкался из постели. Умылся и побрился. Оделся, и она, глядя на него, поняла, насколько оказалась права. Усилие.

А поезд шел по пригороду. Замедлил ход — город раскинулся перед ним, проплыла мимо надпись — ПОТТЕРЗ ФИЛД. И поезд еще больше замедлил ход.

Фиби потянулась за чемоданом, и тут Данлоп сказал:

— Я выхожу здесь.

— А как же Сиэттл?

— Никак. Что-то здесь есть... В общем выхожу.

Она смотрела, как он берет чемодан, магнитофон и камеру.

— Вот мой билет. Можешь остаться в купе.

Он вышел. Она пошла за ним по коридору — окна на другой стороне выходили на древнюю станцию и не менее древний вокзал. Через вторую дверь они вышли на платформу.

Поезд почти остановился, и Данлоп повернулся к Фиби.

— Слушай, я... А, ладно, увидимся.

Он наклонился. Ее щека. Он ее поцеловал.

Они улыбнулись друг другу, и он толкнул дверь тамбура. Его чемодан, магнитофон и фотокамера были крепко прижаты к груди, когда он шагнул на гравий, которым была выложена вокзальная платформа, Фиби смотрела, как он исчезает за углом. Она улыбнулась, правда, слегка угрюмо. И теперь хмурилась совершенно открыто, продолжая смотреть на этот злосчастный угол, за которым он так деловито скрылся, словно уже бывал здесь.

16

Город почти не изменился. Конечно, тогда была зима, улицы были засыпаны снегом, дул холодный ветер, понижая температуру до шестидесяти ниже нуля. Но его глаз все также остер, и он хорошо помнил, как сошел тогда с поезда и завернул за этот вот угол. Через квартал показалась — как он и предполагал — главная улица с аккуратными двухэтажными домами, покрашенными в белый цвет и шурящих на солнце, — сияют. Улица была широкая, — и он

это помнил, — след давнишних оленьих троп. Тут же показались плакаты, зазывающие на родео, сельскохозяйственные и всякие коровьи выставки, магазины с вычурной ковбойской одеждой, кабаки с названиями типа «Конец Тропы», «Пограничный Столб». Да, он помнил Поттерз Филд, все верно. Это было последнее место, в котором он чувствовал себя здоровым.

Поттерз Филд. Он думал о зиме и тех фотографиях, что он здесь сделал, последних, после чего его уведомили, что «Лайф» заканчивает свое существование. Одни из лучших его работ, да здесь никто бы лучше и не сделал, хотя работало в то время немало и талантливых журналистов. Но Данлоп не понимал, что он теперь здесь делает. Ведь ему было нужно в Сиэтл. Нет, правда... Он это обещал самому себе. Конечно, он нарушал огромное количество различных обещаний, но на сей раз он решил твердо. Он пошел к Джеки, рассказал ей о своих планах, но она заявила, что он чокнулся, и это, принимая во внимание его сегодняшнее поведение, наверное, было правдой. А ведь он даже сумел убедить ее в том, что если ему удастся вылечиться от запоев, то они попытаются наладить свою жизнь.

Так почему же, черт побери, он сошел здесь с поезда? Ведь смысла в этом не было никакого.

Он шел к зданию суда, руки оттягивал чемодан и остальные вещи, тело немело от вчерашней выпивки. И хотя лето еще не вступило в Поттерз Филд, жара угнетала, давила. Глаза болели. Данлоп, прищурясь, поглядел на горы, потея, и чем дальше он шел, тем сильнее липла к его телу рубашка. А затем и костюм стал терять форму, и он знал, проходя мимо витрин магазинов, что выглядит ровно настолько, насколько себя чувствует. А чувствовал он себя совершенно больным. Данлоп подумал, что если бы он сошел, чтобы просто пропустить стаканчик, тогда, может быть, нашлось бы какое-нибудь удобоваримое объяснение его поведению, но ведь он сошел совсем не поэтому — стаканчик он прекрасно мог и в поезде пропустить. Нет, дело было в другом, и это его озадачивало. Тут он взглянул на другую сторону улицы и сквозь уличное движение увидел здание, на котором большими квадратными буквами было выведено «Поттерз Филд Газетт», и понял, куда направлялся.

Данлоп пробирался сквозь пикапчики, грузовички, ржавые «форды» и всякую прочую нечисть к сияющему стеклянному фронтому и к ступеням с имитацией «под мрамор».

И думал о человеке, которого увидит внутри, если он до сих пор там работает, — мужчине, вес которого кажется неимоверным, пока он не начнет двигаться. Ему под пятьдесят, и там он на своем месте, он на своем посту уже долгие годы и распоряжается своей властью с умом, которому бы позавидовали многие сенаторы и конгрессмены, потому что этот мужчина мог оказаться очень, очень опасным, — если он все еще там.

Звали его Парсонз.

17

— Мы встречались в декабре. Семьдесят первого.

— Да, что тогда произошло, помню. Но вас — нет.

— Я делал репортаж о том событии.

— Да? И все-таки не понимаю.

— Я приехал, чтобы написать продолжение.

И Данлоп подумал, что, вполне возможно, это на самом деле истинная причина, по которой он приехал сюда.

— Но кому это сейчас будет интересно?

— Тела, болезнь... Что произошло с остальными?

Парсонз откинулся в кресле и прищурился на Данлопа из-за необъятных щек.

— Теперь дошло. Ничего, если я буду откровенен?

— На это я и надеюсь.

«На что ты там еще надеешься?»

— Вы хотите снова начать все сначала. Вытащить на свет всю хреновину.

— Хреновину?

— Ни для кого не секрет, что люди во всем винят нас. Но, черт побери, не наша вина, что лунатики решили покорить горы. Если кто-то погиб, это не наша проблема. Но люди-то, обыкновенные люди, что думают? Те, которые там, в городе? Отверженные? Они осели тут и продолжают мутить воду.

— Но я не для этого приехал.

— Для чего же тогда?

Данлопу самому бы хотелось узнать, для чего.

— Итак, это произошло. Кто может сказать, кого следует за все винить? Вы правы. Они должны были знать, что не смогут выжить в горах.

Все эти замерзшие тела, раскиданные по заснеженным лесам и склонам, когда люди двинулись в долину, чтобы позвать на помощь, их руки и ноги отъедены волками и койотами, бараки, как из фильма ужасов о концентрационном лагере: детишки воют, голодные, а взрослые с гниющими, отмороженными подошвами зажимают носы и уши. Данлопа передернуло.

— Что же вам тогда нужно?

— Вот это и нужно. Есть современная ферма Брука, понятно? Есть богач, Куиллер. У него некие идеалы. Ему кажется, что он типа трансценденталиста. Отвергает земные ценности. Он привел сюда свой караван, основал здесь свой лагерь и объявил, что собирается жить здесь в согласии с природой.

— Проклятые уроды с высшим образованием.

— Не все.

— Не имеет значения. Черт, они считают себя такими, понимаешь, умниками. А не знали того, что каждый здешний шестилеток понимает на подсознательном уровне. Хочешь покорить природу? А она тебя убьет.

— Вот об этом и будет мой репортаж, — осенило Данлопа. — Потому что продолжения никто не писал. О том, как они получили урок. И что же случилось с ними дальше. А кстати — что?

— Здесь больше ни одного не осталось.

— Что?

— Они дотянули до весны. Один мальчишка с фермы решил к ним присоединиться. Когда об этом узнал его отец, он побежал в горы, чтобы привести сына обратно домой. Увидев, что там происходит, он слегка чокнулся, взял ружье и пристрелил парня. Нет, больше там никого нет.

Данлоп, не мигая, смотрел на него.

18

Двое мальчишек мчались по пустырю. Они весь день проторчали в школе, но знали, что сегодня пятница, а завтра будут мультики, а через две недели начнутся летние каникулы. Они смеялись, радостные еще и потому, что дома им дадут по куску пирога, а потом они смогут поиграть в бейс-

бол. Мяч и перчатки они притащили из школы, и теперь один бежал впереди, а другой за ним, и они перекидывали мяч друг другу.

Тот мальчишка, что был впереди, в очередной раз бросил мяч назад и пробежал еще несколько футов, прежде чем поймать его снова.

— Повыше сейчас, — закричал он и, повернувшись, вытаращил глаза.

Тупо сморгнул и уставился на тело в вымоине.

На кровь, на то, что осталось от лица. А потом заорал от ужаса...

19

Оно спало.

Ко времени восхода солнца оно добрело до этой окраины города, но, увидев солнце и ослепленное его сиянием, закорчилось и заметалось в поисках хоть какого-нибудь убежища, защиты. Оно находилось возле дороги, машина проехала мимо, и оно поднесло руки к глазам, отступило в высокую траву и стало отползать к канаве. Потом увидело туннель, проходящий под дорогой. Оно поползло ко входу, подвывая, ноющим голосом, задыхаясь.

Солнце скрылось.

Внутри было безопасно, лишь светлели оба конца трубы, но в узком пространстве, мокром, грязном, забитом паутиной было хорошо. Боль стала отступать. Через секунду оно уже заснуло и ему приснилась недавняя жизнь в горах, где стояла его палатка.

Когда ему понадобилась еда, он спустился вниз и пошел к городу.

Всего два дня назад.

Такой короткий срок... А все изменилось.

20

Слотер включил сирену и фонарь. Взвизгнув шинами, он вырвался с парковки, находящейся за полицейским участком, поехал по главной улице к перекрестку, за которым находился пустырь перед выгонами. Он старался себя контролировать. В желудке бушевал пожар, сердце было готово вырваться

из груди. Аккум так и не отыскал тело. Похоронщик приходил в участок. Насчет Маркла. Поступали сообщения, люди звонили, не переставая, — вандалы, забавлявшиеся вчера ночью, разбитые стекла, да еще и олень каким-то образом пробрался в город, где в неистовстве начал буйствовать. Слотер не знал, что начать раскручивать в первую очередь, но когда поступило последнее сообщение, он больше не сомневался, а сразу же кинулся к автомобилю. Он завернул за угол.

21

Данлоп смотрел, как полицейская машина с включенной сиреной свернула за угол и помчалась к центру города. Он обратил внимание на большого человека за рулем, нахмурился, подумав, что узнал его, но этого просто не могло быть. На дверях машины было выведено «Начальник полиции», но он встречался с местным шефом, когда приезжал, а тот, что за рулем был из какого-то другого воспоминания. «Все равно этого шофера, — думал Данлоп, — я уже точно где-то видел».

Он двинулся по тротуару к полицейскому участку.

«Но это же безумие», — думал он. Он только что вынырнул из газетного морга...

Зачем? Что он здесь делает?

Он понемногу посасывал виски из бутылки, валявшейся в его чемодане, пока читал и курил. Микрофильм был о Куллере и лагере. В затемненной комнате в подвальном этаже, где единственным источником света был проектор, он испугался, почувствовав, что ночной кошмар возвращается и увидел снова оленьи рога и ту, другую штуку. Он никогда не замечал ее днем, во время бодрствования. Он ощущал, как она горбится где-то над ним, и, чтобы отвлечься, стал пить и читать. «Вот что ты получил взамен насекомых и розовых слонов, приятель. У тебя точно БГ — Белая Горячка. Лучше бы тебе было все же отправиться в Сизэтл».

Он не понимал странного порыва, заставившего его сойти на этой станции. Может быть, все дело в воспоминаниях о том, что здесь он был на вершине, а с тех самых пор упорно продолжает скатываться все ниже и ниже? Может быть, он рассчитывает на некое безумное возрождение, пытаясь отыскать свой талант там, где в последний раз его оставил?

Последнюю свою классную работу он провел именно здесь, но ведь так и не увидел ее напечатанной. «Лайф», стараясь до конца экономить денежки, печатала его предыдущие работы, а потом сгорела к чертям, и этот рынок сбыта для Данлопа закрылся раз и навсегда, но он попрошайничал и тянул деньги из кого только мог, а затем ликвидировались и остальные рынки, и он начал разваливаться на части. Для человека его типа, для которого весь смысл жизни заключался в работе, утешение могло отыскаться лишь в бутылке.

Но — хватит. Данлоп прекрасно знал, что ему ни за что не добраться до Сиэттла. Если бы его охватило безумие, он бы ему поддался и убил бы и себя и эту девочку — Фиби. Выбора не оставалось. Он должен был сойти и остаться здесь. «Лайф» снова жив и, может быть, ему удастся продолжить с той строки, где он сам закончил фразу несколько лет назад. И хотя он и так все великолепно помнил, но все-таки заново просмотрел микрофильм — на всякий случай. Потому что... Было там нечто, не дававшее ему покоя. Он вспомнил караван машин, длинную вереницу ржавых пикапов, фургонов и автобусов, перед которыми ехал куиллеровский красный «корвет», когда они выехали из Сити-Холл Сан-Франциско. Четвертого Июля. День Независимости. Исход. Он прочитал о тысяче людей, которых Куиллер выселил из лагеря, о бедах, постигших город, о битве в парке, о полиции штата, об автобусах, пригнанных, чтобы забрать всех скитальцев. Еще разок вспомнил о том, как горожане решили не давать и не продавать людям Куиллера пищу и одежду, и они стали погибать от голода и мороза. А затем статьи о лагере перестали появляться. Однако на этом все не закончилось: в июне произошло убийство.

И было еще одно происшествие: оно случилось в ранние дни и, наверное, поэтому ускользнуло от внимания Данлопа, а, может быть, он просто о нем запомнил. После того как караван прибыл в горы, Куиллер приказал отвезти и продать все грузовики, фургоны и пикапы, и это было логично, — люди прибыли сюда соединиться с природой, им не понадобились бы средства передвижения, но в актах продажи не оказалось красного «корвета», на котором ехал в авангарде группы сам Куиллер. Данлоп просмотрел весь микрофильм до конца. Красный «корвет», классический об-

разец 1969-го года, мог представлять определенный интерес, но упоминания о нем нигде не оказалось. Что же с ним произошло?

Данлоп шел по тротуару к участку. Слева показался приземистый, с огромным количеством колонн куб здания суда. А прямо перед ним виднелось двухэтажное кирпичное здание полиции, которое он прекрасно помнил еще с тех пор, со времени своего последнего посещения. Гордон оглядел сочную, отлично ухоженную зелень газонов по обе стороны подъездной дорожки. Трава была здесь такой яркой из-за падающей от деревьев тени, солнце не могло пробиться сквозь листву и спалить газон. Он вспомнил коричневатую травку на окраине и мчащийся с включенной сиреной полицейский автомобиль. Интересно, какое происшествие могло поднять по тревоге шефа полиции? Может, какой-нибудь несчастный случай? Что-то страшное, судя по всему, час пик, и все такое. Гордон добрался до ступенек, ведущих к входу, кирпичных, как и портик, и стены — старой, потемневшей и с огромным количеством щербин. Он вошел в дверь и обнаружил две лестницы, — одна вела в подвал, а вторая — наверх, в некое подобие холла — широкого, высокого и просторного, украшенного горшками, в которых росла древообразная зелень, — и везде двери, двери. Двери из хорошего потемневшего дерева. Зал производит довольно приятное впечатление своей стариной. Направо виднелась приоткрытая дверь, а на ней — табличка: «Шеф полиции Натан Слотер». Теперь сомнений не осталось: он, действительно, узнал того парня в полицейском автомобиле. Но что, черт побери, здесь делал Слотер?

Гордон двинулся быстрее. Внутри его встретили покрашенные в светлые тона стены, широкие окна и огромное количество ламп по всему потолку. Справа сидела высокая худощавая темноволосая женщина, рядом с которой стояло громоздкое радио. Точнее полицейский передатчик. Женщина была очень привлекательна, поначалу она Данлопа просто не заметила, потому что напряженно вслушивалась в голос, несущийся из динамика. Но голос сразу же смолк, она повернулась и посмотрела на Гордона.

— Да, слушаю вас.

Гордон оглядел пустую комнату.

— Я ищу начальника.

— Простите, но сейчас его нет на месте. — Она еще раз взглянула на громкоговоритель, но Данлоп не понял, что это, грубость или же обыкновенная рассеянность.

— Меня зовут Гордон Данлоп.

— Вы писатель. Из Нью-Йорка.

— Верно. — Он нахмурился. Несмотря на доверительный разговор, Парсонз обхитрил его и обзвонил всех, кого смог, чтобы предупредить о визите репортера из Нью-Йорка. Чтобы не было беды. Но какой беды? Этого Данлоп не понимал. — Вы не знаете, когда шеф вернется?

— После пяти. Вечером обязательно появится... Самое позднее — утром.

— Я знал его еще в Детройте.

Данлоп так и не понял, почему эта фраза оказалась для женщины столь важной. Она быстро взглянула ему в глаза, нахмурилась, но тут стал потрескивать приемник. Они наострили уши.

22

— Черт, он совершенно мертв! — раздался голос, пробивающийся сквозь помехи. — Боже, да у него же нет...

23

Слотер резко затормозил. Он выскочил из машины и принялся надевать шляпу даже раньше, чем успел выключить мотор. Сирена утихла. Направо он увидел их, стоящих полукругом в центре поля и смотрящих вниз в какую-то яму — несколько ребят из его подразделения, горожан, среди которых выделялся Аккум.

Натан вышел на обочину и пошел по жесткой коричневой траве. «Тебе нужно держать себя в руках», — говорил он себе. И опять не труп он боялся, хотя смотреть на то, что осталось от человека, особой радости нет, а что-то другое, не совсем понятное ему самому, и Слотер переключил внимание на виднеющиеся слева выгоны, уловив запах животных испражнений, кучами валяющихся по земле, — к этому он до сих пор привыкнуть не мог. Коровы толклись в загонах,

здесь их кормили, а затем отправляли в города. Об этом и старался думать Слотер, подходя к яме. Никто не проронил ни слова.

— Боже милосердный, — вырвалось у Натана. Он отвернулся, а затем заставил себя снова посмотреть в вымоину. — Вы уверены, что это именно он?

Справа от него кто-то кивнул. Слотер взглянул на пельно-блондинистого полицейского, Реттига.

— Вот, его бумажник.

Слотер раскрыл его и прочитал имя на водительском удостоверении: «Клиффорд, Роберт Б.» Все верно, это был он, если, конечно, кто-нибудь другой под него не замаскировался.

Имя Клиффорда стояло в списке происшествий и ночных звонков. Его жена звонила несколько раз и, рыдая, объявляла, что пропал муж; она была напугана и считала, что с ним что-то случилось, хотя он отправился всего лишь немного выпить с друзьями.

И на этот раз, черт побери, ее страхи подтвердились.

Слотер специально стал проверять водительские права, потому что едва мог смотреть на распростертое в яме тело. Глаза, губы, щеки, подбородок и лоб — все было разодрано в клочья. Виднелись кусочки подбородка, сквозь месиво проглядывала скула, вместо глаз зияли пустые кровавые глазницы, но больше всего поражали зубы: они голо сияли, не подкрепленные плотью — белые на фоне темной окровавленной перекореженной массы, бывшей когда-то лицом.

Чувствуя, как тошнота подступает к горлу, он опять отвернулся.

— Ну, ладно. Что произошло?

Реттиг подошел на несколько шагов.

— Вчера вечером он пил в кабаке, что стоит там, на углу.

Слотер взглянул туда, это был «Паровоз». Рабочие со скотного двора обычно обедали там, а после работы выпивали. Он кивнул.

— Подпил парень довольно сильно. Сидел до самого закрытия и выдрючивался, потому что обслуживать его не хотели. А потом ушел.

— Сидел один?

Реттиг кивнул.

— После того, как он вышел, его больше никто не видел?

— Пока свидетелей не отыскилось.

Слотер старался сдерживаться, и хотя бы выглядеть так, будто держит себя в руках. Взглянув в бумажник, он стал проверять содержимое.

— Две пятерки и доллар. По крайней мере понятно, что его не ограбили. — Подумав, Натан повернулся к Аккуму. — Теперь ваша очередь. Каковы ваши предположения?

— Не могу ничего сказать, пока не разложу его на столе.

— Да все и так ясно, — сказал стоящий рядом человек.

Слотер резко повернулся в его сторону. Он увидел молоденького полицейского с рыжими волосами, с трудом смотрящего в яму. Звали его Хэммел. Слотер несколько месяцев назад с ним беседовал и решил, что настала пора его поучить.

— Нет, ничего не ясно. Это могло случиться тремя различными способами. Первый: когда его начали рвать на куски, он был уже мертв. Второй: он упал без сознания, и тогда все и произошло. Третий: он шел и на него напали. Итак: если он уже был мертв, то необходимо узнать, кто его убил. Кто-нибудь мог перерезать ему глотку, а животное, учуяв запах крови, стало рвать его на части. — Натан, не отрываясь, смотрел на молодого полицейского, который всю краснел, моргал и переводил взгляд справа-налево. Слотер понял, что устыдил его и что больше наседать не следует, но, к сожалению, почувствовал, что остановиться не в силах. — Может быть, вы не уяснили себе, что между убийством и нападением собаки существует значительная разница. Если винить нужно именно это животное.

И Слотер опять повернулся к Аккуму.

— Как по-вашему, кто это мог сделать?

— Не знаю. Необходимо сделать тщательные промеры разрывов тканей. Как вы видите, следов когтей на теле нет. Значит, особь из отряда кошачьих исключается.

— Кошачьих? Вы имеете в виду кугуара?

— Именно. Иногда они спускаются к загонам, к стадам. Правда, не слишком часто. Уже лет двадцать ничего подобного не наблюдалось. Да в здешних местах кошек осталось не так уж и много.

— Так, значит, вы считаете, что это собака?

— Это лишь предположение. Как я уже сказал, необходимо сделать тщательнейшее обследование трупа. Кроме того, я хочу хорошенько осмотреть отвороты на брюках. Нужно проверить, где они были порваны. Его могли схватить за штаны и опрокинуть на спину.

— Могли. С другой стороны, это просто могут быть старые брюки, домашние, которые Клиффорд просто поленился переодеть, выходя из дома. Надо отослать их в лабораторию... А я сам порасспрошу его жену... Через какое-то время. — Слотер подумал о том, что в любом случае придется с ней повидаться, чтобы рассказать, что произошло, но тут на него накатило такое, что пропало всякое желание, видеть кого-либо сейчас. Он отвернулся. И посмотрел на молоденького полицейского, стоящего с красной физиономией и все еще моргающего.

— ...Никогда не видел ничего подобного.

— А мне приходилось, — сказал ему Слотер. — Еще в Детройте, когда работал в отделе по расследованию убийств. Трупы двух-трехдневной давности со следами зубов, обгрызенные руки-ноги, лица-шеи. Крысиная работа. Мы тогда попривыкли ко всему. Если не добивались до жмуриков достаточно быстро, то от них мало что оставалось.

Он нахмурился и взглянул на Реттига.

— Обойди те дома на углу. Расспроси людей, может что видели. Может, слышали крики. Может, собака у кого сбегала. В общем, выясни все, что кому-нибудь известно.

— Хорошо.

И Реттиг двинулся по полю.

Слотер снова посмотрел на Аккума.

— Надо позвонить, вызвать «скорую». — Он помолчал, глядя, как Реттиг пробирается по пустырю. — Знаете, о чем я думаю?

— Нет.

— А думаю я о том трупe хайкера, который внезапно исчез.

— Есть какая-нибудь связь?

— Понятия не имею. Но старик Маркл, да еще это...

— Слушайте, у Маркла был сердечный приступ.

— Это я понял. Но что-то чересчур много навалилось на этот городок. И я не могу избавиться от чувства, что что-то здесь не так.

Аккум внимательно посмотрел на Слотера. Потом перевел взгляд на тело в яме. И, наконец, заметил, как солнце потихоньку начинает опускаться где-то в горах.

Оно проснулось. И заморгало в темноте. Потом потерлось о стенки трубы, почувствовало сырость и понюхало пронизывающий холод и паутину. И сразу же наострило уши. Зашипело в одном направлении, затем повернув голову — в другом, пронизывая темноту пылающими глазами. Снова ночь, и оно поползло, не обращая внимания на лужицы и пауков. Потом, спотыкаясь, выбралось и пошло к канаве. Взвилось, крутясь на месте, но защищаться было не от кого — кругом пусто. Лишь одна-единственная машина промчалась мимо, но фары не смогли пронизать густую траву на обочине, и оно вытянулось в полный рост. Увидев луну, оно замерло, шипя; почувствовало, как боль и ужас разрывают глотку, и вой рванулся из горла. Правая рука поднялась, защищая лицо от света, оно отвернулось. Увидело окраины города, залитые лунным светом, горы и свой дом. Оно должно туда добраться — поковыляло вверх по оврагу и через несколько секунд замерло. Оно тряслось, дергалось. Пища. Необходима еда. Оно не ело с... И оно стало изучать окрестности. Повернув голову, оно увидело там, через дорогу, — город. И, почувствовав зов еще более сильный, чем инстинкт самосохранения, оно полпелось вверх по канаве. Город звал.

25

Уоррен пробирался к берегу. Откос оказался более покатым, чем казался. Промочил ноги в потоке. Луна заливала его светом, пока он карабкался на берег. Носки он не надел, и теперь вода хлюпала в кедах, холодя и без того замерзшие ноги. Уоррен потряс ногой, старясь вылить воду, но кожа прилипла к мокрой ткани, и, ничего не добившись, он поставил ступню на землю, обе ноги провалились в грязь. Уоррен крутанулся, и кеда, прежде, чем он выбрался на более твердую почву, издали чавкающий звук. Вот теперь он действительно все испортил. Кеда все в грязи, и мать теперь совершенно точно узнает, что он выбирался ночью из дома. Он едва не ударился в панику. А затем подумал о воде — кеда всегда можно вымыть, и почувствовал некоторое облегчение.

Он пошел к камышам, но они стояли плотной, темной стеной, и даже в лучах сияющей луны он не сможет обнаружить этой норы. Согнувшись, Уоррен стал подползать ближе к тростнику и, вытащив из сумки крекеры, принялся бросать в темноту. Они шурша попадали в траву. Кинув еще несколько штук, он замер, прислушиваясь, но было тихо.

Что делать?

Он внимательно вглядывался, держась от камышей на небольшом расстоянии и думая о том, можно ли подойти еще поближе. Отодвинув в сторону стебли, Уоррен услышал справа шипение и увидел, как что-то двигается по берегу. То ли шатаясь, то ли припадая на лапы.

— Печеньице пришло, — сказал Уоррен, но зверь не остановился. Он продолжал двигаться, и мальчик подумал, что никогда не слышал таких странных звуков, словно кошка мяукала, зверь шел прямо на него и шипел. Уоррен вытянул руку с крекерами вперед, думая, что зверь станет есть и тогда он схватит его и крепко прижмет шею за ушами, но енот не обратил внимания на печенье, а вонзил зубы прямо в руку.

— Эйэйейэээ!

Мальчишка подпрыгнул и встал ногами в ручей. Он чувствовал, как острые зубки енота впиваются, рвут и шкрябают по кости и что под весом повисшего на руке зверя мясо начинает отрываться. Поднимая тучи брызг, Уоррен старался скинуть зверя, мотал рукой, а потом резко повернулся на месте и выбросил предплечье быстро и далеко в сторону и ощутил, что зверь упал, и он снова свободен. Енот перелетел через ручей и грохнулся на другом берегу. От такого усилия Уоррен опрокинулся на спину и едва успел вскочить на ноги, как енот снова кинулся на него. Видимо, ударившись о землю, животное что-то повредило, потому что припадало на одну сторону и оседало на задние лапы, стараясь побыстрее перебраться через ручей. Оно, не переставая, шипело, и Уоррен, прислонившись спиной к нависшему берегу, принялся изо всех сил отбиваться ногами. Енот вцепился зубами в кед и яростно замотал головой. Мальчик почувствовал, как острые клыки вонзаются в тело и изо всех сил стукнул по тельцу второй ногой, попав прямо по черному носу, и тут ощутил, что кед наконец-то освободился и он, обдирая ногти, пополз вверх по склону.

Этот выставленный вперед носик, эти бандитские глазки. Он-то считал, что они смышленные, а теперь не мог удержаться, чтобы, вспомнив о них, не заорать от нахлынувшего ужаса.

26

Первый удар пришелся по лицу, второй в солнечное сплетение. Данлоп сползал по кирпичной стене. Мужчин было трое. Двое уже приложились к нему. Теперь настала очередь третьего и Гордон, опускаясь вниз, не переставая кашлял. Он был пьян. Он надрался в первом же баре, в который зашел после посещения конторы Слотера, и теперь удивлялся лишь тому, что не чувствует абсолютно никакой боли, но его убивала бессмысленность всего происходящего. Ведь это он затеял драку, сам нарвался. Подпил хорошенько и обвел мутным взглядом зал, в котором сидели ковбои, они смотрели телевизор, играли в карты. Послушал музыку, доносящуюся сквозь сигаретный дым. И через какое-то время принялся отпускать нелестные замечания по тому или иному поводу. Поначалу еще довольно тихим голосом. Но постепенно стал высказываться все громче, и сидящие вокруг мужчины внезапно замолчали. Они не делали никаких движений до тех пор, пока Гордон не задал официантке этот мерзкий вопрос, настолько неприличный, что даже сейчас ему до конца не верилось, что он мог сказать что-либо подобное; вот тогда вокруг него и сгрудилась небольшая толпа. «Еще одно горбатое слово, — сказали они, — и будем разбираться на задней аллее». Он сполз по стене еще немного вниз, и ботинок с размаху выколотил из живота последние остатки воздуха. Гордон задохнулся.

— Хватит, — сказал один мужчина, правда, Данлоп так и не сообразил, с кем это он разговаривает. Эта фраза могла означать все, что угодно, но тут же другой мужик добавил:

— Блин, надо ж так обожраться. Вот пьянчуга чертов. И вся компания двинулась по переулку. Данлоп лежал, задыхаясь, но, к сожалению, он не добился того, на что надеялся. Выпивка не усыпила его, а драка не привела в бессознательное состояние. Даже сейчас, пьяный и сильно избитый, он не мог изгнать из головы видения приснившегося ночью кошмара.

Выбравшись из дренажной штольни, оно, спотыкаясь, побрело в город. И сейчас смотрело в окно, как женщина снимает с себя одежду. Хотя весь свет был погашен, луна ярко была в окно, и оно очень четко видело напряженные соски грудей. Оно застонало и взвыло, когда женщина сняла трусики, и уже, подняло кулак, чтобы ударить в стекло. Но тут за спиной затрещали кусты, и оно в ярости обернулось. Из темноты появился огромный пес. Взившись в воздух, два тела слились, рыча, и грохнулись, ломая кусты.

— Нет, это абсолютно точно была собака.

— Она убила его или разорвала ему лицо?

— И то, и то. Причиной смерти стала потеря крови, вызванная обширными ранами в области лица и шеи.

Слотер поставил банку пива и взглянул на Аккума.

— Так что, действительно, можно предположить, что кто-нибудь разорвал ему глотку?

Но Аккум лишь покачал головой.

— Нет, я отлично помню, что именно вы говорили на поле. Горло я проверил особенно тщательно. Яремная вена была порвана, не разрезана. Да, конечно, можно подумать, что на Клиффорда мог напасть какой-нибудь психопат с граблями или еще с чем-нибудь подобным, с какой-нибудь штукой, которая рвет, но не режет, однако тогда эта вещь должна была бы оставить иные отметины, совершенно непохожие на укусы, которые мы видим на лице.

И Аккум посмотрел на свою банку пива. Слотер пожал плечами.

— Ну, да ладно, — сказал полицейский. — Давайте придумаем такую версию: псих порвал Клиффорду глотку и убежал. А какая-то собака нашла свежатину и стал ее пережевывать. Таким образом, все подойдет, — и укусы, и следы зубов.

Аккум снова покачал головой.

— Но почему нет?

— Все раны были кровоточащими.

— О! — Слотер откинулся в кресле и потер лоб. Значит, снова промах. Только живые могут кровоточить, значит, в то время как Клиффорда рвали на куски, он был еще жив. Если какой-то придурок порезал ему горло, Клиффорд бы прожил всего на несколько минут больше, но вряд ли достаточно долго, чтобы истечь кровью от того, что с ним после сделала собака.

Натан зашевелился в кресле и сел к окну лицом; за стеклом сгушалась темнота, и где-то залаял пес. После чего раздался вой и какие-то еще звуки, разобрать которые не было ни малейшей возможности. Несколько секунд Слотер удивленно слушал, а потом глубоко расстроенный повернулся к Аккуму.

— Знаете, — начал было он и тут же заметил, что и Аккум сидит, напряженно вслушиваясь в то, что происходит за окном.

— Знаете, — повторил Слотер, — с того самого мгновения, как я увидел труп Клиффорда на этом дурацком поле, я все время вспоминаю список ночных происшествий, который читал утром, что-то в нем меня насторожило. Так вот, после того как тело увезли, я вновь просмотрел утреннюю сводку. Несколькими строчками выше заявления по поводу пропавшего Клиффорда был зарегистрирован звонок по поводу воющего пса.

— И что?

— Жалоба на собаку поступила из ближайшего к полю дома.

Аккум отвернулся от окна и посмотрел на Слотера.

— Ну, может, не совсем из ближайшего, но который стоит достаточно близко. — Слотер посмотрел на банку. — Насколько Клиффорд был пьян?

Аккум пожал плечами и ответил, не заглядывая в лежащий перед ним листок.

— В крови обнаружено двадцать восемь процентов алкоголя и именно так он пил постоянно в течение последних нескольких лет. Его печенка похожа на кусок жира.

— Но идти-то он мог?

— Я понял, что вас интересует. Шел ли он самостоятельно, или же кто-то притащил его на поле волоком? Я не заметил никаких следов борьбы. Но возможно, что на пустыре вы обнаружите что-нибудь интересное и не соответствующее

моей точке зрения. На правом предплечье и на плече я нашел несколько царапин, вполне сопоставимых с положением, которое его тело занимало в вымоине.

— И?

— Подумайте над этим фактом. Все эти царапины совсем свежие, свежие настолько, что нанесены они могли быть только перед смертью Клиффорда.

— Не после смерти? Не мог кто-нибудь пинать его после того, как он умер?

— Нет, кровоподтеки ведь являются локализованными внутренними кровотечениями. Если вы ударите труп, то, конечно, нанесете ему некоторый вред, но синяков от этого — в привычном для нас понимании — не появится. Лишь живые тела могут кровоточить, точно также синяки могут появиться только у живых. И еще: синяк начинает приобретать характерную окраску через определенное время после удара — через полчаса примерно...

Слотер отпил глоток пива и посмотрел на врача.

— Вы хотите сказать, что он упал в яму, но лишь через полчаса на него напали?

— Именно. Но хочу напомнить вам еще раз мои слова о том, что синяки сопоставимы с положением тела в яме. Вполне возможно, они были получены Клиффордом за некоторое время до его падения. Однако моя научная точка зрения такова: он получил ушибы от падения в яму. Возможно, его кто-то толкнул. Если так, то не понимаю, смысл подобного действия, потому что причиной смерти являются собачьи укусы, нанесенные через полчаса после падения.

— Время?

— Три часа. Три тридцать самое позднее.

— Совпадает. Люди из бара сообщили, что Клиффорд ушел почти сразу после закрытия — в два часа. Минут пятнадцать ему потребовалось, чтобы добраться до поля. Остаются полчаса. Верно, он умер около трех часов ночи.

— Вам теперь ясна картина?

— Более-менее. Не было никакого другого человека, на это ясно указывает нетронутый бумажник. Клиффорд вывалился из кабака и, оступаясь, поплелся по улице. Захотел помочиться и просто стало стыдно заниматься этим делом прямо на дороге, а, может быть, решил сократить путь. Нам никогда не узнать доподлинно, зачем ему понадобилось идти

через это поле. Но где-то на середине пути от выпитого он просто отключился. Вот откуда синяки. Он немного проспался, и после этого на него напала собака.

— Именно так и я реконструировал события.

— Но сколько?

— Что?

— Сколько было собак? Одна? Несколько?

— А-а. Всего одна.

— Вы в этом уверены?

— Вы ведь уже изучили мой метод. Моя научная точка зрения такова...

— Все это понятно. Но на каком основании...

— Все отметины зубов единообразны. Но давайте на секундочку предположим, что были, скажем, две собаки с одинаковым размером клыков. Но тогда их ферменты были бы различными.

— Их что?

— Ферменты. Слюна. Черт, да дрянь, которой наполнены их пасти. Собака не может вонзить во что-нибудь зубы и не оставить на жертве слюну. Ферменты во всех ранках идентичны. Следовательно, их оставила одна собака.

Слотер посмотрел на Аккума и медленно взялся за ушко на еще не раскрытой банке пива. Щелчок крышечки показался более громким, чем обычно. Натан слизнул пену, выступившую из образовавшегося отверстия.

— А это точно не койот и не волк? — спросил он, уставясь в совершенно темное распахнутое окно.

— Нет, для койота зубы чересчур большие. Ладно, хорошо, пусть это будет волк, давайте согласимся с подобной идеей. Хорошо, допустим, что это был волк. Но за двадцать лет здесь никто не видел волка. Предположить можно, конечно, все, что угодно, но...

— Ладно, собака, — согласился, почувствовав внезапно страшную усталость, Слотер. — Объясните, почему именно собака.

— Сколько вы здесь живете? Лет пять примерно?

— Около того. — Слотер повернулся к врачу лицом.

— А я здесь родился и вырос. И знаю, что иногда следует опасаться собак. Люди часто берут их с собой в горы, — ходят в туристские походы и забывают или просто бросают их там. Слабые и испорченные умирают. Но вот остальные превращаются в настоящих чудовищ, становятся самыми опасными зверями в здешних лесах. Если увидите в горах

собаку, — бегите от нее, спасайтесь. Хотя, конечно, можете наткнуться на медведицу с медвежонком. Я слышал о множестве всяких жутких случаев, когда человека трепали дикие животные. Черт, да я и сам видел людей с отгрызенными руками и ногами.

— Но здесь-то ведь город.

— Никакой разницы. Да, разумеется, они живут в горах, но спускаются в город за пищей. Не забывайте, что зима выдалась на редкость тяжелой. Вы сами прекрасно знаете, что на ночь выгоны очищаются, чтобы быть уверенными, что улицы чисты от хищников. Поле находится рядом с выгоном. Видимо, какая-то собака спустилась с гор к выгону и наткнулась на Клиффорда.

— Но ведь его не съели. На него просто напали.

— Бессмыслица на первый взгляд. В этом-то и состоит вся сложность. Мы имеем дело с абсолютно ненормальным извращенным поведением животного. Этим зверям просто нравится убивать. Иногда они появляются и гонятся несколько миль за быком, только для того, чтобы чему-то научиться. Загоняют, убивают бычка и оставляют его несъеденным. Применительно к людям мы назвали бы подобное убийство «патологическим».

Слотер приложил все еще холодную банку с пивом ко лбу. Он думал о старом Маркле.

— Что-то плоховато вы выглядите.

— Мне просто необходимо несколько часов поспать, вот и все. — Натан поднялся и пошел к двери.

— А как же пиво? Еще целая шестибаночная упаковка осталась.

— Оставьте себе. Черт побери, вы ее заработали.

— Так по-вашему у нас что-то происходит?

— Точно, но что именно?.. Это бы я и хотел выяснить. — Он повернул дверную ручку и вышел в коридор.

29

— Ладно, хорошо. Я посмотрю.

Мужчина вышел на заднее крыльцо и осветил фонариком. Он заснул перед включенным телевизором, но его разбудила жена.

— Кто-то смотрел в окно спальни, — сказала она ему. — Да еще и собака рычала...

Мужчина заморгал, просыпаясь: доходило до него медленно.

— Так что тебя больше волнует: тот, кто смотрел в окно, или собака?

— Оба.

Он пробормотал что-то и с трудом поднялся с дивана. В последнее время ей чудилось, будто за ней подсматривают, кроме того, она стала забывать, куда убирает вещи и рано-рано просыпаться. Мотает ему нервы и все — ему очень захотелось сказать ей это, — но он знал, что после этого драки не миновать, поэтому лучше было выйти в сад и посмотреть, в чем там дело. Успокоить клушу. Он сошел с крыльца и посветил фонариком в кусты.

— Да ничего там нет.

— Проверь сад. Я уснуть не смогу, если буду постоянно представлять себе, что там кто-то стоит.

— Ты не сможешь заснуть, даже если ничего не будешь представлять.

И мужчина побрел к кустам.

Фонарик ему не понадобился, — луна светила настолько ярко, что все было видно, как на ладони.

Перед ним, нелепо раскинувшись, лежал пес. Доберман — так показалось мужчине, он не очень хорошо разбирался в породах. Брюхо у него было распорото: одна лапа откинута в одну сторону, вторая в другую, диафрагма расползлась, как огромная пасть, кишки раскиданы безобразными комьями. Увидев свернутую шею, мужчина почувствовал, как к горлу что-то подкатило, и отвернулся, задыхаясь.

30

— Что-то с коровами.

Они повернулись к Питеру, шутившемуся в дверном проеме. Ему было восемнадцать, высокий и грузный, он, разбуженный среди ночи, казался совсем мальчишкой.

— Это мы тебя разбудили?

— Не. Стадо. Вы туда едете?

Бодайн кивнул.

— Так я и подумал, — согласно покивал Питер. — Меня тоже сосчитайте.

Питер был сильнее самой Эбби. Бодайн не собирался с ним спорить. А с ружьем управлялся лучше всех в лагере.

Они вышли в холодную ночь с заднего крыльца. Огни города сияли вдалеке. Луна светила столь ярко, что было видно, как в лошадином загоне мечется Аппалуза.

— Ага, она что-то чувствует.

Бодайн забрался в грузовик, Эбби села на сиденье рядом, а Питер взял ружье. Бодайн включил фары, и машина поехала на запад в объезд сарая. Перед ним расстилалась голая равнина.

Увидев в лучах фар замершего кролика, Бодайн объезжая, резко свернул в сторону, а потом стал набирать скорость. Шум стада доносился с той стороны, где утром он обнаружил раскиданные кости и кишки. И решил, что постарается поймать того, кто в поисках легкой добычи спускается по ночам с гор. Но не сегодня, конечно, не сегодня. Сегодня это не удастся. Не слишком подходящая ночь для охоты.

Теперь он отлично слышал звуки, исходящие от стада. Коровы были перепуганы. Он увидел, как они скачут впереди, стараясь держаться перед грузовиком, увидел покрытые тенью отроги холмов и над ними — снежные вершины, сияющие в лунном свете.

А в лесу шевелящиеся кусты.

— Вон, видишь их?

— Но что это такое?

Он почти остановился, чтобы выскочить и выстрелить по шевелящимся кустам, но вспомнил, как ругался отец, когда он лет в двенадцать выстрелил вслепую. «Жди, пока под прицелом не окажется мишень». И Бодайн помнил тот урок всю жизнь. Он направился к кустам, чтобы, остановившись, попробовать посветить сквозь них сильными фарами грузовика.

И вот он вломился в кусты. «Не буду останавливаться!» — думал он. С треском машина влетела в кустарник, последовал чувствительный толчок, от которого Бодайн поморщился, но скорости не сбавил: его захватила погоня, и он решил, что все-таки лучше не откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня. Кусты сомкнулись над ними, мотор взревел, а где-то впереди затрещали ветви. Между деревьями мелькнули олени рога, и, черт побери, это всего лишь олени и, наверное, напуганные ничуть не меньше коров, там внизу. А потом показался какой-то зверь, вроде рыси, Бодайн резко затормозил и выпрыгнул, чтобы поймать зверя на мушку. Олени мчались к нему, их рога переплетались и плыли над головой рыси. Он отпрыгнул в сторону, пытаясь распластать-

ся по борту грузовика, но слишком поздно он услышал протяжный вой и почувствовал, как оленьи рога вонзились ему в живот. Бодайн закашлялся, и Эбби заорала, а он начал валиться на спину. Он думал о том, что смог бы спасти оленя, если бы ему позволили и тут пришло понимание того, насколько неуместна подобная мысль в данных обстоятельствах, потому что ведь он умирает, сквозь шум к нему доносился протяжный безумный вой. Волк или койот охотятся вместе с рысью? Бред какой-то. И тут на него сквозь оленьи рога глянуло зло — дьявол.

А Эбби кричала, не переставая.

31

Слотер не знал, что он здесь делает. Он уговаривал себя, что должен пойти домой, проверить, как там его лошади, говорил, что чересчур много выпил сегодня и даже, что кто-нибудь другой за него это сделает. Но он знал ответ на свой вопрос. Он был напуган и мог или убежать, или же остаться и повернуться к ужасу лицом. «Что-то у нас происходит», — продолжал он повторять, понимая, что если он не остановит это что-то сейчас, то уже никогда не сможет контролировать события. Двое ребят в бакалейном магазине. Он вылез из машины.

Натан двинулся к бару «Паровоз», намереваясь проверить заперты ли двери — фонарь в руке — подергал, убедился, что все закрыто. Чтобы не оставалось сомнений, он посветил фонарем в окна и проверил замки черного хода, и даже заглянул в мусорный бак, чтобы убедиться, что все бутылки разбиты. «Нет, ты просто теряешь здесь время», — сказал Слотер самому себе и, выключив фонарь, он вздохнул и вернулся к автомобилю.

Было три часа ночи, время смерти Клиффорда. Конечно, на поле Клиффорд попал примерно за полчаса до этого, а если еще и спал, то, может быть, даже за час. Но приблизительно в это время на него напали, и Слотер, стоя возле машины, смотрел на поле, находящееся дальше по улице. В конце улица была застроена домами, в большинстве своем неказистыми на вид, — этот район города ближе всех остальных приближался по своему состоянию к трущобам: покосившиеся крылечки, на газонах грязь вместо травы, окна без стекол забиты фанерой. Но несмотря на нищету, люди

здесь жили миролюбивые, и не доставляли Слотеру особого беспокойства. Конечно, бар был рассадником всяческих бед, но носителями зла были в большинстве своем рабочие с ферм. Слотер поглядел вдаль, туда, где за баром и полем в свете луны вырисовывались дома возле загонов. Всего три дня — стада всегда пасутся на лугах, кроме тех случаев, когда наступало время аукционов, но и в этом случае, кроме конторы и двух крытых залов для показа животных ничего более не требовалось. В тишине Слотер слышал, как из дальнего конца поля нарастает гул от бредущего стада — и замер, задумавшись. А затем двинулся по тротуару к загонам.

На открытом пространстве, по которому он сейчас брел, надобность в фонаре отпала. Над головой сияли звезды и светила распухшая луна. Ночь приобрела серебристый, какой-то волшебный оттенок. «Так же, наверное, думал и Клиффорд», — решил Натан. И сам постарался воспроизвести мысли Клиффорда. Прошлая ночь тоже была ясной и светлой, и бедняга, выйдя из бара, точно так же тащился к полю. Конечно, Клиффорд был пьян. С таким количеством алкоголя в крови — двадцать восемь процентов — единственное, что он мог видеть, — это лунное сияние. Ко всему прочему он не шел. Он брел, шатаясь, зигзагообразно по улице и, может быть, именно поэтому он решил сократить путь домой, и не шлепать в два раза больше — обходить целый квартал. Потому что понимал, что иначе ему ни за что не попасть к жене. Он, споткнувшись, сошел с тротуара в поле и то, что сидело, скорчившись в высокой траве и сорняках, наверняка решило, что это — легкая добыча. Нет, эти тридцать минут между падением в яму и нападением на Клиффорда совершенно неверно рассчитаны. Если кто-то увидел, как он, шатаясь, сходит с тротуара в поле, то должен был напасть на него немедленно. Не было ни малейшего резона откладывать прыжок. Может быть, та тварь просто не собиралась нападать на человека, а хотела попробовать говядинки, но вооруженная охрана загона пришлось ей не по вкусу, и она решила добить Клиффорда. Зачем? Она ведь его не съела. От злобы? И внезапно эта мысль показалась Слотеру дикой и устрашающей, пока он сходил с твердого бетона тротуара и вступал в шуршащую траву и похрустывающий гравий под ногами.

Слотер говорил самому себе, что совсем сошел с ума: он ведь устал и должен пойти домой поспать. Но если в городе появилась бешеная собака, она должна была вернуться на то место, где ей удалось загрызть одну жертву. Натан отошел на десяток шагов от тротуара, двигаясь по смутной прямой, на середине которой лежала проклятая яма, а в дальнем конце следующего квартала стоял дом Клиффорда. Этот путь, видимо, выбрал вчера и Клиффорд, хотя Слотер не был уверен до конца: его люди должны были подойти сюда утром и начать тщательное расследование. «О да, это чудесно, это по-настоящему умно», — говорил он про себя. И только сейчас Натан понял, насколько же он устал, если плетется здесь, шаркая ногами и стирая возможные оставшиеся следы. Замечательная полицейская работка. «Блин, как дурная шутка, ей-Богу». В надежде, что преступник может снова объявиться на месте преступления, следователь затирает последние следы его преступления. Вот уже действительно — молодец. «Блин, да каким же ты местом думаешь? Черт, ну что ж, я сотворил все, что только мог и теперь не в силах развернуться и уйти, не получив ни капли удовлетворения. Поэтому вполне могу продолжить свой путь».

Что он и сделал с большой неохотой. Потому что несмотря на решительность, Слотер чувствовал себя по-настоящему, до невозможности задерганным. Не просто расстроенным, как в первые часы, после того, как он наткнулся на тело Маркла. А каким-то иным, очень остро и заинтересованно реагирующим на события этого дня. И в особенности на это место и в этот поздний час. Конечно, частично тут были виноваты воспоминания об изодранном лице Клиффорда и мысли о том, что патологоанатом назвал «психическим» животным поведением. Чисто павловское предположение, которое Слотер хорошо понимал и под которым сам вполне мог подписаться. Частично же это, разумеется, было результатом воздействия черноты ночи, полного его одиночества здесь в глубокой тишине, нарушаемой лишь его шагами по шуршащей траве и хрустом гравия под ботинками. Теперь Слотер двигался по колено в сорняках, ступал медленно, и левая его рука, державшая фонарь, была готова в любой момент включить свет, а правая находилась возле расстегнутой кобуры. Натан, не переставая, повторял про себя, что ведет себя глупо. Во время работы в Детройте ему приходилось переживать моменты в тысячу раз худшие, например,

проверяя в ночные смены взломанные склады, преследуя кого-нибудь в лабиринтоподобных аллеях или входя, скажем, в ту самую бакалею с теми двумя мальчишками. «Но то было довольно давно, — говорил он себе, — а за последние годы здесь же ничего не происходило, и поэтому ты отвык». Да к тому же нет ничего хорошего в этом внезапно поднявшемся шуршащем ветре, забравшемся в сорняки и высокую траву, в то время как ничего вокруг не видно. И поэтому кажется, что где-то впереди или позади кто-то движется. Разок Слотер обернулся, но — ничего, и он с огромным трудом подавил в себе желание зажечь фонарь. «Нет уж, не вздумай этого делать до тех пор, пока не будешь абсолютно уверен в том, что кто-то там действительно есть. Не вспугни тварь, пока не подойдешь к ней настолько близко, что сможешь увидеть».

И он двинулся дальше, подумав, что в подобной звездной и лунной ночи все будет видно достаточно хорошо. Но серебристое сияние искажало формы. Оно как бы приближало все вещи и смазывало контуры, так что казалось, будто предметы сливаются в один. Слотер взглянул на выгоны, где тени томно движущихся коров соединялись со стоящими за ними строениями. И подумал о том, что лучше было бы не подходить слишком близко к ним, чтобы какой-нибудь охранник не принял его случайно за вора и не пристрелил по ошибке. Натан прошел уже половину поля, но ямы почему-то не обнаружил. Он так много оглядывался по сторонам, что сбился с курса и сейчас не знал, куда следует повернуть: вправо или влево? Вымоину укрывала высокая трава, вспомнилось ему, и, видимо, даже стоя футях в десяти от нее, он будет не в состоянии отыскать яму. Он говорил себе, что должен держаться линии, на которой находится дом Клиффорда, но тут же подумал, что пьяный, пошатываясь, вполне мог брести по полю кренделями, то туда, то сюда. Подобное соображение, наконец, заставило Слотера все хорошенько обдумать, и он решил, что чересчур близко подобрался к загонам для скота, поэтому Натан побрел в другую сторону, внимательно прислушиваясь к говору ветра. А, может, к его отсутствию. Но шуршание в траве продолжалось и, казалось, как что-то приближалось все ближе и ближе.

В смятении Слотер резко развернулся, собираясь включить фонарь, и сделал несколько шагов назад, чтобы не потерять равновесия, и тут наткнулся на переплетенья проволоочной ограды, которая, можно сказать, бежала рядом с ним все время и теперь нагло улыбнулась шипами ему в лицо. Как же он позабыл о ней, ведь Натан заметил ее еще сегодня днем, когда пришел взглянуть на труп Клиффорда! И вот теперь проволока оплелась вокруг его ног, руки вылетели вперед, голова задралась к безжизненному лику луны, и он полетел вниз, напрягшись вычисляя, каким образом следует сгруппироваться, чтобы встретить удар о землю, и не повредить сустав или сухожилие. Но тяжело падая, Слотер стукнулся о что-то твердое головой, ощутил сильную боль в мозгу и на какое-то мгновение даже потерял зрение. Он катился. Это все, что он мог сделать в данный момент, — просто рефлекторное движение, оставшееся от бесконечных тренировок. Рука потянулась к револьверу. Его не было. Слотер потерял пистолет. Он оказался в яме. Панические мысли метались в голове, и Натан был не в силах хоть как-то их упорядочить. Черт, яма. С ним произошло то же самое, что и с Клиффордом. Он стал шарить руками в поисках фонаря, но не мог его отыскать. Шуршание травы стало слышнее и отчетливее. Натан в отчаянии хотел дотянуться до края ямы, чтобы выскочить и хотя бы иметь возможность убежать, но тут почувствовал, как когти полоснули по лицу и, заорав, повалился обратно в яму, приземлившись на спину и грохнувшись к тому же на что-то столь твердое, что, казалось, разорвало ему правую почку. Просунув руки за спину, он пытался отыскать предмет, к счастью оказалось, что это его упавший пистолет. Боже... Подняв лицо вверх, Слотер увидел какое-то чудовище, скорчившееся на краю ямы и готовящееся к прыжку: шерсть его стояла дыбом, делая существо гигантским, тварь шипела, глаза дико горели в темноте, пасть была широко распахнута, клыки обнажены — и вот оно прыгнуло, но в этот момент Слотеру удалось высвободить из-за спины пистолет. Он поднял его навстречу зверю, летящему прямо на него, нажал курок и ослеп от вспышки огня, вылетевшего из дула. Его распластало по земле от отдачи, а тварь взорвалась прямо над его лицом, грохнулась ему на живот, и Слотер подумал о том, что, видимо, кровавый дождь никогда не закончится.

Данлоп проснулся. Потянулся к спинке кровати. Затем совершенно расслабился. Комната была пуста. С трудом Гордон стал шарить рукой по полу в поисках бутылки. Смутно припомнилось, как он выкарабкался из аллеи и, обивая углы, пошел по улице. Увидел чемодан, магнитофон и фотокамеру в углу, он вспомнил, что вроде как оставил вещи в том самом баре, в котором куролесил. Каким, черт побери, образом они оказались здесь? Неужели те ковбои принесли ему в аллею его барахло? Или он сам доковылял до кабака и забрал его? Этого Данлоп понять не мог. Он отхлебнул виски и стал ждать, пока в голове начнет проясняться. Скула болела и ему не надо было смотреться в зеркало, чтобы убедиться в том, что она посинела. Ребро саднило в тех местах, куда его били и пинали ногами, но проведя рукой по телу, Гордон не обнаружил переломов и вывихнутых костей.

Осматривая комнату, он продолжал пить. Лучи солнца проникали в номер, освещая убогую обстановку: узкая кровать, стол, стул и телевизор на столе. Программы на телевизоре переключались не кнопками, а обычными ручками. Открытое окно не было забрано сеткой, и поэтому в комнату толпами слетались насекомые. Здесь ничего не изменилось с 1922-го года. Эту дату он узнал из таблички, висящей внизу в баре, словно столь древним отелем должен был весь город гордиться. Выношенный и вытертый до ниток ковер, скрипучая кровать, да общий туалет в конце каждого коридора. Ночью Гордону захотелось пописать, и, возвращаясь, он свернул не в ту сторону и едва не заблудился, потому что коридоры оказались страшно извилистыми, один Т-образно переходил в другой, этот сливался с третьим, и так без конца, все это напоминало огромную кроличью нору или сумасшедший лабиринт, все время заворачивающийся внутрь. Данлоп внезапно испугался, подумав о том, что станет делать в случае возникновения пожара, который, судя по прогнившим и сухим, как труха, стенам, мог возникнуть в любое время, и ему были вовсе не по душе мысли о прыжках в заднюю аллею со второго этажа.

Ко всему прочему у него на это не было достаточно сил. Он вновь ослабел. Гордон постарался вспомнить тот день, когда он еще не чувствовал себя совершенно больным и разбитым, когда его не тошнило от одной мысли о каком-

нибудь усилии, но не мог, и это испугало его вдвойне. Сколько еще он собирается продолжать пить? Он сел на кровати и мысленно возобновил в памяти дубли, снятые в нижнем баре с десяти часов вечера и до закрытия. Он бы ни за что на свете не вспомнил, сколько именно выпил за это время, лишь под конец бармен как-то странно посмотрел ему в лицо, а программы на телеэкране превратились в сплошное мерцание рекламных роликов и объявлений. И не забудь о биржевых сводках. Ох ты, Боже ж мой, только не биржевые сводки! В этом городишке сводки не касались «Кодаков», «Ксероксов» и тому подобных компаний. Нет, здесь биржевые сводки касались только крупного рогатого скота: поначалу рыночная стоимость была десять, затем дошла до двенадцати, а потом снова понизилась... Гордон пробурчал про себя, что видимо, не так уж сильно он напился, раз помнит подобные детали. Нет? Да? А почему же тогда он трясется, как идиот, на ветру? Почему тогда ему настолько худо, что сама мысль о завтраке готова вызвать неукротимую рвоту? Ему придется выпить еще разок, прежде чем он отважится пойти в ванную, находящуюся в конце коридора и побриться, а после того, как вернется, принять еще, чтобы суметь разобраться с пуговицами рубашки. Это его испугало. Он, оказывается, еще помнил те времена, когда ему не нужно было пить виски по утрам только для того, чтобы начать функционировать. Поэтому он взял камеру и магнитофон, взглянул на бутылку и, мысленно взыв от тоски, что вот так безжалостно покидает ее на произвол судьбы, прошел мимо кровати и вышел в дверь.

Коридор сворачивал вначале направо, потом налево, затем снова направо и, наконец, разворачивался панорамно, открывая вид на нижний вестибюль с лосиной мордой на стене, которой, без сомнения, было лет двадцать, если не все тридцать — штукавина выглядела на свои года, — и серым кафельным полом, бесцветной стойкой портье, за которой стоял какой-то старикан в джинсовом костюме. Данлоп вздохнул полной грудью, тут же об этом пожалев, — здесь было еще более пыльно, чем наверху. В очередной раз спросив себя, что же в конце концов он тут делает, Гордон спустился по ступеням и вышел на улицу.

Солнце напоминало раскаленный добела шар. Всего лишь восемь утра. Черт, что же за денек предстоит, если уже так печет? Думать об этом не хотелось. Восемь утра — вот тебе и еще одна прелесть пьянства: теперь он почти совсем не

спит, а если спит... Об этом ему думать тоже не хотелось, лишь бы не вспоминать о фигуре, увенчанной оленьими рогами, которая с каждой ночью приближается все ближе и ближе, злобные кошачьи глаза, не отрываясь, пылают, выжигая мозг, волчий хвост болтается из стороны в сторону. Гордон трясся. «Возьми себя в руки, — говорил он себе. — Кошмар начался, когда ты сюда приехал, и ты, без сомнения, увидишь здесь, чем он закончится».

33

Оно убралось из города, чтобы добратъся до гор, пошатываясь, брело все выше и выше. Даже несмотря на то, что теперь вокруг росли деревья, укрывая его, все равно оно было ослеплено и, жмурясь, брело, опустив голову вниз, оступаясь среди кустарника, цепляясь когтями за скалы, стараясь забратъся как можно выше. Там, в городе, оно убило собаку и наелось. А теперь, не переставая, моргало и испускало протяжные стоны. Спать. Оно должно спать. Но где-то там наверху — дом, который зовет. Зовет, не переставая. Что это, оно не знало, и где это, не имело ни малейшего представления. Но покрытые снежными шапками вершины притягивали его, как магнит, и, воя, оно продолжало карабкаться вверх...

34

Сидя на заднем сиденьи, Данлоп наблюдал за Реттигом и молодым полицейским. Они свернули в открытые, покосившиеся деревянные ворота. И вот уже ехали по изрытой колеями и ухабами, поросшей сорняками грунтовой дороге. Гордон услышал выстрелы — несколько, один за другим, которые приближались, пока автомобиль мчался по пыльной дороге. Репортер наклонился вперед.

— Какие-нибудь неприятности?

Но полицейские не собирались отвечать. Набирая скорость, машина мчалась под гору, по обе стороны дороги расстилалась красноватая сухая земля, и Данлоп вдруг увидел в низине несколько построек: вначале летний домик, по крайней мере, он бы так его назвал, внутри, видимо, три комнаты, спереди — крыльцо, все покрашено белой краской, затем

амбар, тоже выкрашенный белым, а также что-то типа навеса, тоже выкрашенного в белый цвет, и все три строения стояли в обнесенном оградой поле, на котором стояли две лошади.

35

Слотер стоял на крыльце и наблюдал за лошадьми, которые сильно нервничали. Затем, насмотревшись, он повернулся к Аккуму.

— Нет, я же сказал, это была кошка. Я снес к чертовой матери ее проклятую башку.

Аккум, не мигая, смотрел на него.

— Чего-то я не понимаю...

Из оврага, что находился за амбаром, донеслись выстрелы.

— Здоровый котище. То есть я хочу подчеркнуть, что просто здоровенный, понимаете, фунтов на пятнадцать, как минимум и, если бы я его не прикончил, то сейчас бы выглядел ничуть не лучше Клиффорда.

Аккум нахмурился и покачал головой. Нелепица какая-то. И дело не только в самом нападении, но в яростной реакции Слотера. Натан выглядел ужасно. Да, все понятно, он допоздна работал, и на него напала кошка, но ведь просто кошка, черт побери, и это еще не повод, чтобы глаза метали молнии, как это сейчас происходит. И тут Аккум внезапно понял, что никакой нелепицы вовсе нет. Это все яма, мысли о том, что можно умереть, как Клиффорд. Ведь Слотер с того самого времени, как приехал из Детройта, никого и ничего не боялся. Он отвык бояться и поэтому вышел из себя, потому что на него напала какая-то кошка. Аккуму раньше в голову не приходило, что Слотер может чего-то бояться. Мысль показалась ему диковатой, но не лишенной оснований. Врач почувствовал к приятелю сострадание и приязнь.

— Слушайте, вы же говорили, что это был пес.

— Верно. Клиффорда убила собака.

— Тогда объясните, почему на меня напала кошка.

В овраге раздались выстрелы.

— Понятия не имею. Дайте-ка я лучше осмотрю эту вашу царапину.

Слотер вытянув руку, помахал ею в воздухе.

— Этой ерундой я могу и сам заняться. — Царапина зияла на щеке — глубокая и длинная, покрытая мерзкой коркой. — Старый Док Маркл заставлял меня держать у себя противостолбнячную сыворотку, так что я вполне могу сам сделать себе укол. Еще с тех пор, как я пытался выращивать лошадей... — Он умолк. — Вы когда-нибудь тыкали себя иглой в зад?

Мужчины ухмыльнулись.

— Нет, к счастью не приходилось.

— Попробуйте как-нибудь. Если бы меня кто-нибудь застукал, то, видимо, решил бы, что я какой-нибудь извращенец.

Они рассмеялись, и в это время из оврага вновь донесся грохот выстрелов.

— Я подумал о том, что следовало бы это дело заштопать.

— Нет, все не так уж страшно. Вообще-то я хотел к вам завалиться, но сил хватило только на то, чтоб приползти домой.

Они оборвали смех. «Конечно, это я тоже понимаю. Я все поминаю, — думал Аккум. — Просто ты не хотел, чтобы кто-нибудь видел тебя трясущимся от страха».

Он услышал ревущий мотор и, обернувшись, заметил полицейскую машину, пробирающуюся среди красноватых холмов по красноватой дороге.

36

Слотер тоже наблюдал за машиной: за рулем Реттиг, рядом с ним новичок. И пока они подъезжали ближе, поднимая тучи пыли, он разглядел еще одного человека, сидящего на заднем сиденье, в сером, помятом деловом костюме, и лицо его даже сквозь запыленное ветровое стекло казалось таким же серым и помятым, как и костюм.

Когда машина остановилась, и все вылезли, человек в сером вытащил магнитофон и фотокамеру. Слотер не видел его с 1969-го, но как же он изменился за эти годы! Высохшие, ломкие волосы, серые словно...

Слотер сошел с крыльца и направился к ним.

— Там, внутри есть пиво, — сказал он Аккуму. — Я скоро.

— Подождите. У меня к вам есть несколько вопросов.

— Позже. — И он, не останавливаясь, направился прямо к серолицему мужчине с магнитофоном и камерой.

Реттиг с новым полицейским не обратили никакого внимания на выстрелы, доносящиеся из оврага, но вновь прибывший прислушивался и, не отрываясь, смотрел в том направлении.

— Мы сделали все, что было приказано, — сказал Реттиг, когда Слотер подошел ближе. — Ничего.

— Так я и думал. — Натан взглянул на серолицего и протянул руку. — Мистер Данлоп.

— Так значит ты его знаешь? — удивился Реттиг. — Он нам сказал...

— Все верно, мы знакомы. Гордон. Сколько лет...

Данлоп улыбнулся.

— Натан. — Они пожали друг другу руки.

— Мне уже несколько раз звонили по твоему поводу.

— Парсонз?

— Именно. Каким образом ты здесь очутился?

— Сошел с поезда.

— Я совсем не это имел в виду.

— А я знаю. Можно тебя на минутку?

— Иди вперед.

— Я совсем не это имел в виду.

— Это я знаю. — Слотер повернулся к Реттигу. — Там вроде у Аккума были кое-какие вопросы...

Реттиг на секунду задержался, смотря на него. А затем отправился к крыльцу; новичок поплелся за ним.

Слотер повернулся к Данлопу.

— Что это за синячище у тебя?

— Небольшое недоразумение. А твоя царапина?

— Кошка поцарапала.

Они помолчали; из оврага по-прежнему доносились раскаты выстрелов.

— Натан, если позволишь тебя спросить...

— Просто стрельба по мишеням.

Данлоп не понял.

— Это уже вошло в привычку. По субботам я приглашаю своих ребят попить пивка и поесть чили. Но прежде чем начать пить пиво, они идут за амбар и стреляют по мишеням. В городках типа нашего это не обязательно, но я настаиваю на тренировках, по крайней мере, дважды в месяц. Смена, которая дежурит сегодня в городе, придет сюда на следующей неделе, вот так мы и меняемся. Хочешь взглянуть?

Данлоп взглянул на него, и Слотер так и не понял, о чем тот думает.

— Разумеется.

Это его удивило.

— Ради Бога.

Они двинулись к амбару. Слотер украдкой посматривал на испещренный морщинами лоб Данлопа.

— Натан, я что-то не понимаю... Что стряслось в Детройте?

— Да просто я, как мне кажется, устал. Мне необходима была перемена обстановки, нечто более мирное.

— Поттерз Филд?

— Местечко ничуть не хуже остальных. Тут у меня лошади. Да, я понимаю, что, может быть, со стороны это и незаметно, но на самом деле я здесь счастлив.

Они подошли совсем близко к амбару.

— Так в чем же проблема?

— Именно в этом.

— Прошу прощения?

Они остановились: выстрелы стали намного громче.

— Натан, с той поры, как мы виделись в последний раз, все переменялось.

— За столько лет все должно было бы перемениться.

— Да не то... послушай. Буду откровенен. Как был откровенен с тобой всегда. У меня был нервный срыв. Я не понимал, что именно случилось, но я начал терять ощущение реальности. И не знаю, что делаю сейчас.

Слотер напрягся. «Так значит ты тоже?» — думал он. Но лицо его оставалось бесстрастным. Он просто продолжал пристально смотреть на Гордона.

— Скажи, чем я могу помочь.

— Не знаю. То есть я хочу сказать, что это сумасшествие. Послушай, я видел этот сон и... Ладно, чего там: я уже бывал здесь. В декабре семьдесят первого. Там наверху был расположен лагерь. — Он ткнул пальцем в сторону гор.

— Я об этом слышал. Но это было до того, как я сюда переехал.

— Я написал статью, которая не была напечатана. После этого я покатился по наклонной. Вчера, когда я был в редакции и после разговора с Парсонзом, я узнал, что здесь произошло убийство, о котором мне ничего не было известно, а теперь еще и этот парень, Клиффорд...

— Об этом-то ты как пронюхал?

— Я же газетчик, ты что забыл? Ты спросил меня, как я здесь очутился. Так вот: я не вполне в этом уверен, но... Черт, хотелось бы мне это самому знать. Я сел на поезд,

чтобы добраться до Сиэттла. А когда он остановился здесь, то у меня не оставалось выбора. Я уже вылезал, совершенно не понимая, что здесь буду делать. Я стал подыскивать оправдания своему здесь появлению. Хочешь расскажу тебе самую бредовину? Так вот: все дело в том сне, который я постоянно вижу. Мне кажется, я слез здесь именно из-за него. Он меня звал.

Слотер никак не отреагировал.

— Какой сон? — Он думал о своем сне.

— Пожалуйста, не спрашивай.

— Ты пил?

— И сильно.

— Ты бы поаккуратнее... Слушай, мне нужно проверить, как там у моих ребят успехи. Это всего несколько минут, а потом мы сможем нормально поговорить.

Данлоп кивнул.

— Просто мне бы самому хотелось разобраться, что же я в конце концов здесь делаю.

Они прошли мимо амбара; выстрелы, сопровождавшиеся сильным эхом, становились все громче. Когда они вышли на пустырь, то увидели, как пятеро мужчин в джинсах и рубашках с закатанными рукавами месили тяжелую хрусткую грязь, стоя в овраге, вытянув руки и целясь в банки, стоящие на краю кромки. Овраг был около двадцати футов в длину, банки отстояли от края примерно еще на пять футов, и трое мужчин, перезаряжая оружие, наблюдали за приближающимися Слотером и Данлопом.

— Как успехи? — спросил Натан, и двое из стрелявших повернулись к ним и заулыбались.

— Хорошо, если бы пиво было таким холодным, как ты нам говорил.

— Да я соврал. Оно еще холоднее.

Мужчины ухмыльнулись.

— Надо бы поставить новые мишени, — Слотер указал рукой на банки, в которых дырок было больше, чем металла, и остались лишь тонкие полоски, соединявшие остатки жести вместе.

— А знаешь, мы уговорились стрелять до тех пор, пока в них вообще ничего не останется — сплошная вентиляция, — вот тогда можно будет сказать, что пиво заслужено.

— По сотне выстрелов на человека. Не меньше.

— А вот тебя на линии огня мы что-то не видели.

— Я свое уже отстрелял.

— Ну, еще бы. — И все снова ухмыльнулись.

Слотер взглянул на Данлопа, затем на полицейских и, пожав плечами, потянул пистолет из кобуры.

Данлоп автоматически отступил назад. Он смотрел, как Слотер подходит улыбаясь к ребятам — локоть согнут, пистолет направлен вверх. Он сосредоточился на банках, напрягся, откинув тело чуть в сторону, расставил широко ноги, левую руку положил на бедро и стал медленно опускать правую, прицеливаясь. Пистолет у него был тридцать восьмого калибра, выполненный в вестерновском стиле, который можно было заряжать как обычными патронами, так и «магнумами», — изделие Рюгера. Исчерканная квадратами рукоятка револьвера была отлично сбалансирована для огромной ладони, из него можно было сделать всего один выстрел, так что пистолет каждый раз приходилось взводить заново. Но Слотеру казалось, что взводимый револьвер более надежен, — он меньше болтается в руке, когда нажимаешь на курок. И вот одна из банок дернулась, когда в нее смачно ударила пуля, отдача ощутимо и вместе с тем мягко прошла сквозь тело Натана, и он снова взвел собачку и выстрелил, взвел и выстрелил, пять раз подряд, эхо наслаивалось одно на другое, а банка выписывала какие-то странные кренделя, как будто исполняла древний звенящий танец, и с последним ударом развалилась на части. Слотер стрелял со скоростью, за которой глаз едва мог уследить, и в глубине души понимал, что он просто красуется и показывает своим ребятам нечто вроде трюка, заставляя их улыбаться, даже хохотать и хлопать в ладоши, пока он, пожимая плечами, выкидывает из барабана пустые гильзы. Натан положил их аккуратно в карман.

— Вам еще стрелять и стрелять, — сказал он, указывая на полупустые коробки с патронами, стоящие у ног полицейских. — А пиво-то становится все холоднее и холоднее. — Он взглянул на стоящего возле амбара Данлопа и направился к нему. — Не забудьте собрать за собой пустышки.

— Конечно, конечно, — загомонили мужчины, вновь переводя взгляды на измученные банки. И снова принялись стрелять, пока Слотер с Данлопом обогнули сарай и шли к дому.

— Стреляешь ты до сих пор классно, — сказал Гордон.

— Любого успеха можно добиться, если хорошенько потренироваться. Я ведь их не разыгрывал, просто перед их приходом сам стрелял. Иногда я практикуюсь вместе с ними.

Но в большинстве случаев сижу на крылечке и приветствую всех прибывающих. Этому я обучился, живя здесь. Западный джентльмен, сидящий у меня внутри, старается показать себя с наилучшей стороны.

И тут он увидел, как Данлоп улыбнулся. Это успокоило Слотера. Было очевидно, что Гордон не понимал, насколько был озабочен Слотер, ведь полицейские собрались здесь не просто для того, чтобы тренироваться в стрельбе по мишеням, а чтобы поговорить о надвигающейся на город беде. Натан вставлял в револьвер новые патроны.

— Так что у тебя с этим твоим сном?

— Я же сказал, что не хочу больше об этом говорить.

— Успокойся. В Детройте мы пережили все заварушки. Значит, и с другими бедами сможем справиться. — И, улынувшись, Слотер сошел с похрустывающей гравийной тропинки, поднялся по гулко грохочущему крыльцу и уже намеревался предложить Данлопу пивка, но тут его остановил Аккум.

— Ваш человек сказал, что эта тварь так и валяется в яме. Послушайте, мне бы хотелось точно узнать, не успела ли она вас укусить.

— Нет. Я об этом сам думал и тщательно себя осмотрел. Даже разделся, когда добрался до дома, но единственная отметина — царапина на щеке.

Данлоп еще разок взглянул на покрытую коркой ссадину, украшавшую лицо Натана.

Но Аккум не собирался так просто сдаваться.

— Оцарапала, но не укусила?

— Разве эта отметина похожа на укус? Нет, я совершенно уверен.

— И тем не менее я хотел бы осмотреть эту тварь. Не могут животные, особенно кошки, ни с того ни с сего набрасываться на людей.

— Некоторые кошки вполне могут. Еще в Детройте они не раз награждали меня царапинами и укусами. Живя в заброшенных зданиях, кошки совершенно дичают. Вы, конечно, понимаете, о чем я говорю. Но здесь все по-другому. Кошка может напасть, защищаясь, но никогда не станет первая кидаться на человека или кого бы то ни было.

И все пятеро замолчали. Данлоп прислушивался с интересом. Слотер повернулся к нему. Он заметил, что и Реттиг с новичком-полицейским тоже наблюдают за Гордоном.

— Вы правы, — сказал он Аккуму. — Этот человек — Гордон Данлоп. Еще в Детройте мы дружили. Однажды он даже написал обо мне статью. — Он посмотрел на Данлопа. — Гордон, послушай, у нас в городке происходит нечто странное, настолько странное, что мне бы не хотелось, чтобы ты об этом кому-нибудь рассказывал. Я собирался послать тебя в дом за пивом, но ведь ты бы тогда наверняка решил, что мы здесь что-то от тебя скрываем, и приложил бы все усилия чтобы все разузнать. Поэтому я позволю тебе остаться. Но только пойми одну вещь. Все, что касается лагеря в горах, — твое дело. А наш нынешний разговор — ни в коем случае не для статьи. — И он замолчал, ожидая ответа.

— Разумеется. Я уверен, что у тебя есть свои причины для подобных условий.

— Вскоре ты сам в этом убедишься. — Натан снова повернулся к Аккуму. — Прежде чем оправиться на это чертово поле, я зарядил револьвер патронами «магнум». Я уже говорил, что, выстрелив в ту проклятую тварину, я разнес ее башку в клочья. Я, конечно, не патологоанатом, но не заметить этого не мог. И я, разумеется знаю, что, проверяя животное на наличие бешенства или, как еще говорят, водобоязни, необходимо взять пробы его мозга.

— Это более-менее соответствует истине.

— Значит, мозги, чертовски досадно, но я могу вам предложить все, что угодно, только не мозг... Он кусочками разбросан по всему растреклятому полю, и столь замазан грязью, что вряд ли вам доставит удовольствие его исследовать. В общем пользы от него никакой. — И Слотер уставился прямо на врача. «Держись, черт», — говорил он себе. Стрельба по банкам его несколько успокоила, но как только заговорили о событиях прошлой ночи, Натан понял, что вновь готов умереть от ужаса.

Он повернулся к Данлопу.

— Ну вот. Все сказано. Теперь ты, конечно, все понял. Если эти сведения просочатся в город, мы получим полноценный бунт со всеми вытекающими из него прелестями: насилием, убийствами и прочим.

Лицо Данлопа посерело.

— То же самое произошло с этим парнем, Клиффордом?

Слотер внимательно разглядывал Гордона.

— Занимайся своим делом: раскапывай все, что хочешь про лагерь. Даю тебе карт-бланш. А насчет Клиффорда... Нет, мы не совсем уверены. Прошлой ночью мы никак не

могли прийти к единому мнению о причине его гибели. — Он развернулся лицом к Аккуму. — Именно собака его убила? Не кошка?

— Я уже говорил.

— Чудненько. — Слотер уставился в пол. — Нужно пивка хлебнуть. — Он оглядел всех присутствующих.

— Еще бы, — откликнулся Данлоп. — Мне тоже.

— Я притащу, — сказал Слотер и вошел в дом.

37

«Черт, да что же с тобой такое? — подумал Слотер, как только за ним захлопнулась дверь, и содрогнулся. — Ты, черт бы тебя драл, едва не сломался. Ведь на тебя всего лишь кошка кинулась, а ты повел себя так, словно никогда раньше не держал в руках пистолета. Да что с тобой происходит?

Я просто к такому не привык.

Скорее так: ты слаб и мягок. Ты привык к этой немудрящей и легкой жизни и расслабился. Черт, все для тебя было настолько просто, что в ту самую секунду, как беда подкралась ближе, ты едва не наложил полные штаны.

Нет, это не так. Я выполнил свой долг. Я отлично умею делать свою работу.

Но ведь тебе отлично известно, что ты лжешь. Ты годами можешь делать то, что, как тебе кажется, ты делаешь на «отлично». Но стоит появиться настоящей беде, как становится понятно, что ты ни черта не стоишь и боишься себе в этом признаться.

Блин, да я не знаю, почему пытался...

Знаешь, все ты прекрасно знаешь. Эта пустота внутри. Этот бакалейный магазин. Ты им должен был показать.

И это чистая правда».

Он стоял в чистенькой маленькой кухоньке и смотрел на два охладителя, целиком заполненные льдом и пивом, думая о том, что одну банку следует открыть сейчас же. Но таким образом он публично признается в своей слабости — открытая банка в руке, пока выносит охладители на крыльцо — не-ет... Может быть, его ребята и не заметят в этом проявления слабости, но в его собственных глазах это будет именно так и выглядеть. Слотер поднял охладитель, пронес его мимо дивана в гостиной и принялся открывать дверь.

Но на него никто не обратил внимания: все сконцентрировались на охладителе, его откинутой крышке, и мерцающем пространстве льда с банками «Бадвейзера». Это уже стало ритуалом: одновременно хлопнуть крышечками, и поднять дружно банки и затем выпить.

— Прелесть, что за пиво, правда? — спросил Слотер у Аккума, чувствуя, как влага холодит горло. Он надеялся, что это поможет ему расслабиться.

— Мне совершенно неважно, что вы мне говорили. Все равно, я хочу осмотреть эту кошку. Я уже предупредил ваших людей, чтобы присматривались к животным и сразу же сообщали о странном поведении зверей. Я же буду держать связь с больницей и тщательно осматривать всех покусанных. — Аккум уставился на свое пиво. — Просто не так уж много можно сделать, пока не поступит сообщение об очередном несчастном случае.

— Не пока, а если. — Какое-то время Реттиг молчал, поэтому при звуке его голоса все повернулись к нему.

— Верно. Не пока, а если. По крайней мере, нужно на это надеяться. — Пиво охладило слотеровский желудок.

— Нельзя ждать, пока засекут животное с пенящейся пастью. Потому что эти симптомы появляются в последнюю очередь, — объяснил Аккум. — Необходимо знать обо всех случаях беспричинного нападения животных. Абсолютно иррационального поведения. Агрессии.

Что-то щелкнуло у Слотера в мозгу.

— Это забавно.

— Что?

— Вы говорили то же самое о собаках, живущих в горах. И все промолчали.

Это чересчур, понял Слотер. Дело не только в них, но и в окружающей обстановке. Точно. Его ребята прекратили стрелять. Они обходили амбар, засовывая пистолеты в кобуры, перебрасывались шутками и смеялись, подходя ближе к людям возле крыльца, потирая руки в предвкушении пива.

— Кто умер? — спросил один из них.

— Нет, никто. Все в порядке. Просто у нас возникла небольшая проблема.

— Пустые гильзы мы подобрали.

— Отлично. Зарядите их снова. Нам понадобится много патронов.

Они замерли, держа в руках банки с пивом.

— Мне нужно проверить, как там мои лошадки. Можем прогуляться. И я расскажу вам все, что об этом знаю.

Он сошел с крыльца.

— Да не так уж и много там рассказывать, — услышал Натан и увидел, как Реттиг отступил на шаг назад и теперь беседует с Данлопом.

Реттиг поймал краем глаза взгляд Слотера.

— Ты уверен, что я могу поговорить с ним по поводу того лагеря в горах?

— Мне все равно. — «Хватит дергаться», — сказал он себе и отправился с остальными к лошадям.

38

Реттиг наблюдал за тем, как они удалялись. Несмотря на разрешение начальника, говорить о прошлом ему не хотелось. Он прекрасно помнил степень секретности этого дела. На город нахлынула такая волна бедствий, и в ту зиму это дело получило столь дурную огласку, что городской совет для обсуждения своих проблем устраивал тайные заседания. Тогда мэром — как впрочем и сейчас — был Парсонз, и полиция с советом пришли к полюбовному согласию, что следует все держать в тайне. Убийство — дело нешуточное. Иначе все эти хиппи вернутся, а с ними репортеры, и все завертелось бы с самого начала. Был тихий неприметный суд, скандал не вынесли за пределы долины, все окрестные горные городки выказали полное понимание, и жизнь в долине стала постепенно налаживаться. И хотя полиция штата могла вмешаться в ход дела, они не стали этого делать, понимая, что долина и город — одно целое, и Реттигу, который в то время был обычным полицейским, было приказано держать язык за зубами. Нет-нет, никто и никогда не говорил ему об этом открыто, но намек был столь ясен, что приходилось вести себя с чрезвычайной осторожностью. С тех пор прошло семь лет, но он хорошо помнил, как все было тогда и поэтому не мог так легко отказаться от давней привычки молчать об этом деле.

— Нет, серьезно. Почти ничего. Вы практически уже все знаете. Я был наверху и осматривал место преступления.

— Красный «корвет». Вы его обнаружили? — спросил Данлоп.

— Чего?

— Красный «корвет». Классический образец 69-го года, который вел Куиллер?

— Об этом я слышал. Нет, его мы не нашли. А, там был фургон и грузовичок-пикап. И все... Никаких «корветов». Можете мне верить.

— Что же, черт побери, происходит?

Реттиг уставился на Гордона.

— Я навел кое-какие справки и выяснил, что Куиллер его не продавал. Но я прекрасно знаю, что он в горы приехал на нем. Скажите же: что он сделал с машиной?

— А кто его знает? Я ведь рассказываю вам о том, что видел собственными глазами. Если бы я специально искал эту машину, то, может быть, и нашел бы ее. Но я-то искал парнишку.

— Нашли?

— Не сразу. Если честно, то совсем не сразу. Я проверил лагерь и лес. Если бы не остановился отлить, то, видимо, вообще бы его не обнаружил. Но когда обошел кругом уборную, то наткнулся на него в канаве, которую рыли, судя по всему, для другого. Он был такой грязный. Я помню... И страшно напуган: про то, что с ним случилось в лагере, он не рассказывал. Больше всего он боялся своего отца. Даже когда я привел парнишку к полицейским машинам, он отказался сесть в один автомобиль с папашей. Так что нам пришлось везти их по раздельности.

— А что по этому поводу сказал Куиллер?

— Простите?

— Куиллер?

— Реттиг пожал плечами.

— А его никто никогда не видел.

— Что? Вы обыскали лагерь, но не нашли Куиллера?

— Никто его не видел...

— Так где же он, черт, скрывался? И почему он скрывался, вот в чем вопрос?

— Меня спрашивать бесполезно. Вполне возможно, что он сидел где-то в лесу. Не вижу, почему это должно было меня заботить...

— Я этого сам не вижу, — ответил Данлоп нахмурившись, и заметил, что остальные продолжают также настороженно смотреть на него. — Но хотелось бы мне все это увидеть. И понять.

— Уоррен!

Он заливался криком. Она бегом выскочила из гостиной в кухню и высунулась из-за проволочной сетки на экранной двери, заметив, как он мчится через задний двор прямо к ней.

— Уоррен!

Он вцепился пальцами в руку. Она увидела кровь, рваную рану и выскочила на крыльцо, чтобы подхватить сына.

Он кричал, не переставая.

— Уоррен! Боже мой, что случилось?

Она схватила его, испачкав кровью рукав, почувствовала, как неистовые слезы заливают блузку.

Ничего не говоря, мальчик продолжал кричать.

— Уоррен! Ну, пожалуйста! Ты должен...

— Это все стекло!

— Но...

— Разбитое стекло!

— Ты должен показать!

Она смотрела на него, на кровь. И не знала, что же делать. Пожалуй, следовало остановить кровь. Но откуда она взялась? Что это за рана? И насколько она глубока?

— Покажи, где стекло, Уоррен.

Мальчик кивнул в сторону заднего двора. Она взглянула через двор на металлическую бочку во дворе старика, что жил через переулок. Увидела на неровном краю кровь и побежала. Она так внимательно всматривалась в бочку, что не заметила возле кустов игрушечный грузовичок, споткнулась и грохнулась на гравий, которым была усыпана тропинка, разбив руки в кровь, но быстро вскочила на ноги и пошатываясь направилась к бочке.

— Боже, мой, кровь.

Она покрывала все: ржавые банки, битое стекло, горелые остатки мусора, который сжигал старик-сосед, пока муниципалитет не запретил подобные кострища. Видимо, Уоррен забрался на пепельно-угольный блок, пытаясь до чего-то дотянуться, но потерял равновесие и порезался.

Она резко обернулась, чтобы посмотреть на него. Парнишка, придерживая раненую руку, уже взобрался на крыльцо и рванул к задней двери и прежде, чем мать успела его позвать, вскочил в дом. Она побежал вслед за ним между кустами, по тропинке, смотря на приближающую-

юся дверь, и вот она уже добралась до ручки и ввалилась внутрь. Кровь была разлита по полу, и мать ринулась по коридору в ванную комнату, но там никого не оказалось. Куда он подевался? Она кинулась назад: сын сидел в спальне, рыдая и заливая кровью простыни. Она бросилась к нему. Черт с ними, с простынями, она схватила одну и, нагнув ее мальчишке на руку, быстро повела его в ванную.

— Нет!

— Мне же нужно промыть рану, взглянуть, как сильно ты...

— Не прикасайся!

Он рыдал, когда мать отбросила простыню и погрузила его руку в раковину. Повернула кран.

Мальчишка заорал с новой силой.

Слишком горячо. Женщина повернула второй кран, и вода стала чуть теплой. Она принялась лить ее на рану. Кровоточащее мясо. Рвань уже виднелась, но кровь текла не переставая, не давая ничего разглядеть, и мать принялась потихоньку убирать из нее грязь и темные сгустки, глубоко, широко и неровно развалилась рана. «Крошка мой», — думала женщина, чувствуя, как он приваливается к ней и, даже не смотря на его лицо, она поняла, что мальчик потерял сознание.

40

Он учуял нечто странное и попытался скользнуть обратно в темноту, но запах становился все сильнее, и он заморгал, приоткрыл глаза и тут же зажмурился от света, заполнявшего все пространство вокруг него, наконец, он разглядел странного человека в белом, наклонившегося совсем близко. Мальчик начал плакать.

— Все в порядке, Уоррен.

Голос матери; он повернулся на него. Вот она. И отец сидит с ней рядом. Выглядели они рассерженно.

— Мамошка, я...

— Все в порядке, Уоррен. Ничего не бойся. Это врач.

Снова перевел взгляд на человека в белом и заметил на его руках красные пятна. Мужчина держал что-то типа пластиковой пилюли, которую он разломил и из которой шел этот странный запах. Уоррен плакал не переставая. Человек в белом был намного моложе и тоньше, чем тот доктор, к

которому его всегда водили, а веснушки на его лице очень походили на кровавые пятна на его халате, поэтому Уоррен не мог прекратить плакать.

— Тихо, сынок, все нормально. Все теперь будет в порядке. Ты в полной норме.

И постепенно до Уоррена начало доходить, что он лежит на столе, что тело его накрыто белой простыней и что рука онемела и не двигается. Он попробовал ее поднять. Рука походила на обрубок белого дерева, до того была замотана бинтами, и Уоррен не мог ни пошевелить пальцами, ни увидеть их.

— Он все еще в шоке. Поэтому смотрит на белое, чтобы отрегулировать зрительную и остальные системы, — услышал мальчик голос врача.

Кто-то вытер ему глаза. Он посмотрел в ту сторону. Его мама. Она улыбалась. Значит, она все-таки не сердилась. Как же он сюда попал?

— Уоррен, ты можешь нам рассказать, как все произошло?

Мальчик повернул голову к доктору и постарался вспомнить свой план.

— Да, стекло, — промямлил он медленно.

— На куче мусора?

— Да, я порезался.

Отец сжал кулак.

— Я покажу этому старому него...

— Пожалуйста, Хэрри, не здесь, — оборвала его мать.

Значит, вранье удалось. Он позволил родителям продолжать разговор без него.

Тут вмешался врач.

— Уоррен, давай, я расскажу тебе, что сделано. Ты должен знать, что ни при каких обстоятельствах нельзя снимать повязку. Я тебя зашил. Нитками с иглой. Понятно?

— Да, как мамочка шьет платья.

Тут все, конечно, заулыбались.

— Что-то вроде этого. Ты слишком сильно поранился, чтобы мы могли оставить рану заживать саму. Я взял материал, напоминающий струну, только это, конечно, не струна и даже не леска. Хотя очень похожа. Так вот я этой леской-струной тебя и зашил.

— Вот такой, какая здесь лежит?

— Да.

— И она останется во мне навсегда?

— Нет. С недельку или около этого. Потом я вытащу ее, и ты будешь выглядеть таким же, как раньше. Только у тебя, наверное, останется шрам, — врач посмотрел на мать и отца, — но с возрастом его практически не будет видно. Но вот что ты обязан запомнить: эту твою больную руку ни в коем случае нельзя ничем нагружать. Если ты будешь пытаться поднимать тяжелые вещи или сильно сжимать кулак, то стежки могут разойтись. Так что не напрягайся. Пусть тяжести за тебя поднимают мама и папа.

— И они будут за меня постель убирать?

— Можешь в этом нисколько не сомневаться, — ответил отец. — И ежедневное пособие будет тоже назначено.

Тогда и Уоррен заулыбался. Все нормально, ему удалось всех провести, поэтому можно было утереть слезы, неуклюже поводя забинтованной рукой и пытаясь сесть.

— Дай-ка я тебе помогу.

Мама, она усадила его на краешке стола.

— Я думаю, что с ним все будет в порядке, — сказал доктор. — Отправляйтесь сейчас домой. Вот вам таблетки на случай болей, после того как закончится местная анестезия. Позвоните, если будут какие-нибудь осложнения. Но мне кажется, что все будет в порядке, так что привозите его через недельки полторы — вот так.

— А повязка?

— Меняйте ежевечерне. Поначалу придется отмачивать бинты, прежде чем снять. Я не хочу, чтобы какие-нибудь сухие кровяные сгустки прилипали к зашитым местам.

— Как ему одеваться?

— Да как угодно — форма одежды домашняя. Можете давать в обед мороженое. Я ввел ему противостолбнячную сыворотку, так что не вижу никаких проблем.

— Тогда все. Спасибо вам.

— Удачно, что вы смогли так быстро привезти его ко мне. Кровотечение было очень сильным.

Они еще о чем-то говорили, но Уоррен не слушал. Он осматривал кабинет, все эти стеклянные шкафы, блестящие металлические штучки, ему вовсе не хотелось ни о чем думать, и он почувствовал себя совсем сонным. Разок он даже чуть не ковырнулся со стола вперед головой.

— Ну-ну, молодой человек. Я думаю, вам пора домой.

Несмотря на дергающую огневую боль, распространяющуюся по руке, Уоррен чувствовал себя абсолютно счастливым. Ему удалось их провести. Как учила мать, он

поблагодарил врача и даже здоровой рукой пожал мужчине ладонь, и вот они вышли из кабинета, и тут он понял, что это вовсе не то место, куда его обычно приводили. Коридор, медсестры, старик в кресле с колесиками... и тут он, наконец, догадался, что родители привезли его в больницу. Он знал, что рана тяжелая, но не думал, что настолько. Они прошли сквозь самораскрывающиеся перед ними с шипением двери, и сестрички беспрерывно улыбались ему, а вот уже их автомобиль.

Отец держал его за здоровую руку. Смотри-ка, он даже не сердится, хотя мать вызвала его с работы. Уоррен был доволен, что его выдумка удалась, и все прошло гладко. Весь вечер и всю ночь он пытался придумать, как получше скрыть укус. Но его осенило только тогда, когда он бросился в ванную. Рука распухла, горела, рваные края раны саднили. Он заходился от боли. Ко времени завтрака в комнату зашла мать, чтобы разбудить его, но он зарылся в простыни, притворяясь, что не хочет просыпаться. Он оставался в постели до тех пор, пока не понял, что вот сейчас за ним уж точно придут. Поэтому он стал подслушивать, а когда убедился, что мать находится в гостиной, встал и кое-как сам оделся. Боль была столь сильна, что его трясло. Он поскользнулся и на рукаве выступила кровь. Но к тому самому времени он уже придумал, что делать и выскользнул на улицу, побежав к мусорной куче. Самая дрянь началась, когда ему пришлось наклониться над мусором, чтобы налить кровь на осколки стекла. Когда он отцепил пропитанную кровью тряпку, то увидел распухшую пульсирующую рану с комьями засохшей грязной крови, настолько омерзительную, что его едва не стошнило. Его затрясло, и Уоррен прикоснулся рукой к разбитой бутылке. Таким образом он исполнил свой план до конца. Но тут он потерял равновесие, случайно надавил на руку, и рана словно взорвалась. Никогда раньше он не испытывал такой глубоко саднящей боли.

Поэтому-то он и не мог заглушить крик. Никак.

41

— Расскажи, как ты здесь очутился.

— На машине приехал.

Данлоп рассмеялся. Они ехали на патрульной машине к городу. Гордон посмотрел на Слотера.

— Нет, серьезно.
— Ты знаешь, об этом мне бы не очень хотелось говорить.
— Твои слова здорово смахивают на мои. — Данлоп увидел, как на сей раз Слотер взглянул на него.

— У тебя руки трясутся.
— Я уже к этому привык.
— Хочешь выпить?
— И не единойжды.
— Тебе бы лучше на всякий пожарный таскать с собой бутылку.

— Я ее в номере оставил. Видишь, какой храбрец. Был...

— Неужто настолько плохо?

— Еще хуже. Я ведь не шутовал.

— Что за сон тебе снится?

— Так расскажешь, как ты здесь очутился?

Слотер взглянул на него. Глаза его странно поблескивали, словно он о чем-то все время упорно думал.

— Со мной что-то произошло. Сломался, или нет, совсем издергался.

Данлоп знал, насколько трудно было Натану в этом признаться.

— Я на тебя рассчитываю...

— Да, я так и понял.

— Мне наплевать на то, каким я был, но то, каким я стал... Жена со мной развелась.

— Ты что ей изменял?

— Нет, ничего подобного у меня никогда не было.

— Значит, она просто не смогла больше тебя выносить.

— Точно.

— Думаю, что моя женушка тоже скоро со мной разведется.

— По той же самой причине?

— Точно.

— Из-за пьянства?

— Частично.

— Когда я уволился из полиции, то однажды ночью сел на кухне и спросил сам себя, где мне лучше всего оказаться.

— Неужели ты решил, что лучше этого места не найти на всем свете?

— Нет, ты погоди. Я разложил карту. Знаешь, я всегда мечтал о горах... и о бегающих по полям, совершенно свободных лошадях... Я ведь никогда не видел ничего подобного,

никогда даже близко не приближался к таким местам... Но для меня горы олицетворяли все то, в чем я тогда нуждался. Так вот: я стал изучать все горные штаты и выбрал среди них те, в которых разводили лошадей.

— И выбрал Вайоминг.

— Нет, просто закрыл глаза и ткнул пальцем.

— И вышел Поттерс Филд?

— Я знаю кучу людей, забравшихся в еще большую глушь, и по менее веским причинам.

— Я ведь не спрашиваю, какие причины были у тебя.

— Я знаю. Так вот: на следующий день я выехал и — полюбил эти места. Нет, разумеется, сперва дела шли погано. Попытался было выращивать лошадей, но все спустил псу под хвост. И следующим номером моей программы был полицейский участок — снова-здорово. Но здешняя жизнь мне кажется именно такой, какой бы я хотел ее видеть. Здесь нет сложных проблем, и я могу с ними справиться. Я свободен. А вот с тобой что произошло?

— Да просто у этого парня, который сидит тут рядом с тобой были полные штаны амбиций. Приходилось всякий раз доказывать, что ты действительно такой крутой, каким представляешься и всякий раз оказывалось, что это совсем не так.

— А может быть просто так любил зашибать, что это вышибло из тебя всю прыть?

Данлоп пожал плечами.

— Что было сперва: курица или яйцо? Да и какая разница? Все равно я очутился здесь. Неважно, что меня сюда привело, просто нужно признать, что здесь мне самое место. Нигде. И я никто и звать меня никак.

— Так почему бы не прекратить воевать с самим собой? Почему не осесть в таком вот местечке?

Данлоп засмеялся.

— Да нет, я серьезно, — настаивал Слотер. — Ведь все могло бы быть намного хуже. Но иногда мы оказываемся именно в том месте, которое нам необходимо.

— Или которое заслуживаем. Натан, это чересчур напряженно снова оказаться вместе, и когда!.. Я чертовски рад тебя видеть. Но знаешь, мне не нравится то, что я чувствую.

Оно обнюхивало ботинок. Но вдруг отпрянуло назад и село на корточки, почувствовав в горле странное ощущение. Удушающий спазм прошел, и оно уставилось на ботинок. Подождало и уже почти решило снова обнюхать его, но потом передумало, торопливо отправившись к куче одежды, лежащей в углу. Голубая, жесткая, грязная и влажная, как и ботинок. И вновь горло перехватило, зацарапало, и от этого оно взъярилось и, отскочив от одежды, зарычало.

Несколько в стороне лежал еще один ботинок: на сей раз длинный и темный, сквозь поверхность которого просвечивали светлые пятна, и который слабо пахнул — частично потом, частично животным, которому он когда-то принадлежал. Оно принялось и подобралось поближе. Затем закусало кожу и помотало мордой, сапог свободно болтался в пасти, летая из стороны в сторону. Но одежда, висящая наверху, терлась о голову и здорово раздражала, поэтому оно хватануло лапой, зацепилось за карман, потянуло вниз, и какие-то вещи свалились вниз. Обмотанное тряпками, испуганное, оно отчаянно пыталось выбраться из-под одежды, рыча, отбиваясь лапами и скидывая другие вещи. Тут оно стало принюхиваться. Мыло и какие-то хамикалии, оно затывало. Закусив крепко ткань и разрывая ее на мелкие полосы, оно услышало какие-то звуки, доносившиеся из коридора. Повернулось, всматриваясь. Но дверь была закрыта. Шум прекратился. Поэтому оно вернулось к одежде, трепля ее и рыча.

Что-то процокало. Оно стояло мордой к дверям. Ручка принялась поворачиваться. Оно замерло, — ткань свисала с морды. Ручка продолжала проворачиваться. Дверь открылась, и вошла она. Со свисающей с зубов тканью, оно обнажило клыки и зарычало. На нее.

Она коротко вздохнула:

— Уоррен?

И тогда оно прыгнуло. Она отступила назад. Локоть ударился о дверь. Она захлопнулась и женщина заблокировала ее своим телом, тщетно пытаясь повернуть ручку, когда оно снова прыгнуло вперед. Стараясь избежать зубов, она отступила к шкафу.

— Уоррен!

Но оно лишь оскалилось, не останавливаясь.

— Уоррен!!!

Женщина отпихивалась ногами, кидала с трюмо фотографии, отступила и опрокинулась на кровать, когда оно летело через комнату, — она закричала. Прыгнув в последний раз, оно упало на женщину, и они оба скатились с кровати. Она сильно ударилась спиной об пол, и пасть щелкнула возле ее горла. Женщина захрипела и ударила по ней. Удар пришелся по носу и по горлу. Оно почувствовало, как кровь заструилась по губам, распробовала ее вкус, когда она попала в рот, и подавилось. Широко разинув рот, оно пыталось избавиться от кровавого привкуса, разозленное струящимся в глотку кровавым потоком и сомкнуло зубы. Его мгновенным замешательством воспользовалась женщина, она нащупала угол стола, находившегося рядом с кроватью и, опершись на него, попыталась подняться, отбиваясь ногами. К его морде стремительно приближался ботинок, но ему удалось увернуться и оно вонзило зубы в ногу над кожей туфли. Женщина взвыла и попыталась высвободить ногу, но оно рычало, смыкая клыки и чувствуя, как кровь струится в глотку и ощущая все тот же солоноватый привкус. И снова подавилось, пока женщина крича выворачивала ногу, вырывая ее из пасти. Что-то тяжелое ударило его в плечо и рядом с мордой рухнула лампа и абажур. Пронзительная боль прокатилась по руке. Визгнув, оно на мгновение застыло в нерешительности. Но прежде чем оно сумело прийти в себя, женщина вскочила на ноги и, оступившись, заковыляла к двери, но оно развернулось, рыкнуло и, прыгнув, добралось до створки, поворачивая ручку, пытаясь вывалиться в коридор.

Но всего лишь стукнулось в дверь, царапая когтями ручку. Женщина с другой стороны кричала не переставая. Ручка не поддавалась. Оно слышало крик и смутно понимало, что женщина держит ручку, держит дверь и что выбраться таким образом оно не сможет. Даже больше: оно почувствовало опасность. Подойдут другие. Они загонят его в ловушку. Надо убираться. Оно развернулось в поисках выхода, увидело раскрытое окно, сетку — за ней была свобода — и рванулось вперед, прыгнуло и ударилось телом в сетку. Проволока поддалась, врезаясь в лицо. Сетка порвалась, и оно вывалилось на крыльцо, сразу же поднявшись, но оно ничего не видело вокруг от боли. Оно помотало головой, чувствуя, как

рот заполняет соленый поток. Когда зрение возвратилось, оно закашлялось, отплевываясь. Навалившись на проволочную ограду, оно свалилось в кусты.

— Уоррен! — услышало оно чей-то крик.

43

Слотер принял сообщение, подъезжая к пригородам. Взяв микрофон, он произнес:

— Понял, Мардж, — включил сирену и мигалку и посмотрел на Данлопа. — Так, с выпивкой придется несколько обождать.

Он резко надавил на педаль, набрал скорость, проскакивая мимо начавших попадаться домов, вывернул в боковую улочку, не обращая внимания на удивленно воззрившихся на машину людей, сосредоточился под завывание сирены на бегущей впереди дороге. Крутанул руль резко влево, едва успев объехать молодого паренька на фургоне. «Ну, конечно, — съязвил он про себя, похолодев от страха, — зачем тебе быть осторожным, убил одного ребенка, теперь ищешь очередную жертву, так, что ли? Скинь скорость. Будет мало проку, если по пути на место происшествия ты кого-нибудь угробишь. Тогда уж торопиться будет некуда».

Но он не мог сбавить скорость. Руки тряслись, когда Натан заставлял себя следить за людьми, спускающимися с тротуара перед его машиной или вылезающими из своих автомобилей. На полном ходу Слотер проскочил мимо красного сигнала, едва не врезавшись в едущую сбоку машину, скрипя тормозами, вывернул за угол и тут увидел сгрудившихся людей и автомобили выше по улице, одна высокая женщина стояла рыдая, вторая же поддерживала ее за плечи.

Люди стали оборачиваться к полицейской машине. Натан, нагнувшись, вырубил сирену с мигалкой. К окруженному дому подходили все новые и новые прохожие, и, наконец, Слотеру удалось остановиться. Он пристал к тротуару перед машиной, нарушив тем самым правила стоянки, выключил мотор и взял шляпу. Сзади подъехал грузовичок водопроводчика. Он остановился, и в эту же секунду Слотер выскочил из машины и ринулся через газон. Оглянувшись через плечо, Натан заметил высокого человека, выпрыгнувшего из кабины и подбежавшего к группе женщин: все понятно — это муж.

Они прибыли почти одновременно и теперь проталкивались сквозь толпу. Слотер чувствовал, что сзади, не отставая следует Данлоп.

Женщина вцепилась мужу в плечи.

— Что случилось, Пег?

— Он на меня напал.

— Кто? — Это уже подошел Слотер.

Она, всхлипывая, объяснила:

— Да Уоррен же, — и задохнулась.

Наконец-то у Натана появилось имя бандита.

— Что с вашей ногой?

И все посмотрели на кровь, струящуюся по ноге и набирающуюся в туфлю.

— Он меня укусил.

— Кто? — крикнул муж.

— Я же говорю, что не могла от него убежать, и...

— Где он? — спросил Слотер.

— Выпрыгнул в окно. Даже не выпрыгнул, а выполз, словно какое-то животное.

И Слотер помчался к дому. Это было одноэтажное здание с крыльцом, идущим по периметру вдоль фронтальной и под прямым углом части. И только тут до него дошло, что Уоррен, видимо, и есть тот мальчик, о котором Мардж сообщила по передатчику, и он решил посмотреть внутрь дома сквозь окна, а не заходить в комнаты, чтобы избежать риска внезапного нападения. Он прошел мимо росшей перед домом осины и по ступеням взбежал на крыльцо. Доски вовсю заходили под его весом, пока он осматривал сквозь окна гостиную, но, ничего не обнаружив, забежал за угол. Оттуда еще одно окно выходило в гостиную, но его Натан осматривать не стал, потому что остановившись вперился в разорванную сетку, свисавшую с другой рамы. Вытащив пистолет — это против маленького-то мальчика? — и проглотив комок, застрявший в горле, Слотер заглянул в комнату, бывшую спальней. Там все было перевернуто вверх дном и повсюду — и на крыльце тоже — виднелась кровь. Натан повернулся к перилам и заметил на дереве кровавые следы и на сломанных ветках кустарника тоже. Он осмотрел гравийную тропинку, уходящую куда-то в сторону, и побежал обратно к входу.

Женщина всхлипывала, не переставая, муж обнимал ее за плечи. Чуть поодаль выстроились соседи и просто прохожие, наблюдая и переговариваясь вполголоса.

— Он что, выскочил через окно спальни? — спросил Слотер мать.

Она закивала, не в силах ничего произнести.

— И побежал по дорожке, что позади дома?

— Я не видела. Лишь услышала шум, а когда выглянула, он уже исчез. Почему он так поступил?

— Этого я пока не знаю.

— Не понимаю, зачем он меня искушал. — Она несколько раз безутешно всхлипнула, а Слотер, на секунду задумавшись, вдруг сорвался с места и помчался к своей машине.

— Мардж, у нас тут неприятности. Этот парнишка, судя по всему, немного свихнулся. Напал на мать и сейчас где-то носится. Мне нужно, чтобы все подразделения начали его искать.

— Но у нас и так поступает огромное количество звонков и вызовов.

— Мне плевать. Вызывай всех. По тому адресу, который ты мне дала. И еще одно. Вызови Аккума.

— Кто-нибудь умер?

— Вызови и все. Нет времени болтать. Я выйду на связь через минут пятнадцать.

Он до боли сжал в руках микрофон. Он не додумался расспросить мать, но подозревал, каков будет ответ, хотя, конечно, для полной уверенности следовало все узнать конкретно, поэтому выскользнул из кабины и, мельком взглянув на Данлопа, стоящего рядом, снова побежал к женщине.

Она все еще вжималась в грудь мужа.

— Миссис Стэндиш. — Фамилию он прочитал на почтовом ящике. — Послушайте, я, конечно, понимаю, в каком вы состоянии и все такое, но мне просто необходимо задать вам несколько вопросов.

Она медленно повернулась к нему.

Так, беда станет очевидной для всех, но задать вопросы ему просто необходимо. Он посмотрел на стоящих рядом людей и, повернувшись к ним спиной, сказал:

— Ваш сын не жаловался на какое-нибудь животное, агрессивно к нему настроенное? Может быть, его покусала собака, кошка оцарапала? Что-нибудь в этом духе?

Все уставились на него.

— Что-то я не понимаю, — проямлила женщина.

— Никаких укусов не было, — ответил за нее муж. — Мы запретили ему играть с животными, которых он не знает.

— Правда, он порезался, — добавила женщина, и Слотер взглянул на нее.

— А в чем дело? — спросила она.

— Я пока не знаю. Расскажите-ка о том, как он порезался.

— Это все разбитое стекло, — сказал муж. — Там за дорожкой мусорная куча. Бочки всякие, бутылки.

Вот теперь Слотер был озадачен. Он-то пребывал в полной уверенности, что мальчишку покусал кто-то.

— Несколько недель назад. Вспоминайте. Вам ничего странным не показалось?

— Этим утром.

— Что утром?..

— Он порезался этим утром. Почему обязательно собачий укус? И почему это так важно?

Слотер не нашел в себе сил признаться.

— Да в горах дикie собаки расшалились. Так, пустяки. Послушайте, мне необходимо фото вашего сына. Чтобы мои люди смогли его опознать.

Натан надеялся, что его трюк удался и что он сумел незаметно переменить тему: родители смотрели на него не отрываясь, а потом медленно кивнули. Потом побрели к дому; Слотер шел позади недоумеая. Если мальчишку никто не кусал, почему же он тогда так себя повел? Может быть, то, что он сказал Мардж, действительно правильно? Ну, что парнишка слегка свихнулся?.. Может быть, с ним отвратительно обращались? А он просто отбивался? Отбивался, отбивался, а потом взял и удрал из дома. В общем получить на это ответ можно было, лишь отыскав мальчика, и пока родители входили в дом, Слотер повернулся и взглянул на солнце, которое почти зашло за западные горы. Скоро наступят сумерки, затем ночь, и каким образом они смогут отыскать мальчика в темноте — одному Богу известно.

Он осмотрелся в гостиной: комната была аккуратно прибрана. Люди, так славno следящие за домом, разумеется, не станут бить своего ребенка. Но в Детройте его несколько раз проводили таким образом, и поэтому Натану страшно захотелось, чтобы здесь поскорее оказались его ребята, чтобы можно было начать поиски.

Муж принес фотокарточку: блондин со смышленным личиком и голубыми глазами в воскресном костюмчике. Парнишка сильно напомнил Слотеру его собственного сынишку, когда тот был в таком же возрасте, поэтому смотреть на фотогра-

фию ему было не очень удобно. «Черт, парень должен был быть просто в ужасе», — подумал он, не выказывая, однако, никаких чувств. Он просто сказал:

— Я вам ее верну. Спасибо.

— Послушайте, моя жена сейчас слишком устала, чтобы возвращаться и о чем-то разговаривать. Просто отыщите его, хорошо?

Слотер услышал приближающийся вой сирен и, обернувшись к дверям, увидел выворачивающие на улицу две полицейские машины.

— Мы его вернем, это я вам обещаю. — Он помолчал и затем добавил. — Думаю, вашей жене следует показаться врачу.

— Отдохнет и придет в себя.

— Нет, я имел в виду ее ногу. Человеческий укус. Вполне возможно заражение.

— Я ее хорошенько промою.

— Вызовите врача, — упрямо повторил Слотер. — Я обязательно это проверю. А сейчас мне нужно идти.

Он сошел с крыльца. Фотографию Натан держал в руке, — к нему уже спешили полицейские.

— Вот кого будем искать, — объяснил он. — Зовут Уоррен, и, по-моему, он здорово напуган. Но знаете что: держитесь от него подальше. Правда, он всего лишь ребенок, но зато уже напал на свою мать, а мне не нужно, чтобы кто-нибудь из вас пострадал.

Полицейские нахмурились, вглядываясь в фотографию.

— Вы двое прочешете улицы по эту сторону. Вы — в другую. Я беру на себя дорожку, что идет позади дома. Помните. Не теряйте бдительности. Не думайте о том, что он еще малыш. Не знаю, что тут произошло, но дело явно не чисто.

Он внимательно осмотрел свою команду, а затем повернулся к людям, стоящим на лужайке.

— Все нормально. Мы взяли все под свой контроль. Я хочу, чтобы все разошлись по домам.

Но никто не двинулся с места: люди молча смотрели на Слотера.

— Вы ведь только мешаете.

Натан двинулся к толпе, разгоняя ее руками и, наконец, нехотя, люди стали отлепляться друг от друга и уходить.

— Вскоре вы обо всем, что здесь произошло, узнаете. А сейчас расходитесь.

Народ двинулся по домам, а Слотер повернулся к своим людям. Патрульные садились в машины и уезжали, и вот, наконец, Натан остался почти в полном одиночестве, не считая уставившегося на него Данлопа.

— У меня нет времени довозить тебя до твоей гостиницы.

— Я и не надеялся.

Слотер кивнул.

— Если он не был искусан...

— Верно. Все знаю. Тогда тут что-то не увязывается. — И, хлопнув дверцами, они поехали за дом.

44

Он услышал шум внизу и увидел, как из ямы выскочил пес — уши прижаты к спине, хвост между лап — и, мельком взглянув на него, промчался мимо. Увидел, как из пасти животного свисает кусок окровавленного перекрученного сухожилия, и хотя ему необходимо было уточнить по справочникам, находящимся в его кабинете, но он был почти уверен в том, что бешенство может передаваться через гнивающее мясо животных. Пистолета у него с собой не было, да если бы и был, он все равно не знал, как с ним обращаться. Но стой рядом с ним Слотер, он попросил бы его либо пристрелить пса, либо попытаться поймать его. Но ловить его было очень рискованно, да, и собака могла быть очень осторожной и умной. Лучше просто пристрелить. Неважно, кто ее хозяин. Неважно, что лучше бы иметь живого зверя, чтобы провести все надлежащие тесты. Эта собака представляла собой опасность. Она огромными скачками неслась к выгонам скота, нетрудно было подсчитать, каков будет ущерб, если в здешних местах действительно вспыхнет эпидемия водобоязни. Нет, конечно, сейчас еще рано пугаться, к тому же собака может и не искушать коров, но ведь она может есть с ними из одного корыта и таким образом иметь контакт с копытными. Он увидел, как собака исчезла в кустах возле выгона, и стадо зашевелилось, разбредаясь и собираясь вновь. Затем Аккум облизал губы и посмотрел на солнце.

Полдень, жара, хочется пить. До смерти. Пиджак он оставил в машине и теперь, приспустив узел галстука, стал негнушима пальцами расстегивать верхнюю пуговку рубашки. Потом закатал рукава рубашки и пошел к вымоине.

Каждый издаваемый им звук казался четким и ожившим, как, например, скрип сухого песка под подошвами ботинок — он не носил ковбойских сапог, как это делали многие горожане, а костюмы его были еще тех времен, когда он покупал их на Востоке. Когда он приблизился к убитой кошке, ему стало совершенно ясно, что осмотр того, что кучей лежало у его ног, — пустая трата времени. Это были лишь отдельные куски и брызги мозга и, что еще хуже, на них уже виднелись мушинные яйца, и повсюду витал запах разложения. Зверюга действительно была огромной: черный массивный кот. Он понимал, почему Слотер сначала не увидел животное и потом, когда оно прыгнуло ему на горло, так перепугался. Но уж лучше бы он не убивал кота или хотя бы выстрелил куда-нибудь за голову — в шею, например. Да, тут уж ничего поделать нельзя. Конечно, нельзя убитое животное так оставлять... В том случае, если останки заразны, следует запечатать их в пластиковый пакет, а затем уничтожить.

Он работал внимательно. Надел лабораторный халат, резиновые перчатки, повязал маску и пользовался тяжелыми хирургическими щипцами, беря куски разложившегося животного и засовывая их в пластиковый мешок, который он держал одной рукой. Вся процедура заняла полчаса. Когда в пакет отправился последний кусок, он кинул туда же и щипцы. Высохшая кровь на песке ему очень не понравилась и, подойдя к машине, он вытащил из багажника лопату, которую всегда возил с собой, и мешочек щелока, и через пятнадцать минут песок оказался в том же пакете, что и останки кота, а вымоина побледнела от щелока. Он завязал пластиковый мешок, положил его в другой, и только после этого поместил свой страшный груз в багажник. Потом снял халат, маску и, осторожно стянув перчатки, бросил все это вместе с лопаткой в мешок со щелоком, запер багажник и подумал о том, что, пожалуй, больше ничего сделать не может.

Внезапно он почувствовал тишину. Ветра, шума проезжающих машин и даже звуков коровьего стада не было слышно. Как и разговоров людей. «Ну, что же, это понятно, — подумал он, — суббота, особо делать в городе нечего». Но у него появилось странное ощущение, будто он не один здесь. «Еще бы, — подумал он. — Халат, резиновые перчатки и маску я спрятал. Кажется, будто я пришелец с другой планеты. Просто, видимо, соседи, что сидят по домам, смотрят

и наблюдают за моими действиями из-за планок жалюзи». Но, оглянувшись на дома, он не заметил никакого движения и, отгоняя от себя дурные предчувствия, сел в машину и отъехал.

У него было ощущение, что он запутывается, или же кто-то его запутывает. Если бы он не принимал все так близко к сердцу, то не находился бы сейчас на грани нервного срыва, и вся проблема в абстрактном, чисто научном плане представляла бы несомненный интерес. Загадка должна быть решена. Тайна, которую следует раскрыть. Он проезжал мимо кота, распростершегося во всей кошачьей красоте на прогретом солнцем крыльце. Проехал мимо парнишки, гуливавшего кокер-спаниеля. И так как денек выдался жаркий, он выставил в окно руку, и волосы на коже поднялись, сопротивляясь потоку воздуха, вдуваемого внутрь кабины. Его изумил подъем, который он чувствовал в душе. Через десяток кварталов он повернул к автостоянке возле больницы. Помахал рукой выезжавшему из парковки врачу из детского отделения. Заехав задом на освободившееся место, он вылез из машины, держа в руках ключи, чтобы открыть багажник, но тут что-то его поразило, он замедлил движения, а потом и вовсе остановился.

Он настолько привык к этому, что давным-давно перестал обращать на это внимание. Но сегодня, когда все, о чем он думал, сбивало его с толку, звук изменился и привлек к себе внимание.

Он задержал руку, которая уже хотела открыть багажник. Даже когда все его тело развернулось в сторону деревьев, рука все еще был вытянута, пока он этого не заметил и не опустил ее. Почувствовав, что мускулы свело так, что он едва мог двигать ногами, Аккум прошелся мимо зарослей, вглядываясь в просветы между деревьями. Все те годы, что он здесь работал, ему в голову не приходило проверить, что там в лесу. Понаслышке он знал, что внизу есть русло пересохшего ручья, которое весной заполняется гудящим потоком тающих снегов, сбегających с гор. Но приближаться к такому бешеному ручью было небезопасно, поэтому доктор наблюдал за ним со стоянки автомобилей. Все деревья здесь были покрыты листвой, а ранней весной, когда сквозь ветви открывался спокойный вид в глубину леса, Аккуму казалось, что никакая беда оттуда не может исходить. Но сейчас, в июне, когда переплетение ветвей сильно напоминало заросли в джунглях, а толстые стволы деревьев, нависающих выю-

щихся растений, кустов, покрытых ползучим плющом, казались непроходимой стеной, не говоря уже о проржавевшей металлической ограде, отделявшей дорогу от леса, все было иначе. Ему стало не по себе.

Аккум боялся змей и вообще того, что ползало и чего он не мог увидеть в траве, но сейчас все его мысли были заняты звуком, доносившимся из-за деревьев. Он добрался до ограды, взялся рукой за проседающий в почву столб и, пытаясь удержать равновесие, поставил ногу на проволочное ограждение. Столб еще сильнее накренился, но Аккум продолжал давить на него, столб мягко разломился пополам и наклонился к земле, где и повис на покачивающейся проволоке.

Доктор взглянул вниз и увидел муравьев: сотни, может быть, тысячи. Они спасались бегством из разрушенного гнезда, находившегося в гнилом сломавшемся столбе, муравьи-няньки хватали матово-белые яйца и разбегались в разных направлениях. Аккум отпрянул назад. Черт, все эти мерзкие ползучие твари. Кожу начало покалывать. Во рту появился кисловатый привкус. Ему показалось забавным то, что он вполне спокойно может наблюдать за сгоревшими и расчлененными телами, покрытыми бесчисленным множеством мушиных личинок, думая лишь о том, какой, например, вред причинен оставшимся легким, и не в силах видеть насекомых, в панике разбегающихся от него. «Что ж, — подумал Аккум, — это можно отчасти объяснить неожиданностью их появления». В морге он прекрасно знал, с чем столкнется на сей раз и брал все эмоции под контроль, здесь же ситуация управляет им. Между тем звук, шедший из-за деревьев, стал еще более отчетливым, поэтому ему пришлось взять себя в руки и снова подойти к ограде. Он переступил через провисшие провода, избегая мест, где сустились муравьи, и продолжал смотреть на них даже тогда, когда почти добрался до деревьев.

Аккум почувствовал, как кустарник вцепился в брюки, когда он шагнул вперед, наклонившись, чтобы пройти под низко нависшей веткой дерева, и вскоре попал в настоящие заросли. Земля уходила под уклон, трава была высокой, а ползучие плети обвивались вокруг ног. Все вокруг нависало, создавало ощущение кокона, темного и влажного. Внезапно деревья разошлись и открыли вид на сухое русло ручья. Берега были крутые, на дне лежал сухой песок и кое-где виднелся торчащий из него камень или отполированный кусок сухого дерева. На песке четко отпечатались следы различных

животных. Проследив за одной такой цепочкой, Аккум заметил в десяти футах справа по берегу какое-то движение: бурундук, присев на задние лапки, наблюдал за ним, а затем стремглав кинулся в нору за древесным корнем. Затем зверек высунул любопытную мордочку и уставился помаргивая на пришедшего.

Еще раз взглянув на русло ручья, Аккум проглотил слюну и, выставив на всякий случай одну ногу далеко вперед, ступил на проседающую землю берега. Потом — осторожно — встал на песок. Он мягко поддавался под весом человека, и Аккуму очень не понравилось это ощущение, как и разорванная, наполовину в песке шина, видневшаяся в том месте, где ручей сворачивал вправо. Он легко поднялся на противоположный берег, шагнул в сторону от проседающей земли, аккуратно ступив на твердую почву, но тут же потерял равновесие и схватился за свисавший сверху корень. Однако это инстинктивное движение оказалось бесполезным, поэтому доктор резко выпустил шершавую змею, вскарабкался на коленках наверх, скатился чуток вниз, но вцепился в траву ногтями и удержался.

Встав, наконец, наверху, Аккум начал глубоко дышать и оглядываться. Взглянув на свои руки, он отряхнул колени и брюки вниз. Шум стал сильнее, источник его находился впереди, но не прямо, а чуть левее. Он двинулся на звук, сутулясь и подныривая под ветви, уклоняясь от кустов, и неожиданно оказался на открытом пространстве: солнце ударило в глаза, воздух словно очистился, а впереди были задние дворы и белая ограда, шедшая по всей длине виднеющихся на высоте домов.

Аккум хотел уже было перелезть через ограду, когда ему в голову пришла мысль получше. Чуть вниз и влево звук был слышен еще отчетливее. Он доносился из сада, находившегося через две лужайки. Пройдя вдоль ограды, врач наконец увидел то, что хотел: запутанную цепь, истерзанную и поцарапанную собачью будку, щепки на земле и кровавые пятна на траве. Ирландский сеттер. Он издавал такие звуки, что волосы на голове вставали дыбом. Не совсем рычание, не совсем лай. Много ниже, почти как человеческая речь, зарождающаяся глубоко в глотке и вылетающая длинными сухими звуками из пасти, прерываемая потугами на кашель, и снова медлительное горловое мычание. Аккум смотрел на окровавленные губы, пену, огромными комьями срывающуюся из пасти. Когда собака прекратила грызть цепь и

вернулась к рваной ране на задней лапе, в которой белела кость, он впился пальцами в ограду и, взглянув на невыкошенную траву, едва подавил тошноту. Единственное сравнение, которое приходило ему в голову: это лицо зла. Он смотрел дьяволу в лицо. Позже Аккум вспомнил, что именно эти слова пришли тогда ему на ум. Он попытался было все взвесить и отвергнуть дикие чувства, возникшие в его душе, но прекрасно знал, что не произнесенные им слова выражают именно то, что он чувствовал в тот момент. Никогда раньше не видел Аккум столь открытого, зверского, безумного зла, и первым движением его было бежать отсюда, как можно скорее, выкинув ужасный образ из головы.

Вместо этого он ринулся вдоль ограды, пока не добрался до следующего садика, и перелез через нее. Охватив взглядом дворик, он обнаружил, что садик пуст. Аккум пробежал мимо небольшого пластикового почти высохшего бассейна, добрался до дорожки, ведущей к фронту дома, откуда перескочил в сад соседнего дома, в котором заливалась еще более жутким лаем собака.

Если бы Аккум был действительно тем человеком, за которого всегда себя выдавал, он бы с большой степенью вероятности предположил бы, что должно произойти дальше, он обратил бы внимание на заросшую бурьяном лужайку, неподстриженные кусты и понял бы, что за человек тут хозяйничает. Но необходимо было действовать немедленно, поэтому он ни на что не обратил внимания. Схватившись рукой за шаткие перила, он взбежал по ступеням на крыльцо. Нажал на кнопку звонка, но доносившиеся из открытого окна вопли телевизора заглушили звуки. Сейчас он даже не слышал лая пса, поэтому нажал кнопку еще раз, вглядываясь через сеточную дверь в открытую деревянную, и в затемненную гостиную. Только через несколько секунд он сообразил, что звонок не работает. Он замолотил в дверь кулаками, пока телетолпа взрывалась от перевозбуждения. Аккум заорал:

— Есть кто-нибудь живой? — молотя по косяку с такой силой, казалось, что дерево сейчас треснет. Наконец в глубине комнаты кто-то зашевелился: бледное тело на фоне темного дивана с трудом приподнялось и поплелось к дверям.

Появился здоровяк — голый по пояс с небритой рожей и банкой пива в руке.

— Ну, чего еще?

— Послушайте, ваш пес...

— Знаю. Никак не может налаяться всласть.
— Он нуждается в лечении.
— Чего? Сказал же соседям, что займусь им. Даже специальный ошейник прикупил.

— Я не...
— Такой, с батарейками. Он бьет током каждый раз, как собака начинает гавкать.

У Аккума перехватило дыхание.

— Так кто вы собственно такой?

— Судебный врач.

— Вы что, поблизости живете?

— Нет, я...

— Так идите вы тогда..., занимайтесь своим чертовым делом и не суйтесь.

Похоже, этого громилу вразумить невозможно. Аккум схватился за ручку, рванул дверь на себя и прошел в дом.

— Эй, вы, куда это?..

— Мне нужно воспользоваться вашим телефоном.

— Лавка тут на углу...

— Время дорого.

В телевизоре хохотала толпа. Увернувшись, чтобы не наскочить на мужчину, Аккум прошествовал мимо дивана и стоящего рядом с ним телевизора, на экране которого двое боксеров волтузили друг друга.

— Я начинаю терять, понимаешь, терпение.

— Бешенство.

— Хватит молоть чепуху. Собаке сделаны все подходящие уколы. Она так себя ведет из-за ошейника.

— И все-таки невозможно оставить все, как есть, и пропустить хоть малейшую опасность...

Мужчины старались выпихнуть друг друга в центр комнаты.

— Я должен позвонить ветеринару.

— Если вы сейчас же не уберетесь, то звонить придется в «скорую».

Но Аккуму удалось скользнуть мимо здоровяка и кинуться к телефону, стоящему около дивана.

— А ну-ка стоять!..

Но врач уже набирал номер.

— Хорошо, дружок, но помни, что я тебя предупреждал.

И когда в трубке зазвучал женский голос, принесший: «Ветеринарная помощь», Аккум повернулся, как раз успел увидеть приближающуюся к нему со скоростью света пивную

банку. Сознания едва хватило на то, чтобы понять, что другая рука берет его за шиворот и ставит прямо по стойке «смирно». Но удара, разбившего ему лицо и отшвырнувшего его назад, он уже не осознал. Ему показалось, что кто-то начал стонать, и сквозь завертевшуюся тьму Аккум услышал приглушенный радостный вопль и подумал: «Кому это здесь так весело?»

45

Скорчившись за клеткой с оленем, оно наблюдало за коричнево-белой полицейской машиной, доехавшей до конца аллеи, остановившейся на секунду, а затем двинувшейся к бассейну. Мысль о воде вызвала тошноту и когда оно поползло из своего убежища, чтобы убедиться, действительно ли полицейские укатили, то увидело, что люди прыгают в бассейн с подкидной доски, плескаются, брызгают друг на друга и отвернулось, чтобы подавить позыв к рвоте. Люди на горке и качелях, дети с мамой. И все хохотали. Кто-то — мужчина с женщиной — подходили к клетке с оленем. В клетке олени давным-давно отошли от того места, где оно пряталось. У животных топорщилась шерсть на загривках, они нервно прядали ушами, и оно было обеспокоено их поведением ничуть не меньше, чем приближающимися к клетке людьми. Эти рога... Ему хотелось остаться одному, забиться в какую-нибудь норку, чтобы спазмы, сотрясающие тело, наконец, прекратились. Наконец, мужчина с женщиной добрались до клетки, и оно поползло в кустах вверх по склону. Оно смутно помнило, что чуть выше начинается широкая деревянная лестница, ведущая наверх — да вот она, прочные ступени поднимаются высоко наверх, да. И оно побежало. Оно зажимало лапами глаза и щурилось. Один раз оступилось, упало и дальше, подвывая и задыхаясь, поползло на четвереньках, заливая бинты на руке кровью. Добравшись до вершины, оно увидело огромный дом, поместье. Как-то раз мать приводила его сюда, показывала старинный замок с огромным количеством комнат и лестниц, и оно с удовольствием вспомнило о множестве темных уголков и щелей, в которых можно отлично прятаться. Щурясь и осматривая все, что осталось там, внизу — парк, людей — оно вновь повернулось к особняку. Увидело деревья, растущие вокруг дома, кустарник и гравийную дорожку, ведущую ко входу. Потом машину, припаркованную у ступеней фронтальной

лестницы, и оно нырнуло в кусты, подбираясь ближе. Вот эти темные комнаты. Внезапно дверь отворилась, и оно замерло в кустах. Из дверей вышел мужчина; он разговаривал с женщиной. В руках оба несли коробки.

— День прошел довольно вяло. Не думаю, что кто-нибудь еще придет.

— Ну, а у меня гости. Больше задержаться я не могу.

Они закрыли дверь. Мужчина хотел было вставить в замочную скважину ключ.

— Ой, совсем забыла. Звонила Эва. Не может отыскать свой ключ.

— Я могу отдать ей свой утром.

— Нет, она хочет закончить свою работу сегодня. Завтра прийти она не сможет.

— Но если хулиганы...

— Всего лишь десять минут. Да я думаю, что она придет даже раньше.

— Ну смотри, это была твоя идея.

— Какой же ты все-таки джентльмен.

И, спускаясь по лестнице, они рассмеялись.

Оно скорчилось в кустах, наблюдая как они укладывают коробки в машину.

— Я отвезу тебя.

— Нет, не стоит. Хочу пройтись. Так когда твоя очередная смена?

— Через две недели. В воскресенье днем.

— А меня еще на совещания определили.

— Ничего не поделаешь! До встречи.

Мужчина кивнул и пешком отправился по гравийной дорожке, женщина же, сев в машину, проехала мимо него и устремилась дальше, подудев предварительно клаксоном. Мужчина помахал рукой, и вскоре она скрылась за поворотом.

Но оно решило подождать еще несколько минут. Затем выскользнуло из кустов и бросилось к крыльцу. Присело рядом со ступенями, огляделось, а затем понеслось вверх по лестнице, повернуло ручку и влетело внутрь.

Очень тихо, темно и пыльно. Оно вспомнило длинный, широкий коридор, намного больший, чем гостиная в их доме, и столы — да вот они стоят, стопки газет и бумаг на них, и еще ящик, куда посетители кладут деньги.

По крайней мере, его мать туда опускала деньги. Она рассказала ему о деятельности исторических обществ, о том, как они сохраняют в неприкосновенности подобные дома, чтобы нынешнее поколение знало, как все было в стародавние времена. Оно не очень поняло, что там и к чему, уж больно мудреные были слова, но зато сейчас чувствовало, что это очень своеобразное, старинное, даже древнее место, и если тогда ему не по душе был запах пыли в доме, то сейчас, напротив, очень нравился.

Полутемный коридор, комнаты по обе стороны со старинной мебелью, ружьями, развешенными по стенам, картами и фотографиями в овальных рамках. Оно прислушалось, но в доме не было слышно ни единого звука, поэтому оно поползло дальше. Перед ним была комната с длиннейшим столом, который ему когда-либо приходилось видеть, и стульями с могучими спинками: стол был уставлен тарелками и бокалами, вилками и ножами и таким количеством всевозможных ложек, что оно не поняло, для чего они. Словно вот сейчас в зал войдут гости и примутся есть. Здесь обитали призраки, в этом оно было уверено, но, как ни странно, эта мысль успокаивала. Винтовая лестница поднималась на второй этаж, по центру находился лифт, смахивающий на клетку. Мать когда-то объясняла ему принцип действия лифта без мотора. Надо было просто тянуть за веревку, проходящую в полу и с помощью блока подниматься наверх. Но клетка с ограждениями, оно бы никогда не посмело шагнуть внутрь. Все эти прутья. Штукovina слишком сильно смахивала на западню.

Пройдя немного вперед, оно остановилось, услышав, как скрипнула дверь. Нет, похоже, что этот звук дверь издала сама по себе. В доме никого не было, и оно не знало, куда теперь двинуться. Вверх по лестнице, а, может, в подвал? Нет, нет, подвал тоже здорово напоминает ловушку, поэтому, поскрипывая разошедшимися досками, оно принялось подниматься на второй этаж.

И тут же остановилось, потому что входная дверь широко распахнулась. Повернувшись и почувствовав, насколько болезненно ударил в лицо дневной свет, оно уставилось на стоящего в дверном проеме человека, который совсем недавно ушел отсюда пешком. Но ведь он действительно ушел! Пешком, и скрылся за поворотом. Оно почувствовало тревогу зашипев, смотрело, как человек приближается к лестнице.

— Ага, именно этого я и ждал. Оставь дверь открытой! Как же. А ну-ка, парень, выметайся отсюда!

Оно продолжало шипеть.

— Как тебя зовут? Смотри, доведешь меня и познакомишься с полицией.

Оно зарычало, и мужчина, нахмурившись, остановился.

— А ну-ка, прекрати свою чертовню. И вымети свою задницу из этого дома.

Еще шаг. Мужчина встал у подножия лестницы. Он протянул руку, и оно прыгнуло, выгибая тело так, что врезалось в мужчину и повергло его на спину.

— Эй, черт бы тебя... — Но человек считал, что оно тут же вскочит на ноги и пустится к открытой двери. Он поднялся, пытаясь загородить путь, оставив шею открытой, и тут оно поднырнуло прямо под его подбородок.

— Боже мой.

Они боролись. Оно почувствовало вкус крови, струящейся в горло. И как всегда подавилось. Ощущение не было неприятным, хотя перехватившее горло заставило его задохнуться. Оно проглотило через силу.

И внезапно ощутило, что не может дышать.

Мужчина сжал существо горло руками. Оно почувствовало тяжесть в груди, нарастающее давление изнутри и стало извиваться. Корчиться.

— Чертов ублюдок.

И тут, высвободив зубы, оно оскалилось на руки, сжимающие ему горло. Постаралось укусить, но лишь прихватило едкие, мерзкие, воняющие сигаретным дымом рукава пиджака и внезапно почувствовало, как снизу подлезла одна нога и, приподняв его, отбросила в сторону; оно сильно стукнулось о плотный паркет и резко откатилось к столу.

Несмотря на это, инстинкт работал автоматически. Перевернувшись, оно вскочило на четвереньки и собралось в комок, готовое прыгнуть снова. Мужчина вскочил. Они стояли друг против друга.

И тут мужчина увидел разлитую по одежде кровь. Потрогал шею.

— Черт!

Он все, наконец, понял и, подняв руки, отступил назад.

Оно снова прыгнуло, но недостаточно сильно, чтобы сбить мужчину с ног, а лишь отбросило его дальше назад.

— Черт! Черт побери! — продолжал повторять мужчина, и тут оказалось, что открытая дверь находится прямо за его спиной. Человек выскочил наружу, отбиваясь ногами от ле-

тящего прямо на него тела. Удар пришелся ему в плечо. Шок пронзил тело. Оно упало прямо на это плечо и тут же поползло вперед, обнажив зубы, рыча.

Рычало оно не столько на мужчину, сколько на шум машины, подъезжавшей по дорожке к дому. Прищурившись, оно наблюдало за автомобилем, не обращая внимания на своего противника. Другая машина. И за рулем совершенно другая женщина. Оно, огрызаясь, отползло обратно к лестнице в глубине коридора. Плечо не двигалось. Оно наклонилось в одну сторону и оскалилось, подобравшись, наконец, к ступеням. Услышав, как распахнулась на улице дверца машины и увидев, что мужчина смотрел через плечо, оно собрало остававшиеся силы и, скользя, кинулось вверх по лестнице. А лестница завивалась все сильнее вверх. Ступени бесконечно струились кругом, кругом и кругом — голова тоже закружилась. Наконец, добравшись до второго этажа, оно спряталось и напряженно замерло, прислушиваясь.

— Мистер Коди!

Оно услышало шелестящие шаги на внешней лестнице.

— Боже всемогущий! Ваше горло! Это... Мистер Коди!

— Обо мне не беспокойтесь. Скорее вызовите полицию и «скорую».

Оно услышало, как тело сползло, придерживаясь за ручку двери и дальше — хрипение:

— Остерегайтесь какого-то ребенка, там нечто на лестнице.

Оно повернулось, перед ним оказался длинный коридор.

46

Оно забиралось все выше в горы. Один раз на него едва не набросилась стая голодных собак, но оно зарычало, и псы замерли, приняхиваясь, опустив уши, и стали пятиться назад. Оно сделало ложный выпад в их сторону, и животные бросились врассыпную, разбежавшись по кустам. Оно видело, как позорно они опустили хвосты, зажав их между задних лап, как испуганно озирались назад, и несколько мгновений оно наблюдало за бегством, чувствуя растущее ощущение торжества. Затем оглядело лес, простершийся перед горами и укрытый выше снежным покровом, оно не знало, что находится там наверху, не знало, как это называется, но кинулось дальше. К вершинам.

Уилли услышал, как кто-то скребется. Звук исходил из подвала. Кто-то скреб дверь в подвал. Уилли всю ночь пропьянствовал с братцем. Они подобрали двух девиц и вернулись к себе домой. А когда он проснулся, то в поле его замутившегося зрения не оказалось никого. В комнатах было полно мусора — банки из-под пива, бутылки из-под виски, простыни на полу и подпалины от сигарет на ковре. На столе каменел жареный картофель по-французски, каменел уже третьи сутки, и Уилли рассмеялся, подумав о том, что бы сказала его женушка, будь она сейчас здесь. Он решил взять пивка, и тут услышал, как кто-то ломает дверь в подвал и отдирает от нее щепки. Поначалу он решил было, что это животное, но потом вспомнил, что все подвальные окна наглухо закрыты. И забиты гвоздями. А двери, ведущей из подвала на улицу, нет. И тут до него дошло. Это его братец. Ага, они решили побаловаться в подвале, а заодно напугать его, когда он проснется. Он ухмыльнулся, открыв дверь, и там его ждала она.

— Ага, привет, крошка.

Но улыбочка, застывшая на ее губах, была более чем странная, а из уголков рта капала кровь. Уилли нахмурился. Она пошла прямо на него и первой его мыслью было то, что она, видимо, поранилась, а второй, что единственное его оружие — банка с пивом. Третьей мысли у Уилли не было. Длиннющие острые ногти, которыми он так восхищался прошлой ночью, вонзились ему в горло и полоснули по глазам. Он грохнулся на спину и ударился головой о раковину. Последнее, что он услышал, как девица роется в ящике для ножей.

— Послушайте, вы обязаны мне помочь.

Аккум заморгал и увидел склонившегося над ним голого по пояс мужчину. Приглушенно бубнили комментаторы теленовостей.

— Я не...

— Послушайте, вы не оставили мне выбора. Я, правда, не хотел бить так сильно.

И тут все события прошедшего дня всплыли в памяти. Когда Аккум повертел головой, она страшно загудела, а губы и нос показались ему отрезанными от другого человека и очень неумело пришитыми. Дотронувшись до рта, понял, как сильно опухло его разбитое лицо, а потом почувствовал вкус крови на губах и застонал.

— Моя собака. Вы должны мне помочь.

— Что случилось?

— Она не двигается. Она просто лежит, уставившись на меня.

— Черт, так не приближайтесь к ней.

— Я и не приближаюсь. Боже, если бы я только вас послушался... Скажите, а я могу подцепить эту заразу от ее лизания?

Аккум попытался сесть.

— Когда это случилось?

— Этим утром. Тогда она вела себя совершенно нормально.

— Вымойте руки! Надеюсь, вы не прикасались ко рту? Может, у вас на руках имелись порезы, которые она лизала?

— Не помню.

— Что?

— Порезов у меня нет. Я не помню, прикасался ли я ко рту.

— Идите, вымойте руки. — Усилие, потребовавшееся для поддержания разговора, вызвало головокружение. Аккум осел назад и обмяк. — Используйте дезинфектант. Прополощите рот. Вымойте губы. Поменяйте одежду. — И он вцепился в подлокотник дивана, стараясь сесть прямее. Потом встать. Но не получилось: снова ослабел и свалился. Тогда Аккум задержал дыхание, потом глубоко вздохнул и поднялся на ноги. По всей рубашке расплывались кровавые пятна. Это его разозлило, а злость сразу же прибавила сил. — Поспешите. Вымойте руки. — И тут же он вспомнил эту руку, которая разбила ему губы и нос. Аккум рванул по коридору и отпихнул мужчину, уже зашедшего в ванну и вставшего у раковины. — Отойдите. Я должен вымыть лицо.

Он побрызгал лицо водой, намылил руки и стал тереть нос, глаза, губы, шкрябать ногтями, пока его не пронзила боль, но не остановился на этом. Он смотрел на кровь, мешающуюся с мылом, капающую на руки и исчезающую

в потоке воды. Он продолжал тереть. Затем схватил полотенце и вытерся с такой силой, что пористая ткань насквозь пропиталась кровью.

— Необходимо втереть спирт! — крикнул он повелительно и начал шарить в шкафчике возле зеркала, но не смог ничего отыскать. — Спирт! — заорал Аккум, потеряв терпение, и мужчина открыл дверцу одно шкафчика, находящегося под раковиной. Бутылку они увидели одновременно. Аккум схватил ее, отвинтил крышечку и плеснул на лицо. Но требовалось намного большая порция. Наклонив голову над раковиной и повернув лицо, он стал лить прямо из бутылки. Горячий, сладкий спирт обжег кожу, раны. Аккум зафыркал. Но это унесло его последние силы, — доктор рухнул на колени.

— Боже мой, да вы чокнутый ничуть не меньше моей психованной собачки.

— Вам не понять моих действий, да и не стоит. Лучше ничего не знать. Вымойте, как я вам сказал, руки и прополощите рот.

Он медленно поднялся на ноги. Мужчина подошел к раковине и стал намыливать руки. Аккум смотрел на него, наливаясь злобой. «Черт, мне необходимо сделать уколы!» Он неверными шагами пересек гостиную и вышел на кухню. Выглянув в окно, Аккум увидел вытянувшуюся струной собаку: ее морда была покрыта пеной и кровью, челюсти бесильно отвисли, глаза уставились в никуда.

Вот и все. Оббивая углы, он ринулся в гостиную и схватил телефонную трубку.

Аккум сосредоточенно, с усилием набрал номер. Следовали длинные гудки. Сплошь длинные гудки, никто не подходил. Что там с ними случилось? Он взглянул на часы. Ну, конечно, все уже ушли. Аккум принялся листать телефонную книгу. Ветеринары. Наконец, найдя то, что ему было нужно, принялся вновь набирать номер.

На сей раз трубку подняли почти сразу.

— Доктор Оуэнз.

— Доктор, это вы?

— Да, а в чем дело? Кто это?

— Судебный эксперт.

— Ой, простите, доктор вышел и я... Ой, подождите, вот он возвращается. Передаю трубку.

— Оуэнз слушает.

— Это Аккум. Тут у меня собака, похоже, больна. Бешенство.

— Вы уверены?

— Нет же, говорю, что похоже на бешенство. На собаке надет такой спецошейник, бьющий током всякий раз, когда она начинает лаять. Черт, все это может быть от жары, истощения или просто плохого настроения. А, может, чумки. Не знаю. Но лучше вам самому все проверить.

49

Слепец застыл на месте: он готовил чай. Снова его собака рычала. Он не слышал ее ворчания уже целых два дня с той самой ночи, когда они в последний раз выходили на прогулку. И ему стало страшно. Ведь кто-нибудь мог забраться в дом... Он прислонился спиной к шкафу.

— Кто здесь?

Собака зарычала громче.

Слепой поднял руки вверх.

— Пожалуйста, не трогайте меня. Я старый человек. Берите все, что вам нужно, но не причиняйте мне зла.

Собака стояла совсем близко, она была готова защищать его, и слепой ждал удара топором или выстрела, но тут до него дошло, что в доме больше никого нет и что пес рычит на него, — и стал молиться.

50

Данлоп вцепился в приборную панель, когда полицейская машина резко свернула с шоссе, промчалась мимо бассейна и понеслась по гравийной дорожке вверх.

Он смотрел, как Слотер схватил микрофон.

— Мардж, это Натан. Я почти на месте. Убедись, что все подразделения направляются сюда. Что там со «скорой»?

— Едет.

— Надеюсь.

Данлоп взглянул вниз, где между деревьями раскинулся парк отдыха. Но тут дорога круто повернула и перед ними неожиданно возникла дивная картина: на вершине холма огромное трехэтажное здание, в сияющих окнах которого отражаются последние лучи заходящего солнца, подъездная дорожка, покрытая гравием, подбегающая к самому портику, колонны, подпирающие навес.

Слотер остановился. Оседало пыльное облако. Данлоп быстро вылез из кабины. Слотер уже продирался сквозь пыль, надевая на ходу шляпу. Они добрались до парадной лестницы, ступени которой были вырезаны из камня.

Двое полицейских повернулись к ним.

— Парнишка на втором этаже.

— Или третьем. Вы хоть уверены в том, что он вообще поднимался наверх.

— Спросите сами вон у них.

Данлоп посмотрел в ту сторону. И тут же отвернулся. В дверном проеме сидел мужчина, рубашка и перед пиджака были залиты кровью, его горло было разодрано и он зажимал рану руками.

— «Скорую» — выпалила стоящая рядом с ним женщина.

— Уже едет. Вы уверены в том, что мальчик сидит наверху?

— Мистер Коди — это мистер Коди — сказал, что мальчик побежал вверх по лестнице. Я только-только подъехала...

— Это ваша машина?

Она кивнула.

— Лучше вам ее переставить. Скоро здесь будет не протолкнуться.

И с этими словами они повернулись к подъездной дорожке, по которой уже двигалась полицейская машина. За ней, завывая сиреной, ехала «скорая».

— Его надо поднять. Вы сможете идти?

Мужчина покивал, с трудом пытаясь встать с пола.

— Дайте-ка я вам помогу. — Слотер повернулся к полицейским. — Наблюдайте за лестницей. — Поддерживая мужчину, он сошел по ступеням вниз. Из «скорой» выскочили два санитары и помчались к ним. Из машины высыпали полицейские.

Женщина, горя желанием помочь, сошла вниз.

— Со второго этажа можно как-нибудь спуститься?

— Сзади дома из окон служебных помещений можно обратиться на проходящую под ними крышу. Но не знаю, можно ли оттуда прыгнуть и не разбиться.

— Деревья вокруг?..

— Никогда не думала... Даже не знаю...

— За дом, — сказал Натан двум подбежавшим полицейским. — Убедитесь, что никто из дома не вышел. Мы ищем ребенка.

— Ребенка?

— Просто убедитесь, что никто не вылез и не спускается. Будьте внимательны, смотрите, чтобы вам никто на голову не свалился с крыши возле комнат прислуги.

Слотер передал раненого санитарам. Они уставились на кровь, покрывающую его руки и грудь.

— Его искушал маленький мальчик. Все верно? — обратился Натан к женщине.

Санитары тупо смотрели, как она кивает.

— Укусил, — услышал Данлоп тихий, хриплый голос мужчины. И так перенервничавшийся и мечтающий о выпивке, он подумал, что это разорванное горло его окончательно доконает, и он упадет в обморок. И поэтому отвел взгляд в сторону.

Опять сирены: еще две полицейские машины подкатили к портику, подняв густое облако пыли. Слотер уже шел к ним.

Данлоп стоял в центре суеты. Руки его тряслись. Он потел и до смерти хотел выпить. Просто выпить. Временами ему даже хотелось орать. «Но это всего лишь представление, — говорил он себе. — Ты ищешь подходящий сюжет. Точнее искал, потому что сейчас он перед тобой». Он не очень понимал, что именно здесь происходит, но что бы ни было, ситуация с каждой минутой усложнялась, становилось все хуже и хуже, и если на сей раз он снова испоганит этот сюжет, как портил огромное количество других, то винить, как всегда, придется лишь себя. «Да получишь ты свою выпивку. Только держи себя в руках. На сегодня почти все закончено».

«Так ли? А, может быть, наоборот, все только начинается», — подумал Данлоп, наблюдая за тем, как санитары укладывают раненого в машину. Женщина села в свою машину и отъезжала в сторону. Слотер стоял среди полицейских, что-то им объясняя.

Гордон повернулся лицом к дому и, прищурившись, попытался рассмотреть в наступающих сумерках, что делают двое полицейских внутри. Все это было невыносимо. Он не знал, сможет ли вытерпеть такую нагрузку. Его начало трясти еще сильнее. И тогда Данлоп двинулся к женщине, переставившей свой автомобиль и вылезшей из кабины.

— Что это за место?

— Поместье Бэйнарда.

И Данлоп узнал все о Бэйнарде, который был здесь когда-то богатейшим человеком. Году в 90-м прошлого столетия.

— Его стада бродили по всей долине, а этот дом он построил, чтобы угодить женщине с юга, на которой женился.

Ее заученный рассказ звучал монотонно и произносила она слова автоматически, как говорила сотни раз. Но Данлоп внимательно слушал, с удовольствием и восхищением наблюдая за тем, как из разрозненных кусочков собирается в одно целое повествование о том, как Бэйнард привез с юга деревья, кусты, мебель, в общем — все, только, чтобы жена чувствовала себя здесь, как дома. Но в один прекрасный день она уехала обратно на юг, где и умерла, а, быть может, он и соврал насчет ее смерти, он не хотел в этом признаться.

— Никто не знает. Мы пытались отыскать записи о ее смерти. Но ничего не нашли. Если она его бросила, значит, у нее были на то свои причины. Он практически не бывал дома, все занимался делами, он был еще и сенатором. Ко всему прочему ходили слухи о каких-то вечеринках, устраивающихся на третьем этаже. Но Бэйнард сказал, что жена умерла, и все с этим согласились, он заперся в доме и уже никуда из него не выходил.

Данлоп узнал, что люди рассказывали о том, как Бэйнард мог сутками бродить по комнатам. И занимался этим до конца своих дней. Причиной смерти объявили сердечный приступ, но все прекрасно понимали, что он просто допился до ручки. И еще об одном говорили — о том, что он убил свою жену. Когда она сообщила, что уезжает, то он — властный и жестокий человек — поддался такому жесточайшему приступу ярости, что она умерла еще до того, как он понял, что ударил ее. Затем схоронил тело и предался печали. Наконец, покончил с собой, и члены семьи решили все скрыть.

— Но все это слухи. Никто ничего не мог доказать, хотя в прошлом пытались найти женщину или ее тело. Но — увы, ничего не удалось отыскать.

— Все это было в 1890-м году. Как же вам удалось обо всем этом узнать?

— Я член Исторического Общества Поттерз Филда.

— И все же я не понимаю.

Тогда женщина объяснила:

— В этом доме никто не живет. У Бэйнарда было двое детей. Они выросли и управляли всем поместьем. Затем дети родились и у них, и когда те стали взрослыми, то препоручили поместье штату, чтобы избежать налогов. Они больше не богачи. Живут в домах, что находятся рядом с бассейном. Мы привели здание в порядок и сохраняем все, как было в

те далекие годы. Водопровод, например, так и остался с девяностых годов прошлого столетия. Света нет. Чтобы ходить внутри ночью, нужно брать с собой свечи или фонарь.

«А вот это просто замечательно, — подумал Гордон. — Единственное, чего нам не хватает, так это грома и молнии. Хотя грозы даже не нужно, вполне сойдет вот этот закат». Он наблюдал, как оранжевый диск исчезает за горами. Вскоре земля совершенно погрузится во тьму, и лишь полицейские мигалки, фары, фонари, а, может быть, даже свечи, как предложила эта женщина, будут мелькать вокруг и в доме, — люди станут искать мальчика ночью. Он почувствовал, как начинает сжиматься кожа на голове, когда женщина позади него сказала:

— Чей это ребенок?

— Понятия не имею.

Вымотанный до предела, он направился к тому месту, где Слотер разговаривал с полицейскими.

— Нужны сети, — услышал Данлоп, подойдя ближе.

— Сети?

Гордон увидел, что рядом со Слотером стояли Реттиг и тот самый молоденький полицейский, с которым он патрулировал город этим утром. Казалось, что оно было давным-давно. Это утро.

— Разве я непонятно выразился? Да, именно сети. А что, может, кто-то считает, что парнишку следует оглушить дубинкой? Или, что еще лучше, — пристрелить?

— Я не знаю, где мы сможем достать сети.

— Попробуй навести справки в спортивном магазине, пощи в зоопарке, там, внизу. Реттиг, учти, за это ты отвечаешь. Всем остальным поручаю внимательно осмотреть дом со всех сторон. Все, пошли.

Полицейские тяжело смотрели на Слотера. А потом вдруг резко сорвались с мест и побежали к особняку.

— Подождите, — крикнул им вдогонку Слотер.

Все повернулись к нему.

— Отдайте ключи от ваших машин вот этому человеку. Мне нужно, чтобы фары освещали дом.

Данлоп этого никак не ожидал: все уставились на него. Он инстинктивно вытянул руку. Она моментально наполнилась связками ключей, они еще хранили тепло карманов, в которых находились до этого. Совершенно бездумно он решил

было, что ключей должно быть больше, но сообразил, что один автомобиль возьмет Реттиг. Таким образом, в его руках оказалось четыре связки.

Все еще колеблясь, Гордон взглянул на офицеров, но те уже вовсю мчались к поместью. Двое побежали в одну сторону, один — в другую, и тут Слотер спросил у Данлопа над ухом:

— Ты все понял?

— Похоже на то. Я так расположу машины, чтобы фары смотрели в окна по всему периметру дома.

— Включишь моторы. Я не хочу, чтобы батареи сели раньше времени. И используй фонари, находящиеся возле боковых зеркал.

— А машина вон той женщины?..

— Мыслишь в правильном направлении.

Данлоп кивнул и двинулся к полицейским автомобилям. Машину Слотера он уже узнавал мгновенно, а Реттиг на своей на полной скорости пылил по гравийной дорожке. Гордон подошел к одной из машин и, немного поковырвавшись в замке, отыскал нужный ключ, и завел мотор. Он прекрасно понимал, что с этим заданием волне мог справиться кто угодно, но тактика Слотера была направлена на то, чтобы отвлечь Данлопа и оставить его в стороне от операции.

И это было мудро. Потому что так Гордону стало намного легче. В этом сомневаться не приходилось. Быстро-быстро задышав, он почувствовал настоящий интерес и ответственность и перестал обращать внимание на жжение в желудке. Он был рад оказаться как бы в гуще событий, хотя и на безопасном расстоянии. Гордон направил машину к дому и остановился в том месте, где, как ему казалось, угол освещения будет наиболее эффективным. Он нагнулся, чтобы включить свет. Выключатель оказался возле прожектора, он щелкнул им, и вся правая часть поместья почти до второго этажа вынырнула из сумерек.

Он выскочил из машины и помчался к автомобилю Слотера, отъехав на такое же расстояние, но уже с левой стороны дома, тоже осветив его. Женщина наблюдала за его действиями и, все поняв, села в очередной раз в машину и, подъехав к входу, направила фары прямо на дверь. Солнце село за горами, и парк погрузился в мрачную серость вечера, но свет фар, отражавшийся теперь от стекол окон, освещал пространство вокруг дома, и люди больше не спотыкались, бегая вокруг.

Данлоп услышал шум мотора подъезжающей машины. Он было подумал, что это полицейский автомобиль, но сирена не завывала, да и мигалок на крыше не было заметно. И когда машина остановилась рядом с ним, и из нее вылезли мужчина с женщиной, Гордон вздрогнул и подумал: «Ох, нет, черт побери, нет».

— Где Слотер?

— Не знаю.

И вот тут Слотер вышел из дома, встал на крытой галерее и в слепящих лучах фар посмотрел на вновь прибывших. Потом резко двинулся к ним.

Они уже побежали.

— Послушайте, вам здесь делать нечего. — Данлоп увидел, что Натан в ярости. — Как это вы узнали?

— У одного из наших соседей оказался приемник, ловящий полицейскую волну. Вы его нашли?

Слотер указал на верхние этажи.

— Это все, что я сам знаю. И прошу вас вернуться домой и ждать от нас известий.

Ответа не последовало. Данлоп подумал, что, стоя в ярких лучах прожекторов, Слотер выглядит на дюжину лет старше; было заметно, как провисают у него щеки, какие темные мешки у него под глазами. «Черт, а ведь Натан не злится. Он трусит».

— Зачем он там прячется? Дайте мне подняться и поговорить с ним, — решительно сказала женщина.

— Нет, лучше этого не делать. — Слотер поводит в пыли носком башмака. — Думаю, лучше вам оставить все на мое усмотрение.

— Вы что, не слышали, что сказала моя жена? Дайте ей поговорить с сыном.

— Я не могу этого позволить.

— Это вы так думаете.

И они побежали к дому. Слотер попытался перегородить дорогу.

— Все эти прожектора, фары, полицейские машины. Черт побери, да вы его до полусмерти испугали! — рявкнул муж.

— Не хотелось вам ничего говорить... Вы ведь не знаете продолжения истории. Ваш сын снова совершил нападение. На сей раз на мужчину. Тот едва не умер.

Женщина застыла на месте, ее рот открылся.

— Боже.

У мужчины перехватило дыхание.

— Жертва лежит в машине «скорой помощи». Идите, взгляните сами и постарайтесь понять, почему я вас не пускаю.

Родители повернулись в сторону, указанную Слотером: два санитара, отступив от машины, уже захлопывали дверцы «скорой».

— Мы сделали все, что могли! — прокричал один из них.

Слотер кивнул, и медики помчались к кабине. Взвыла сирена, взревел мотор, включились фары и мигалка и, сделав полукруг, автомобиль рванул вниз по гравийной дорожке.

Данлоп смотрел ему вслед до тех пор, пока он не скрылся из вида. Только тогда он повернулся и увидел плачущую женщину.

— Пожалуйста, уезжайте, — сказал Слотер.

— Я бы хотела остаться.

И Натан поднял руки. А потом уронил их по швам.

— Оставайтесь, по крайней мере, в машине. Сейчас вы можете помочь только одним — повернуть автомобиль фарами к дому и зажечь фары. И главное: не вылезайте и не путайтесь под ногами. У нас очень много работы. Я обещаю вам, что будут соблюдены все правила безопасности и что ребенок не пострадает.

Женщина всхлипнула, муж обнял ее за плечи. Они кивнули и отправились к своей машине.

И вот тогда все услышали. Все. И повернулись — мать, отец, Слотер, Данлоп, полицейские возле дома — и посмотрели на верхние этажи.

Где-то в глубине там наверху, непонятно на каком из этажей, что-то или кто-то начало выть. Словно койот, собака, а, может быть, голодный волк, но намного страшнее, скорбнее, хрипло и глухо, а потом голос поднялся и затаивал, затем снова завыл, и стал исчезать, и вновь на более высокой ноте завыл с новой силой.

И еще дважды это повторилось. От воя мурашки ползли по коже, а когда он замирал, где-то в пустых залах переливалось и звучало это. Данлоп ощутил, как по позвоночнику прокатилась холодная волна. И кто-то сдавил его горло костлявыми пальцами. Когда наконец все прекратилось, ночь опустилась мягким, заглушающим приглушенный шум моторов покрывалом на вершину холма.

— Что это за чертовня? — пробормотал кто-то справа.

— Не могу сказать, что мне очень хочется узнать, какая именно там чертовня, — отозвался другой.

Слотер с Данлопом двинулись к дверям огромного дома.

51

Оно схватило тело за лодыжки и потащило через кухню. На лестнице голова стукалась о ступеньки. Наконец, оно добралось до двери подвала и обрадовалось долгожданной темноте. Вдыхая запах пыли, оно подтянуло тело к остальным, валяющимся в углу — мужчины и женщины, и небрежно кинуло остывать. Поближе к женщине... Этого нового мужчину. Оно вдыхало исходящий от трупов запах крови, смотрело на истерзанные лица и шеи, на ручку ножа, все еще торчащую из живота второго мужчины. Потом без всякой надобности зарычало и отерло руки о платье. Ага, так оно было лучше. Сейчас не было надобности выходить из дома, а вскоре опустится ночь. Чувствуя сонливость, оно прикорнуло рядом со вторым мужским трупом. Обмакнув палец в сочащейся крови, оно облизнуло его, а потом безо всякой нужды стало раздирать когтями пылающую, дергающуюся руку, которую вчера покусала ее кошка.

52

Аккум взялся за ручку задней двери клиники и вошел в лабораторию. На операционном столе лежала собака, положенная на пластиковую подстилку. Рядом стоял Оуэнз в лабораторном халате и маске.

Ветеринар повернулся на шум. Не поздоровавшись, он только произнес:

— Собака умерла до того, как я сумел добраться до этого дома.

Аккум нахмурился.

— Черт побери, я ведь видел ее в активном состоянии. Всего два часа спустя — и смерть? От паралича она должна была бы мучиться довольно долго.

— Вполне возможно. Да, скорее всего, вы правы. Значит, заболевание другое. Маску и халат вы найдете в этом шкафике.

Аккум пересек комнату, чтобы взять необходимое и обнаружил в ящике еще и пару резиновых перчаток. Надев их и услышав гудение люминесцентных ламп под потолком, он подошел к операционному столу.

— Давайте сначала снимем этот ошейник. — И Оуэнз растегнул застежку, внимательно посмотрев на батарейку. — Этому бы придурку самому такую штуку нацепить. — Он отложил ошейник в сторону. — Вам бы повстречать кое-каких наших клиентов, желающих сделать из их собак безгласных бедняг. Они мечтают, чтобы мы вырезали им голосовые связки. Мне страшно хочется проделать эту операцию этим людям. По крайней мере, можно было бы отдохнуть от их проклятой болтовни. — Лицо Оуэнза покраснело над маской. Он покачал головой. — Ну, что ж, давайте смотреть. Вы у нас хирургический гений, легендарная личность. Сами сделаете разрез или мне позволите?

— Спасибо за комплимент, но здесь вы хозяин. Я обыкновенный помощник — больше ничего.

— Скальпель.

Четырьмя быстрыми разрезами Оуэнз обнажил нужное пространство на черепе и снял скальп. Взял дрель. Включил ее. Сверло завертелось, четырежды вонзилось в череп, обозначив четыре угла квадрата. Затем настала очередь пилы. Ветеринар использовал ее очень аккуратно, мотор урчал, лезвие взвизнуло четыре раза, когда Оуэнз проходил от дырки к дырке — плавно, спокойно, не делая чересчур глубоких надрезов. Дело было сделано, и доктор поднял черепную пластинку.

— Та-ак, мозг распух и потерял цвет. Видите эти розовые пятна? Симптомы. Правда, иногда также выглядит мозг чумных собак. Мне придется вынуть мозг и рассечь его.

Аккум подал Оуэнзу скальпель, затем щипцы, и вот мозг лег в стеклянную посудину.

— Рог Аммона.

— Верно. — И Оуэнз отрезал нужную ему часть. — Срезы можете сделать сами.

— Хотите зажать их или просто сделать надрезы?

— Нет, надрезы делать чересчур долго. Сделайте вдавление. То, что мы хотим отыскать, должно выявиться сразу же.

Поэтому Аккум просто положил кусочек мозговой ткани на стекло, ровно размазал и огляделся.

— На шкафу.

Микроскоп находился в деревянном ящике, рядом стояла банка с красителем Селлера. Аккум покрыл подготовленный препарат красителем, чтобы он выглядел контрастно, подготовил срез и посмотрел в окуляры.

— Видите тельца Негри?

Аккум продолжал смотреть, не отвечая.

— В чем дело? Вы их просто обязаны увидеть.

Аккум повернул к Оуэнзу голову и покачал ею.

— Мне кажется, вам самому лучше взглянуть.

— Хотите сказать, что не увидели телец и нам придется делать дополнительные тесты?

— Хочу сказать, что вам лучше на это взглянуть.

Оуэнз нахмурился и уставился в окуляры.

Они искали наличие в ткани телец Негри. Это небольшие, круглые или овальные структуры в протоплазме нервных клеток так называемого рога Аммона — части мозга. По современным теориям эти образования должны являться либо частицами вируса бешенства, либо вырождающимся веществом клеток, зараженных вирусом. А, может, и тем и другим. Но увидеть их — значило точно определить работу вируса бешенства в данном организме.

— Никак не пойму. Что-то тут не так. По идее они так не должны выглядеть.

Но Аккум знал. Он наблюдал за тем, как Оуэнз снова уставился в окуляры. Потому что увиденные им частицы не были ни круглыми, ни овальными. А продолговатыми с выемкой на одной стороне.

— Черт побери, они выглядят, как проклятые земляные орехи, — сказал Оуэнз. — Что это такое?

— Какой-нибудь родственный вирус?

— Что-что? Уж лучше вам объяснить мне...

— А я не знаю.

— Понятное дело, так же, как и я. Уж вирус бешенства я распознаю с закрытыми глазами, а вы, могу поспорить, точно знаете, что ни в каких справочниках по медицине подобных структур нет.

— Необходимо сделать проверку на антитела.

— Это займет несколько часов, а мышинный тест вообще даст результаты лишь через неделю. А мне нужно сейчас узнать, на что это я смотрю.

— На данный момент можем предположить, что это все-таки бешенство. Либо вирус, имеющий все симптомы бешенства.

— На этом мы могли бы согласиться, если бы никто не был подвержен опасности его заполучить. Но как насчет владельца этого пса? И лично вас? Если это бешенство, вам необходимо сделать серию уколов сыворотки, но теперь мы не знаем, будет ли от них какая-нибудь польза или нет.

Они посмотрели друг на друга. Аккум потрогал маску и распухшую губу под нею. Он забыл, а если быть откровенным, то старался не думать об уколах.

— В любом случае я сделаю их.

— А если они не помогут вам избавиться от вируса? А если уколы вызовут отрицательную реакцию?

— Черт, да если я подцепил бешенство, то в скором времени все равно умру. Какая разница?

Прозвучало это почти комично, но ни один из них не рассмеялся. Но если он даже притворится, будто забыл о грозящей ему опасности, все равно осталось кое-что, о чем он действительно запомнил. То, о чем сразу же сообщил ему владелец собаки, а он в пылу драки совершенно забыл, и только сейчас в связи с разговором об уколах вспомнил.

— Он говорил о том, что собаке делали предохранительные прививки.

— Кто?

— Хозяин. Он говорил, что пес получил всю необходимую серию уколов. Я только что вспомнил.

— Как его имя, фамилия?

Аккум назвал.

— Наша клиника единственная, так что документы должны находиться здесь. Попробуйте сделать еще несколько срезов. Удостоверьтесь, что мы ни в чем не оплошали. Я вернусь через несколько минут.

Аккум сделал, о чем его попросили. Подходя к микроскопу, он заметил, что ноги его заплетаются. Он рассмотрел все срезы, и каждый следующий был точной копией предыдущего. Аккуму стало по-настоящему страшно:

Оуэнз пнул дверь ногой намного сильнее, чем требовалось, Аккум даже вздрогнул.

— Он не соврал. Собаке пять лет. Еще щенком ей были сделаны все надлежащие уколы, и ежегодно делались усиливающие прививки.

— Может быть, они и явились причиной заболевания? Разложение в вакцине?

— Понятия не имею, но, черт меня побери, если не узнаю этого.

— Но даже если вакцина была приготовлена по всем правилам, могло ли так случиться, что собака ослабела до такой степени, что заразилась бешенством, несмотря на прививку?

— Говоря о бешенстве, можно предположить и такое. И говоря о слабой собаке тоже. Существует один шанс из ста тысяч. Но не представляю, как вакцина могла выдать то, на что мы с вами смотрим.

— Один шанс... Этой гадости могло и не потребоваться большего.

Врачи смотрели друг на друга, нахмурившись.

— Знаете, мне нужно срочно позвонить.

Аккум схватил телефонную трубку и стал лихорадочно набирать номер. Ответила Мардж.

— Мне необходимо поговорить с Натаном.

— Он вас разыскивал.

— Что случилось?

Женщина рассказала все, что знала, и Аккум почувствовал себя вконец ослабевшим.

— Еду.

Повесив трубку, он повернулся к Оуэнзу.

— Прodelайте тест на присутствие антител. Примените флюороскоп. Я вернусь сразу же, как только смогу.

— В чем там дело?

Времени объяснять у Аккума не было. Он сорвал маску, перчатки и халат. Пихнул дверь и шагнул в темноту.

53

Оно продолжало выть внутри.

— Что там случилось?

Соседи вышли на дорожку и, сгрудившись небольшими группками, смотрели в сторону дома.

— Уже несколько часов подряд воет.

— Неужели никто не может ее заткнуть?

— Что там себе старик думает. Это ведь его собака.

— Да ведь он же слепой.

— Ну, так я и говорю. Может, он поранился!..

И они двинулись по дорожке.

— Сходите и спросите. Вы его лучше знаете.

— Я? Да я с ним только на улице и здоровался.

— Ну, кто-то же должен пойти!..

Мужчина нахмурился, вздохнул и стал взбираться по ступеням. Не нравилось ему это подвывание: может быть, слепой помер, и если...

Он постучал. Вой смолк. Человек оглянулся на соседей.

— Давайте. Стучите снова.

Он постучал, но никто не отозвался.

— Кто-нибудь дома?

Он подергал дверь, но она оказалась заперта. Тогда мужчина прошел по крыльцу, пытаясь заглянуть в окно, — и тут, вышибив стекло, на него прыгнула огромная овчарка.

54

— Господи Боже, неужели эта тварь никогда не умолкнет?..

Мужчины стояли в свете фар; сеть была раскинута перед ними, а с верхних этажей продолжал литься непрерывный вой.

— А что, если он на нас нападет?

— Главное не поранить его, — предупредил Слотер. — Держите сеть так, чтобы она находилась между вами и мальчиком. Он запутается. А после этого все будет просто.

Слотер взглянул на Данлопа, надеясь, что тот понимает всю четкость и грамотность приказа. И что он действовал в интересах ребенка. Потому что если все это всплывет, то ему было бы неприятно прочитать о жестокости полицейских. Натану требовалось внушить всем своим людям, что им необходимо только удержать парнишку. Он прищурился и взглянул на портик, залитый светом фонарей. Затем посмотрел на мать и отца, которые так и не сели в машину. Увидел женщину из Исторического общества Поттерз Филда, подъехавшие недавно полицейские машины и очередной патрульный автомобиль, пылящий по дорожке.

— Что же, людей, как мне кажется, достаточно. Давайте начинать.

Но подъехавшая машина оказалась вовсе не патрульной. Слотер узнал ее. И сказав:

— Подождите минутку, — сошел с крыльца и отправился навстречу вылезавшему из кабины Аккуму.

— Где тебя носило? Я искал... — Слотер вдруг увидел кровь на рубашке и распухшие, разбитые губы. — Что с твоим лицом?

— Неважно. — Аккум глубоко вздохнул. — Сейчас нет времени объяснять. Теперь я знаю, что эта гадость — вирус, но не уверен, что бешенства.

— Но, судя по всему, ничуть не лучше?

— Может быть, даже хуже. — Он снова втянул полную грудь воздуха. — Похоже, распространяется в организме намного быстрее. Собака, зараженная этим вирусом, умерла в несколько раз быстрее, чем от обычного бешенства. Мы все еще делаем анализы.

— А что произошло с мальчишкой, там, наверху?

И Аккум вздрогнул, услышав раздавшийся вверху вой.

— Это, что, мальчик так воет? — Лицо его исказила гримаса шока и недоверия.

— Похоже, что именно мальчик. Конечно, туда вполне могла забрести какая-нибудь бродячая собака, но оснований для этого у нас практически нет.

— У нас в медицинском колледже... Но остальные симптомы не совпадали с этими... Зараженный бешенством человек мог впасть в неистовство, лаять и даже кусаться, как зверь.

— Лаять?

— Вирус поражает нервную систему. Все мышцы шеи сокращаются. Жертва пытается говорить, но вместо слов произносит звуки, напоминающие лай.

— Но это же вой.

— Именно это я и имел в виду. Симптомы совершенно другие. Этот вой напоминает животное. Ко всему прочему я ни разу не слышал о зараженном бешенством человеке, который бы на кого-нибудь напал. Да, я читал об этом в справочниках, но ни разу не встречал врача, который наблюдал бы подобное.

— Но ведь родители утверждают, что мальчика никто не кусал!..

— Не сомневаюсь, но я, например, только что видел собаку, прошедшую полный курс всех необходимых прививок, но она сейчас лежит в ветеринарной клинике. Мертвая.

И снова раздался тоскливый душераздирающий вой. Все обернулись лицом к восходящей полной луне, освещающей холмы и дом на вершине одного из них.

— Луна. Теперь мне кое-что понятно.

— Ты меня совсем запутал.

— По крайней мере этот симптом согласовывается с... Жертвы, зараженные бешенством, впадают в ярость от света. У них очень чувствительная сетчатка глаз. Они стараются отыскать темное убежище. Когда выходит луна, они начинают на нее реагировать.

— Выть?

— Так делают бешеные псы, а у нас маленький мальчик...

— Родители уверяют, что сегодня утром он порезал руку стеклом.

— Нет, это чересчур короткий срок. Вирус бешенства начинает действовать в организме примерно через неделю после того, как попадает в него. Но здесь мы имеем дело с совершенно иным вирусом. Если стекло лизал зараженный зверь, этого может хватить. Когда вы схватите мальчика, мне бы хотелось первым делом осмотреть его порез.

Вой поднялся на нестерпимую высоту.

— Как будто что-то... кто-то безумствует, — прошептал Слотер.

— Это называется лунатизмом. Лунным безумием.

Слотеру совершенно расхотелось об этом говорить.

— Пора вынимать парня оттуда. — Он замолчал. И, не оглядываясь, побрел к полицейским, ждущим на крыльце.

— У меня с собой медицинская сумка.

— Она скорее всего понадобится, — отозвался Слотер и легко взбежал по каменной лестнице. — Все готовы?

Полицейские напряженно покивали.

— Перчатки не снимать. Реттиг, возьми сеть за этот конец. Вы вдвоем возьметесь за тот и середину. И запомните: ребенок не должен пострадать.

Слотер повернулся к Данлопу, чтобы убедиться, что тот расслышал приказ о мерах предосторожности, и они пошли в дом.

Но Данлоп тоже встал рядом со Слотером.

— Ты не пойдешь.

— Я хочу посмотреть.

— У меня нет времени охранять тебя от возможной опасности.

— Я буду острожан.

— Это ох как верно. Потому что ты останешься за дверью.

Данлоп пронзил его взглядом. Они замерли в лучах фар и прожекторов. Слотер внезапно понял, что этот странный испившийся человек — его друг.

— Ладно, можешь попытаться счастья. Но стоит тебе полезть вперед батьки в пекло, — и твоя задница будет мерзнуть на крыльце.

— О большем я и не мечтаю.

Слотер внимательно изучил фигуру приятеля. Повернулся к Аккуму, подходившему со своим чемоданчиком.

— Тебе понадобятся перчатки.

— И мне тоже.

— Ты не станешь подходить близко, так что не понадобится.

Они шли через длинный и широкий коридор, ведущий к закручивающейся в спираль лестнице. Люди Слотера расположились у основания, раскинув сеть.

— Фонари наготове?

Все закивали и включили фонари. Лучи, выгнувшись, осветили ступени. Слотер слышал дыхание своих помощников, чувствовал запах пота.

«Кто же следит за этим местом и почему бы им не провести здесь электричество?» — подумал Слотер. Но ответа, конечно, не получил.

— Тогда — вперед.

Ступени зашатались, заскрипели. Люди двинулись наверх, по лестнице, сеть раскинулась между ними.

55

Оно ждало. Быстро взобралось на последнюю лестничную площадку. И теперь слышало их шаги, шепот и видело скользящие по ступеням лучи фонарей. Пока что они были еще далеко, но через некоторое время доберутся и досюда, поэтому оно зашипело и развернулось, оглядываясь в поисках убежища. Но комнат на этом этаже не было — только открытое пространство. Оно не знало, что это такое, хотя и вспоминало — очень смутно — объяснения, которые давным-давно давала ему мать. В каждом углу имелись небольшие выступы, за которыми можно было бы укрыться, но уж слишком заметными были они. Необходимо отыскать что-то другое. И тут оно увидело то, что ему подходило. Отменное укрытие, из которого ко всему прочему оно могло и напасть, если вынудят. Оно помчалось к выбранному месту, все время держась в стороне от холодного и бледного отблеска огней, попадавших сквозь окна с улицы. И вдруг начало выть,

просто не могло удержаться, бессильно пытаясь подавить импульс, скорчившись и задрав голову вверх, оно испускало высокий и протяжный вой, чувствуя, как болезненно сжимается горло. Но вот позыв миновал, и оно вновь бросилось к убежищу. В нем было темно, это было прекрасно, темнота убаюкивала, создавая ощущение покоя. Оно прикрыло глаза, давая им отдых после долгого наблюдения за этим бледным, льющимся сквозь окна светом. Дышало оно прерывисто и очень быстро, но, несмотря на роскошную темноту, — нервничало. Потом облизало губы, обдирая с них засохшие в уголках капли крови. К этому соленому привкусу оно уже начало привыкать и даже иногда желало его. Ощущение соли во рту показалось текучим, заливающим глотку, и оно подавилось. Как всегда. И снова принялось выть.

56

Они остановились на втором этаже.

— Это на третьем.

— Может быть, — сказал Слотер.

— Но ты же слышал вой.

— Нам неизвестно: может, там собака! Я ведь сказал: будем действовать там, как наметили. Гордон, какой ты все-таки нетерпеливый. Давай-ка, посвети фонариком вверх по лестнице. И коли увидишь какое-нибудь движение, не стесняйся, ори, как следует.

— Можешь не волноваться. Если я что-нибудь засеку, от моего крика у вас всех головы полопаются.

Слотер внимательно на него посмотрел.

— Жалеешь, что пришел с нами сюда?

— Пропустить такое я не мог.

— Значит, действительно хочешь написать этот очерк...

— Ты себе даже не представляешь, как...

Слотер заметил, что луч фонаря в руках Данлопа шатается туда-сюда: руки у него тряслись основательно.

— Водка или нервы?

— А вот этого-то я тебе как раз и не скажу.

Слотер отнял у него фонарь.

— Прошу прощения, но здесь все слишком серьезно. Лучше ты возьми. — И он передал фонарь Аккуму. — Сделай то, о чем я ему только что говорил. Только без обид.

Данлоп пожал плечами, но у Слотера не было времени на то, чтобы нянчиться еще и с ним. Он не обратил на жест никакого внимания и повернулся к своим людям.

— Все, обходим этот коридор и комнаты. Не думаю, что мы обнаружим его на этом этаже, но мои мысли сейчас немногого стоят.

Итак, расправив сеть, они двинулись в темноту. Добравшись до двух дверей по обе стороны коридора, они остановились и посмотрели на Слотера.

— Двигайте налево. Я останусь здесь и посижу за другой стороной.

Шумно дыша, полицейские вошли в комнату. Но в ней никого не оказалось. Посветили фонарями по углам и в шкафы: кругом одна старинная мебель. Спальня: над кроватью повис балдахин, с него опускалась сетка, защищающая спящего от комаров. Заглянув под кровать, полицейские вышли и принялись методично обшаривать все остальные комнаты вдоль коридора. Еще кровати, детская, рабочий кабинет — все комнаты обставлены мебелью столетней давности, картами, фотографиями, ружьями на стенах. В кабинете стояло кресло, из которого старый Бэйнард, казалось, поднялся всего несколько секунд назад, но никого в комнатах не обнаружили, и все вышли в коридор и двинулись по направлению к Аккуму, который ждал, направив луч фонаря вверх по ступеням лестницы.

— Вот теперь нам, кажется, совершенно доподлинно известно, что мальчик находится наверху, — произнес Слотер.

Встав лицом к лестнице, полицейские растянули сеть и стали подниматься. Лучи фонарей, как припадошные, метались по стенам и потолку. Люди ступали осторожно, едва передвигая ноги, словно боялись, как бы на них внезапно сверху не свалилась маленькая фигурка, но, добравшись до последней лестничной площадки, они в недоумении осветили фонарями пустую огромную залу третьего этажа.

— Что-то ничего не пойму, — пробормотал Слотер. — Что это за местечко? — Голос эхом отдавался от голых стен.

— Ты что, никогда здесь не был? — спросил Реттиг.

— Да как-то времени все не доставало. Но заглянуть хотел всегда...

— Бальная зала, — объяснил Реттиг. — Жена Бэйнарда была южанкой, и здешний народ вызывал у нее раздражение. Не любила она наших. Привыкла к вечеринкам, танцулькам, шикарным званым обедам. Все это поместье Бэйнард вы-

строил ей в угоду, а этот зал был специальным сюрпризом. По крайней мере, раз в месяц он устраивал праздники. Ранчмены, те, что с деньгами, приезжали из окрестностей, приглашались лучшие люди города, конгрессмены и сенаторы. Он даже оплачивал их проезд. Гости прибывали на железнодорожную станцию, а оттуда их привозили кареты, которые Бэйнард специально нанимал. Выписывал из Денвера оркестр. Гости ели, танцевали, и...

— Что «и»? — оборвал его Слотер.

— В общем я слышал это от своего отца, а тот от своего, но он не знал, правда это или нет. Он говорил, что вечеринки иногда выходили за рамки приличия.

— Не понимаю, о чем ты.

Голос Реттига гулко звучал в пустом зале.

— Видишь, как балкон выступает во-он там? Там играл оркестр. С таким мощным деревянным ограждением музыканты практически ничего не видели, что творится внизу. По углам и стенам расположены небольшие выступы.

— Ага, треугольные.

— Верно. А по стенам видишь обитые скамьи?

— Ну, а что в них такого?

— Ничего. Просто слухи, как мне кажется. Говорили, что женщин бросали на эти скамьи, менялись ими, что каждый мужчина мог наслаждаться разными женщинами. Мой дед рассказывал, что были также потайные двери, за которыми парочки искали уединения.

— Это он точно знал?

— Его самого сюда ни разу не приглашали. И никто никогда не смог отыскать потайную дверь.

— Значит, как ты сам только что сказал, все это чистой воды сплетни. Я хочу сказать, что кто-то...

— ... кого сюда никогда не приглашали...

— ... мог просто насочинять. Но вот жена Бэйнарда?.. Почему — как она мирилась со всем этим? Ты ведь говорил, что она была из высшего общества.

— Только не сказал, что репутация у нее была слегка подпорчена. Но Бэйнард было на это плевать. Он лишь хотел держать эту женщину при себе. Но вечеринки постепенно становились все более разнузданными. Женщина встретила человека, который нравился ей больше остальных. Одни говорили, что она уехала вместе с ним. Другие же уверяли, что Бэйнард ее прикончил. Но тело так и не было найдено.

— Какая прелесть! Значит, нам придется сейчас заниматься поисками в доме с приведениями? Тогда держитесь все. Гордон, останешься с Аккумом. Мы проверим этот угол. Потом переберемся вон туда. Если кто-нибудь будет пытаться проскользнуть мимо, — кричите. Все готовы?

Полицейские закивали и медленно двинулись вправо, огибая треугольный выступ. Простучали деревянные панели, в надежде, что смогут отыскать потайную дверь. Потом пересекли комнату и прошли в противоположный угол. Затем двинулись по длинной стенке, огибая выступ...

— Пока что ничего. Но у нас еще впереди две стены с выступами, плюс балкон. Ему некуда деваться, мы почти взяли парня. Но будьте осторожны.

В другом дальнем углу также никого не оказалось.

— Понятно, значит, он на балконе. Другого места просто нет.

Все двинулись по узким ступеням. Но всем четверым было одновременно не пройти.

— Так дело не пойдет, — остановил их Слотер.

Полицейские были благодарны ему за вынужденную передышку.

— Реттиг — останешься сзади. Вы втроем поднимайтесь. Реттиг будет двигаться впритирку.

Реттиг с облегчением выдохнул воздух. Остальная троица напряглась: фонари освещали узкий проход.

— А вдруг он наверху какого-нибудь из этих выступов? — сказал один из них.

— Нет. Каким бы он образом туда взобрался?

И в этот короткий миг всеобщей рассеянности, когда все повернулись лицами к пустому залу, все и началось. Сначала — рычание, затем в воздухе, изогнувшись, пролетело тело. Оно соскочило с балкона, — едва заметная, нырнувшая вниз фигура, пронеслась мимо трех полицейских на лестнице и, врезавшись в Реттига, тяжело шлепнулась на пол. Люди на лестнице запаниковали, заорали и посыпались обратно. Слотер услышал рычание и вопль Реттига, старавшегося выбраться из-под навалившихся на него тел. Потом увидел, как Реттиг встает вместе с чем-то, повисшим на нем. Затем, как Реттиг падает на спину, не выдержав тяжести и со всего размаху врезается в ближайший треугольный выступ, старые доски которого потрескивают и постанывают, и как люди бегут к нему, размахивая сетью.

— Где он?

— Здесь, я его держу!

Реттиг продолжал орать. Затем пересекая лучи фонарей, в воздухе пронеслась сеть туда, где он бился с чем-то, навесившим на него и опрокинувшем его на банкетку.

— Боже мой, да отдерите же его от меня! — завопил Реттиг и ударом ноги отбросил рычащую фигуру, которая глухо стукнулась об пол, но урчать не перестала.

Упала сеть. Они его поймали. Руки и ноги, попав в ячейки, с каждым движением запутывались все сильнее и сильнее. Слотер пробрался вперед и увидел, что полицейские катают мальчишку, стараясь поплотнее замотать его шею и голову сетью, чтобы он не смог высвободиться. Он был теперь бессилен, лишь обнажив зубы, похожие на клыки, щелкал ими и рычал сквозь ячейки сети.

Когда Слотер обернулся, то увидел Аккума, ставящего на пол свой чемоданчик и вынимающего шприц.

— Держите его крепче.

— Можешь не беспокоиться, не выпустим.

Аккум вынул какой-то пузырек, проткнул крышечку иглой и потянул за поршень, впуская жидкость в шприц. Затем двинул поршень обратно, пока из иглы не брызнуло. Потом взглянул на Слотера.

— Закатайте ему рукав.

— Смеешься ты, что ли? В этой-то сети? Да я его руку даже пошевелить не смогу...

— Значит, разрежь несколько ячеек, мне необходима кожа. Голая кожа.

— Нет уж, сеть я резать не стану. Лучше разорву рубашку.

И сквозь сеть он принялся выдирать клоч ткани. Порвав рукав, он отдернул руку: Натан очень боялся, что мальчишка вонзит ему в ладонь свои клыки.

Аккум протер спиртом кожу и ввел иглу.

Раздался оглушительный звериный вопль, и Аккум надавил на поршень. Потом встал.

— Еще минуту.

— Что это тут за кирпичи? — раздался чей-то голос, и Слотер обернулся. Чересчур много всего происходило...

— Я не...

Он увидел место, куда врезался Реттиг и проломил доски треугольного выступа. И за ним, посветив фонарем, заметил кирпичную стену. Взглянул на распростершегося на банкетке Реттига, державшегося за горло.

— С тобой все в порядке? Парень тебя не покусал?

Реттиг наконец сообразил, что все позади. Он судорожно вздохнул, и проглотил слюну. Потом вытер рот и закивал головой.

— Мне кажется, я просто потерял дышалку на какое-то время. — Он попытался встать, но поняв, что это ему пока не под силу, повалился обратно на скамейку. — Через минуту приду в себя. Что там за кирпичи?

— Да вон, за твоей спиной.

Реттиг, все еще натужно стараясь наладить дыхание, обернулся.

— Об этом я ничего не знаю. — Он снова сглотнул. — Не думаю, что для них здесь подходящее место.

Слотеру даже не пришлось задавать наводящие вопросы, потому что Реттиг сам заговорил:

— Мне так и показалось, что звук из этой стенки идет более плотный и глухой, чем от всех остальных.

— И что это может означать? — спросил кто-то.

— Замурованную жену Бэйнарда. Я думаю, что теперь мы наконец-то узнали, что с ней произошло.

Вся группа молчала.

Слотер почувствовал, как рядом с ним встал Данлоп. Все взглянули на связанного сетью, находящегося в бессознательном состоянии, мальчишку.

— Такая малявка, а столько всего натворил. Черт, я ведь даже не сознавал, насколько он мал.

Все сгрудились и стали рассматривать паренька.

— Надо отвезти его в больницу, — сказал Аккум. — Слотер, ты тоже поедешь. Реттиг, само собой. Мне необходимо проверить вас обоих.

— Но он меня не касался, — запротестовал Слотер.

— Зато тебя коснулся кот. Если данный вирус похож на бешенство, тебе давным-давно следовало начать делать уколы. Насчет Реттига не знаю. Если его не покусал этот мальчик, то проблем никаких не предвидится.

— Но ведь меня тоже никто не кусал. Только поцарапали и все, — сказал Натан.

— Хочешь попробовать рискнуть?

Слотер покачал головой и сказал, что нет.

— Так я и думал. Не волнуйся. Поедешь в компании. И колоться будешь в компании. Со мной.

— Но ведь тебя никто не кусал.

— Это так. Но с этой окровавленной губищей могут быть всякие неприятности. Я тоже не желаю рисковать своей шкурой. Так, парнишке больше ничего не грозит. Можете его поднять. Держитесь, правда, подальше от его головы.

Полицейские посмотрели на Слотера, усиленно кивавшего головой, пока говорил. Один мужчина взял мальчика за ноги, остальные придерживали плечи, подняли, понесли.

— Боже, да ведь он ничего не весит.

— Так я ведь и говорил. Такой малявка, а сколько шо-роха... Хватит...

С пустотой в груди и отвратным привкусом во рту Слотер наблюдал за тем, как парнишку несут к лестнице.

— А ну-ка возьмитесь за этот конец сети, пока несчастья не случилось, — приказал он новичку, и тот, подхватив волочившиеся по полу веревки, стал спускаться вместе со всеми.

Слотер держал фонарь перед собой, освещая дорогу. Группа добралась до второго этажа и стала спускаться на первый, и вот уже фары и прожектора ударили в открытую дверь: родители мальчика стояли, наблюдая за темным проемом, рядом с ними стояла женщина из Исторического общества, охранявшего этот дом; за ее спиной виднелся полицейский.

— Осторожнее, — сказал один из полицейских и крепче взялся за плечи мальчика. — Все. Взял. — И они достигли подножия лестницы и пересекли коридор, подойдя к выходу.

— Реттиг, сообщи той женщине, что мы там обнаружили. Кирпичи могут обозначать дюжину различных вещей, и — ничего важного.

— Но ты ведь так не считаешь...

— Я никак не считаю. Но она должна узнать о нанесенном ущербе.

Они вышли на крыльцо. Мать с отцом подбежали.

— Он..?

— Просто спит, — успокоил их Аккум. — Судя по всему, ему сильно повезло. Держитесь от него подальше. Я не хочу, чтобы еще и вы заразились. Будете навещать его в больнице.

Но слова врача не успокоили родителей.

— Обычная предосторожность, — сказал Слотер. — Нам неизвестно, с какой болезнью мы имеем дело. Давайте-ка положим мальчика на заднее сиденье моей машины, — обратился он к полицейским.

— Подложите под него одеяло, — приказал Аккум. — Потом сожжем его в больнице.

— Столько предосторожностей?

Аккум лишь тяжело посмотрел на Натана.

— У меня в машине есть одеяло, — сказал отец ребенка и побежал.

— Хорошо. Очень хорошо. Нам понадобится ваша помощь.

Все отправились к автомобилю Слотера. Слотер распахнул заднюю дверцу, и отец постелил на сиденье одеяло.

— Спасибо, — поблагодарил его Натан. — Я понимаю, насколько все это... — Он взглянул на плачущую мать, стоявшую чуть поодаль. — Для всех нас тяжело.

Мальчика положили на сиденье. Аккум наклонился, проверяя, все ли в порядке. Оставался он в таком положении довольно долго. А когда вынырнул из кабины, Слотер обратил внимание на его мертвенно бледное лицо.

— Надо поговорить.

— В чем дело?

— Отойдем.

И Слотер с изумлением увидел, что врач направляется к лесу. Он, поколебавшись, нахмурился и задумчиво побрел следом.

— В чем все-таки дело?

— ...Я убил его.

— Что?

— Мне надо было догадаться. — Аккум вытер лицо.

— Бога ради, можешь выразаться яснее!

— Снотворное. Мне следовало об этом подумать. Та собака, которую я обнаружил. Я вызвал врача, ветеринара, и тот, когда приехал, лишь мельком взглянув на пса, сразу же ввел ему снотворное.

— Но какое..?

— К тому времени собака находилась в параличе. И порции снотворного хватило, чтобы ее убить. Этот мальчик на заднем сиденьи твоей машины уже не дышит.

— Боже мой.

— Теперь ты все понял. Не знаю, как действует и распространяется данный вирус, но в одном я уверен — очень быстро. Может быть, парнишка был уже готов к тому, чтобы его парализовало. Снотворное просто усилило процесс. Убило его.

— Ты не можешь...

— Да нет, черт побери, могу. Мне следовало обратить внимание на этот факт. Я и только я убил его. — Голос прозвучал хрипло, а глаза закрылись. Врача трясло.

Слотер обернулся и увидел, что отец сунулся в распахнутую дверцу.

— Я не... Что-то тут не так, — крикнул он Слотеру с Аккумом.

Слотер увидел, как мать заливается слезами, а отец влезает в машину. Увидел своих ребят, прожектора, скрестившиеся на огромном доме, полицейские машины, женщину, с которой только что разговаривал Реттиг, побежавшую ко входу. Ощущая луну над головой, дрожь Аккума рядом с собой, почувствовал, как закачался его мир, а тем временем какое-то существо там внизу, в парке, начало выть на луну. Данлоп, отступая чуть в сторону, сверкая вспышкой, делал снимки. Но у Слотера даже злости не возникло. И он позволил приятелю продолжать свое дело.

Он был пьян. До дома добрался около часа ночи, но не вошел сразу, а отправился проверять своих лошадок. Потом включил лампочку на крыльце и устался на охладитель с растаявшим льдом, в котором остались недопитые с утра банки пива. На крыльце валялись пустые. Убрать он ничего не успел. Чересчур быстро стали возникать всяческие неожиданности. Но и сейчас он ничего не стал подбирать, просто поглядел в темноту и вошел в дом. Он направился в гостиную, чтобы добраться до шкафчика, в котором хранился бурбон, но перед этим зажег свет в кухне и увидел еще один охладитель. Да, пиво как-то не шло сегодня, и, хотя Слотер никогда не налегал на виски, этот день доконал его, да, черт, это точно, — доконал. Он понимал, что это будет с его стороны проявлением истинной слабости, но уж раз начал катиться вниз, то хоть тормоза проверь, и, отыскав в холодильнике миску со льдом, Натан кинул несколько кубиков в подвернувшийся под руку стакан и, наполнив его до краев бурбоном, тремя мощными глотками опорожнил посудину.

Его едва не парализовало. Удар был страшный, и, поставив обе руки на раковину и склонившись над нею, он, задышавшись, стал ждать, пока жгучий поток не осядет на дне желудка. Почувствовав, как напряглись все мышцы живота, Натан вспомнил, что не ел ничего с самого утра и что вполне может выкинуть весь бурбон обратно. Но через некоторое время спазмы несколько прекратились, и ему удалось продышаться. Слотер задрожал, словно его телу удалось достойно перенести жестокую пытку.

Еще несколько секунд он стоял, опершись на раковину. Затем снова налил стакан виски, разбавив его на сей раз водой и отправился в темную гостиную. Он уже пытался сегодня вечером связаться с Мардж, но ее не оказалось ни на работе, ни дома. Слотер хотел было опять набрать ее номер, но было совсем поздно, можно ли в такое время поднимать женщину с постели?.. И все-таки ему был необ-

ходим собеседник. Потому что он вспомнил отца и мать ребенка: мужчина плакал и проклинал всех, мать рыдала. Отец кричал, что предупреждал всех, что необходимо быть осторожными и не нападать на мальчика. И как потом они бились.

— Нет, его нельзя трогать!

— Но он мой сын!

— Мне нет до этого дела. Он заразен и может заразить любого, кто до него дотронется. Ваша жена тоже могла заразиться через укусы.

Потребовались два полицейских, чтобы удержать мужчину и не дать ему забраться на заднее сиденье патрульного автомобиля. Данлоп снимал непрерывно. Боже мой, что за бред! Какая дрянь! А когда Слотер пришел в себя настолько, что захотел поговорить с Гордоном, того и след простыл. Его бывший друг вовремя улизнул, совершенно правильно полагая, что снимки у него конфискуют. Натан не знал на сто процентов, смог бы он отнять у Данлопа камеру, но к тому времени его довели до такого состояния, что вцепиться во что-нибудь он бы вполне смог. И Данлоп, оценив ситуацию, решил понапрасну не рисковать и не становиться мишенью для Слотера. А Слотер не захотел примириться с мыслью о предательстве старого товарища и еще некоторое время, раз-искивал Данлопа. Родители мальчика уехали домой. Аккум с телом отправился в морг. Полицейские опечатывали дом, с тем, чтобы завтра утром прийти и внимательно его осмотреть. Сам Слотер стоял в темноте рядом со своей машиной и смотрел на поместье. Он снова услышал вой, доносившийся из парка, но он настолько устал и так мерзко себя чувствовал, не говоря уже об обычном страхе, что даже подумать не мог о том, чтобы идти в темноту. Для одного вечера он увидел слишком много и не сомневался, что вскоре увидит и не такое. И хотел лишь одного: добрести до дома и набраться под завязку.

Но под завязку нельзя. Следовало знать меру. Утром придется со многими встречаться и слишком о многом с ними говорить. Данлоп, Парсонз, Аккум, городской совет. И черт его знает, с кем еще. Слишком много их, слишком, и Натан не знал, сможет ли все это выдержать. Он был уверен, например, что городской голова потребует его отставки. Аккум совершенно точно потеряет работу. Черт, да что там работу, — ему запретят заниматься врачебной прак-

тикой. Беспечность и неосмотрительность довела их обоих до цугундера. Отец мальчика выдвинет против них обвинения и подаст жалобу.

Аккум уехал с телом. Слотер пожалел, что отпустил его.

— Ну как ты не понимаешь, что я должен узнать, в чем там дело, — умоляюще заклинал его Аккум. А какая разница? Ведь парнишка мертв. Нет, Аккум, конечно, прав: заменить его было нечем, да и времени на это не было, а им следовало срочно распознать, каким образом действует этот новый вирус.

Натан отпил из стакана и понадеялся, что Аккум отыщет иные причины смерти мальчика. Что введение снотворного не было смертельным.

Но поверит ли городской совет его заключению?

«Или тебе самому? — подумал он. — А ты сам емуверишь? Неужели ты настолько доверяешь Аккуму, что?..»

Да, — твердо сказал себе Слотер, — доверяю, и когда зазвонил телефон, он понадеялся, что это Мардж, но это оказалась не она. В трубке не раздалось ни звука.

— Кто это? — повторил Слотер. Но ответа не последовало. Слотер подумал, что, может быть, это Аккум или отец ребенка. — Кто тут..?

Но тут же раздался зуммер и, уставившись на трубку, Натан осторожно положил ее на место. Сделал он это совершенно бездумно, потому что услышал, как бесятся кони у амбара, как они тихонько ржут и храпят. Сквозь сетку и распахнутое окно доносились удары копыт, двигавшихся вначале в одном, а потом в другом направлении. Натан поставил стакан и поднялся со стула. От бурбона он слегка ошалел и прежде, чем двинуться к дверям, постоял, обретая минимальное равновесие и ясность мысли. Войдя в дом, он выключил свет на крыльце, но сейчас зажег его вновь, вышел на крыльцо и огляделся, затем развернулся влево и уставился в темноту возле амбара. Чем-то Натана беспокоила эта ночь, и вдруг он понял, что недостает звуков, издаваемых насекомыми. В траве и кустах всегда можно было услышать скрипение и шуршание. Да, он хорошо помнил, что когда он подъехал и ходил проверять лошадей, все было в порядке: маленькие концертанты звучали в полную силу.

Но сейчас ночь тяжело повисла немотой, за исключением норовистого храпа и ржания лошадей, и Слотер подумал, что, видимо, следовало бы прихватить из дома ружье. Правда, у него с собой был пистолет, и в темноте, и в пределах

видимости, он, наверное, попал бы в любую мишень, но... Все-таки с ружьем как-то безопаснее. Хотя, вполне возможно, что здесь никого и нет. Лошади иногда бесятся, услышав в траве змею или почуяв койота, крадущегося с дальней стороны амбара. Обычно Слотер просто успокаивал лошадей или светил фонарем в кусты, и зверь уходил. Однако накаченный бурбоном Слотер все-таки сообразил, что оставив фонарь в доме, на сей раз допустил непростительную оплошность, потому что, принимая во внимание происходящее в городе, тревога лошадей могла означать вещи довольно неприятные. И опасные.

Несмотря на то, что все вокруг было залито лунным светом, Натан быстро вошел в распахнутые двери амбара, чтобы зажечь все огни. Проекторов было два ряда: один шел по передней стенке амбара, второй — по задней, освещая пересохший пруд, поле возле амбара и дом. Глаза на несколько секунд защипало, пока они привыкали к свету. Слотер смотрел на то, как кони со ржанием галопируют направо, а затем резко сворачивают влево. Они шли кругом, словно с каждой стороны их поджидала опасность, и хотя лошади были еще довольно далеко от ограды, за которой стоял Натан, он разглядел сверкающие безумием глаза и раздувающиеся ноздри.

— Что за чертовщина?

Слова прозвучали раньше, чем он понял, что сам их произнес, и они вместе со звуками лошадиного безумия испугали и озадачили Слотера. Он ни разу не видел такой паники у животных, которых знал, как свои пять пальцев. Когда появлялось что-то, беспокоящее лошадей, они просто отходили от этого места подальше, отыскивая на поле более спокойный участок. Но теперь оба животных храпели, хрипели, ржали, дергались из стороны в сторону и носились галопом. Натан хотел было перелезть через ограду и успокоить их, но тут вспомнил о том, что они могут быть инфицированы. Вполне возможно. Эта внезапная перемена настроения — симптом или может оказаться симптомом. Значит, идти к ним ни в коем случае нельзя.

Но что тогда он мог сделать? Можно предположить, что в темноте их что-то напугало, по крайней мере, он очень надеялся на это. Он любил своих лошадей и не хотел их убивать. Тогда... Тогда надо идти вперед. Натан подумал, что нерешительность является свидетельством его трусости,

и тогда он с неохотой вытащил пистолет и заставил себя отправиться вдоль ограды с тем, чтобы добраться до высохшего пруда.

Прожектора заливали светом все пространство на расстоянии пятидесяти ярдов за амбаром. Слотер видел красную глину, кустарник и растущие по склону рядком деревья. Один раз оглянулся в страхе, что кто-нибудь может выползти из-за амбара, и затем медленно двинулся к ближайшему краю оврага.

На дне никого не оказалось — лишь красная глина, булыжники, и ветви, которые он сам накидал, чтобы остановить эрозию. И все равно, он чувствовал, что нечто там есть. В поле все также неистово носились, фыркая, лошади, и Слотер не знал, как ему поступить. Будь это обыкновенное нормальное лето, он без особых опасений, пересек бы овраг и вылез с другой стороны, чтобы проверить кусты на противоположном берегу. В конце концов, что могло причинить ему вред? Но события, происходящие в городе, заставили Натана основательно подумать. С определенной точки зрения он больше не мог доверять ни единой живой душе. Ему была невыносима паника лошадей, их непонятная агония. Но надо было как-то прекратить их безумие, поэтому он стал спускаться в овраг, но тут услышал потрескивание ветвей. Слева от него, в кустах, там где лучи прожекторов терялись в темноте. Натан отступил обратно к краю, и двинулся по верху, вглядываясь во тьму. Взведя курок револьвера, он все не мог понять, откуда шел звук: из ближних кустов или из более отдаленных? Затем зашуршали ветви чуть дальше влево, и Слотер немного расслабился, поняв, что нечто удалется. Тут же кусты затрещали совсем рядом и дальше влево, и Натан сообразил, что тварей там явно несколько. Тело болезненно напряглось, и он с трудом боролся с искушением поддаться панике и рвануться отсюда прочь, как лошади. «Держи себя в руках. Обыкновенные койоты. Ага, ага, обыкновенные... Только почему ты никак не можешь нормально продышаться?» Услышав очередное потрескивание ветвей и не в силах более притворяться перед самим собой, будто ничего не происходит и никто не приближается, он отреагировал совершенно инстинктивно. Выстрелив в воздух, Слотер увидел худощавую фигуру на четырех лапах, покрытую мехом, продирающуюся прочь от него сквозь кустарник. Затем в поле его зрения появились еще две твари, и когда одна из них начала приближаться, он заорал во всю

мощь легких. А может и не заорал, а ему просто показалось, так он до конца и не узнал. Услышав какой-то шум на дне пруда справа от себя и еще движение возле дальнего от него края амбара, Натан ринулся к дому, держась как можно ближе к ограде. Лошади мчались галопом внутри параллельно ему и под конец свернули и побежали к центру поля. Слотер летел, не останавливаясь, не оборачиваясь, хотя и слышал движение за спиной, задыхаясь, хватая ртом воздух, и вот он, наконец-то, дом. Натан влетел и грохнул дверь, запирая ее на засов. Кинувшись через гостиную в кухню, он запер и черный ход. Позакрывал все окна. Опустил задвижки и шторы и, с трудом глотая воздух, рванул трубку телефона.

— Алло? Пффу...

— Реттиг, это Слотер. Бери Хэммеля и приезжай сюда.

— Шеф? Это вы? Я пффу...

— Реттиг, поменьше вопросов, побольше действия. Жду.

— В участке? А который час?

— У себя дома. Быстрее, мне нужна ваша помощь.

Слотер еще раз повторил приказ и грохнул трубкой, слыша, как невыносимо жалобно ржут кони. Подойдя к окну, выходящему на поле, он хотел было поднять жалюзи, чтобы взглянуть, почему животные так странно плачут. Но тут зазвонил телефон, и Натан в ужасе замер, держа одну руку на планке жалюзи и глядя на трезвонящий аппарат. Чертов Реттиг! Что там у него стряслось. Но когда он пересек комнату и схватил трубку, то не услышал ничего: мертвая тишина.

— Чего ты от меня хочешь! — заорал Натан в микрофон, но ответом была все та же полная немота. И вновь зазвучал отбой, и Слотер выскочил на кухню, услышав царапанье по входной двери, а также — странно — ржание всего лишь одной лошади. Он повернулся ко входу лицом, держа наготове револьвер, но тут же отошел к боковому окну, выглянув в поле. Но тут и вторая лошадь прекратила ржать, и Натан кинулся к двери, но царапанье прекратилось и все стихло...

Данлоп положил трубку. Он сидел за столом в комнате, в своем номере; перед ним были раскиданы записи и заметки, камера и магнитофон лежали здесь же. Сигареты почти

кончились. Он тяжело взглянул на пинтовую бутылку виски, которую он оставил здесь этим утром. Несмотря на то, что тело корчили судороги, Гордон стойко держался, запретив себе пить. Хотя подобных обещаний он давал самому себе превеликое множество, на сей раз Данлоп решил во что бы то ни стало сдержать слово. Из парка он пешком дошел до своего отеля. Заметив, что отец с матерью мальчика уезжают, что судебный эксперт отчалил с телом в морг, Гордон понял, что Слотер в скором времени обратит свое милостивое внимание на него. Ведь он слишком много узнал за сегодняшний день. И даже сделал несколько снимков: безутешные родители, мертвое тело ребенка и коронер с выражением такой вины на лице, что сам его образ казался проклятым. Данлоп понял, что осквернил дружбу. Слотер будет чувствовать себя запуганным и преданным, и Гордон не хотел с ним связываться. Подобного крутого репортажа у него не было уже многие годы. С того самого времени, как он в последний раз приезжал в Поттерз Филд. И если положение в городе и дальше будет ухудшаться, а Данлоп прекрасно понимал, что именно так оно и будет, — то репортаж может попасть в десятку лучших этого года, а он не собирался ставить свое возвращение в журналистику под угрозу. Вот поэтому и сбежал с места преступления и в изнеможении добрался до своей комнаты. Трясущимися руками открыл крышку камеры, осматривая номер в поисках тайника для пленки. Нет, в комнате нельзя — чересчур явны все возможные места. Тогда Гордон вышел в коридор и спрятал кассету за картиной, прикрепив ее изолянтной лентой. Магнитофонную ленту укрыл за другой картиной. Все голоса, начиная с того момента, когда поисковая партия вошла в зал на третьем этаже и заканчивая горестными воплями родителей, обвинявших коронера в нерадивости, были записаны. Да, у него на руках оказались все ценнейшие для него как для журналиста детали, и он не собирался так просто с ними расставаться. Слотер мог, конечно, прийти, чтобы их отобрать, но ему это не удастся.

Возвратясь в номер, Гордон запер дверь на ключ, и вот тогда его глаз остановился на бутылке бурбона. Он двинулся по направлению к ней, взял и отвинтил крышечку, но внезапно остановился. Нет, если дать себе волю, то снова можно очутиться в болоте по горло. Всю удачу, которая у него когда-то была, он уничтожил пьянством. Но на сей раз этого не случится. Сейчас он должен стать победителем. С самого

утра у него во рту не было ни единой бурбонной росинки, — а такое случилось впервые за многие годы, но раз уж он столько страдал и выжил, то вполне сможет пострадать еще немного. Не пить еще ночь. Пришедшая на ум мелодия — аккомпанемент к этим словам — заставила Данлопа рассмеяться. Выдержи сначала час, затем другой. Похоже, именно так начинают свое, как говорят, вполне успешное, лечение Анонимные Алкоголики. Но, разумеется, для начала следовало выдержать свой первый пыточный час.

Но хотя он и смеялся, но руки у него все-таки тряслись, и Гордон поставил бутылку возле телевизора. Пройдя по коридору в ванную, он выпил воды, затем разделся и встал под душ, это помогло облегчить страдания. Горячая струя воды сняла с него напряжение, но после этого Данлоп почувствовал себя совершенно ослабевшим и вновь стал мечтать о выпивке. От стаканчика его может совсем развести, но именно этого ему по-настоящему и хотелось. Тяга и отвращение. Он надел свежую пару белья и новую рубашку. Почему — сам не понял. По идее надо было бы отправиться спать. «Но может быть лучше пройтись?» — спросил он себя. Но не сделав ни того, ни другого, Гордон сел за стол и начал набрасывать первый черновик: просто мысли по поводу того, что было запечатлено на пленке и магнитофонной ленте. Он курил и записывал впечатления, просто наносил на бумагу слова, без всякой системы и логики, наблюдая за тем, как трясется рука, а написанные фразы напоминают следы куриных лап, настолько неразборчивые, что их практически невозможно читать. Почему бы не позволить себе всего лишь стаканчик? Укрепить руку, и... помочь справиться с непосильным пока заданием? Нет. И отведя взор от соблазнительной пинты бурбона, Данлоп продолжал курить и пить.

Через какое-то время он понял, что должен немного поспать. Выключив свет и вытянувшись на постели, он постарался собрать всю свою волю и попытаться расслабиться. Напряженно трясясь, он начал расслаблять мышцы ступней, ног, туловища, постепенно подбираясь к голове. Видимо, он все-таки устал намного сильнее, чем предполагал, его сознание отключилось до того, как волна расслабления затопила голову. Проснулся Гордон, как сам потом понял, через полчаса, едва не заорав в полной темноте, но вовремя осадил себя. Осознав, что сидит на краю кровати и потеет, заставил себя встать и включить свет. Увидел, как в распахнутое окно

влетают насекомые, прислонился к стене и потер лоб. Ему снова привиделась эта странная фигура, получеловек, увенчанный рогами — частично мужчина, частично олень, частично кошка, и черт его знает, что в нем еще было намешано. И гротесковая борода, которую он увидел, когда верхняя часть туловища повернулась в сторону, лапы поднялись, а круглые глаза взглянули прямо в душу Гордону. Это было кошмарно. И даже больше — гипнотически, властно, это напоминало магию, словно каким-то образом это существо ждало именно Гордона, притягивалось к нему, и в один прекрасный день они должны были бы встретиться. Данлоп был напуган им, загадочностью самого его существа. Что с ним происходит? Если эта тварь и дальше будет мерещиться, то свои дни он закончит в психушке. Да, собственно, не в психушке дело. В ней он уже бывал. Главное, что надо было отделаться от кошмара. Гордон не знал, как дошел до подобного состояния и как справиться с ним.

Он хотел с кем-нибудь поговорить, поделиться, но не знал, кому позвонить. Пройдя через комнату, схватил телефонную трубку и в полном изумлении услышал свой голос, говоривший оператору, чтобы тот соединил его с номером Слотера. Он очень боялся того, что может ему наговорить Натан.

Пока слышались гудки, Данлоп хотел было повесить трубку, но Слотер ответил, а Гордон внезапно понял, что не может произнести ни слова.

— Кто это? — спросил Натан и повторил фразу. Данлоп ждал, парализованный и безгласный. — Кто тут..? — испуганно вскрикнул Слотер, и Данлоп швырнул трубку на рычаг.

«Глупо, как глупо! Да, что же с тобой такое?» — думал Гордон. Но он прекрасно знал, что с ним, хотя и не в силах был в этом себе признаться. Ему было стыдно за сегодняшнее поведение, он раскаивался в том, что совершил, был смущен. «Что же ты намереваешься делать? — думал он. — Неужели отдать свои классные снимки и отменно записанную кассету? И отказаться, таким образом, от своего репортажа? Нет, разумеется, нет. Правильно, очень верное решение. Потому что испытываемый тобой стыд — это просто еще одна тропинка к неудаче. Ведь не твоя же вина, что мальчик умер. Ты просто должен об этом написать. Можешь, сколько влезет, ощущать стыд, но не вздумай отказаться от статьи, эмоции не имеют ничего общего со способами заработка денег для пропитания. Эмоции — роскошь».

Данлоп понимал, что прав и все же продолжал тупо смотреть на телефонный аппарат. Несмотря на разорванные дружеские отношения со Слотером, ему все же необходимо было с ним поговорить, как-то сгладить впечатление от собственного предательства, и сделать так, чтобы ни в коем случае самому не отказаться от написания задуманной статьи. Он в течение десяти минут обдумывал предстоящий разговор и, наконец, решившись, снова поднял трубку. Сообщи́л оператору номер и терпеливо выслушал положенную порцию гудков. На сей раз Слотер был в ярости.

— Да, черт побери, Реттиг, в чем дело? Я же сказал, приезжай побыстрее. — Данлоп молчал. — Чего ты от меня хочешь?! — заорал Натан злобно. Гордон положил трубку. Вряд ли удастся склонить к сопереживанию человека с таким голосом. Ладно, подождем утра. Он выкурил последнюю сигарету и взглянул на свои записи, а затем сделал нечто такое, чего раньше не совершал никогда, потому что даже не смел помыслить об этом. Выведенный из равновесия своим жутким сном, держа в голове образ этого существа, стараясь отыскать угол, под которым видение выявлялось бы отчетливее, смотря ему прямо в лицо круглыми немигающими глазами, Данлоп, словно принуждаемый к этому какой-то чужой волей, вовсе не желая этого, начал работать — пассивно, нехотя, набрасывая чудовищный портрет.

Он смотрел на него, поглощенный бездонными глазами. Все смотрел и смотрел, не в силах отвести взгляд. Почувствовал, как темнота в мозгу начинает проясняться, а слабость куда-то исчезает. Но потом вновь возвращается с новой силой. Несколько бесконечных минут он боролся с вожделением, боролся изо всех сил, но в конце концов признался, что все бесполезно. Столько продержаться! Это ж надо — целый день, значит, будут и другие дни, но сейчас... Он протянул руку к бутылке.

59

Аккум раздвинул разбитые края губы и ввел в открытую рану иглу. Ужалило, ко всему прочему, он слишком быстро нажал на поршень, и ткань лопнула от напора лекарства. Единственное, за что он себя похвалил, что успел задержать дыхание и не проглотил жидкость, тоненькой струйкой растекающуюся по губе. Вакцина против бешенства для людей

изготавливается из крови тех, кому были ранее сделаны прививки против этой болезни. Она поможет его организму выработать необходимые антитела и в совокупности со вторым видом лечения выжить, не поддавшись инфицированию этим непонятным вирусом. Поморщившись, Аккум вытащил иглу. Положив шприц на стол, он расстегнул брюки, уронил их на пол, стащил трусы и, взяв второй шприц, ввел иглу в ягодицу. Эта инъекция тоже содержала вакцину против бешенства и можно было не делать себе уколов до завтрашнего дня. Но даже эти меры не успокоили врача, потому что если сегодня он морщился, вытаскивая иглы, то завтрашние инъекции окажутся еще более болезненными. И дело будет уже не в сыровотке, а во втором виде лечения — противовирусной вакцине. Любой, кто пробовал ее, знает, что это такое. Изобретенная англичанином по фамилии Сэмпл, она состояла из вируса водобоязни, извлеченного из мозгов кроликов, мышей и крыс, их вирус впоследствии был убит выдерживанием тел в термостате с карболовой кислотой. Мертвые клетки помогали иммунным процессам, происходящим в организме. Безвредные сами по себе, они способствовали все возрастающему отторжению еще не окрепших живых клеток, подверженных заражению. Но самое неприятное было в том, что помочь могла лишь серия уколов. Четырнадцать — минимальная доза, эффективнее всего — двадцать один укол. Ежедневное впрыскивание в мышцы живота брюшной полости. Уколы делались по кругу, потому что были настолько мучительны, что мышцы не выносили впрыскиваний вакцины в одно и то же место. Конечно, перетерпеть первые пять—десять можно было без особого труда, но последние обычно заставляли человека сильно страдать, поэтому Аккум старался о них не задумываться.

Но выбора у него не оставалось. Правда, если он действительно случайно заразился, то болезнь убьет его, несмотря ни на какие прививки. Всего два человека в мире выжили после заражения вирусом бешенства, да и то оставались сомнения, действительно ли они были инфицированы, потому что симптомы сильно смахивали на энцефалит. Болезнь была настолько опасной, что даже прививки могли не спасти. И все-таки Аккум считал, что выбора у него нет. Даже такие довольно редкие реакции на введение вакцины типа лихорадки или паралича казались полной ерундой по сравнению

с неминуемой смертью. Словом, начало лечения не избавило Аккума от страхов. Собаке были сделаны все необходимые прививки, но это ее не спасло.

И скорбь также осталась. Аккум думал о мальчишке, чье тело распластано на столе в морге, о том, что ему следовало предвидеть подобный результат применения снотворного. Еще и родители... Как перед ними оправдаться? Он до сих пор слышал хриплые вопли матери. Есть только один путь: ему придется сделать все возможное, чтобы выяснить природу и механизм действия нового вируса, чтобы спасти от него как можно больше людей. Когда-то он был знаменитым патологоанатомом. Это было давно, еще на Востоке, перед нервным срывом. Теперь он должен доказать, что не зря числился среди самых лучших специалистов. Именно так и не иначе. Ты считаешь себя очень крутым? Так докажи. Настало время.

Он натянул брюки, застегнул ремень и, размышляя о предстоящей работе, вышел из кабинета. Скоро должен подъехать Оуэнз с мозгом собаки: его следовало сравнить с результатами вскрытия, которое предстояло произвести Аккуму. Через некоторое время он сделает анализ на нахождение тел Негри в своем организме. Необходимо было провести более серьезное исследование, в котором тонкий мозговой срез обрабатывался светящейся флюоресцентной сывороткой против бешенства и изучался в ультрафиолетовом микроскопе. Во что бы то ни стало, Аккум должен был взглянуть на эту заразу. Чтобы наблюдать за вирусом, он собирался заразить полдюжины новорожденных мышей частицами мозга мальчишка. Аккуму даже хотелось с помощью электронного микроскопа нарисовать картинку вируса. Вскрыв тело мальчишка, он поймет, почему паралич наступает с такой скоростью и почему снотворное лишь ускоряет смертельный процесс.

Идя по коридору, он ловил на себе пристальные взгляды медсестер. Что ж, значит о нем все уже известно. «Как же быстро распространяются сплетни в нашем деле», — подумал Аккум. Люди смотрели на него как на врача, совершившего губительную для пациента ошибку. Тогда Аккум заставил взять себя в руки. Ведь могло же быть так, что все просто напуганы неизвестной болезнью?.. Или их удивило мрачное выражение его лица?.. В любом случае он не со-

бирался их об этом спрашивать, а если они сами знали, что такое хорошо, а что такое плохо и держались от него подальше — что ж, тем лучше. Для него и для работы.

Добравшись до дверей, ведущих в подвал, Аккум подумал о том, что следует приготовить инъекции для Слотера, матери мальчика, искусанного мужчины, и владельца собаки. Он стал в последнее время слишком многое выпускать из вида. И самое главное — ему страшно хотелось спать. И есть — в последний раз Аккум ел этим утром. Что ж, придется обо всем позаботиться и все сделать — такова жизнь — самому. С помощью Оуэнза он выкроит время на то, чтобы обзвонить всех нужных людей, вызвать их сюда и сделать им уколы. Но в первую очередь — и это было понятно — ему хотелось выяснить, что именно убило мальчика.

Добравшись до подвала, Аккум прошел в «прихожую». Вымыл руки, надел маску, резиновые перчатки и лабораторный халат. Чтобы избежать любой неожиданности, он даже надел на ноги бахиллы, и когда понял, что сделал все, что положено, вошел в морг.

Зеленые кафельные стены, флюоресцентные лампы под потолком, отраженные и перекореженные сверкающим кафелем, стальные раковины, инструменты и — наконец — столы с отводами. Всего три, поставленные боком один за другим и на третьем остановился его взгляд: там под простыней виднелась небольшая выпуклость. Чье-то маленькое обмякшее тельце. Аккум медленно и сосредоточенно двигался к нему, он с трудом дышал сквозь скопившуюся на внутренней стороне маски влагу. Затем остановился и осторожно приподнял простыню, открыв обнаженное тело. Такое маленькое и такое истерзанное с огромным количеством синяков и ссадин — следы того, через что пришлось пройти этому мальчику. На распухших губах запеклась кровь, рот был слегка приоткрыт, и обнажились передние с какими-то дефектами зубы. Но несмотря на все это, мальчик был очень красив. Бледный блондин с ангельским, невинным личиком. Впервые Аккум имел дело с тем, кого сам пытался лечить. До этого у него никогда не было ни единого пациента. Он потому и стал коронером, что не желал нести ответственность за больных, хотел освободить себя от обязательств перед живыми. Да, это он сам выбрал себе дорогу. И сегодня весь этот груз рухнул ему на плечи, — он должен был держать ответ за происшедшее и, потянувшись за скальпелем, он на мгновение застыл, чтобы приглушить малейшие эмоции. Се-

кунда прошла, и он взял скальпель, которым обычно пользовался, чтобы срезать скальпы. Сделав глубокий вдох, он наклонился ниже, выбирая точку, с которой лучше начинать скальпирование, и тут глаза возле его лица мигнули и уставились на него. Но невинности в этих глаза не было ни капли, они казались такими же старыми и холодными, как и любые другие, в которые Аккуму приходилось смотреть, и они, не мигая, разглядывали его. Пока поднималась маленькая ручка, врачу показалось, что комната повернулась вокруг своей оси, а его собственная ладонь взметнулась ко рту, спрятанному под маской. Он чудом не заорал, и, пошатнувшись, отступил от поднявшейся руки. Мальчик сел на столе и, искоса взглянув на Аккума, вдруг подобрался. Аккум вспомнил старого Дока Маркла. И когда мальчик прыгнул на него, то первым движением врача было отпихнуть его от себя, но забыв, что в его руке зажат скальпель, он со всей силы воткнул его парнишке в обнаженный животик. Брызнула кровь.

60

Мардж оставалась на посту в полицейском участке до тех пор, пока не закончилась охота в поместье. Она ничем не могла помочь там, наверху, но зато здесь подменила полицейского, ответственного за связь, чтобы он мог прибыть на место: Натан настаивал на том, чтобы располагать всеми офицерами. Мардж по крохам собирала информацию, доносящуюся из динамика, и, когда, наконец, поняла, чем закончилась история, то едва сдержала рыдание, готовое вырваться из горла. Не нужно было Натану посылать за людьми, на которых он надеялся, ибо в самый ответственный момент они ничем не смогли ему помочь. И ее не оказалось рядом. Мардж сидела, вытирая слезы, мать и отца мальчика она хорошо знала, училась вместе с ними в школе. Они жили всего в двух кварталах от ее дома, и она частенько заходила к ним в гости, обязательно принося их сыну гостинцы. А вот теперь мальчик мертв, и Мардж рыдала. Когда вернулся полицейский, которого она подменяла, Мардж все еще плакала, и он не отпустил ее домой до тех пор, пока она не успокоилась.

— Тебе необходимо поспать, — сказал мужчина, но они оба понимали, что это не так просто, — сегодня в городе будет немало людей, которые вряд ли смогут заснуть. Мардж

поблагодарила полицейского за заботу и вышла из участка. Напоследок он предложил проводить ее до машины, но Мардж подумала о вызовах, которые останутся без ответа и сказала, что не стоит. После пяти лет, проведенных вместе с Натаном, она прекрасно знала цену порядку и была уверена в том, что с ней все будет нормально.

Она дошла до стоянки автомобилей, находящейся за зданием участка, проверила, нет ли кого-нибудь на заднем сиденье ее машины, только после этого села в кабину и отъехала. Полночь субботнего вечера. Мардж думала, что на улицах, как обычно, будет полно машин и людей и больше всего возле баров, особенно в пригородах, куда в поисках развлечений съезжаются молодые рабочие с ферм и ранчиро, но нынешнее безлюдье в городе ее почему-то не удивило. Ей навстречу попало лишь несколько древних автомобилей, грузовичков-пикапов, лишь возле бара она увидела пару мужиков, прихлебывающих пиво из банок. Вечер больше напоминал не начало нормального уик-энда, а тихий вторник, и Мардж решила, что, по всей видимости, по городу вовсе ползут слухи. Если так, то беда пришла не только в город, но и в долину. Весь день ей приходилось выслушивать сообщения о зарезанной скотине на дальних фермах. Она поняла, что ранчиро, чтобы не терять свои деньги, остались на фермах отслеживать хищников, и больше не удивлялась тишине, царящей на улицах. Проезжая по пригороду, Мардж также заметила, что несмотря на столь поздний час, во многих домах зажжен полный свет, и это тоже показалось ей ненормальным. Как ей хотелось поговорить с Натаном, но Мардж понимала, что сейчас он занят и ему не до нее. Но оставаться дома в одиночестве ей было невозможно. В голову моментально пришла нужная мысль: мать и отец мальчика. И, подъехав к своему дому, она не стала останавливаться. Промчавшись через два квартала, она решила посмотреть: если в доме будет гореть свет, она войдет и попробует их утешить.

И, разумеется, в доме горели огни, оба крыльца — и переднее, и заднее — были ярко освещены. Мардж увидела грузовичок водопроводчика, стоящую за ним машину. Значит, и отец и мать мальчика дома. Остановившись рядом с домом, Мардж заколебалась: а не будет ли ее вторжение выглядеть чересчур наглым? Ну уж раз она зашла так далеко, то нет смысла останавливаться на полпути, ко всему прочему она чувствовала себя обязанной, ответственной. «Это мой долг», — думала Мардж, вылезая из машины. Стараясь

всмотреться в огни, бьющие из окон, она слышала шуршание сверчков, а, услышав голоса, подумала, что, видимо, еще кто-то пришел выразить соболезнования. Но голоса были чересчур громкими для соболезнований: кричали двое мужчин. Затем раздался вопль, прохладный ночной воздух как будто застыл, а сверчки замолкли. На крыльцо в полной панике кто-то выбежал. Мардж встречалась с этим человеком, — он жил по соседству. Он в ужасе уставился на вновь прибывшую.

— Боже, да она сошла с ума!

— Что?

Но она уже слышала рычание и едва не сорвалась с места, однако заставила себя двигаться как можно медленнее, и тут выходящее на крыльцо окно в гостиной разлетелось вдребезги, и сквозь осколки стекла из него вывалились два борющихся тела. Они извивались и бились друг с другом. Отец и мать: мать рычала, отец кричал, и тут женщина изловчилась и навалилась на мужчину сверху, разрывая его лицо и тело ногтями и полосуюя зубами. Мердж понатрусила всего лишь секунда для того, чтобы прийти в себя, и она побежала к крыльцу.

— Вы должны мне помочь скинуть ее с его тела!

— Но ведь она сошла с ума!

Позже Мардж вспоминала, как в тот момент она горевала о том, что рядом не оказалось Натана, который мог ей сказать, что она все сделала правильно и, главное, вовремя, когда каждая секунда решала все. Она толкнула мужчину, спрятавшегося, было, за ее спиной, и заорала:

— Да помогай же! — а сама стала оглядываться по сторонам в поисках чего-нибудь, что могло бы остановить взбесившуюся мать. Нельзя было просто схватить ее, подвергаясь опасности быть укушенной, как это случилось с мужем. Поэтому, когда она увидела в одном из углов крыльца нечто подходящее, то не смогла удержаться, чтобы этим не воспользоваться. Судя по всему, Уоррен за день до смерти играл с этим. Мардж страшно не хотелось прикасаться, но слишком уж отчаянно взвыл в тот момент отец мальчика, и Мардж ничего другого не оставалось. Поскользнувшись на разбитом стекле, она подобралась совсем близко к полосующей жертву матери и, подняв высоко над головой бейсбольную биту, подумав в тот момент о Натане, размахнулась и стукнула женщину по голове.

Слотер подождал, пока они зажгут свои фонари. И только после этого вышел на крыльцо.

— В чем дело-то?

— А как ты думаешь, мне бы этого знать не хотелось?

Полицейские были одеты в джинсы и спортивные рубашки, пояс каждого охвачен ремнем с кобурой. Увидев, что в руке Слотер револьвер, они, подходя ближе к ограде, на которую он указывал, вытащили свои.

— Посветите.

И лучи заметались над полем, перекрещиваясь.

— Но я ничего не понимаю, — сказал Реттиг.

— Главное, не подставляй спину. Там что-то есть. Черт, оно даже поднималось на крыльцо.

Слотер взобрался на ограду и стал светить на поле, полицейские подошли вплотную к нему и тоже перелезли. Затем все вместе двинулись через поле.

— На твое крыльцо?

— Вот именно. — Слотеру вовсе не хотелось объяснять, что он просто запаниковал и, кроме единственного выстрела в воздух, больше не сделал ни одного, что не выдержал и заперся в доме от того, кто был там, на крыльце. Сейчас, с двумя товарищами рядом, он чувствовал себя в большей безопасности, но не в силах был избавиться от беспокойства и надеялся на то, что они не станут задавать слишком много вопросов.

— Но что это? — повторил Реттиг.

— Говорю же, что не знаю. Я просто не видел.

— Но ведь оно было на твоём крыльце.

— Когда я услышал, что оно взобралось на крыльцо, я как раз говорил с тобой. А когда подбежал, то его и след простыл.

Слотер наконец сообразил, что именно искал здесь на поле и понадеялся на то, что оказался неправ. Если он окажется неправ, то с легкостью признается в том, что запаниковал. Но луч фонаря выхватил из темноты два павших тела, и он зашагал к ним, приминая редкую коричневатую траву.

Остановившись, он с ужасом смотрел, — они были так изувечены, что...

— Какая-то паскудная тварь была здесь, да... Мне очень неприятно, шеф.

— Лошади. Это все, что я...

Он двинулся к оврагу.

— Трех я слышал в тех кустах. Двоих засек возле амбара...

— Эй, шеф, подожди-ка.

Ладонь Реттига легла Слотеру на плечо. Натан стряхнул ее.

— Эти проклятые...

— Подожди. Мы ведь даже не знаем, с чем имеем дело, против кого идем. Ты говоришь, их было пятеро?

Слотер постарался вспомнить образ, промелькнувший в кустах.

— Похожи на рысей.

Полицейские, не мигая, смотрели на него.

— Ты видел пятерых?

— Я понимаю, что это звучит бредово, но...

— Мне на это наплевать. Хотя, конечно, рыси охотятся не стаями, но всякое может случиться. Я о том, что мы не можем отправиться туда втроем. Нам понадобится помощь. И освещение.

— Хочешь подождать восхода солнца? Ты чего? Да они же задолго до этого сгинут — и все.

— Можно пригласить профессионала, чтобы выследил.

— Да кого, черт побери? Времени же нет.

— Прошу прощения, шеф, но я пас.

Слотер взглянул на Реттига, потом перевел взгляд на Хэммеля.

— А ты?

Хэммель пожал плечами.

— Похоже, тебе тоже сказать нечего.

— Обещаю, что буду смотреть и учиться.

— Не сомневаюсь.

Он смотрел на Реттига. Потом повернулся к затененному оврагу. Несмотря на фонари и луну, он почти ничего не видел, и на смену ярости вновь пришел страх.

— Хорошо. Вы правы. Только дурак мог предложить идти сейчас туда. Просто, увидев трупы лошадей...

— Можешь не сомневаться, шеф, мы в любом случае доберемся до того, кто это сделал. Но не сейчас.

Пора было уходить отсюда.

— Слушайте, а что же делать с лошадьми?

— Да оставь ты их. Теперь-то какая разница...

Слотер слышал, как полицейские идут за ним следом и, взобравшись на ограду, он снова услышал телефонный трезвон. «Кто бы ни звонил, — подумал Натан зло, — он должен знать, что мы остановили эту нечисть». Он, проклиная все на свете, помчался к дому, но, схватив трубку, вдруг почувствовал, что мозг отказывается воспринимать доносящиеся слова. Натану показалось, что последние несколько дней никогда не закончатся.

62

Он мчался по коридору под пристальными взглядами медсестер. Толкнув дверь, ворвался в «прихожую», и, пробежав ее, оказался в прозекторской. Морг напоминал бойню. Везде кровь, разбитое стекло и разбросанные инструменты. Аккум навалился на «разделочный стол». По всему халату шли кровавые пятна, маска тяжело повисла, прилипая к шее. Лицо его было неестественно белым. Выглядел он так, словно был смертельно болен, руки его тряслись. Стоящий возле него человек в уличной одежде выглядел ничуть не лучше.

Оуэнз. Слотер припомнил ветеринара, с которым время от времени встречался и который, несмотря на отменно выполняемую работу, был постоянно хмур.

Они повернулись в его сторону, Слотер огляделся, почувствовал запахи химикалий и сладковатый — засыхающей крови. Он ничего не понимал и только набрал в легкие воздух, чтобы задать вопрос, как его опередил Аккум.

— Я снова убил его.

Слотер взглянул сначала на него, затем на Оуэнза. Он был озадачен и не скрывал этого, подходя ближе.

— Слушай, ты, пожалуйста, попытайся успокоиться. По телефону твой голос звучал так, словно у тебя нервный срыв.

— Но я его убил.

— Я знаю, ты мне уже все по телефону сказал. И там, еще возле поместья, тоже говорил. Но откуда ты мог знать, что его убьет снотворное. А что это за кровяща? Что-то не пойму, что же здесь произошло.

— Боже Всемогущий, неужели ты меня не слышишь? Я только что его убил.

Слотер повернулся к Оуэнзу.

— Что с ним такое?

— Это здесь. Вам лучше самому взглянуть.

Оуэнз с трудом произносил слова. Он указал на дальний конец комнаты, за последний стол, туда, где по стене на пол стекала струя крови. Слотера охватило дурное предчувствие. Он пошел туда, и возле стола Натан увидел лужу крови и, хотя и не хотел, но все-таки решился и посмотрел за угол, где разглядел на полу маленькие ножки. Тогда он наклонился ближе и увидел труп мальчика, чей живот был располосован, а лицо было просто страшное — безобразное, перекошенное и дьявольски злобное.

— Черт, да ведь ты его на куски разрезал!

Слотер развернулся и сверкнул глазами.

— Ты ведь сказал, что он умер еще в поместье!

— В этом не было никаких сомнений. Клянусь своей репутацией...

— Клянусь репутацией!..

— Не придирайся к словам. Я сделал все положенные тесты: мальчик был мертв.

— Хорошо, тогда он...

— Воскрес из мертвых и попытался на меня напасть.

Слотер не понял ничего, в словах Аккума не было смысла. Натан тупо смотрел на врача. Только через какое-то время до него дошло то, что тот сказал, и он отступил на шаг от Аккума.

— Черт побери, ты действительно сломался. Свихнулся.

— Нет. Выслушай меня. Ты не так меня понял, я не то хотел сказать...

— Надеюсь, черт...

— Я хотел сказать, что паралитическая фаза болезни, видимо усугубляется снотворным.

Слотер стоял молча, не реагируя.

— Вероятно, он был в таком бессознательном состоянии, что признаков жизни как бы нельзя было обнаружить.

— Да что ты лепишь? Мы что, читаем Эдгара По?

— Пожалуйста, не перебивай. Я ведь проверил сердце и дыхание, даже смерил температуру, когда приехали сюда. Все результаты оказались отрицательными.

— Сканирование мозга?

Я же сказал, что сделал все, что полагается в подобных случаях. И насколько я это видел, мальчик был мертв. Положив его на стол, я хотел было приняться за работу, и тут он открыл глаза и схватил меня. Я...

— Давай-ка помедленнее. По одному факту за раз. Значит, выходит так, что парень впал в кататонию. Так? Ты мне это хочешь сказать?

— Это могло, вполне могло произойти. Такое случается, правда, крайне редко. Бывали случаи, когда пациента объявляли мертвым, а он приходил в сознание на столе в морге.

— Боже, сканирование мозга...

— Послушай ты меня: годами считалось, что остановка сердца является бесспорным доказательством человеческой смерти. Затем выяснилось, что человеческое сердце способно биться настолько слабо, что мы его можем и не услышать. Тогда стали делать другие испытания. Температура тела. Мозговые ритмы. На самом деле мы до сих пор не имеем полного представления о том, когда же человек умирает на самом деле. Человеку, предположим, делают операцию. Все сначала идет хорошо, но затем вдруг отказывают и сердце и мозг. Итак, он мертв. Но вдруг через пять минут все функции восстанавливаются. Вот как, почему это происходит? Можешь мне объяснить? Я, например, не могу.

Слотер смотрел на него. До него слова Аккума доходили с трудом.

— Хорошо, давай предположим, что твои аргументы верны. Прошло действие снотворного, которое, скажем, убрало признаки паралича.

— Он меня схватил. Мы боролись. Я ведь знал, что не должен допустить, чтобы он меня искусал. Неважно, что он маленький. Я не мог ему позволить вцепиться в меня. Он прыгнул, а у меня в руке был скальпель.

Они молча пожирали друг друга взглядами.

— Черт, поberi меня черт! — вдруг выкрикнул Аккум и грохнул кулаком по столу.

Слотер подошел к нему. Положил руку ему на плечо.

— Успокойся.

— Но мне...

— Успокойся. Все будет нормально. Мы, например, знаем, что тот сбитый хайкер куда-то исчез. А ведь прежде, чем он попал в морг, я знаю, что он был искусан.

— Да. А еще Док Маркл. Его напугали до смерти.

Они смотрели друг на друга.

— И еще одно. Мыши умерли, — раздался голос Оуэнза.

Слотер посмотрел в его сторону. Ему даже не пришлось задавать наводящие вопросы.

Оуэнз сам начал объяснять. Аккум уставился в пол.

— У нас в лаборатории есть мыши для анализов и проведения исследований на вирусы. Рожденные и выращенные, как, впрочем, и их родители, в стерильных условиях. Так что мы знали точно, что они ничем не заражены. И могли изучать различные симптомы любых болезней, спровоцированных нашими уколами, точно зная, что именно инъекции являются причиной заражения. Мы изолируем мышей и стараемся найти лекарство, которое бы их вылечило. Стандартный тест на бешенство — введение инфицированной ткани в мышей. Если они выживают, значит, мы имеем дело не с тем вирусом, на который падало подозрение. Если умирают, значит, у нас на руках оказываются прекрасные образчики вируса, которые мы извлекаем из телец мышей и исследуем. Так вот, наши первые исследования оказались не окончательными. Нет, мы, конечно, понимали, что вирус смертелен, но срезы, которые мы изучали, выглядели несколько иначе, чем мы привыкли видеть, и поэтому, когда Аккум поехал в поместье, я продолжил исследования. Но вместо того, чтобы проводить тесты на собачьем мозгу, я заразил нескольких мышей.

— И они теперь мертвы?

Оуэнз кивнул.

— Ну, что же, не такая уж это и новость. Вы же еще раньше узнали, что вирус смертелен.

— Но симптомы в мышах обычно проявляются не раньше, чем через неделю. Но эти мыши подошли через четыре часа. Все это напоминает ускоренную работу вируса бешенства. Сначала трудно уловимое различие в поведении. Затем враждебность, ухудшение состояния, и под конец паралич и смерть. Враждебность видна невооруженным глазом, и хотя они не кусают друг друга, но все-таки кидаются на стеклянные перегородки. Самое же главное, что вместо нескольких дней весь процесс занимает пару часов.

Наконец, Слотер несколько оправился от шока и оказался в состоянии хоть немного размышлять и действовать.

— Покажите.

Оуэнз поморщился.

— Я хочу их увидеть. Покажите мне.

— У меня нет с собой необходимых инструментов. Во-первых, понадобится электронный микроскоп, и я приехал сюда...

— Ничего. Просто покажите их мне.

— Пожалуйста. Я привез их с собой.

Слотер увидел стоящий возле двери кожаный чемоданчик. Он подошел и нажал на замки.

— Не возражаете, если я открою?

— Все мыши в специальных контейнерах.

Слотер открыл крышку, взглянул на стеклянные контейнеры, увидел белый мышиный мех и кое-что еще, о чем он не знал точно, но догадывался. Он поднял одну банку и показал ее Аккуму и Оуэнзу: сидевшая в ней мышь скалила зубы. Слотер почувствовал царапанье ее коготков по стеклу.

— Уверю вас, она была мертва, — пробормотал Оуэнз. Он подошел к Слотеру и стал поочередно вытаскивать банки с мышами: все животные свирепо скалились.

— Абсолютно уверены? — переспросил Натан.

— Неужели вы думаете, что я могу мертвое спутать с живым? Я также уверен в том, что мыши были мертвы, как и он, когда утверждал то же самое о смерти мальчика.

Мыши бесились в банках.

— Теперь я точно знаю, что это у нас происходит, — сказал Слотер, — хотя причины нам неизвестны. — Нахмурившись, он посмотрел на дальний стол. — Что будем делать с мальчиком? Мать с отцом нам ни за что не поверят, если мы им сообщим, что он очнулся и Аккуму пришлось его убить. Не знаю, как им преподнести эту новость.

— Значит, просто-напросто не будем ее преподносить. — И Аккум подошел к Слотеру с Оуэнзом, и они увидели, что краска начинает постепенно возвращаться на его лицо. — Я продолжу вскрытие. Все равно придется его довести до конца, потому что нам необходимо выяснить, каким образом действует вирус. А этот разрез на животе зашью так, будто он был необходим. Только мы трое будем знать правду.

И они посмотрели друг на друга, внезапно осознав всю значительность их заговора: теперь они могли полагаться только друг на друга и... Если могли полагаться.

Наступила тишина. Слотер кивнул, Оуэнз последовал его примеру.

— Оуэнз, вы принесли образцы для микроскопического анализа?

— Принес. Вместе с мышами.

— Тогда, ладно, начали. Слотер, если ты поднимешься ко мне в кабинет, то возле стола увидишь стопку книг. Возьми справочник и с помощью указателя отыщи и прочитай все, что сможешь найти о бешенстве. Правда, наш случай другой.

Но он стоит довольно близко к бешенству, так что — просвещайся. У нас нет времени объяснять тебе, что именно мы делаем.

Слотер, насупившись, изучал вначале его, а затем уже Оуэнза. Он поднялся на ноги, потому что до этого сидел на корточках возле препаратов и мышей.

— Сколько потребуется времени, чтобы провести необходимые исследования?

— Часа два как минимум.

Слотер взглянул на часы и увидел, что на них уже три часа ночи.

— О предстоящем дне не хочется даже задумываться.

— Я понимаю. На это у тебя полно причин.

— Люди будут требовать ответов на свои вопросы.

— Значит, мы постараемся их найти.

Слотер кивнул, отчаянно попытался улыбнуться, понял, что из этого ничего не выйдет и направился к дверям.

63

Оно заворчал где-то под крыльцом: двое мужчин попытались высветить его фонарями.

— Господь Всемогуший, ты видишь тело слепого, которое эта тварь грызет?

— Я не хочу об этом даже говорить. Пристрели чертову куклу.

— Прямо посреди города?

— Может быть, хочешь заползти под крыльцо и постараться ее словить?

— Да я даже здесь находиться-то не хочу.

Они вытащили пистолеты.

Огни. Оно не в силах было их выносить. И, услышав, как щелкнули оттягиваемы «собачки», прыгнуло.

— Черт!

64

Оно, пошатываясь, поднималось по ступеням. Оно немного отъело от трупов, что валялись в подвале, поспало, но вдруг проснулось и не в силах противиться странному зову, стало подниматься вверх. Добравшись до кухни, оно застонало,

боясь выбраться на улицу и столкнуться с ночью лицом к лицу, но все-таки взялось за ручку на двери черного хода, вышло на крыльцо и, услышав выстрелы, оскалилось.

65

— Вот таков вирус бешенства.

Слотер кивнул.

— Отлично. А здесь микрограмма из электронного микроскопа. Вирус мертвой собаки.

Слотер посмотрел на микрограмму, которую Аккум положил рядом с книгой, которую они просматривали. Внимательно рассмотрел.

Думал он довольно долго.

— Этот вирус несколько тоньше, чем вирус бешенства.

— Да, это одно из нескольких различий. Обычно мы говорим, что вирус бешенства формой напоминает пулю, но этот выглядит как, ну, не знаю...

— Ракета, — произнес Оуэнз, и оба мужчины посмотрели в его сторону.

— А почему, собственно, нет? Пусть будет ракетой. — Аккум снова указал на микрографию. — По крайней мере, эта дрянь распространяется поистине с космической скоростью. Дело в том, что большинство вирусов в действительности выглядят примерно таким образом, но отличия все-таки есть. И хотя внизу — при всей полноте — имеется впадина, нигде не видно даже намека на отросток. И что еще хуже: нервная система мальчика не была заражена.

Слотер посуровел. Он достаточно прочитал о бешенстве, чтобы вспомнить о том, что вирус водобоязни поражает нервную систему, высасывает ее до дна и в конце концов полностью разрушает. Он нахмурился.

— Но я думал, что...

— Да, понимаю. Такого как бы не должно быть. Эта дрянь не похожа ни на один вирус, который мне доводилось видеть. Но при том, что нервная система не поражена, заражен лимбический мозг.

Слотер не понял.

— Лимбический мозг. Его еще называют рептилийным, он, действительно, похож на животное. Он руководит нашими инстинктами выживания, чувствами, в том числе и чувством агрессии. Это объясняет, почему парнишка вел себя таким образом. Если упрощать, он превратился в животное.

— Но как понять кому, в которую он впал?

— Не торопи. Дай мне самому до этого добраться. Ты должен знать, что, взглянув на так называемый «порез» стеклом, о котором говорили родители, я обнаружил, что парнишка был искусан. Не далее, чем сутки назад. Чтобы заразить организм с такой скоростью, необходимо, чтобы вирус попал в кровеносную систему. К тому же идет избирательное заражение: заражаются только определенные клетки.

— Тот самый мозг, о котором ты говорил?

Аккум кивнул.

— Таким образом, симптомы бешенства развиваются с невероятной скоростью: проходит, скажем, часов двенадцать, и человеческий организм через паралич выходит в кому. Когда человеческий мозг «закрывается», вирус переходит в пассивное состояние. Когда же жертва снова начинает действовать, вирус также обретает активность. Ты посуди сам, насколько он эффективен: питается до тех пор, пока не приводит организм в полукомастное состояние и замирает, чтобы после того, как человек вновь обретет способность двигаться, снова начать свое разрушительное действие. Но так как вирус проходит через кровеносную систему, он оказывается и в слюнных железах, заражает слюну и переходит через укусы к очередной жертве. Если же порез у жертвы уже имеется, и она входит в контакт с зараженной кровью, то происходит то же самое.

Слотер поднял руку к коросте, покрывшей длинную, через всю щеку царапину. И нахмурился.

— Слишком поздно ты заволновался, Натан. Если бы ты заразился, то об этом мы бы уже давным-давно узнали.

— Ну, если все, о чем ты сказал, верно, то значит, ты никак не сможешь бороться с распространением этого вируса.

— Точно. Наша вакцина тут бесполезна. Мне ведь тоже повезло. Если бы вирус попал в мой организм через разбитую губу, то, сам понимаешь, на что я был бы сейчас похож. И все-таки я ввел в себя две порции сыворотки.

— Могу поспорить, что ты получил массу удовольствия.

— Ага, так, понимаешь, понравилось, что я с этого дня, наверное, буду ежедневно колотиться вместо чистки зубов или принятия душа. Блин, прямо не знаю, что нам со всем этим делать.

— Так говоришь, что никогда раньше ничего подобного не видел? И даже не слышал?

Аккум покачал головой.

— Я слышал, — внезапно заговорил Оуэнз.

Они уставились на ветеринара.

— Читал. Тысяча девятьсот шестьдесят девятый год, Эфиопия. Гурт крупного рогатого скота заразился странной формой бешенства: коровы стали слегка бесноватыми, а потом наступил паралич. Все особи пали. Владелец не знал даже, чем они больны. Он вначале принял их за мертвых, но они немного спустя оклемались.

— Насколько я понимаю, это невозможно, — сказал Аккум. — Это заболевание нельзя пережить и выздороветь.

— И стадо не смогло. Вирус так и остался в организме коров, и через несколько дней все симптомы снова повторились. И их пришлось уничтожить.

— Вы уверены, что это было бешенство?

— Да, разумеется, проведенные исследования убедили в этом врачей. Еще я читал о подобном случае, происшедшем в Индии два года назад, правда, на сей раз дело касалось водяных быков.

— Но наш вирус — не бешенство. Любая вакцина здесь бесполезна. Даже если бы и существовало необходимое лекарство... у нас просто нет времени, чтоб его достать.

Оуэнз уставился в стол и пожал плечами.

— Хочет кто-нибудь кофе? — спросил Слотер, но врачи лишь как-то странно посмотрели в его сторону и отвели взгляды. — Эй, я чего-то не пойму, — постарался он вывести разговор в нужное русло. — Что могло стать причиной возникновения нового вида вируса?

— А мне-то откуда знать, — сказал Аккум. — Черт, хочешь знать правду? Меня удивляет, что подобные штуки не случаются ежедневно. Что, например, стоит «легионерка», заболевание, проникшее к нам после возвращения ребят с войны в джунглях — а ведь его заметили через столько лет! И диагноза никто не ставил. А взять стафилококки или гонорею, которые мутировали в формы, успешно противостоящие таким, например, лекарствам, как пенициллин. Или наш случай, про который мы говорим, что это совершенно

новый вирус. И спрашивать, что явилось причиной его возникновения, это все равно, что обращаться к нашим далеким предкам с вопросом: скажите, а что явилось причиной развития вашего рептилийного мозга в полноценный человеческий? Готового ответа нет. Эволюция — случайность. Клетка неверно развивается. Что-то случается с ДНК. Нам же нравится думать, что все под контролем и проходит в соответствии с неким установленным планом. Но на самом деле это не так. Все время что-то меняется, это происходит постоянно и так медленно, что мы порой этого не замечаем. Но все равно: люди становятся выше, собаки, чье потомство отбраковывается, вымирают. Разумеется, крайности мы распознаем. Называем их чудовищами. Но по-настоящему удивительные изменения происходят с простейшими формами жизни, которых мы практически не замечаем, они настолько быстро размножаются, что несколько поколений их нарождается и умирает за один-единственный день. Их, так сказать «жизненный путь» сильно отличается от нашего, их время течет намного быстрее. Для них эволюция идет с невероятной скоростью, что увеличивает число случайных вариантов. Количественные скачки могут случиться в любой момент. Всякий раз, когда человеку делают рентген, крохотные пульки свистят возле хромосом. Нужен пример? Давайте возьмем вот такой. Предположим, у нас есть пес. Этот пес заражен бешенством, но симптомы пока что не проявились. Ко всему прочему собака больна. Например, у нее сломана нога или имеется внутренняя опухоль, поэтому хозяин делает ей рентген, собаку начинают лечить и она поправляется. Но — ущерб причинен. Вирус бешенства единожды попал под рентгеновские лучи. И, скажем, по крайней мере одна, вирусная клетка начала мутировать и поразила лимбический мозг. И она начала размножаться. А теперь так: хозяин собаки поехал на отдых. Кого он берет с собой? Своего пса разумеется. Пес безумствует и убегает. Передача инфекции началась.

— Как ты говорил о тех собаках, что живут в горах? Что там у них: психическое животное поведение? — спросил Слотер.

На мгновение воцарилась тишина.

— Да-а. Из долины ведут всего две дороги, — сказал Оуэнз. — Вокруг нас горы, поэтому вирус локализован. Но почему до сих пор его никто не распознал?

— Потому что, насколько мне помнится, пока никто не проходил на него проверки. Вполне возможно, что ранчери пристрелили нескольких собак, зарыли трупы и на этом успокоились. У вас была хоть одна возможность взглянуть на бешеных псов?

Оуэнз покачал головой.

— Ну вот, теперь она появилась. Глядите.

— Но в пятницу вечером ты же говорил мне, что они кусают людей, — вступил Слотер. — Значит, люди должны были приходить, чтобы лечиться, и следуя вашей логике, лечение должно было лишь усугублять болезнь.

— И они действительно приходили лечиться, и проблем не возникало. Просто те собаки, что их кусали, не были заражены вирусом, или же вирус к тому времени недостаточно мутировал. Это не возражение предложенной мною модели.

— Но вирус настолько силен и распространяется с такой скоростью, что к сегодняшнему дню по идее все должны были бы им заразиться.

— Не думаю. Происшедшие случаи практически все смертельны. Не думаю, что кто-нибудь смог выжить, как животные, так и люди. Мы еще не изучали длительных последствий вируса. Вполне возможно, что наблюдается определенный спад. Но пока сказать что-либо конкретное трудно.

— Но почему же вирус проявился в городе именно сейчас?

— Ты можешь об этом догадаться ничуть не хуже меня. Ведь достаточно, чтобы одна-единственная собака забрела в город... Но я на самом деле считаю, что причина несколько иная. Не забывай, что зима выдалась трудная. Поэтому зараженные звери стали покидать свои исхоженные охотничьи тропы и спускаться в долину. Это одна версия. Вполне возможно, что неверная. Но в конце концов так хоть что-то объяснится. Для нас стало, например, ясно, что жертвы вируса ведут ночной образ жизни. Поэтому столько бед творится именно по ночам. Зараженные днем спят и прячутся. Ночью начинают выползать, но полная луна действует на них не лучшим образом. Вот почему мальчик так рычал: луна светила в окна верхнего этажа...

— Еще одно. Мы знаем, что друг для друга они не опасны, — сказал Оуэнз. — Стоило мне поместить вместе нескольких мышей, как они моментально перестали друг на друга реагировать, но ворчали на свет и бросались на стекло.

Слотер вспомнил тени, которые видел возле амбара этой ночью.

— Вы имеете в виду, что они охотятся стаями?

— Не обязательно, но вполне возможно.

— Но что их заставляет объединяться в стаи?

— Послушайте, вирус делает так, что контроль за всеми действиями данного организма берет на себя продолговатый мозг, и жертвы начинают вести себя так, как вели себя животные сотни тысяч лет назад. Охотиться стаями для них было естественно и необходимо. Таков был закон выживания. Одиночка, по крайней мере человек, был тогда довольно редким зверем.

66

Оно стояло в горах — высоко в горах — и смотрело на линию вечных снегов. Начал разгораться свет, оно подняло руку к глазам и тут увидело, как к нему приближаются олени рога и поняло, что наконец-то оно дома.

67

Слотер стоял потрясенный и онемевший. Коди, мужчина, обнаруживший вчера мальчика в поместье и покусанный им, рычал и старался выбраться из пут, привязывающих его к кровати. Его горло было тщательно забинтовано, и рана, конечно, могла объяснить хриплые нечеловеческие звуки, им издаваемые, но Слотер понимал, что дело тут не в глубине пореза. Нет, тут за работу взялся вирус, и, хотя кровать была обита так, что Коди вряд ли мог бы причинить себе вред, ярость, с которой он бился, могла вскоре принести результаты. Человек здорово смахивал на помешанного, и Слотер в очередной раз вспомнил слова Аккума о безумии луны.

— Это, конечно, лишь предположение, — сказал он стоящему рядом санитару, — но если вы выключите — попробуйте, попробуйте — свет, то вполне возможно, пациент успокоится.

Даже сквозь окошечко Слотер чувствовал, как рычание терзает его душу. Пена, капавшая на бинты, вызывала тошноту. Вдруг рычание и дерганье стали особенно яростными. Коди старался так развернуть голову, чтобы перегрызть ближайшую к нему лямку.

— Не могу на это смотреть.

Сглотнув, он посмотрел в сторону Мардж, которая ждала его в дальнем конце коридора. Она смотрела в другое окошечко. Слотер знал, что в той палате находится мать умершего мальчика и прежде, чем медленно двинуться в ту сторону, он кинул последний взгляд на Коди.

— Привет, Мардж, — сказал он, прекрасно понимая, что она должна сейчас чувствовать, и поцеловал ее.

Но она лишь смотрела и смотрела в стекло. Слотер наблюдал за ней.

— Я пытался звонить, но тебя не было дома.

Женщина не ответила.

— Мардж, я...

— Натан, я ее ударила. Понимаешь, больше ничего не оставалось. И я не собиралась бить так сильно. Она...

— Успокойся.

— Но у нее трещина в черепе.

— Я знаю. И все-таки — успокойся. Ты сделала то, что должна была сделать. Эта женщина останется жива. Остальное не имеет значения, врачи просто не знают, как ее дальше лечить. — Он взял Мардж за руку.

Он взглянул на женщину, которая в бессознательном состоянии была привязана к постели, на голове ее белела повязка, в руку была воткнута игла, от которой шла резиновая трубка, присоединенная к перевернутой донышком вверх бутылочке для внутривенных вливаний.

Мардж зарыдала, и Слотер прижал ее к себе.

— Ну, ну... Почему бы тебе не отправиться домой, а, Мардж? Пожалуйста. Тебе здесь абсолютно нечего делать. Помочь ты ничем не можешь, так что... Если что случится, тебе обязательно сообщат...

— А ты со мной поедешь?

— Ты ведь прекрасно знаешь, что мне бы очень этого хотелось...

— Но ты не можешь.

— И это тебе известно. Единственное, чего бы мне хотелось, это остаться с тобой, но я боюсь того, что может произойти.

— Ну всего на часок? Тебе ведь тоже нужно отдыхать.

— Я тебе разве ничего не рассказывал? Я ведь стараюсь побить рекорд: сколько человек может обходиться без сна.

Но женщина почему-то не рассмеялась.

— Мардж, мне бы хотелось, чтобы ты поняла. Я ведь знаю, что тебе тяжело.

Она изучала его лицо.

— Я знаю, что если бы у тебя был выбор, ты бы поступила иначе. Эта женщина чуть не убила своего мужа. Так что ты была на высоте. Не беспокойся. Ты чересчур близко к сердцу воспринимаешь любую...

— Спасибо. И все-таки не легче. — Она отвернулась к окну.

— Отправляйся домой. Пожалуйста. Ты ведь прекрасно знаешь, что я тебе буду сообщать обо всем, что тут происходит.

— Я боюсь, Натан, боюсь.

— Прекрати. Я провожу тебя.

Он поцеловал ее. Затем коснулся ее руки, и Мардж ответила на пожатие. Они пошли по коридору. Проходя мимо палаты Коди, Слотер отвернулся. Дойдя до угла, Мардж оглянулась на окна, выходящие в коридор, и стала спускаться по лестнице. Натан коснулся ее волос и стал смотреть, как она идет к парковке.

«Чудесная, измученная женщина, — думал он. — Поднимая бейсбольную биту, она, должно быть, испытывала жесточайшие муки». Слотер помахал ей на прощание, но, проезжая мимо, Мардж, видимо, была столь убита горем, что лишь кивнула в ответ, и прежде, чем отправиться к телефону, находящемуся в комнате для сестер, он на мгновение остановился возле двери, в нерешительности, но...

68

— Слотер? Боже мой, восемь утра. Неужели нельзя подождать более приличного часа?

— Нет, надо поговорить сейчас же.

— Ох ты, черт побери, нет, правда, Слотер...

— Это очень серьезно. У нас осталось не так много времени.

На линии воцарилось непродолжительное молчание.

— Ну, хорошо. Увидимся через час в редакции. Но пусть лучше твоя причина окажется уважительной.

— На этот счет можешь не беспокоиться, — заверил Натан. — Ты потом еще пожалеешь, что она настолько серьезна.

— Я уже жалею.

Слотер нахмурился и повесил трубку. Он думал о том, что за все те годы, что он здесь живет, ни разу не был у Парсонза в доме, а потом о том, почему именно сейчас, когда от важных дел трещит голова, думает об этом. Тут же пришла в голову мысль, что все это из-за политических игр, в которые Парсонз так любит играть. Этот человек держит своих подчиненных вдали от своего дома, потому что хочет отгородиться от них, показать, что дружбой тут и не пахнет. Тем самым он их как бы устрашает. Но Слотеру по большому счету было на это наплевать. Он никогда особо Парсонза не боялся, хотя, говоря по правде, ему было бы неплохо быть с ним в нормальных отношениях, чтобы не полететь с работы. Обуреваемый подобными мыслями, Натан поехал в участок, где, несмотря на раннее утро, уже вовсю раздавались звонки: люди сообщали о каких-то непонятных фигурах, крадущихся по темным закоулкам и садам, растерзанных кошках, собаках и коровах, о пропавших людях. «Ну, что же, начало неплохое, — решил Натан. — То ли еще будет». Затем он попытался отгородиться от всего и привести себя в порядок в мужском туалете: вымыться, сменить пропотевшую рубашку на чистую, которую он на всякий случай всегда держал в ящике письменного стола. Нет, Парсонзу это не понравится. Он уже на пятнадцать минут опаздывал, и Слотеру пришлось сидеть перед закрытыми дверями «Поттерз Филд Газетт». Наконец показался хозяин в спортивной рубашке и нейлоновых слаксах.

— Нет, подождите, пока мы не поднимемся, — сказал мужчина, наверху все выслушал, затем очень спокойно спросил: — Вы решили, что я в это поверю?

Перед тем, как высказаться, Слотер слегка нахмурился.

— Понятия не имею. Хотелось бы.

— Ну, послушайте, Слотер, самого себя. Вам наверняка известен лишь тот факт, что у мальчика обнаружилась какая-то болезнь, да и то, вполне возможно, у него был нервный срыв. Затем его мать впала в истерическое состояние и подралась с мужем. У Коди тяжелая форма лихорадки. А собака-поводырь просто взбесилась. Вот и вся ваша история.

— Вы забываете о теле Клиффорда.

— Нет, ничего я не забыл. Все правильно, Клиффорда атаковала, видимо, дикая собака, как вы и говорите. Но были ли произведены необходимые анализы, исследования?

— Было произведено следствие, чтобы распознать, какое на него напало животное. К тому времени у нас не было причин подозревать появление какого-то вируса.

— Значит, исследовали лишь больную собаку и результаты анализов показали, что ее заболевание очень смахивает на водобоязнь, так?

— Аккум...

— Слотер, не хочу вас разочаровывать, но ведь всем прекрасно известно, что он приехал сюда только потому, что больше никто не хотел прибегать к его услугам. В Филадельфии он сорвался и я не удивлюсь, узнав, что он прибег к подобной инсценировке только для того, чтобы прибавить себе значительности. Если нормально относиться к делу, то даже времени для исследования мертвого мальчика просто не было. Допускаю, если слова Аккума действительно правдивы, что его мозг оказался заражен. Но это могло произойти по массе причин. Чтобы сделать правильный срез и подготовить препарат для изучения под электронным микроскопом, необходимо несколько дней. Я понимаю, что кое-что можно опустить, если человек очень спешит, что объясняет, почему Оуэнз так быстро подготовил образцы. Но в одном я уверен, — срезы с собачьего мозга были подготовлены настолько поспешно, что доверять их правильности мы не имеем права. Чтобы меня убедить, потребуется нечто большее. Подумайте обо всем, что я сказал, и ответьте на простейший вопрос: в чем вам видится больше смысла — в водобоязни, или же новеньком свежее испеченном вирусе?

— Вы ведь не видели этого мальчика.

— Но достаточно о нем слышал.

Слотер мрачно взглянул на Парсонза.

— Конечно, Слотер, конечно! Неужели вы думали, что мне ничего не известно? Я ведь владелец этой чертовой газетенки. Мэр. Да у меня в соглядатаях весь город. Если родители решат подать жалобу, Аккуму крышка. Он влепил пациенту дозу снотворного без положенных мер предосторожности. Ну, разумеется, теперь он скажет, что мальчишку убил вирус. Конечно, обвинять себя никто не станет. Но его словам в данном случае вряд ли можно верить. И это еще одна проблема, о которой я бы хотел с вами поговорить. Сейчас не

будем говорить о женщине, которую вы наняли на работу и которая огрела мать мальчика бейсбольной битой по голове, хотя не понимаю, почему вы ее не арестовали и не предъявили обвинений, хотя, разумеется, процесса не миновать. Давайте-ка сосредоточимся на Аккуме. Его я бы выбрал в последнюю очередь, чтобы провести исследование тела мальчика. Он...

— Неважно. Если бы вы видели мальчишку, то поняли бы, что Аккум действовал как нужно. Паренек был просто кошмарен.

— Но ведь мы вас потому и держим, за то и платим. Это вы должны управляться с подобными случаями. Работенка у вас, Слотер, довольно плевая. Не так уж много бед здесь у нас происходит. А как только — заметьте впервые за долгие годы — произошло крупное событие, как вы врываетесь ко мне в воскресенье утром со своими бредовыми предположениями о том, что необходимо запечатать долину наглухо и уничтожить все стада. То есть наши средства к существованию.

Слотер тяжело смотрел на него. Он постарался как можно сильнее сжать кулаки и зажать их между ногами. Почувствовав, как лицо пылает огнем, Натан с трудом сдерживал рвущееся из легких дыхание.

— Я сказал, если до этого дойдет. Пока неизвестно, необходимо это или нет. Я просто хочу выслушать ваше мнение.

— Так вот: необходимости нет. Отдохните минуточку, Слотер. Дайте рассказать вам немного о своей работе. Я был мэром задолго до того, как вы сюда приехали. Двадцать лет, чтобы вы знали, был мэром. Когда все эти хиппари заявили в город, я понял, что это беда. Понял и то, что нужно вышвырнуть их отсюда. Но не сделал этого, так как понимал, что люди начнут говорить, что хотя им хиппи и не нравятся, все же мы не должны лишать их последней надежды. Поэтому я стал ждать подходящего случая. Их грязные языки и наркотики, мерзость и пошлость возрастали, но я ничего не предпринимал и выжидал, потому что знал, — еще немного, и народ начнет меня упрашивать, чтобы я избавил город от мрази. Что и произошло. В точности. Так что я добился того, чего хотел, но сделал это дипломатично. Вам это о чем-нибудь говорит?

Слотер лишь пожал плечами.

— Дело в том, что люди всегда лучше знают, что для них хорошо, а что плохо. Хороший руководитель делает лишь то, что ему велят, — сказал Парсонз. — Вот почему меня переизбирают мэром все это время. Потому что я понимаю это. От народа мне нужны лишь подсказки. Вот вы мне говорите, что скоро начнется эпидемия. Что ж, отлично. Давайте пождем и посмотрим. Свидетельства неубедительны, но я буду держать это дело в поле зрения. Меры предосторожности, предлагаемые вами, нецелесообразны. Уничтожить стада и всю живность в округе? Помилуйте, Слотер, а вдруг никакой эпидемии нет и все дело в отвратительно приготовленных препаратах и пристрастном коронере? Ведь народ потребует наших голов. Им захочется, чтобы за их стада заплатили, а я боюсь вашей зарплаты на это не хватит. И даже опечатывание долины. Вы ведь понимаете, что долина живет разведением и продажей скота. Стоит лишь прокатиться слушку, что наши коровы заразы, и нам опять-таки придется их уничтожить. Их же никто не станет покупать. Не уж — поживем-увидим. Если действительно началась эпидемия, люди сами нам скажут, что делать. Сами, понимаете? И их выбор будет самым верным, самым разумным. И мы все останемся в живых, потому что народом руководит здравый смысл. Все будет даже лучше, чем тогда, с хиппи...

— Но различие между нашим случаем и старым состоит в том, — сказал Слотер, — что тогда от вашего ожидания никто не умер. Сейчас на моем столе уже лежит немало донесений, число их будет расти и далее, я уверен, а потом долину охватит паника. Донесения не только о растерзанном скоте. Не только о Клиффорде и мальчике. Мы скоро потонем в трупах, и этим беднякам уже никто не сможет помочь.

— Вы меня будто и не слушали, Слотер. У нас нет выбора. Вы просто хотите поспорить, а вот я все споры прекращаю. Будете вести себя так, словно ничего страшного не происходит. Если вирус как-нибудь проявится, — в чем я лично сомневаюсь, — то зараженного поместите в карантин. Будете отлавливать кошек, собак и даже бурундуков, если они будут казаться вам странными, но людям надо говорить, что все под контролем и давайте на этом закругляться. И послушайте, что я вам скажу: стоит только промелькнуть намеку на то, что в городе эпидемия, — берегитесь. Это понятно? Подобный приказ вы в состоянии воспринять?

Слотер молча смотрел на него.

— Могу я, по крайней мере, добраться до радиостанции и оповестить город о том, что мы обнаружили вирус водобоязни?

Парсонз обдумал.

— Не вижу никаких проблем. Мы ведь получили сведения из рук врачей, поэтому город должен знать об этом для своего же блага. Для защиты. Но ни в коем случае не упоминайте скот. Это уже по другому департаменту. А теперь мне необходимо вернуться домой. В церковь я опоздал, но ко мне должны прийти люди. На поздний завтрак.

Он встал, давая понять, что и Слотер должен убираться и как можно быстрее.

— А кстати, что там с этим журналистом из Нью-Йорка? По фамилии Данлоп?

— Он все еще здесь.

— Так выставите его отсюда. Чтобы слухи не распространялись, это необходимо сделать. Заставьте его уехать до вечера.

— Но если он еще не закончил свою работу?

— Да закончил он ее, закончил. Он просто еще сам этого не знает. Посадите его в поезд и сами держитесь неприметненько, чтобы вас не слишком многие видели рядом с ним. Выглядите вы просто неважно. Может быть, эта работа слишком тяжела для вас?

Слотер едва не рассмеялся. «Ах ты, подонок, — подумал он. — Не упустит случая, чтобы нагадить человеку на голову». Идя вместе с Парсонзом к двери, он сжал кулаки до боли и почувствовал, что лицо горит. Пропустив Парсонза вперед, Натан подумал, что так с ним и нужно поступать: держать спину всегда защищенной от этого мерзавца.

69

Он стоял в телефонной будке, из-за шумов на линии была очень плохая слышимость, но он напрягся и сказал:

— Послушай, Элтик, я не могу тебе сказать, зачем они мне, но...

— Подожди минуточку. — И кому-то, прикрыв трубку ладонью: — Положи сюда. Я с тобой. Я не хочу, чтобы вертолет улетел без меня. Отлично. Извини, Слотер. Здесь все с ума посходили. Я слушаю.

— Мне нужны люди, — сказал Натан громче. — Не могу объяснить, но мне может понадобиться помощь.

— Ни в коем случае.

Голос не оставлял надежд.

— Но...

— Нет, послушай. У меня тут каждый человек на счету. Я отослал пятерых с собаками, чтобы узнать, кто там режет скотину. Несколько ранчери не досчитались, не знают, куда они запропастились. И мои люди...

— Но...

— Извини, Слотер.

В трубке слышались какие-то посторонние шумы, и связь прервалась.

Слотер повесил трубку и молча посмотрел на нее. Поехало. События развивались чересчур стремительно. Времени поразмыслить не оставалось. Разговор с Парсонзом. Вот теперь еще с рэйджерами облом. Да, дела. Но главное сейчас — Парсонз.

Он быстро вышел из будки и направился к стойке регистрации. Натан понимал, что все то время, пока прощался с Парсонзом и шел сюда, думал только об этом, но не хотел признаваться в такой... В такой глупости. Почему иначе он сразу же пришел именно в гостиницу? Можно было и из участка позвонить.

— Гордон Данлоп, — сказал он пожилому клерку в джинсах и джинсовой куртке.

— И что с ним такое?

— Черт, как мне его отыскать?!

Клерк посмотрел на Слотера и начал рыться в регистрационных карточках.

Услышав номер, в котором остановился Гордон, Натан побежал по лестнице, крикнув через плечо «Спасибо!» и, добравшись до бельэтажа, стал изучать стрелки, указывающие направление, он повернул налево и кинулся по коридору. Добежав до поворота, он снова взглянул на стрелки. Коридоры все время изгибались. Дойдя до угла, он увидел в тупичке нужную дверь и мимо картин подошел к номеру. Постучавшись, он не услышал ответа.

— Данлоп, вставай. Это Слотер.

Никто не отзывался.

— Данлоп, — постучал Натан снова, потом постарался повернуть ручку, та не поддавалась. Но, нажав хорошенько всем телом, он почувствовал, что замок отошел. Дверь распахнулась.

Оказывается, Данлоп не закрыл дверь как следует. Он распластался поперек постели; одежда была измята и чем-то пропитана. На полу лежала пустая бутылка из-под виски, какие-то бумаги, окурки, разбитая пепельница и перевернутый стул.

Что здесь произошло? Слотер учуял в воздухе нечто тошнотное, отступил назад, но тут же двинулся вперед и вперился в тело на кровати. Данлоп вроде бы не дышал. И не шевелился. Натан сграбастал его за одежду и начал трясти.

— Данлоп, просыпайся, слышишь? Дело не терпит отлагательств.

Данлоп не пошевелился. Слотер хорошенько потряхнул его.

— Гордон, вставай.

Слотер попробовал послушать сердце. Обнаружив, что оно еще колотится, он перестал беспокоиться, по крайней мере, об этом.

— Черт тебя возьми, Данлоп! — рывкнул он, встряхивая бесчувственное тело. Гордон застонал и постарался вывернуться, но Слотер не отпускал. — Это Слотер, слышишь? Просыпайся. У нас неприятности.

Данлоп снова застонал. Из рта его жутко воняло, но не обращая на это внимания, Натан обхватил приятеля за плечи и, подняв, выволок в коридор и потащил к туалету с ванной. Усадив его на унитаз, Слотер начал было расстегивать ему рубашку, но поняв, что так слишком долго, просто разорвал ее. Гордон от рывка едва не слетел со «стула», но Слотер подхватил его и, положив на пол, стащил с него брюки, носки и исподнее. Трусы оказались влажными, с них капало — Натан отбросил их в угол. Данлоп захрипел. Слотер положил его в ванную и открыл холодную воду в душе. Завопив, Гордон взвился.

— Ничего, ничего, расслабься.

Данлоп орал не переставая.

Слотер щелкнул его ладонью по лицу.

— Эй, это же я, Слотер.

Данлоп заморгал. Глазки у него были красные. Блевотина, запекаясь вокруг губ, начала смываться и стекать по подбородку; он нахмурился, склонив голову набок. Было похоже, что он сейчас заплачет, затем его тело напряглось.

— Все в порядке, я здесь, с тобой, — сказал Натан. — Давай, блюй...

Он наблюдал за Данлопом, вода стекала на него, один спазм сменял другой, а затем Гордон вздохнул и, откинувшись назад, закашлялся. Он плакал.

— В чем дело? Кошмары?

Данлоп лишь кивнул.

— Так, у меня для тебя есть работенка и мне нужно, чтобы ты протрезвел. — Данлоп повернулся к нему.

Вода брызгала на них.

— Пока ты еще в лежачем состоянии, я бы хотел получить от тебя четкие ответы на некоторые вопросы, — продолжил Слотер. — И надеюсь, что ты не станешь мне лгать. Мне необходимо знать, могу ли я на тебя положиться.

Данлоп закрыл глаза, содрогнулся: ледяная вода продолжала литься ему на плечи.

— Как так? Не понимаю.

— Все от тебя зависит.

— Ты ведь прекрасно знаешь, что именно хочешь услышать. Так что мой ответ тебе не нужен.

— Слушай, приятель, — Слотер уселся на край ванны и вонзил ногти Данлопу в плечо, — Ты оказывается не так уж и пьян, как прикидывался. Поэтому я хочу услышать ответ.

— Да-да, разумеется. Уверяю, что ты можешь мне доверять.

— Если ты обгадишься, то лучше никогда не попадайся мне на глаза, понял?

— Ты можешь на меня положиться. Эй-эй, мое плечо!..

Слотер увидел, что под его пальцами кожа на плече стала наливаться пурпуром и ослабил хватку. Потом, убрав руку, сел на унитаз.

— Мне нужно, чтобы меня кто-то прикрыл, — сказал он, наконец. — Чтобы человек этот ко всему прочему был не здешний, что бы он в своем поведении был свободен и ни от кого не зависел. В общем, догадываешься, о ком я. Так: мне необходимо, чтобы ты ежесекундно наблюдал за моими действиями, проверял все, что я делаю и подробнейшим образом это записывал. Скоро здесь начнется кошмар, поэтому я хочу оказаться надежно защищенным.

Данлоп крепко прикрыл глаза и содрогнулся под струей ледяного душа.

— Ты меня слышишь?

— Неужели настолько плохо?

— Даже хуже.

— Черт, да пусть я буду проклят, если не пойду с тобой.

— Будешь проклят, если пойдешь. Но имеется одно условие. Я прошу только о том, чтобы ты не публиковал эти материалы без моего разрешения.

— Нет, я...

— Просто не хочу беспокоиться еще и из-за тебя. У меня и без этого забот хватает.

Вода продолжала струиться. Слотер почувствовал, как его намокшая рубашка холодом липнет к телу.

— Договорились, если только больше никто в этом не будет замешан.

— Больше никто: только ты и я.

— По рукам.

Слотер откинулся назад на стульчаке и оперся спиной о стену. Он не очень хорошо понимал, с чего бы начать.

— Ты вроде как говорил, что хочешь сделать отменный репортаж. По-моему, лучше ничего придумать нельзя.

Данлоп взглянул ему в глаза.

70

Хэммелю это не понравилось. Ему приказали вести учет всех, кто входил в контакт с вирусоносителями. Мало того, что его подняли в середине ночи, заставили смотреть на разодранные в клочья трупы несчастных лошадей, так еще чуть было не поволокли на охоту на каких-то там рысей. Ко всему прочему сегодня следовало проверить самочувствие владельца бешеного пса — еще бы: новичкам всегда достается хлебать всякое дерьмо. Он пристально всматривался в экранированную дверь: телевизор орал, как оглашенный, но хозяин не отзывался. Черт, да разве с таким ором можно услышать, когда кто-нибудь стучит? Хэммель хорошенько врезал по косяку и заорал. Но лишь телевизор что-то прорычал в ответ. Хэммель попытался толкнуть дверь. Она поддалась.

— Есть кто-нибудь дома?

Полицейский вошел, обозревая батарею пивных банок.

— Где..?

Надо взглянуть в спальне или ванной. Направо был коридор, и он двинулся по нему.

— Кто-нибудь дома?

Первая дверь вела в туалет, и Хэммель заглянул туда, учуяв страшную вонь. Когда он туда вошел, его едва не стошнило, унитаз был полон до краев, видимо, никто никогда не спускал воду.

— Ни фиги себе.

Он рефлекторно обернулся назад, но коридор за его спиной был совершенно пуст. Следующей комнатой оказалось некое подобие рабочего кабинета с раскиданными бумагами и битым плафоном. А вот спальня была тщательно прибрана: все вещи лежали на своих местах, а кровать была идеально, как в армии, заправлена.

— Это неплохо. Попробуем спуститься в подвал.

Но Хэммель подумал, что было бы для начала неплохо позвонить в участок и попросить помощи. Здесь явно что-то было не так.

Вдруг он обернулся, услышав царапанье в шкафу. Распахнув дверцу, Хэммель вытащил револьвер, но тут на него навалился хозяин дома. Единственным преимуществом полицейского была молодость и полное отсутствие опыта. Другой на его месте тут же отступил бы назад, угрожая мужчине оружием, приказав ему не совершать глупостей и помнить о возможных последствиях. Будь офицер на месте Хэммеля постарше, его опыт и подобные действия оказали бы ему скверную услугу. Но в данном случае у Хэммеля просто не было времени на то, чтобы отступать, орать или пытаться кого-то задержать. Для этого он был чересчур напуган. Поэтому просто выстрелил хозяину дома в лицо.

71

Они смотрели на паковочную клеть.

— Обычно я не прихожу сюда по воскресеньям, но сейчас слишком много работы, — говорил старший. — Увидев разбитое стекло позади, я собирался сразу вызвать полицию, но решил проверить сначала инвентарь. Вот пришел и проверил...

«Давай, иди и получай свое», — злорадно подумал Слотер, но вслух ничего не сказал, чтобы не усугублять и без того трудное положение ненужным проявлением эмоций. Он мельком взглянул на Данлопа, который стоял рядом с ним и внимательно слушал.

— Так вот, когда я все осмотрел, мне показалось, что ничего не пропало, по крайней мере, на первый взгляд. Я даже проверил то, что мы получили в пятницу.

Здесь было холодно: цементный пол, тени по углам склада. Они подошли поближе к паковочной клетки.

— А затем я увидел эти пустые клетки. Мы выгрузили в пятницу из них несколько холодильников — уже перед самым отбоем, и я, не знаю, поймете ли вы меня, но мне нравится, когда все чисто и в полном порядке. То есть здесь я провожу даже больше времени, чем дома, и любой беспорядок меня просто нервирует.

— Да, конечно, понимаю. — Но Слотер на самом деле был напуган и думал: «Да провались ты со своей аккуратностью».

— В общем мы оставили крышки открытыми, и так в принципе задерживались дольше обычного, поэтому я подумал: приду сегодня, и все доделаю. Крышка на этой клетки была захлопнута. А не должна была бы. Когда в пятницу мы уходили, она была распахнута.

В этот момент старший распахнул клеть. Слотер заглянул внутрь.

— Боже.

То, на что он смотрел, когда-то было женщиной, по крайней мере, так казалось, если судить по одежде, которая теперь была вся изодрана и испачкана в грязи, ее лицо и верхняя часть туловища были залиты засохшей кровью и изодраны в клочья.

Слотер почувствовал, что Данлоп встал рядом с ним и смотрит.

— Я в недоумении, — пожал плечами старший. — Попробуйте объяснить, как она сюда попала. Я так перетрусил, что чуть не намочил штаны. Кто ее убил? И зачем было засовывать ее сюда?

Слотер заговорил, но с большим трудом.

— Кто еще об этом знает?

— Только вы. Вначале я собирался позвонить в морг, но потом решил, что сначала лучше вам.

— И поступили совершенно правильно. Слушайте. Вы сейчас в шоке. Так что давайте: отправляйтесь домой и отдохните. Мы сами займемся этим делом. А вы думайте, что сегодня воскресенье, выходной. Приходите сюда завтра утром. К этому времени мы все закончим.

— Ну, все-таки мне бы хотелось помочь...

— Мы сами со всем справимся. Меня поразило то, что вы держали себя в руках и не выпустили ситуацию из-под контроля. А теперь — идите домой и позвольте мне заняться своим делом.

Старший почувствовал огромное облегчение и не старался даже этого скрыть. Правда, на полминуты он все же задержался. Но только на полминуты. Подойдя к черному ходу, он еще раз взглянул на оставшихся мужчин.

— Я позвоню, если возникнут вопросы, — сказал Слотер, и старший, удовлетворенно кивнув, ушел.

Слотер дождался, пока рев мотора машины старшего не затих вдали. Только после этого он пристально посмотрел на Данлопа.

— Будешь записывать все, что я делаю, — предупредил он репортера.

— Но...

— А сейчас наблюдай.

Слотер наклонился, стараясь прощупать пульс. Его не было. Поднял веко, но роговичного расширения не заметил. Он вынул карманное зеркальце. Подставил его к ноздрям, но стекло не затуманилось.

— Она мертва?

— Так, по крайней мере, мне кажется.

— Но на самом деле — нет.

— Да, если все, что ты сказал, — правда.

— Мы, конечно, можем отвезти ее в морг, но по пути она может очнуться. Хотя сейчас еще день.

— И наброситься на нас?

— Именно.

Данлопа передернуло.

— Ты видел, как я проверил жизненные признаки, как не обнаружил ни одного и понял по ее виду, что женщина мертва. Так что самое большее, в чем меня могут обвинить, — это в осквернении трупа.

Данлоп смотрел, как Слотер вытащил револьвер и взвел курок.

От станции она прошла двенадцать кварталов, чемодан и сумка оттягивали руки. Она чувствовала себя бестолочью, неуклюжей бестолочью. Приехав на автобусе в Шайенн, она

только там поняла, что не взяла с собой необходимых в дороге вещей — до того торопилась — и не сняла со счета в банке, который наполовину принадлежал ей, денег. Дура, торопыга. Ну да, она спала с Орвалом, но ведь в основном для того, чтобы позлить Уилли. На самом деле она никогда не хотела уйти от него. Просто надеялась, что Уилли начнет ревновать и полюбит ее по-настоящему, если она понравится его братцу. Орвал же убедил ее бежать для спасения жизни, но вот теперь она вернулась и не знала, что делать. Увидев на подъездной дорожке машину Орвала рядом с автомобилем Уилли, она представила, что за вой сейчас поднимется, но, войдя в дом и увидев разгром, сама заорала дурным голосом, призывая все громы небесные на дурацкую башку Уилли. Никто не ответил. Но она прекрасно знала, что пешком они никуда не пойдут, а раз машины здесь, то и братья должны были быть где-то рядом. Войдя на кухню, она увидела следы крови, ведущие в подвал. «Боже, Боже мой, да они прикончили друг друга». Она сбегала вниз, следя за измазанной кровью лестницей, и увидела в углу подвала сложенные тела. Орвал, какая-то женщина, которую она не знала, Уилли с ножом, торчащим из груди, — все трупы были изгрызены, изъедены. Она взвизгнула и, хрипло заорав, присела на пол. Она кричала до тех пор, пока кто-то не появился в подвале и не вывел ее оттуда.

73

Слотер понятия не имел, чем все это закончится да и закончится ли. Он смотрел на трупы, сваленные в углу. Они были исполосованы, измолочены чем-то тяжелым, кое-какие части тел были отъедены. Он не знал, сколько еще сможет это выдержать. Едва справившись с тошнотой, он впал в состояние шока.

Через некоторое время Натан повернулся и взглянул на Данлопа. Жена Уилли сидела с врачом наверху. Уинстон, полицейский, прибывший первым, был тощим, астматичным мужичком, но хорошим малым. Несмотря на бледность лица, он старался держаться и выглядеть выполняющим свой долг чиновником.

— Надеюсь, все слышали о том, что обнаружил Хэммель.

— Да. Он убил парня.

— А мог бы окончить свою жизнь, как эти бедняги. Черт, а ведь я только в четверг вечером разговаривал с Уилли. И брата его видел...

— Шеф, не побоюсь вам признаться: мне страшно.

— Понимаю. Ты только представь, сколько всего их во всем городе. Трупов в подвалах...

Наступило молчание: мужчины смотрели куда угодно, но не на три трупа.

— Та-ак. Выбора у меня нет. Мне придется позвонить в полицию штата. Наступает их черед.

И тут он понял, что не сможет этого сделать. Полномочия на подобный вызов были лишь у Парсонза, да и то с разрешения губернатора. И времени уже не оставалось. Вскоре должна была наступить ночь.

— А как насчет резервов в самом городе, как насчет армии? — спросил Уинстон. — Они-то здесь. Посылать за ними не придется.

— Их мы используем. Черт поberi, но единственным логичным действием на этот промежуток времени — я имею в виду до заката — видимо, будет прочесывание всех подвалов.

— А что делать с этими телами?

— Оставим здесь.

— Что-что?

— Для кого-то они являются источником пищи. Не спрашивай, откуда мне это известно и куда это скрылось. Общем дом. Этого здесь, конечно, нет. Но я на сто проклятых процентов уверен, что с наступлением ночи, если, конечно, охота не окажется удачной, оно...

— ...вернется сюда и начнет отъедать у свежатинки кусочки?..

От этой мысли всех едва не стошнило.

— Для тебя сегодня еще полно работы, — сообщил Натан Уинстону. — Но к закату вернешься сюда и устроишь засаду. И когда оно появится, не задавай ему вопросов. Хорошенько прицелься и застрели.

— Но это же будет убийством.

— Эта гадина, что здесь поработала, тоже убивала, но сейчас все правила игры изменились. Норма теперь не играет особой роли.

Оно тащилось по улице.

Ползло, отталкиваясь руками и ногами, стараясь защитить глаза от бьющего в них света, но боль была чересчур сильной, поэтому оно могло лишь слепо ползти вперед. Оно рычало и пускало пену ртом, хотя и бессознательно. Прерывистая белая линия протянулась впереди и, отчаянно стараясь остаться посередине, оно моталось из стороны в сторону. Мимо проносились какие-то предметы, они сигналили. Оно слышало голоса, какие-то люди старались окружить его, тогда оно оскалило покрытые пеной клыки и зарычало, а потом продолжало ползти. Как оно сюда попало, оно не помнило. Помнило лишь траву — много травы — и деревья. Но это черное жгучее покрытие и белую полосу не помнило. Просто старалось не уклоняться в сторону от линии. Рядом кто-то закричал. Сигнала, снова пронеслись непонятные штуки. А еще — боль. Безобразная жуткая боль. Оно рухнуло в черноту покрытия и поползло дальше, не отрывая носа от белой полосы, на животе. Лапами обхватило череп. Дернуло головой. Неясные голоса приблизились. Чтобы защититься, оно оскалилось. И зарычало.

Реттиг остановил патрульную машину, озадаченный скоплением народа на главной улице. Он видел, как останавливались машины и грузовики, как выбирались на асфальт водители, как люди с тротуара показывали на что-то пальцами, как все новые и новые зеваки подходили с ближайших перекрестков, выбегали из ресторанчиков. Выйдя из машины, он надел шляпу, проверил пистолет в незастегнутой кобуре и двинулся вперед. Что там за чертовщина? Он насмотрелся на столько дерьма за последние несколько дней, что даже не представлял, что еще нового может подбросить ему это утро... В небольшом городке слух распространился настолько быстро, что это было даже трудно объяснить. Люди паникуют, уезжают из Поттерз Филда или же собираются группками и как сумасшедшие галдят. За утро Реттиг наткнулся на три транспортных пробки и потерял уйму времени, чтобы разогнать ошалевших автомобилистов. Он пристрелил взбесившуюся собаку и помог истекающему кровью хозяину

добраться до врача. Возле прачечной-автомата обнаружил изодранную женщину. А вот теперь еще и толпа посередине главной улицы. Реттигу уже заранее не нравилось то, что он мог там обнаружить.

Ослабевший от недосыпа и напуганный за семью, Реттиг приказал им во что бы то ни стало оставаться дома, не высовывать носа, потому что был уверен в том, что вскоре в городе начнется настоящее столпотворение. Позвонил сестре, живущей в Денвере, и попросил ее на время приютить жену с ребяташками. Сейчас они упаковывались, и он не знал, сколько людей занимается тем же в ожидании неизвестного, но неизбежного будущего. Реттигу было ясно, что множество горожан тоже планируют отъезд.

И все равно он не мог даже представить себе, что он увидит. Подходя к толпе и раздвигая людей руками, он чувствовал, что приближается нечто, находящееся за пределами его понимания.

Он слышал слова, которые был не в силах разобрать, не в силах вычленить, рычащее горловое бормотание. Он раздвинул толпу и остался один на один с тем, что когда-то было человеком, видимо, было. Тело его было прикрыто лохмотьями, которые когда-то были мехом. Руки и ноги сочились кровью. Оно рычало, пускало слюну, дергалось; волосы опускались до пояса, разлетались прядями, борода доходила до пупа, лицо было темным от грязи и струпьев и его покрывали жуки. Реттиг увидел это, когда существо подняло голову и заморгало.

— Урон уал, — просипело оно. Реттиг не понял, что означают эти звуки. Он отшатнулся в толпу, чувствуя, как заколотилось сердце. А затем до него дошло. Сипение, хрипение, лай.

— Тронная зала, — сказало оно.

— Тронная зала, — повторило оно.

— Тронная зала, тронная зала, тронная зала.

Природа возродила эту местность. Новые деревья выросли вокруг пней, стволы с которых пошли на строительство модельных залов и спален. Дорожки и парадные площадки заросли сорняками и кустарником. Стены накренились, крыши просели, двери слетели с петель. В самих зданиях

животные устраивали гнезда в паутине и среди деревянной крошки, которую насекомые выкидывали из отверстий, сделанных в бревнах. На разбитом окне сидела птичка и, помаргивая, осматривала картину запустения. На полу лежала многолетняя грязь, а в углу возле своего гнезда жужжали шмели. Поблекшие лозунги, символы, красное и зеленое повисло на стенах, череп со скрещенными костями, флаги с ружьями вместо полос и пулями вместо звезд, и скелетом, распростершимся посередине пятиугольника. Откуда-то снизу задувал ветер.

77

Они стояли возле неясной фигуры в «неотложке».

— Его хоть кто-нибудь знает? — спросил Аккум.

— ...Ты хочешь сказать — это?

Все повернулись к Реттигу.

— На самом деле я и сам не очень хорошо представляю, о чем говорю.

На существе был надет халат, борода приведена в порядок, волосы подстрижены, возле руки висела капельница. Пластиковая трубка вела к вене. Несмотря на то, что он был неподвижен и без сознания, крепкие ремни привязывали его к кровати.

— Зато я представляю, — сказал Данлоп. Все посмотрели на него, на его напряженное лицо. Несколько секунд он молчал. — Слотер, разумеется, этого не знает. А вот почему остальные делают вид, не понимаю... Конечно же, он из лагеря.

Никто не произнес ни слова.

— Что?

— Вытатуированный номер на его кисти. Вот здесь. Куиллер обязывал всем делать татуировки, прежде чем присоединяться.

— Черт, а ведь он прав.

— Но ведь они все умерли, — выдавил Слотер.

— Разве?

— Да нет, я там постоянно охочусь, — встрял Реттиг. — И могу поклясться, что все заброшено. Там никого нет.

— Но они вполне могли переправиться в другое место. Зима да еще убийство. Поэтому они решили перейти в другое место.

— Но куда?

Словно отвечая на вопрос, тело задергалось под ремнями, замотало головой и, находясь в бессознательном состоянии, стало раздувать ноздри и стонать:

— Тронная зала.

— Что? — нахмурился Аккум.

— Он говорит «тронная зала», — пояснил Слотер. — Я тоже не понимаю, о чем идет речь. Оно бубнило эти слова, когда его обнаружил Реттиг. — Не нравился Слотеру запах, стоявший в комнате. Хотя существо и вымыли, привязав к постели, все равно воняло протухшим мясом, потом, плесенью, да вдобавок острым запахом каких-то лекарств. Вся эта вонь вызывала тягостные ощущения. — Где же оно жило?

— В тронной зале, — сказал Данлоп.

— Очень смешно.

— Но ведь ясно, что это место имеет для него огромное значение. Может допросить...

— Да ведь оно в бессознательном состоянии. Ты что не видишь?

— Да наплевать. Давай попробуем.

Слотер взглянул на Аккума.

— Не знаю. Он очень слаб и болен... Ну, хорошо, хорошо: не думаю, что вопросы смогут повредить ему. В его положении...

— Но ведь это бессмысленно, — упрямылся Слотер.

— Да что ты в самом деле! Давай хоть попытаемся. — Данлоп склонился над непонятной личностью. — Ты меня слышишь?

— Осторожнее, — предупредил Слотер.

Данлоп кивнул и немного отодвинулся.

— Ты меня слышишь?

Ответа не последовало. Гордон ждал. Затем снова, но несколько мягче произнес:

— Ты меня слышишь?

— Тут существо вновь изогнулось, зашипело и затихло.

— Ты среди друзей. Поговорим о тронной зале.

— Тронная зала, — прокаркало существо, но все хорошо расслышали слова.

Данлоп взглянул на присутствующих. Затем снова, чрезвычайно мягко проговорил:

— Правильно. Давай поговорим о тронном зале.

— Красная зала.

Данлоп нахмурился и вновь оглядел присутствующих.

— Возможно, кровь. — Аккум, нахмурившись, отвернулся.

— Возможно, — согласился Слотер. — А, может быть, какие-то детские воспоминания. Уточнить ведь мы не можем.

Внезапно существо, привязанное к кровати, закричало. Все слушали, как человек поднимал крик до болезненной высоты. Звук становился все пронзительнее, скрипучее, тело мучительно выгибалось, а затем также внезапно он замолчал и существо рухнуло на постель и, обмякнув, застонало. Люди вокруг молча смотрели на него. У дверей собрался персонал.

— Ему ничего нельзя дать? — спросил Слотер у Аккума.

— Снотворное, как ты понимаешь, не рискну. Потому что спасти его в таком случае мы будем уже не в силах.

— А как насчет света? Может быть, погасить лампы?

— Да ведь он без сознания. Они ему не мешают. Но если тебе так будет спокойнее... Почему бы и нет? — Он подошел к выключателю и выключил свет. Комната погрузилась в полутьму; свет исходил лишь от неяркой лампы на стене возле кровати.

Но стонать существо не перестало. Оно начало мотать головой из стороны в сторону. А затем внезапно успокоилось.

— Что ты можешь сказать нам о красной комнате? — стал спрашивать Данлоп.

Ответа не последовало.

— Красная комната, — повторил Гордон.

И тут полилось:

— Красная комната, красная комната, антилопа.

— Я ведь говорил, что это бесполезно. Он что-то бубнит, а вот, что?.. — махнул Слотер рукой.

— А, может быть, он говорит то, что для него важно? — спросил, обратившись в пустоту, Данлоп.

— Может быть, ты сможешь объяснить, что он имеет в виду?

— Ты прекрасно знаешь, что не смогу.

— Я это действительно знаю. Прекрасно. Мы должны выяснить, куда они все перебрались. Если в тех местах окажется какая-нибудь красная комната, мне хотелось бы знать, что в ней находится.

— Куда? — пожал плечами Реттиг. — В этих горах постоянно кто-нибудь охотится, рыбачит, да просто гуляет. Может, кто и наткнулся...

— Может. Проверь по списку всех пропавших без вести и запросы из других регионов страны, — посоветовал ему Данлоп. — Неизвестно, в какие временные дебри это нас может завести.

— Слотер, ты не мог бы нам все же объяснить, что все это означает?

В комнате прозвучал новый голос. Присутствующие застыли на местах и стали медленно поворачиваться к дверям. В проем протиснулся Парсонз и навис над ними. Вот тогда все посмотрели на Слотера.

— Мы пока и сами не знаем. Мы...

— В коридор.

— Что?

— Я жду, Слотер.

Парсонз отступил назад, и дверь за ним закрылась. В комнате наступила тишина.

— М-да, я знал, что так должно было случиться.

— Так?

— А, ерунда. Сейчас все устрою. — Слотер повернулся к дверям и потянул створку на себя. В коридоре стоял Парсонз.

Он знал достаточно, чтобы позволить двери закрыться прежде, чем начать говорить.

— Я ведь запретил репортеру узнавать обо всем этом! Вам приказали посадить его в поезд и убрать из города!

Медсестры в дальнем конце коридора поглядывали на мужчин.

— Не думаю, что в силах это сделать.

— Если вы хотите остаться на своем месте, то...

— Послушайте, Парсонз, мы должны понять друг друга. И узнать, хотя уже слишком поздно. Я постараюсь вам объяснить. В подобных ситуациях я оказывался не раз. Еще в Детройте попадал в переделки, а как только на моих начальничков начинали давить, они моментально озирались в поисках подходящего козла отпущения. Первое, чему мы учились, — как выходить сухими из воды. Так вот, сейчас этот город постигла большая беда, и вы, разумеется, ищите, на кого бы все свалить, но я абсолютно уверен в том, что на меня вам не нагадить. Потому что этот человек, от которого вам так хочется избавиться, мне ближе, чем мои трусы. Я никуда — даже в туалет — не пойду, не прихватив его с собой. Потому что хочу быть защищенным, чтобы он записывал каждое мое движение, и если вы выдвинете против

меня какие-нибудь обвинения, чтобы сохранить свою возлюбленную репутацию, то, кроме моего слова, услышите еще одно.

— Я вас...

— Послушайте. Я еще не закончил. Вы хотите переждать, посмотреть, что будет дальше. А вот я не хочу. Если придется, объявлю в штате военное положение. Конечно, у меня нет таких полномочий, но это неважно. А когда все закончится, мы сможем посидеть и поговорить о том, какие границы я преступил. А пока я стараюсь хоть что-то делать, а что именно — не вашего ума дело. Может быть, я совершу ошибку. Или ошибки. Хорошо, за них я отвечу. Но ни за что на свете я не стану отвечать за вашу бездеятельность.

Парсонз сверкнул глазками.

— Вы еще пожалеете, что перебрались сюда.

— Вполне возможно. Но предлагаю вам подумать о себе. Выбор: если я прав, вы вполне сможете присвоить себе всю инициативу и весь успех. Если ошибся, — у вас будет прекрасная возможность ткнуть в меня пальцем или запустить камнем. Только учтите: тот репортер — гарантия. Моя, так сказать, страховка. Свидетель, который будет меня защищать, не забывайте. Я беру на себя всю ответственность.

— Не беспокойтесь, не забуду. — Парсонза просто трясло от ненависти и злобы. — И через многие годы я вас буду вспоминать, только вас здесь уже не будет.

78

Оуэнз отказывался это сделать. Он пришел к Слотеру в кабинет и увидел, как Натан, Аккум и еще один человек, которого он до этого не видел, повернулись к нему.

— Отлично. Я рад, что вы смогли прийти, — сказал Слотер.

— Я ненадолго. — Он указал пальцем на окно, в котором виднелась вереница машин, оставляющих город. — К ночи здесь никого не останется.

Слотер сначала взглянул на Оуэнза, а затем туда, куда указывал ветеринар.

— Итак, слухи прокатились, подобно волне, и люди оставляют насиженные места. Это нам только на руку.

— Чтобы что? Защищать пустой город?

— Вот этого я слышать просто не хочу. Вы много повидали, и я думал, что смогу на вас положиться.

— Но это же бесполезно. Вы ведь прекрасно знаете, что бороться с вирусом мы не в состоянии.

— Но можем попытаться.

— Вы холостяк. Семей не обременены. А моя жена с детишками сейчас собирают вещи.

— Мои тоже. Но это не означает, что я бегу вместе с ними, — сообщил Реттиг.

Оуэнз посмотрел на него, а затем обвел взглядом всех присутствующих. Он явно не верил своим глазам.

— Вы что, ребята, не усекли? Все, что нам удалось узнать — это то, что они не переносят света и выползают из укрытий с наступлением темноты, что на них влияет луна и что убийств становится все больше.

Слотер наморщил лоб и покачал головой.

— И все-таки не понимаю вас.

— Все дело в луне. Фаза прибавлялась, а сегодня полнолуние. Вся долина превратится в сумасшедший дом.

Они смотрели на Оуэнза.

— Вы — полицейский. Работали в Детройте и должны знать, как в период полнолуния и смены времен года психи себя ведут. Для того, чтобы это заметить, не нужно быть копом семи пядей во лбу. Можете поговорить с врачами или хотя бы со мной, и я расскажу вам, как начинают вести себя животные. Поговорите с теми, кто работает в сиротских приютах, комитетах по попечительству или других подобных организациях. Луна творит страшные дела. Сегодня же, повторю, — полнолуние. Летнее солнцестояние. Не вспоминаются ли вам старинные сказочки и предания о том, что творится в канун летнего солнцестояния? Эти несколько ночей не были случайными. Вирус поражает продолговатый мозг, и мы начинаем вести себя как первобытные. Сегодня ночью здесь будет ад.

Лица всех присутствующих побелели.

— Господи.

— Да, вам удалось меня напугать, — сказал Слотер и посмотрел сначала на стол, потом в окно и снова на ветеринара. Глубоко вздохнул. — Я согласен с вами, что после всего происшедшего сегодня, видимо, может случиться все, что угодно. Но я не знаю, как с этим бороться.

— Уезжайте, тогда не придется мучаться.

— Этого я не могу себе позволить.

— Но почему?

— Потому что существует такое понятие, как работа.

— Эти слова — такое же сумасшествие, как и все то, что мы видим вокруг. От вас не будет никакого прока; а если даже будет, то кто вас поблагодарит? Парсонз? Он ведь только и ищет, — сами знаете кого. Думаете, что жители этой долины будут вам признательны за то, что вы умерли ради их спасения? Неужели вы не понимаете, о вас скажут лишь, что вы потеряли контроль над собой, а что ваши поступки — это несусветная глупость. Так что не дурите и бегите, пока еще есть время.

— Я это делаю не ради города. Ради самого себя. Если побегу сейчас, то никогда уже не смогу остановиться. И не думаю, что вы тоже убежите.

— Не думаете? Увидите. Тут и думать нечего...

И мужчины стали на него смотреть. Они ждали и смотрели, смотрели... На какой-то момент всем показалось, что у Оуэнза хватит смелости, чтобы уйти, но лишь на одно мгновение.

— Что-то не так? Вас что-то беспокоит? — спросил Слотер.

Оуэнз смотрел Натану прямо в глаза.

— Может быть, хотите что-нибудь сказать?

Оуэнз смотрел...

— Вот, что я скажу: сейчас день. До ночи ничего особо страшного произойти не должно. Оставайтесь ненадолго. Отправьте семью, скажите им, что позже нагоните. А пока помогите нам — делайте то, что до сих пор делали. Вы дадите нам больше информации, чем все мы, вместе взятые. Пока не знаю еще, как ее использовать, но ваша работа для нас чрезвычайно полезна.

Оуэнз смотрел, не мигая.

— До заката.

— Большого и не требуется.

А затем Слотер сделал довольно странную вещь: он тихо подошел и обнял Оуэнза. Ветеринар, похоже, почувствовал себя немного увереннее, а остальные несколько расслабились.

— Теперь мы снова вместе. Давайте работать.

Парсонз подтащил дорожное ограждение к двухполосному шоссе. Оно напоминало козлы для распиливания бревен, только побольше и подлиннее. Он обнаружил его на обочине, там, куда его забросила дорожная команда, ремонтировавшая асфальтовое покрытие. Парсонз вытащил и второе, и теперь вся дорога была перегорожена, и он встал лицом к приближающимся автомобилям. Его побуждения были ему не совсем понятны. Всю жизнь он занимал стабильную позицию и никогда не демонстрировал свою власть. Он завоевывал положение тем, что лишь соглашался со всеми и позволял другим принимать решения, которые, впрочем, были очевидны. «Лучшая власть та, которая не властвует, — любил повторять он. — Работа слуги народа состоит в том, чтобы следовать, а не вести». И двадцать лет в должности мэра доказали правильность этого утверждения. Но вот случилась осечка. Из своего дома, стоящего за чертой города, он видел, как уезжали люди, слышал по телефону выражения сожаления и соболезнований по поводу дезертирства. Он умолял друзей не покидать город, довериться ему, но момент, когда следовало начать активные действия, был упущен, и теперь все рушилось, и вместе со всем зашаталась власть, которая столько лет была в его руках. И что хуже всего, Парсонз понимал, что больше никогда не получит возможности встать на ту же ступеньку общественного положения. Если город и будет спасен, а люди вернутся, все равно ему перестанут доверять. Они все изменят, выберут нового мэра, захотят перемен, а он останется на обочине, как президенты, у которых в свое время была в руках огромная власть, но потом они стали никому не нужны, как политики, и, кроме раздражения, больше ничего в людях не вызывали. Парсонз понимал, что подобные аналогии чересчур претенциозны, но этот город в этой долине был его страной. Здесь у него была абсолютная власть, и он бы не вынес, если бы его вышвырнули на обочину и позабыли.

И вот теперь он стоял возле ограждений и, выставив вперед ружье, ждал приближения первого автомобиля. Тот, остановившись, подал слегка назад, и Парсонз навис над ним — огромный, тушеобразный, — это первое, чему он в свое время выучился, — использовать сам факт своего присутствия, подавлять людей своей массой.

— Поворачивай, слышишь? Разворачивайся. Будем вместе стоять.

— Убери лучше эти заграждения, пока я не протаранил их.

— И что дальше? Ты понимаешь, что если уедут все, то не останется никого, кто бы смог всю эту катавасию остановить.

— Послушай, моего соседа сожрала немецкая овчарка. А через три дома мужик взбесился. Я знаю, что с прошлого вечера пропало больше двадцати человек. Что-то у нас происходит, но очень уж по-тихому, ни черта не понять, а я не собираюсь ждать, пока все прояснится.

— Я прострелю тебе шины.

— А как насчет тех машин, что позади меня? Патронов не хватит. Давай-ка, сдвигай свои козлы. Пропусти.

— Не пройдет. Неизвестно, с чем мы имеем дело, но если я тебя выпущу, то тем самым буду способствовать распространению этой заразы. С этого момента долина находится на карантине.

Это было против правил: то же самое ему говорил Слотер, и он возражал, как только мог, но сейчас он находился в состоянии войны с ним, и если полицейская тактика могла принести успех, он вполне мог ее использовать. Ситуация на самом деле настолько вышла из-под контроля, что эта тактика оставалась единственно возможной, поэтому Парсонз обратился к водителю:

— Если ты сейчас уедешь, если все уедут и эта долина отправится ко всем чертям, то ни ты, ни остальные никогда не смогут сюда вернуться. Ради Бога, возьми себя в руки и встань рядом со мной. Или возвращайся в город и борись с постигшей его бедой.

Все выстроившиеся в очередь машины начали сигналить, потом водители стали вылезать и толпой обступать Парсонза. Он навел на них свой дробовик.

— Если вы мне все еще верите, я покажу, как выбраться из этой передрыги.

Люди хватали заграждения.

— Все дело в лагере, там в горах. Неужели неясно?

Правильно, об этом Парсонз тоже знал. Его информаторы засели повсюду, и он беседовал с ними, как только объявил войну Слотеру. И хотя оставались кое-какие детали, которые требовалось обдумать все равно он отыскал так необходимого ему козла отпущения. Ко всему прочему эти люди в горах,

действительно, были врагами, и если он семь лет назад использовал эту версию, то почему бы не вытащить эту пыльную историю и не проработать ее вновь? Он упорно смотрел на водителей.

— Лагерь? — Они остановились, держа в руках заграждения. — Но ведь люди там давно мертвы!

— А я говорю, что они все еще в горах. Да, перебрались в другое место, но все еще в горах. И они все поголовно сумасшедшие. Черт его знает, какую заразу они подцепили, но теперь эти психи спускаются в город и разносят болезнь по долине. Да-да, я знаю, что собаки и кошки тоже больны, но с ними-то мы сможем нормально справиться. Единственное, чего я боюсь, по-настоящему боюсь, — это горного лагеря.

Это был древнейший трюк, заставляющий людей объединяться и вспоминать давно забытые стадные инстинкты, — некий враг, пришедший извне. Его никто не понимал, но его все боялись. Парсонзу было почти стыдно использовать подобную ложь, но он смело повесил эту лапшу на уши беглецам, потому что и сам в глубине души в нее верил. Все эти ненавистные воспоминания о шестидесятих годах дремали в его мозгу и только ждали момента, чтобы пробудиться к жизни. Злоба Парсонза достигла такой точки, с которой для него путь шел только вниз. Он озверел. Уничтожить Слотера. Вернуть город себе. Да, Богом можно поклясться, что Слотер должен ответить за тон, которым он говорил с ним, Парсонзом.

Он ждал, и все смотрели на него.

— Вы помните, как все тогда было? Они замышляют спуститься вниз и поубивать нас всех. Если мы их, конечно, не остановим...

Люди молча смотрели.

— Вы мне даже не нужны. Я отправлюсь к ранчеро. Вот они знают, что на этом свете важно. Они знают, как сохранить то, что досталось непосильным трудом. Я отыщу настоящих мужчин, которые не побоятся!

И вот тогда Парсонз почувствовал, как что-то шевельнулось в этих людях. Через секунду он спросит, знал ли кто-нибудь убитых. А потом расскажет им о Слотере, о том, как шеф полиции стал настолько беспомощным, что пришлось ему самому — мэру — идти на дорогу и останавливать паническое бегство горожан.

Слотер склонился с остальными над картой. Они собирались сделать сообщение по радио и телевидению, чтобы никто не выходил из дома, чтобы все держались подальше от животных, незнакомых людей и немедленно сообщали об укусах или странном поведении зверей, а затем позвонить в участок и попросить все машины, находящиеся на патрулировании, усилить бдительность. Слотер лично связался с резервистами и попросил их собраться и методично прочесать все дома. Он взглянул на часы.

— Эти горы вам известны намного лучше, чем мне. Покажите, где находился лагерь.

— Слишком большое пространство, чтобы указать точно, — пробормотал Реттиг.

— Я понимаю, но... — Натан потер лоб. Некоторое время у него болела голова, видимо, сказывалось недоедание и недосып последних дней, нервное напряжение, да еще и разговор с Парсонзом. Он надеялся, что боль отпустит его, но теперь чувствовал, что, по-видимому, это невозможно. — Понимаю, но, наверное, есть в горах какое-нибудь местечко с каньонами, ущельями, пещерами, где определенная группа людей могла бы жить незамеченной.

— Ну, с такой точки зрения подобных мест сотни. Я помню, что когда был еще ребенком, у нас не было территориальных карт здешних холмов и гор. Все правильно: охотники, рыбаки — все они избороздили эти ущелья вдоль и поперек, но мне, например, был известен один индеец, который три года прожил в горах отшельником, и его никто ни разу не увидел.

— То есть ты хочешь сказать, что ответа нам как бы не найти.

— Я хочу сказать, что времени на ошибку у нас нет.

— Послушайте, в их поведении должна быть какая-то логика, — сказал Данлоп.

Они развернулись к этому горожанину, который собирался рассказать им — горцам — о горах.

— Логика? Какая там к черту логика? — рявкнул Слотер.

— Ты чересчур долго над этим думал. Твой мозг «замылся». У Куиллера было двести человек. Кое-кто из них умер от холода и голода. Другие просто сбежали. Но остальные? Неужели никого не осталось? В это я больше не верю. Поэтому нужно искать место, где могли бы укрыться,

по крайней мере... ммм... ну, скажем, пятьдесят человек. Оно должно быть на определенной высоте, куда обычно никто не забредает. Подальше от проторенных троп.

— Ну, хорошо, и что дальше? — спросил Реттиг.

— Это, — вмешался Слотер, — нас опять ни к чему не приводит.

— В Детройте ты бы сразу отыскал такое место. Подумай о деле, как о преследовании группы преступников, затерявшихся в лабиринте городских улочек. Выстрой диаграмму и попробуй просчитать варианты.

— Но здесь невозможно построить никакую диаграмму. Пути в лабиринте не существует.

— Он, разумеется, существует. В каком месте долины начали пропадать коровы?

— Вот здесь. На западной стороне.

— А где исчезали ранчеры?

— Здесь же, на западе.

— А где находилось поле, где обнаружили тело Клиффорда?

Слотер принялся рисовать на карте большой икс.

— Необходим список всех происшествий. — Он надеялся, что в этом ему поможет Мардж. И тут же вспомнил, что и его дом находится в том же направлении, содрогнувшись от ударившей молнией мысли, что прошлой ночью он собирался воевать вовсе не с рысями.

— Нарисуй линии. Соедини точки.

Они сгрудились возле стола.

— Да, точка пересечения довольно высоко. Как ты и предполагал.

— Достаточно высоко, чтобы туда не забирались люди. Видите? Там не отмечена ни одна тропа.

— А что это за прерывистая линия?

— Железнодорожная ветка, ведущая к старым рудникам, в которых когда-то добывали золото. Теперь вся разбита...

— Добывали золото? Какое золото?

— Когда-то давно здесь были богатейшие месторождения в штате. Еще в 1895-м. Там наверху даже целый городок построили.

И тут Слотер почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Боже праведный, мы были просто слепцами, — вырвалось у Оуэнза.

— Заброшенный город, — сказал Реттиг. — Они называли его Материнской Жилой. Без железной дороги добраться туда будет невероятно сложно. То есть я хочу сказать, что там нет ни фургонной дороги, ни даже тропы. Вот почему в те места сперва была проведена железнодорожная ветка.

— Материнская Жила, штольни, пробитые в скале. Если хорошо знать как, то там можно прожить долгое время. Ведь старатели жили.

— И теперь там лагерь, — сказал Слотер.

— И теперь там лагерь, — эхом отозвался Оуэнз. — И самое главное, неизвестно, что еще.

— Прошу прощения, Слотер.

В комнате прозвучал голос Парсонза. Сквозь стеклянную перегородку были видны вошедшие в большую приемную люди с ружьями. Впереди стоял Парсонз, он нависал своей тушей над остальными и рассматривал компанию, собравшуюся за перегородкой.

Слотер нахмурился и бросил:

— Опять врываетесь?

— Это в последний раз.

В комнате наступила тишина. Шелестение подошв по мягкому покрытию затихло. Офицер, сидевший за приемником, застыл, а телефонисты не договорили последнего предложения. Потом что-то бросили в трубки и положили их на рычаги. И тут же все телефоны разом зазвонили.

— Снимите трубки и положите их, — скомандовал Парсонз.

Полицейские посмотрели сначала на Слотера, затем на Парсонза.

— Я ведь приказал снять трубки.

Он направился к ним, и телефонисты, протянув руки, быстро снимали все трубки.

— Так-то лучше. Теперь нам никто не помешает. А теперь Слотер — поднимайтесь и — шагом марш.

— Для чего?

— Я только что ввел чрезвычайное положение.

— Я не...

— Это называется гражданским арестом.

— Вы шутите.

— Улыбку видите? Я — нет. Вперед, пока я вас не заставил.

— Но ведь это несерьезно...

— Я тут не собираюсь с вами разглагольствовать. Всем известно, что вы не подчиняетесь приказам.

— Потому что вы не соображаете, что приказываете.

— Я похож на ничего не соображающего человека? Неубедительно, Слотер. Вы действуете без всякого на то основания с неподобающей вам властью. Безответственными методами. Позволили заразе распространиться, а сами устроили заговор с Оуэнзом и Аккумом с целью скрыть убийство, совершенное коронером.

— Что?

— Убийство мальчика, которого Аккум зарезал в морге. Живого мальчика. Вы, что, думали, я ничего об этом не знаю? Как только я предупредил вас, что будет судебное разбирательство, так сразу же организовал вторичное вскрытие. Разрез навряд ли можно представить очень уж профессиональным. Да-да, Аккум из всех сил пытался замаскировать его под часть необходимой процедуры, но к сожалению сделал это недостаточно умело. Мы арестовываем всех вас до тех пор, пока не узнаем всю правду.

— Только без меня. Я ко всему этому не имею никакого касательства, — произнес Данлоп.

— Но видели достаточно, чтобы стать свидетелем. Слотер лично хвастался.

— А как насчет меня? — спросил Реттиг, вставая.

— Вас я ни в чем обвинить не могу. Но также арестовываю, хотя нет, не буду. Но вы тоже подозреваемый, — в дружеском отношении к Слотеру. Одно движение, чтобы ему помочь, — и окажетесь в его компании. Это управление слишком долго находилось в плохом состоянии. Придется немножечко его переорганизовать, прибавить вам силенок. Но больше я вас просить об этом не собираюсь. Реттиг, разоружите Слотера.

Но тот переводил взгляд с одного человека на другого.

— Давай, — сказал Слотер. — Выбора нет. Но запомни, я отплачу.

Тут Парсонз расхохотался.

— Еще бы. В собственной тюремной камере. Давайте заканчивать с этим делом.

Реттиг внимательно посмотрел на Слотера и взял у него револьвер. Мужчины, вооруженные ружьями, сформировали коридор, и четверо арестованных с охранниками по бокам прошли в него.

Реттиг молча стоял. Посмотрев в окно, он увидел на улице возле здания толпу рассерженных людей, — по преимуществу мужчин, которые потрясали оружием. Внезапно он почувствовал, как на него навалилась невыносимая усталость.

— Можешь мне объяснить, что этот ублюдок намеревается делать? — спросил полицейский, дежуривший у приемника.

— Боятся, что Слотер его переиграет... — задумчиво произнес Реттиг.

— Но толпа там, внизу. Он же ее подстегивает.

— Он делает то, чего хочется им. Так он скажет позже... Правда, так он поступал всегда. Не-ет, у него все будет в полном порядке, а когда все закончится, сила его власти возрастет раза в два. Не хотелось бы каркать, но боюсь, что начинаются дерьмовые времена, и, что самое страшное, — остановить их приход не удастся никаким образом.

Реттиг смотрел, как толпа начала расступаться, чтобы пропустить разглагольствующего Парсонза в свое чрево...

Он стал как-то странно себя чувствовать. Его предупреждали, что такое вполне возможно, но он не слишком верил: укус в палец был совсем не болезненный и неглубокий. Царапин полно, но укус всего один — когда он поднял руку, чтобы защитить от нее лицо. Когда она начала бесноваться прошлым вечером, он сперва решил, что от горя жена свихнулась. Это ведь был их единственный ребенок. А затем до него дошло, что даже в очень большом горе люди себя так не ведут, и он попытался ускользнуть от нее. Но сделать это оказалось непросто. Если бы та женщина не стукнула битой жену, то он не был уверен, что смог бы ей долго противостоять. И вот — снова горе. Его жена в бессознательном состоянии. Он жалел ее и сокрушался, что пришлось применить силу, чтобы ее остановить. Боялся, что их жизнь теперь никогда не войдет в нормальную колею. Переживал, что жена может и не выжить.

А теперь еще он знал что они с женой, оказывается, подцепили какой-то опаснейший вирус, и он теперь вполне мог гнездиться и в его мозгу. Ему объяснили, что если произошло непоправимое, то за завтрашний день все симптомы

должны в полной мере проявиться, а для этого его помещают в эту палату. Закрывают, если быть точным. Комната вся была обита мягкой тканью — стены, потолок, пол — окон не было. «Для психопатов», — подумал он. Да, в такой палате все симптомы могли проявляться в полной мере.

Взглянул на часы. Ему разрешили их оставить, и это несколько успокаивало. Три часа, прошло четырнадцать часов с того времени, как его укусила жена. Может быть, все и обойдется, но он чувствовал некую странность. Может, это горе? Депрессия? Еще что-то? Может, так все и начинается?

Выведенный из себя, он внезапно стукнул по мягкой стене. Затем, выругавшись, пнул ногой. Еще вчера его жизнь была идеальна. Везя Уоррена домой из больницы, он чувствовал облегчение, счастье, духовное единение с семьей. А теперь все разрушено. Сын мертв. Он снова ударил по стене. Потом рыкнул. Было так легко представить, что этот день мог бы быть совсем иным. И тут до него дошло, что только что он рычал.

В полном изумлении он замер. Да нет, это всего лишь злость. Так, ерунда. Его преследовал едкий соленый запах пота внутри комнаты. Он понюхал. Запах исходил от стен. Он подступил еще ближе и принюхался. «Значит, вот как оно начинается», — подумал он. Сомнений не осталось. И хотя по идее он должен был чувствовать все нарастающий страх, его переживания, горе и злость пошли на убыль. Он очень устал. Ему стало на все плевать. Видимо, пассивность тоже была частью нового состояния. Как будто у него был выбор!.. Его заставили примириться с неизбежностью.

И этот острый запах пота... Он наклонился и понюхал. Потом стал лизать стену. Понимая, что действительно лижет стену, но не мог остановиться. Потребность была непреодолимой. Язык терся о шершавую материю. На еще одно мгновение осознав свою двойственную личность, он заставил себя больше не задумываться. Когда за ним через десять минут пришли, он неистовствовал.

83

Парсонз ждал в поле у ярмарочной площади. Сюда подошли уже многие, но он знал, что народ должен прибывать. Парсонз разослал своих гонцов к ранчеро на все близлежащие фермы. Подъезжали мужчины-горожане, подходили фермеры. Он поднялся на «джип» и поднял мегафон.

— Послушайте, что я вам скажу. — Усиленные мегафоном слова понеслись над полем.

Все повернулись. Напряженные ожиданием лица, волнамидвигающееся сквозь толпу отчаяние. Злоба. Внезапно народ замер, прислушиваясь, ожидая.

— Всем вам известно, что нас постигла беда. Мне нужны добровольцы, которые бы привели своих соседей, если их еще здесь нет, — сюда. Я надеюсь, что те, кто еще не пришел, не успели заразиться, поэтому я приказываю, чтобы распоряжение было немедленно выполнено. Мы оставим их здесь до тех пор, пока все не закончится. Еще мне нужны добровольцы, которые бы прочесывали дома. При виде подозрительной кошки или собаки — стреляйте. Снотворное для больных или зараженных у нас найдется.

— А как же лагерь?

— В первую очередь необходимо привести в порядок город. После этого мы остановим то, что нам угрожает. Можете не волноваться.

В толпе послышался рокот. Парсонз указал на капитана поттерз филдских резервистов. Настал его черед действовать.

84

Они спали, спрятавшись в надежных местах, которые смогли отыскать в этом городе: мужчины, женщины, дети. Пропавшие без вести. Почувствовав накатившую свирепость, они спрятались от солнечного света. Рядом с ними лежали собаки, кошки и другие животные. В шкафах, заброшенных цистернах, на чердаках, в любом темном месте...

85

В горах — в пещерах, норах, покрытых листвой, под лабиринтом наваленных бревен, они спали, бормоча во сне. Рога терлись друг о друга. Когда выйдет луна, они выйдут и встанут лицом к ночи. В их воспаленных мозгах им виделось святилище, и они стонали, мечтая о пиршестве в том городе, что раскинулся прямо под ними.

Четверо мужчин сидели в камерах, еще двое — уже с ружьями — их охраняли. Охранники откинулись на стульях назад, опершись о стену. Стол, дверь, ведущая к лестнице наверх, и вторая, выходящая в подземный туннель, упирающийся в здание суда. Таким образом, преступники даже не выходили на улицу, а сразу попадали в судилище. Туннель был промозглый и вонючий, и запахи, струящиеся под дверь, наполняли помещение с камерами. Слотер спускался сюда лишь по необходимости и, естественно, никогда не был заключенным. Теперь он понимал, какое это унижение и клялся всеми святыми, что как только — если только — выберется отсюда, то сделает все для улучшения положения заключенных. Правда, шансов на выход практически не было. Да и в случае нормального исхода дела он в этом городе не останется. Здесь ему крышка. Это он знал. Парсонз для него чересчур хитер. Слотера тошнило и давящая влажность вокруг ухудшала его состояние.

Но он, по крайней мере, поспал. Поначалу, правда, он здорово нервничал, бродил по камере взад-вперед. Пытался даже уговаривать стражей, но они лишь смотрели на него, не произнося ни слова. Трое друзей, запертых вместе с ним, тоже, правда, как-то вяло и неохотно, вступили в несостоявшиеся переговоры, когда у Натана истощились аргументы, но через какое-то время сдались и, признав полное поражение, распростерлись на нарах и замолчали. Слотер же, смертельно устав, заснул.

Камеры находились в одном ряду. В каждой камере было заперто по заключенному.

Аккум все никак не мог прийти в себя и понять, каким образом он добрался до жизни такой. Когда-то в Филадельфии он был знаменитостью, но слишком долгая возня с мертвецами отдалила его от реальной жизни. Каждый вечер он оставался на работе все дольше и дольше, обрабатывая тела все тщательнее и тщательнее. Они стали для него конечной правдой и понадобилось лишь легкое прикосновение — единственное — к безжизненному плечу молоденькой девушки, чтобы прозвучал сигнал тревоги. Он вскинул глаза и увидел своего начальника: тот стоял в дверном проеме и наблюдал за ним. Ни единого слова не было произнесено. В этом не было нужды. На следующий день Аккум уволился и вернулся в Поттерз Филд, где родился и вырос и где его отец — врач

оказался не в силах спасти умирающую от рака мать. Здесь Аккум попытался привести свое сознание и мысли в порядок, и вот после всех долгих лет он оказался близок к тому, чтобы его, за его же служебное рвение преследовали судебным порядком. Вчера, обнаружив зараженную вирусом собаку, он должен был позвонить в ветеринарную службу и выкинуть остальное из головы. Вместо этого он начал сам во всем разбираться, и вот теперь наступает расплата за высовывание...

Оуэнз тревожился за ожидающую его семью. Позвонить ему не разрешили, и теперь он горевал о том, что не ушел из кабинета Слотера, когда хотел это сделать. Но из-за каких-то глупейших побуждений остался, пытаясь проявить верность к чужим людям, а не к собственной семье, к этим мужчинам, которые убедили его, что он им нужен, хотя в то время его первойшей заботой должна была быть семья. И теперь вполне возможно он предстанет перед судом, потому что Слотер с коронером убедили его в том, что им следует солгать о смерти мальчика. О чем он думал? Где была его голова? Какую власть над ним имели эти люди? Неужели ему так хотелось им понравиться? Теперь его накажут за потакание людям, к которым он не имеет ни малейшего отношения. Сейчас ему хотелось лишь одного, чтобы семья куда-нибудь перебралась...

Данлопу совсем недавно пригрезилась увенчанная оленьими рогами фигура, которая повернула голову и через плечо уставилась ему в глаза. Никогда ранее не виделся ему кошмар с такой отчетливостью, и каждый раз сон становился все живее и яснее, наконец, проснувшись однажды, он увидел фигуру, скорчившуюся около него. Но проснулся он не в тюрьме.. или существо было не в тюрьме... Нет, это лишь воспоминание о том, что случилось. «За решеткой охранники, откинувшиеся на стульях так, что только две задние ножки стояли на полу, а две остальные качались в воздухе, с ружьями в руках. Гордона трясло от воспоминания о сне и от отсутствия алкоголя, поддерживавшего его, дававшего ему силу. Руки его уже два дня тряслись, и он думал лишь о том, что стоит ему только выпить, как беды утрясутся, и он вполне сможет им противостоять. Но каким-то непонятным образом Данлопу было даже радостно. Потому что в мучениях наконец-то родилась его статья, и если Парсонз думал, что тюремное заключение отвратит его от ее написания, от правды, он был просто дураком. Ибо не знал, насколько этот

самый неудачник был когда-то крут, и что больше он не неудачник. Он доберется до правды, нейтрализует кошмар и спасется. Он держался за каждую мелочь, думая о том, что...

Слотер же думал о старом Доке Маркле и той тайне, которую они хранили пять лет. Он никогда об этом не рассказывал Марклу, а старый Маркл о ней не упоминал, но оба понимали, что каждый из них об этом знает. Слотер был трусом. Представляя себе Клиффорда, бредущего через залитое лунным светом поле, расставляя ловушку для мальчика, он чувствовал, как старинный страх вновь просыпается в глубинах его существа. Дьявольщина, в поле и у себя дома, ночью, он запаниковал. Он полностью растерялся. Слотер не понимал, каким образом стал таким. Выказывание мужественности перед всеми друзьями, споры с Парсонзом, — все это были отчаянные попытки удержать хоть какие-то крупинцы собственного достоинства, самоуважения, потому что единственное, о чем он страстно мечтал — убраться отсюда как можно дальше и быстрее, чтобы больше никогда и никому не показывать силу и мужество. Пять лет он находился на грани. Парсонз был в сущности прав. И более того: мэр на самом деле оказал ему услугу. Заключив его в тюрьму, Парсонз снял с него груз ответственности. Перед самим собой. Слотер был ему благодарен. Он умолял охрану выпустить его, понимая, что это невозможно, поэтому ругань и споры были легки, даже приятны. Но мысль о старом Доке Маркле оживила чувство вины, и Натана зажало между двумя противоположными понятиями. Оставайся здесь. Здесь безопасно. Отыщи способ бежать. Докажи, черт, что ты не дерьмо собачье. Слотер уверял себя, что выбора никакого не существует. Не взирая на стыд, он все-таки находился в камере. Возвысь свой стыд. Избавься от него.

Ночь сомкнулась над его головой. Сквозь крошечные окошки, находившиеся высоко на стенах, Слотер слышал вой, крики и стрельбу. «Возблагодари Господа за то, что ты здесь, в безопасности». Но злоба на себя, на Парсонза, устроившего эту бойню, внезапно пробила сквозь страх. Натан был снова готов ругаться с охранниками, хотя и понимал всю бессмысленность этого дела. Но, по крайней мере, таким образом он ослабит напряжение, скопившееся в его душе. И тут дальняя дверь распахнулась, и Слотер увидел вошедшего Реттига.

Оба охранника, насторожившись, встали.

— Легче-легче, — успокоил их Реттиг. — Аккуратнее со своими пушками. А не то неровен час себе рты прострелите.

Мужчины выглядели озадаченно, и нервно переминались с ноги на ногу.

— Тебе сюда нельзя, — сказал один.

— Да ну? Хорошо, скажу женщине, чтобы отнесла еду обратно. — И начал поворачиваться.

— Эй, подожди-ка. Какую еще еду?

— Пищу для заключенных. Они же не ели.

— Так и мы тоже.

— Прошу прощения, что не подумал об этом.

— Слушай, так принеси все сюда, а?

— Не нравится мне это, — сказал его напарник.

— Черт, да ведь это же всего лишь еда. Какого дьявола, я голоден.

— Ага, а ты не подумал, может быть, они что-нибудь задумали? Какую-нибудь штуку?

— У нас же винтовки. Давай, тащи жрачку.

— Ну, если хотите. — Реттиг пожал плечами.

— Только внесите и все.

— Хорошо. — Реттиг подошел к дверям и поманил кого-то пальцем.

Вошла Мардж. В руках у нее было две корзины, и она оглядела всех заключенных, внимательно посмотрев на Слотера. Натан попытался было улыбнуться, но Мардж казалась какой-то издерганной и сильно постаревшей за последние несколько дней. Слотеру стало ее безумно жаль.

— Привет, Мардж.

Она смотрела на него.

— Я подумала, что ты, быть может, проголодаешься.

— Точно проголодался. — Тут он заметил ее странную немногословность. — Что-нибудь случилось?

— Та женщина, которую я ударила...

— Что еще с ней?

— Полчаса назад скончалась.

Оно билось в тесной, почти безвоздушной камере. Тюрьма. Оно заползло в этот ящик, чтобы поспать, а теперь чувствовало, что там, снаружи — ночь, что ей необходимо выб-

раться. Но замок зашелкнулся. Оно ударилось в крышку, но та не поддавалась ни на миллиметр. Оно задышалось, потая. Приглушенные крики и стоны становились все тише и тише...

88

Он остановился на перекрестке, наблюдая за тем, как к нему приближается пьяный.

— Эй, ты почему здесь? А ну давай, дуй на ярмарочную площадь.

Но пьяница, шатаясь, подбирался все ближе, и вдруг, споткнувшись, запрокинул голову к луне. Полицейский протянул руку, чтобы его остановить, но вдруг заметил, что это — вовсе не пьяница... Кошмарные глаза наползали на его лицо.

89

Увидев несущуюся по улице собаку, он пристрелил ее.

И тут кто-то закричал:

— Ты убил мою собаку!

90

Существа находили друг друга в темноте, выползали из своих убежищ: нор, подвалов, останков давно умерших автомобилей. Собирались в стаи и, пошатываясь, двигались по улицам. Добровольцы, обыскивающие дома, разбегались в панике. Иногда им хватало смелости организовать в некое подобие команд, которые выстраивались на перекрестках под фонарями и начинали палить в древний ужас, шедший на них. Собаки и кошки тоже собирались стаями и, постепенно, сливаясь в одно целое, по улицам покатился единый крутящийся, шипящий, воющий, давящий друг друга кошмар. В городе, не переставая, слышалась стрельба.

Уинстон не понимал, откуда эти выстрелы. Он весь день работал, а под конец с неохотой, но, повинаясь приказу, пришел обратно в дом Уилли и спустился в подвал. Посветив фонариком на три трупа, Уинстон выбрал местечко для засады в дальнем углу, под раковиной: если кто-нибудь и придет, чтобы отобедать или отужинать, ему открывалось отличное простреливаемое пространство на лестнице. Он ждал, а ружейный огонь все усиливался. Снаружи слышались вопли, но он сосредоточился на выполнении своего задания, испытывая даже некоторую радость от того, что сидит здесь, в подвале с трупами. Затем выстрелы вроде как слегка поутихли, и ему почудилось какое-то движение. Он напрягся. Точно, там на лестнице. Он держал наготове фонарь. Подожди, пока оно не спуститься. Удостоверься, что не сможешь промахнуться. Потом раздалось будто царапанье, но звук был совершенно не тем, что он ожидал, да и исходил он из другого места. Поняв, что это такое, Уинстон в панике зажег фонарь и увидел поднимающегося Орвала, который наклонился к нему. Уинстон выстрелил, потом еще и еще раз...

Они рылись в корзинах, заглядывали в термосы. Потом даже потрясли их. Похоже, все было в порядке.

— Хорошо, отойдите, пока я буду распределять пищу.

Один охранник прошел мимо Реттига, оставляя возле каждой камеры несколько сэндвичей. Потом поставил пластиковые кружки, а рядом термосы.

— А теперь слушайте. Как только я отойду, берите. Так как термоса всего два, придется передавать по кругу. Значит, налили — поставили так, чтобы я видел. Мне не нужно, чтобы кто-нибудь ими кидался.

Слотеру было все равно. Он, не отрываясь, смотрел на Реттига.

— Что там на улицах?

— Лучше не спрашивай.

Слотер повел головой, уставясь в пол и, наконец, добрался взглядом до женщины. Прочистил горло.

— Ну, что же, Мардж, большое тебе спасибо.

Она не ответила.

— Позаботься о ней, — попросил он Реттига.

— Обещаю. — Реттиг взглянул на уставившихся на него охранников. — Не перевозбудитесь, смотрите. Я почти ушел. — Он осмотрел все камеры и повернулся. — До встречи, шеф.

— Будь осторожен.

Дверь за Реттигом и Мардж закрылась.

Все четверо молча наблюдали за охранниками.

— Ну, поехали, — сказал один. — Давайте-ка на вас проверим: может, все отравлено или накачено снотворным или наркотиками. А то я проголодался...

Они медленно вытянули руки. Слотер последний. Прожевав совершенной безвкусный, как резина, сэндвич с ветчиной, он почувствовал, будто рот набили песком. Или пылью.

— Эй, я наливаю кофе. — Думая только о стрельбе, доносящейся снаружи, он отвинтил крышку и стал разливать горячий кофе. Налив пластиковые чашки, он передал их дальше.

Но одну оставил себе, потому что наливая жидкость, увидел как в чашку соскользнул тонкий гибкий предмет: всплеск был почти незаметен, настолько он был узок и мягок, что, встряхивая, охранник не услышал постукивания о стенки термоса. Он не посмел оглядеться, чтобы узнать, заметил его кто-нибудь или нет. Продолжал вести себя, как ни в чем не бывало. Затем встал, прислонился к рамам и стал пожевывать сэндвич, помешивая пальцем кофе. Слотер не собирался пить это пойло, хотя и притворился, что пьет, он лишь нащупал пальцем — есть, нашел. Червяк. Натан ощутил нечто длинное, узкое, податливое. Но что же это? На какое-то мгновение он решил, что это взрывчатка, но потом отказался от этой мысли. Какой толк может быть от нее? Ведь использовать ее все равно не удастся. Кроме всего прочего, грохот привлечет внимание. Реттиг не стал бы давать Слотеру то, чего бы тот не смог употребить. Не пластик, черт, что же? Натан наклонился слегка в сторону, чтобы никто не смог ничего увидеть и, вытащив пальцем предмет из кофе, быстро оглядел и бросил обратно. Красный, действительно, напоминает червяка, как он себе и раньше это представлял. Но он так и не разобрал, что же это и как его использовать.

— Боже, какая мерзость этот кофе, — пробормотал Данлоп.

— А ну заткнись и пей, — сказал ему охранник. — Я был прав, — обратился он ко второму, — в него добавлен какой-то препарат. Все они скоро уснут.

— Может навсегда...

— А нам только это и нужно. В конце концов могут выблевать все, что в себя впихнули. Но я им помогать не стану. Запомните, — обратился он к заключенным, — если кому-то станет плохо, будет выкручиваться сам.

Все поставили свои кружки.

— Все так. В кофе какая-то гниль, — сказал Оуэнз.

— Не пейте, — предупредил Аккум.

Тут первый охранник расхохотался.

Слотер встал и подошел к решетке.

— Ребята, я право не знаю, что с вами происходит, но этот кофе, по-моему, отлично пьется. Если никто не будет, передайте термос мне обратно.

— Осторожней, Слотер, — повторил Аккум.

— Я прекрасно знаю, что делаю. Черт, я горю от жажды.

— Можешь себя ублажить. — И Оуэнз протянул термос. Заключенные передавали его из рук в руки по камерам, и, наконец, его принял Слотер и налил кофе в чашку.

— Оставлю на потом.

— Если это потом состоится. Ты нормально себя чувствуешь? — спросил Натана второй охранник, ухмыляясь.

— Вы, ребята, даже не знаете, какого удовольствия себя лишаете.

— Я думаю, что через некоторое время ты нам покажешь, какого именно, — отозвался первый.

Слотер пожал плечами и отошел обратно к нарам, делая вид, что с удовольствием отпивает кофе.

— Что ж, мне больше достанется.

Он зевнул. Ложась обратно на койку, он думал о том, был ли во втором термосе такой же червяк, о том, что же это такое и как это можно использовать. Часы на стене показывали половину первого ночи.

На ярмарочной площади люди собирались на помостах и прислушивались к хаосу, доносившемуся из города. Всматривались в темноту. Стрельба и крики явно приближались. Хныкали дети. Площадь и поле за ним были пусты, лишь

темные контуры скал виднелись вдали, и лунный свет отражался от снежных вершин. Впервые за долгое время Парсонз заволновался. До сих пор он был полностью уверен в успехе операции. Но вдруг до него дошло, что он привел этих людей в центр пустого пространства и что такой группой они представляют собой прекрасную мишень. И что катящаяся из города ярость обрушится прямо на них.

— Мужчины с ружьями — выйти вперед и построиться! — крикнул он.

94

Они наблюдали с хребта, окружающего поле за ярмарочной площадью, смотря на когда-то знакомые предметы. Нервничая, они запрокидывали головы к луне и выли, трясаясь от непонятого возбуждения, но люди внизу были сбиты с толку и даже не смотрели в сторону гор. Затем горный кряж опустел. Они отходили, продираясь через лес, спускаясь ниже. Жаждали вкуса, который давно мучил и терзал их, но все же они страстно к нему стремились, раздвигая ветви подлеска, слушая шум, исходящий из распростершегося под ними города.

95

Слотер ждал.

В темноте. Лежа на нарах, он притворялся спящим, хотя сквозь полуприкрытые веки наблюдал через прутья решетки за охранниками, которые, притушив лампы, сидели, откинувшись на стульях к стене и подпирали головами стену. Натан знал, что вскоре придется начать действовать, но если это вскоре будет слишком скоро, то он мог не рассчитать и разбудить их. И тогда они все поймут.

Он выругался про себя. Ведь здесь он в безопасности. Такая милая камера, в которой ни о чем не нужно думать. Там, на воле, все идет своим чередом без твоего участия. Но... Ему снова подсунули под нос выбор, о котором он не просил, и теперь все опять зависит от него. Если он не начнет действовать, то Реттиг этого не поймет. Но какое это имеет значение? А вот такое! Имеет и все. Не мог Слотер примириться с последним унижением. Сюда он спустился, чтобы начать все сначала и, если не начнет, то никогда не

будет чувствовать себя цельной личностью. Отсюда есть путь лишь вниз, вниз... К полному поражению своей жизни. Отсюда он может спокойно двигаться прямо к гробу. Правда... Всегда можно притвориться тупицей и показать Реттигу, что его штучки из термоса непонятны, и ему, Слотеру, неизвестно, как ими пользоваться. Но опять-таки он неуверен, убедительно ли это прозвучит или нет. Для остальных-то ладно, но для самого себя убедительности никакой. Так что придется, брат...

Ругаясь про себя, Натан принялся изучать фигуры обоих охранников. Убедившись, что те не шевелятся, он медленно сел на койке. Потому что наконец-то до него дошло, что это ему прислали. Это было настолько очевидно, что он даже удивился, почему ему пришлось столько размышлять над их предназначением и досадовать на то, что Реттиг оказался во много раз умнее его самого. План оказался простым до гениальности. Возможно, именно поэтому Слотер вначале его не понял. Эти червяки в кофе оказались чистым фосфором. Жидкость не давала ему воспламениться. Подозревая в «червяках» взрывчатку, Слотер не мог понять, каким образом ее взрывать. Детонация тут же начинала ассоциироваться с запалами, взрывателями, ярким пламенем. Но взрыв поднимет охранников на ноги. Значит, «посылки» должны действовать бесшумно, но если они содержат взрывчатку, каким образом ее взрывать? Так как курил он редко, то спичек с собой не носил, но: яркий свет, спички, содержащие фосфор, воспламенение — и готово. Наконец, он вспомнил, как в средней школе учитель химии показывал опыты: вынимал из банок с водой длинных «червей» фосфора и ждал, пока они на воздухе не начинали воспламеняться.

У Слотера не было иного выхода. Он медленно встал с койки и осторожно подошел к прутьям решетки. Увидел, что все его товарищи спят. Натан стоял неподвижно, ожидая, что охранники начнут шевелиться. Но они тихо дремали, и Слотер, встав на колени, протянул руку ко второму термосу. Потом медленно отвинтил крышку и налили кофе в пластиковые чашки. Еще один красный червячок выпал из термоса. Ага, значит, второй все же был. Натан быстро схватил фосфор и кинул в свою чашку, надежно укрыв их кофе. Единственное, что его тревожило: фосфор был ядовит. Если какая-то его часть растворилась, то кофе мог стать отравой. Но потом Натан решил, что дурной вкус мог быть не от самого фосфора, а от приготовления: Мардж было необходимо, чтобы кофе

напоминал дерьмо. Реттигу не хотелось, чтобы его кто-нибудь пил. Поэтому все попробовали и выплюнули. Так что ничего с ними не случится.

Наблюдая за охранниками, Слотер понял, что глупо еще чего-то ждать. Он сунул пальцы в кофе, выловил фосфор и прижал его к замку камеры. Будь он в заново отстроенной камере, Слотер не смог бы ничего сделать. Но эта тюрьма был выстроена в 1923-м году. Когда он впервые спустился сюда, то был просто потрясен. Нет, конечно, замки бы выдержали, если бы кто-нибудь попытался их разбить или взломать, но металл показался Слотеру не способным выдержать... Что? Спросили его в городском совете? Слесарную ножовку или бомбу? Да никогда раньше в городе не появлялись личности, способные на подобные преступления, а если — сказали Слотеру — он будет нормально исполнять свой долг, то в тюрьме их и не будет. Ну, наконец-то, у него есть возможность показать им, чего стоит такая тюрьма, и он был благодарен случаю за это. Конечно, он не способен расплавить сталь, но вполне мог рязмягчить дешевый металл. Замок казался вполне подходящим для подобной процедуры. В конце концов ему нечего терять. Попробовать стоило.

Он отступил на шаг назад, но фосфор не зажегся. А, может быть, он неправ, и подобные химические соединения действовали не так, как он ожидал?.. Да нет, просто кофе все еще стекало по «червякам», значит, они пока не были целиком предоставлены воздействию воздуха. Кофе должен высохнуть, и внезапно Натан увидел нечто, напоминающее ему искру, и тут же, вспыхнув, фосфор воспламенился. Жар, яркие искры и поднимающая вверх белая струйка дыма. Натан наблюдал за охранниками. Шипение оказалось намного громче, чем он ожидал, словно тысячи бенгальских огней одновременно зажглись на Четвертое Июля, но ни один из них не пошевелился, когда Слотер надавил на замок плечом.

Но он не поддался. Фосфор продолжал светиться на задвижке, она покрылась рубцами, Натан навалился еще раз и тут увидел, как борозды начали расходиться. Охранник зашевелился, и через мгновение он, возможно, совершенно очнулся бы. Слотер покрепче поднажал на дверь, зазвенел металл, и внезапно Натан почувствовал, что летит вперед, он оступился, чуть не упал, и только тогда понял, что стоит уже за дверью камеры, створка которой развернулась на 180°, а фосфор продолжал, шипя, гореть. Слотер, потеряв равновесие, прошел несколько шагов вперед, вытянув руки

по направлению к открывшему глаза охраннику. Тот грохнулся на спину, не удержавшись на стуле. Слотер схватил его ружье и потянулся к ружью второго охранника, который, выпрямившись на стуле заморгал, когда дуло уставилося ему в лоб, забавно скривился, а затем свалился на пол. Слотер, уронив одно ружье рядом с собой, направил второе на обоих охранников, которые начали было подниматься на ноги, и подумал, о том, что самая трудная часть плана Реттига уже позади.

— Оставайтесь на своих местах! Не вздумайте даже пальцем шевельнуть! — предупредил охранников Слотер.

— Но каким чертом!.. — Они усталились на дымящиеся остатки фосфора на замке камеры Слотера.

— Что это? — спросил Аккум.

В камерах зашевелились мужчины.

— Да ничего. Просто выходим. Вот и все. А вы запомните, — повторил Натан охранникам, — что лучше бы вам не чесать даже носы...

Он перешел к столу, открыл ящик и вытащил ключи. Все время двигаясь к камере Оуэнза, Натан не спускал глаз с охранников.

— Держи. Большой ключ, — сказал Слотер Оуэнзу и уставился на мужчин, слушая скрипенье железа в замке. Дверь камеры открылась. Слотер взглянул на выходящего Оуэнза, а потом, уже не отрываясь, следил за охранниками, пока двери камер открывались и из них выходили мужчины.

— Но как тебе?.. — спросил Данлоп.

— Позже. Давайте, заходите, — указал он охранникам на распахнутые двери.

Они мешкали.

— Черт, говорят же вам, заходите, — повторил Слотер, подходя ближе, и те подняли руки.

— Хорошо, хорошо, идем.

— Ты — в первую. Ты в четвертую.

— Но почему?..

— Да просто так. Давайте побыстрее. Мне необходимо вас разъединить. Пошевеливайтесь, ради Бога.

Они зашли в камеры, и Аккум, взяв их же ремни и разорвав простыни, связал им руки и заткнул рты. Потом коронер вышел. Оуэнз захлопнул двери и закрыл их на замки.

— Ключи с собой. Второе ружье...

Данлоп подходил к двери, ведущей наверх.

— Нет, уходим другим путем, — сказал Натан. — Ты идешь к выходу наверх. Мы пойдем сюда.

Данлоп казался озадаченным.

— В общем, увидишь.

Слотер прошел вперед и забрал у Оуэнза ключи. Затем открыл вторую дверь и распахнул ее настежь. После этого включил свет и все увидели осклизлый, сырой, кирпичный туннель.

— Он ведет в здание суда. Времени мало.

Мужчины стали двигаться по проходу. Слотер напоследок оглядел охранников, кукующих в клетках. Потом помахал им рукой и, закрыв за собой дверь, запер ее. Повернулся и все побежали.

Было склизко. Какая-то влага капала с потолка, их шаги гулко звучали в туннеле. Слотер увидел, как изо рта вырывается пар, и почувствовал под рукой сырой кирпич. Но бега не остановил. Чтобы не задеть свисающие с потолка лампы, ему пришлось пригнуть голову. Тут туннель повернул, и мужчины встали перед очередной дверью.

— Она заперта.

Но повозившись ключом в скважине, Слотер почувствовал, что дверь не поддается. Замок не открылся.

— Что это за дела?

Тут он понял, что дверь вовсе не заперта. Была. А он ее как раз закрыл.

— Какого черта?.. Всех уволю.

Но сейчас ему было не до увольнений. Он снова повернул ключ, потом ручку и медленно открыл дверь. Впереди перед беглецами была абсолютная темнота.

— Здесь коридор. Вперед, только вперед, никуда не сворачивая. Сейчас будут ступеньки.

Тут Слотер нащупал выключатель и зажег свет.

— Но мы...

— Не собираюсь становиться мишенью. — Он выключил свет, едва лишь увидел кусок коридора впереди. — Идите по стенке.

Потихоньку мужчины стали пробираться сквозь тьму. Внезапно пол стал кафельным. Шаги стали смутно отдаваться в темноте. Оуэнз на что-то наткнулся и вскрикнул.

— Тише.

— Тут стол.

— Да тише вы. Здесь могут оказаться люди.

Медленно, шаг за шагом они пробирались вдоль коридора. Слотер прошел вперед, прощупывал пространство и, наконец, сказал себе, что вот сейчас должен быть конец, и тут же его ботинок врезался в дерево, а рука наткнулась на перила.

— Получилось, — сказал Оуэнз, и Слотер пожалел, что не успел предупредить его вскрик. Он пошел вверх по ступеням. Сквозь окна пробивался лунный свет, они увидели дверь, а затем уже огромный главный коридор. За дверью слышалась стрельба.

— Тихо, — предупредил он в последний раз, и все втянули головы в плечи, пока Натан прислушивался к тому, что происходит на улице. — Выйдем через черный ход. Вполне возможно, у главного входа могут стоять охранники. Не хочу, чтобы меня сцапали сейчас, когда я почти на свободе.

Он двинулся по сумрачному коридору, комнаты здесь были расположены так же, как в участке. Натан прошел мимо молчаливых кабинетов, добрался до черного хода, выглянул на улицу, посмотрел на следовавших за ним, распахнул дверь и вышел в лунный свет.

Вопли, стрельба.

— Туда. У меня машина на стоянке за участком. Если повезет, сможем уехать.

Он вышел и ступил с тротуара в траву, прислушиваясь к стрельбе, и тут из кустов вышел один человек, затем второй. Слотер, вспомнив двоих юнцов, которые чуть его не пристрелили, едва не прицелился из ружья, едва не спустил курок. Но давнишние дела — не оправдание для чуть не совершившегося убийства. Ладно, значит опять пойман. Что же, он сделал все, что мог и теперь ждал, пока его не заберут и не отведут обратно он вытянул руки, но Реттиг, а это был именно он, — не стал вынимать наручники.

Мужчины сзади с облегчением вздохнули.

— Господь всемогущий, — выдохнул Оуэнз.

— Довольно долго копались. Я чуть было не ушел. Значит, все-таки догадались, как использовать эту гадость...

— Не понимаю, как тебе такое в голову взбрело?

— Не мне. Мардж. — Реттиг повернулся к женщине, подвинувшейся ближе. — Именно она вспомнила, как ты сокращался, что камеры не имеют достойных запоров, что металл довольно слабый...

— Слава Богу, что я жаловался не при тебе. А то уж было подумал, что переоценил...

— Огромное спасибо.

— Это от всех нас.

Слотер вытянул руку и коснулся Мардж.

— Спасибо тебе.

Он видел, что совсем недавно она плакала.

— Знаешь, я понимаю, эта женщина для тебя...

— Все в порядке, — откликнулась Мардж, — Может быть, для нее смерть оказалась наилучшим выходом. — Она сморгнула.

Выстрелы и крики усилились.

На мгновение Слотер замер.

— Что там за чертовщина происходит?

— Парсонз. Всех оттащил к ярмарочной площади.

— Вот черт.

— Именно. Теперь все там, на открытом пространстве.

Слотер повернулся к остальным беглецам.

— Не знаю, что нам делать, но стоять здесь точно бесполезно. Ярмарка...

— Без меня. — Это Оуэнз.

Слотер посмотрел на него.

— У меня жена и дети.

— Не стоит оправдываться. Можете идти. Никто не держит. Когда-нибудь это вспомнится.

— Ага.

Они прекрасно знали, что никто и ничего, и никогда не вспомнит.

Оуэнз исчез.

И тут же вернулся, услышал голос Натана:

— Послушайте: подождите рассвета. По крайней мере, помните, о чем обещали.

— Разумеется.

Оуэнз посмотрел Слотеру в глаза, пожал плечами, двинулся вперед, словно решив что-то ответить, но потом медленно отошел, повернулся, прошел мимо здания суда и исчез в тени.

Слотер смотрел ему вслед.

— Эй, шеф, — сказал Реттиг. — Тут у меня еще пояс с кобурой. — Он протягивал его, выставив руку.

Тяжесть была внушительной. Слотер нацепил пистолет.

— Как твоя семья?

— С ними мой брат. Они собрались и убрались еще днем.

— Мне кажется, Оуэнзу нужно только это.

Слотер взглянул в направлении выстрелов.

— Пошли.

— Осторожнее у парковки. Парсонз оставил там несколько человек. Но, по-моему, они отошли в участок...

— А я и не собираюсь афишировать свое присутствие здесь. Со мной? — спросил Слотер у Аккума.

— У меня полно работы.

Натан кивнул.

— А ты? — обратился он к Данлопу.

— Очень уж хочется посмотреть, чем все закончится.

Мардж встала рядом.

— Если думаешь, что сможешь пойти куда бы то ни было без меня, ты полный псих.

— Да мы здесь все такие.

И они двинулись к автостоянке.

96

Группа, которой вызвался командовать Хэммель, заняла позицию за машинами, перегородившими улицу. Точнее переулок. Еще точнее, машин было всего две. Люди смотрели на бредущую к ним, спотыкающуюся толпу и, может быть, потому, что уже пристрелил одного человека, Хэммель колебался. Зато остальные, шурясь от сильного света фонарей, не задумывались. Но, обернувшись, Хэммель увидел, что сзади подходят другие существа и направил пистолет на них. Заорав:

— Обернитесь! Нас обходят! — он начал стрелять.

97

Слотер подошел слишком поздно, хотя, с другой стороны, напротив, как раз вовремя. Люди находились в полной панике. Все они столпились на трибунах, — стрельба слышалась совсем близко.

— Не стрелять, — приговаривал Парсонз. Но тут в поле зрения появилась собака, и кто-то ее убил. Тут же многие стали беспорядочно стрелять. — Черт побери, да придержите же огонь!

Но тут появилась следующая команда. Здешние жители. Из близлежащих домов. Правда, людьми их было нельзя назвать: они рычали, пускали слюну, дергались от ярости. Выстрелы разрывали барабанные перепонки.

Когда Оуэнз подошел к дому, огня в нем не было. В двух кварталах дальше слышалась стрельба, машина стояла на подъездной дорожке. Он побежал к крыльцу. И тут что-то выдвинулось из тени. Обернувшись, ветеринар увидел собаку. Он уже добрался до лестницы. Подергал дверь, но она оказалась заперта. Собака приближалась. Взывая к жене, Оуэнз высадил стекло, и постарался добраться до ручки с другой стороны, открыл дверь, навалился на нее всем телом, очутился внутри, запер дверь и услышал царапанье когтей по дереву. А потом и с черного хода. О, Боже! Да ведь они повсюду!

99

Шаркая ногами, они пробирались сквозь лес. Деревьев стало меньше, а склон превратился в равнину. Услышав громовые выстрелы с ярмарочной площади, они устремились вперед, — их аппетиты возрастали, голод терзал...

100

Слотер, включив сирену, повернул патрульную машину за угол. Увидел, что какие-то люди стоят шеренгой и стреляют вдоль по улице. Какие-то существа выползали из проулков и бросались на автомобиль: Натану пришлось кинуть машину через сквер, затем через чей-то сад, разнеся вдребезги забор, он развернул автомобиль и, очутившись за шеренгой стреляющих людей, выскочил на ярмарочную площадь. Мардж с Данлопом не отставали.

К ним бежал Парсонз.

— Помогите.

— Об этом следовало подумать раньше. Проектора вперед. И включить. — Слотер вытащил пистолет.

— Я не...

— Побystрее тащите прожектора. Их глаза непривычны к свету.

Кто-то рядом произнес:

— Я сделаю. Помню еще, где у них выключатели.

И побежал.

Слотер, уклоняясь от линии огня, побежал вперед, туда, откуда напозлали новые тела и подумал, что, быть может, все-таки это нашествие можно будет остановить. Но тут с площади закричали люди. Они указывали на распростершего за ними поле. Слотер посмотрел туда и даже сквозь треск выстрелов услышал... Вой в лесу.

Облако закрыло луну в тот момент, когда Натану удалось разглядеть шевелящиеся деревья, но нет, не деревья... Данлоп заорал, как безумный. Не деревья... Оленьи рога.

101

Реттиг волновался. Он смотрел на задник машины, в которой Слотер вез Мардж и Данлопа к ярмарочной площади. Затем вошел в участок и нашел там еще один пояс с кобурой. Подумал о том, что они напрасно отпустили Оуэнза одного в город. Ведь там наверняка нет ни его жены, ни детей. Либо они давно уехали из города, либо стоят сейчас на площади. Реттиг сел в машину и поехал к дому Оуэнза, увидел, что вокруг полно собак, окруживших здание, — они выли, рычали, увидел выбитые окна и дверь, продранную когтями почти насквозь и начал стрелять, не выходя из машины.

102

Сначала — рога, за ними появился сам олень, а уже после какие-то мелкие существа, которых выгонял вперед страх. Ужас. Они вылетали из леса — олицетворение паники, с круглыми, вытаращенными глазами — и бросались враспынную.

Слотер смотрел туда, слышал, как сзади стонет Данлоп, как люди кричат на площади, отдавая себе отчет, что все это еще только начало. Представлял, что видит над кустами хоккейные клюшки — бесчисленное количество — как они стучатся о стволы деревьев. От страха его парализовало. Натан понимал, что ничего страшнее в его жизни не будет, и расшудок оставил его. Потому что он увидел, как кусты раздвинулись, и из них выступили оскалившиеся фигуры, направляющиеся к ярмарочной площади, и каждая из них была безобразным, жутким созданием — частично оленем, частично человеком, частично волком, кошкой, медведем, и дюжины других существ — чудовищным, вынырнувшим из

леса монстром. Человеческие части были ненормальны. Не хватало носов. Ушей и пальцев тоже, они хромали на своих культах.

Слотер заморгал. А затем побежал.

— Мардж, помоги мне.

Он не обернулся, чтобы удостовериться, идет она за ним или нет. Потому что был уверен, что идет.

Вряд ли было простым совпадением, что когда не было ярмарки, город парковал здесь свои грузовики. Иначе почему бы это произошло? Для того, чтобы дать возможность ему спастись. Это была судьба. Слотер понимал, что мысль бредовая, но, увидев перед собой грузовик, он уже знал, что тот ждет и что цистерна с составом, убивающим насекомых, на которой огромными буквами выведено «ОГНЕОПАСНО», готова к действию. Он знал и то, что обнаружит ключи в замке зажигания и в озарении вспомнил, что под передним сиденьем лежат несколько сигнальных ракет.

Натан протянул ракеты Мардж.

— Опusti вот этот шланг сзади.

— Но Натан...

— Делай, что говорят. Рычаг вверх. Когда грузовик поедет, зажги ракеты и кинь их в жидкость.

Чтобы подтвердить правильность его решения, тут же произошли две вещи. Сползло облако; появилась луна. Чудовища, завершав, съежились. И тут же пространство площади осветили лучи прожекторов, и раздались вздымающиеся к небу вопли.

Они увидели его и двинулись к нему, выбрав наконец-то объект для мести.

Он почти дал смерти захватить себя — до того был возбужден зрелищем, — но тут же сломался, поставил рычаг в нейтральное положение, направляя грузовик и одновременно выпрыгивая из него. Увидел, что они приближаются и покотился в сторону. Тут же поднялся и, чувствуя в плече боль, отбежал в сторону. Сзади вздымались языки пламени, Слотер понял, что за спиной что-то движется почти вплотную к нему, потом услышал выстрел. Натан кинулся, скорчившись, на землю и откатился еще дальше вбок, и пламя, опалив его, промчалось по направлению к цистерне.

Взрыв напоминал разорвавшийся гриб-дождевик. Языки пламени вырвались вверх и стали разлетаться вокруг. Одежда Натана задымилась, и он стал кататься по земле, чтобы сбить огонь. Вокруг стал сыпаться искореженный металл и, он почувствовал, что уши раздражает вой проклятых. Затем — пустота.

Мардж стащила с себя куртку и начала хлестать его, чтобы сбить с рубашки пламя. Потом учуяла запах паленой плоти, но поняла, что это не от Натана, а от тех существ. А вокруг были люди, и они ей помогали.

Слотер замычал и дернулся, пытаясь дотянуться до нее. Потом заморгал и уставился на существо, которое бежало так быстро, что чуть было его не достало. Оно было мертво. Кто-то прострелил ему лоб.

— Кто?..

— Я еще на что-то гожусь, Слотер.

Это был Парсонз. Мужчины уставились друг на друга.

— Вы победили. Такие дела.

Слотер посмотрел ему в глаза.

— Нет. Хоккейные клюшки. Это кошмар? Мой кошмар?

— Что?

— Те, впереди.

— Мертвы.

Слотер, обернувшись, увидел кучу спаленных тел.

— Но что они такое?

Реттиг услышал с ярмарочной площади взрыв, но времени на то, чтобы удивляться, у него не было. Он застрелил почти всех собак вокруг дома. Войдя в дверь, он убил еще одну, сбегавшую с лестницы. Он закричал, что было сил, не получил ответа, стал обыскивать дом и выстрелил в очередного пса на втором этаже. Попробовал открыть дверь ванной, почувствовал, что она заперта, выломал ее ударом ботинка и, ворвавшись в комнату, увидел скукожившегося в ванне Оуэнза.

— Чертовы псы. В жизни больше ни до одного не дотро-
нусь.

Они смотрели на поверженные тела, на оленье рога, привязанные к головам сыромятными ремнями. Чудовища были одеты в медвежьи и рысьи шкуры, Слотер вспомнил, как

около своего амбара видел нечто подобное — между ног болтались волчьи хвосты и существа до глаз заросли бородами и волосами. Ушей, носов и пальцев не было.

— Отморожены, — сказал кто-то. — Да это же хиппи из горного лагеря.

Данлоп не переставал стонать.

— Но что с ними случилось? — спросил Слотер. — Эти рога, я не...

— Не вы один. Здесь никто ничего не понимает. И не поймет, пока мы не разыщем их лагерь. Место, где они жили.

106

Аккум смотрел на все прибывающие трупы. Теперь работы ему хватит на огромное количество дней и — Боже! — ночей, кошмарных ночей. Он прекрасно знал, что когда этот бардак будет вычищен, он не сможет больше видеть смерть. Красота для него разрушена, правда, для которой и ради которой он жил, — тоже. Он уедет отсюда. И станет лечить. Живых.

107

Парсонз стоял возле окна.

— Ничья, — сказал Слотер. В создавшейся ситуации мы можем начать или драться, или же сотрудничать.

Парсонз на него не смотрел. Повернувшись к Натану спиной, он продолжал глядеть в окно.

— К завтрашнему дню сюда понаедут чужаки — газетчики, репортеры, правительственные служащие, адвокаты, — продолжал Натан. — Нерешенных проблем масса, и я думаю, что нам лучше выяснить отношения прямо сейчас. Я вас ни в чем не обвиняю. Я готов поверить в то, что вы делали это из лучших правильных побуждений. Я действовал так же.

Парсонз упорно рассматривал ночь за стеклом.

— Еще далеко не все закончено, — добавил Слотер. — Я думаю о дальнейших действиях, мы должны помогать друг другу.

И Парсонз обернулся. Сглотнул.

— Выбора у меня нет.

— Как и у меня.

— Каковы ваши предложения?

— Ярмарочная площадь была отличной идеей. Просто времени ни на что не хватило. А так — я думаю, оставим всех там, пока будем осматривать дома. Люди поймут, что мы действуем сообща и дружно. Любое животное в городе — в карантин, но для этого нам необходим человек со стороны.

— А как насчет скота?

— Пока не знаю. Поживем-увидим.

Парсонз почувствовал, что двадцать лет власти легли на плечи непосильным бременем.

— Не представляю, как все это можно остановить. Животные в горах...

— Только на западных склонах. Их мы уничтожим.

— Это невозможно.

— Я знаю.

— Вирусом обладает лишь одно животное. Если мы его пропустим, цикл начнется заново. К тому же мы предполагаем, что вирус локализован, а что если кто-то ушел в горы?

Слотер кивнул.

108

Аккум через стекло наблюдал за прикрученной ремнями к кровати фигурой. Периодически оно начинало рычать, и хотя Аккум был мертвецки усталым, он не мог не восхищаться. Всю ночь, пока доставляли новые и новые трупы, его неотступно мучала одна мысль, сформулировать которую он никак не мог. Состояние этого существа давало понять, что распространяющаяся из горного лагеря инфекция будет какое-то время свирепствовать. Коронер не понимал, как человек мог прожить, имея эту заразу в мозгу столько времени? Но сейчас, рассматривая существо, почувствовал, как мелькнувшая у него в голове мысль крепнет. Существует, видимо, какая-то способность к адаптации. Он был уверен в том, что в состоянии комы человек «успокаивает» вирус, который активизируется, стоит ему прийти в сознание. Но что если эта его теория верна? Что если возрождение вызывает на смерть вируса, и лишь на остаточные эффекты присутствия в организме. Заражение, таким образом, проходит лишь в несколько первых часов. Более того, — такое существо будет иметь мертвые клетки — результат работы вируса, и они, эти клетки, вместе с его антителами могут послужить основой вакцины. И Аккум улыбнулся. Он станет

работать и победит смерть. И ему стало жаль этого беднягу, привязанного к кровати, когда он представил, через какой ад ему пришлось пройти.

109

Данлопу снились сны об оленьих рогах.

110

Через два дня они обнаружили последнее святилище. Люди поднимались вверх до тех пор, пока не закончилась дорога. Затем, пешком через каньоны и ущелья. Эстакада с рельсами. Она шла углом на горный кряж. Центральная часть давным-давно обвалилась, но ближе к клифу брусья вроде бы держались и не казались особенно хлипкими, и Слотер стал карабкаться вверх, а за ним следовали Мардж, Данлоп, Реттиг, Хэммель, Аккум, Парсонз и другие. Забравшись на вершину, они увидели отходящую круто вверх лошину. В дальнем конце отыскалась разгадка тайны.

— Боже, да здесь, как тысячу лет назад...

— Больше. Десять тысяч. Тридцать, сорок.

Они смотрели на снежный покров. На вершинах блестел лед. Они стояли у Материнской Жилы. Хижины и проржавевшие металлические конструкции давным-давно рухнули, а на их месте возвышались грубо вытесанные деревянные лачуги, кругом валялись камни для примитивных инструментов и стояли гниющие остовы хижины. Улицы напоминали навозные кучи и везде, куда бы не сворачивали люди, они видели тотемные столбы, оленьи рога, помещенные на валунах, медвежьи головы на толстых колах, горы костей, и скелеты, поставленные в безумные позы.

Завывал ветер.

— Они регрессировали.

Люди повернулись к Аккуму.

— В сознании. Отошли обратно к тому порогу, за которым люди превращаются в животных. Ведь они действительно напоминают животных...

— Они им молились.

На сей раз все повернулись к Оуэнзу.

— Культ смерти.

— Сюда!

Кто-то кричал из туннеля.

Слотер двинулся к провалу в горе, за ним шли остальные.

Увидели рисунки на выкрашенной и выкрошенной стене скалы. Краски: охра, черная и зеленая. Звери: медведь и олень. Антилопа, застывшая в молчаливом безмолвии, — красота. За ней вслед летели дубняки и камни, стараясь попасть...

— Боже, как прекрасно.

Фонари выхватывали из темноты то встающего после зимней спячки медведя, то антилопу и оленя.

Люди двигались по туннелю все дальше и дальше. Слотер задержался.

— Что с тобой? — спросила Мардж.

— Заешь, с тех самых пор, как все закончилось, я чувствую себя по-другому.

— Лучше?

— Думаю, да. Но вот чего я тебе раньше не говорил: когда я побежал к грузовику, то чувствовал, что меня словно кто-то принуждает это сделать, что это не я иду, а меня ведут.

— Прости, но я не...

— Я тоже не понимаю, но у меня возникло такое чувство, будто я уже давным-давно делал нечто подобное.

Мардж молча смотрела на Натана.

— Парсонз.

— Он делал то, что считал необходимым. Его я не виню. Все ерунда.

— Аккум.

— Он уедет.

— Оуэнз.

— Не прикоснется ни к одному животному.

— А Данлоп?

— Нет, — слышали они откуда-то из туннеля — Нет.

Они пошли дальше и увидели склеп, место погребения, где трупы лежали, обвешанные бусами, кусочками еды, оружием, казалось, они только и ждут момента, когда смогут возвратиться, как остальные, из глубокой вирусной комы.

— Разумеется, поклонение смерти, — сказал Слотер. — Ведь для них ее не существовало. Они это чувствовали. И постоянно возвращались...

— Но другие-то нет.

Дальше лежали скелеты, покрытые личинками трупы и «живые», которые вскорости должны были «умереть».

Вонь была ужасающей, она проникала глубоко в легкие пришельцев, вызывала приливы тошноты.

Мужчины с трудом сдерживались, глотая слюну.

— Данлоп?

Его не было.

Слотер увидел какой-то вход и двинулся туда: войдя, увидел Данлопа. Перед ним открылась удивительная картина.

Луч фонаря скользнул по красному «корвету». Неуместность в подобном месте этой машины ужасала: как ее подняли на эту высоту и какой приступ сумасшествия заставил Куиллера приказать тащить сюда автомобиль?

Это и была красная, тронная зала, за рулем «корвета» сидел гниющий Куиллер, его разлагающиеся руки были положены на руль, — он правил в вечность, запрокинув назад увенчанную рогами голову.

Данлоп, не мигая, глядел в сторону.

Слотер направил вверх луч фонаря. И там, возле потолка, поворачиваясь, искоса поглядывая огромными круглыми глазами, виднелись очертания ночного кошмара — олени рога, волчий хвост...

Слотер отвел взгляд и повернулся к Данлопу.

— Эй, что?..

Но он знал, что Данлоп не ответит. Он пребывал в другом времени...

Слотер протянул руку, чтобы дотронуться, но Гордон рухнул на колени, поставив руки на красный «Корвет»

Слотер оглянулся. Увидел Мардж, Аккума и остальных.

— О, мой Бог.

Но говорил вовсе не Слотер. Данлоп.

— О, мой Бог, — откликнулось эхо. Успокоившись, наконец, он отыскал свой репортаж.

111

Слотер сидел на крыльце, слушая, как в кухне возится с готовкой Мардж, и наблюдая за тем, как Данлоп, сидя в кресле-качалке, смотрит на далекие горы.

— О, мой Бог, — произнес мужчина, хотя в последнее время говорил он это нечасто. Натан отпил пива из банки и, встав, поправил одеяло, прикрывавшее Гордона.

— Эй, приятель, ты, смотри, не простудись. Пивка хочешь?

Данлоп начал раскачиваться.

— Можешь из моей банки хлебнуть, я не против.

Слотер поднял к его губам банку, и Данлоп пролил на себя жидкость, бывшую для него когда-то святой.

— Вот теперь он обрел религию, — сказал Слотер самому себе. — Что же, может, это и неплохо.

Потому что Натан тоже обрел свою. Наконец, почувствовав себя пребывающим в ладу со всем миром, он думал о разрабатываемой Аккумом вакцине. И о том, что те, двое из бакалейной лавки — малыцы, — исчезли. Долина снова зажила нормальной жизнью. Может быть, вскоре наступят новые, лучшие времена.

В дверях появилась Мардж.

— Ну, как там чили? — спросил Натан, улыбаясь.

— Слушай, я не понимаю, почему той ночью мы подсунули тебе фосфор? Вполне сошло бы чили по твоему рецепту, точно так же расплавил бы прутья решетки.

Он рассмеялся.

— Сколько осталось времени до приезда Реттига и остальных? — спросила женщина.

— Полчаса.

— Значит, у нас есть немного свободного...

— Я до сих пор не изобрел пути, чтобы это длилось так долго.

И улыбнулся.

— Я вполне могла бы тебя научить, но на самом деле я имела в виду совсем иное.

Натан ждал продолжения.

— Я никак не могу понять, почему, побежав к грузовику, ты выбрал для прикрытия именно меня. Почему ты хотел, чтобы я тебе помогала?

Натан подумал.

— Просто ты единственная, кому я бы мог вручить в руки свою жизнь.

Они замолчали.

— Теперь, кажется, все? — спросил Слотер.

— Не уверена.

— Ты поделишь свою жизнь со мной?

— Вот теперь намного конкретнее.

— В следующем месяце?

— Лучше на следующей неделе.

Она улыбалась. Слотер направился к Мардж. С поля за домом доносились ржание и стук копыт новых лошадей. Они играли на солнышке.

Благословляя, Данлоп поднял руки вверх.

— О, мой Бог, — слышали Натан с Мардж.

ПРОКЛЯТЫЙ

роман

Перевод с английского М. Лебедева

7

Часть первая

1

Ярко-белые ряды крестов тянулись в бесконечность. Они были идеально расположены: каждый крест и каждый ряд находились на одинаковом друг от друга расстоянии. Горизонтальные и вертикальные линии складывались в аккуратные, упорядоченные решетки.

Хьюстон внезапно почувствовал холодок, заставивший его вздрогнуть. «Это просто ветер, обыкновенный ветер подул с холма», — сказал он, не веря самому себе. Взятый напрокат «ситроен» стоял на самой высокой точке этой местности. Опершись на его крышу, Хьюстон наблюдал за раскинувшимся внизу военным кладбищем. Порывы ветра разметали его волосы, заставляли щеки неметь. Ему пришлось зажмуриться и сощурить глаза. Слеза застила правый глаз. «Это всего лишь ветер, — вновь сказал он самому себе, но как-то неуверенно. — Конечно же, просто ветер».

Кресты сияли, словно ежедневно между рядами шагали скорбящие солдаты, смахивая с них пыль и натирая до блеска. Эта яркость раздражала Хьюстона, а спокойная размеренность, с какой они были расставлены, утомляла. Тридцать семь лет назад здесь полегло десять тысяч солдат. Может быть, здесь, на этом месте, где сейчас стоит арендованный «ситроен», сидел на раскладном стульчике генерал. Долина в тот день выглядела, словно дымящаяся адова яма: пламя, взрывы, дым и воронки, тела, разбросанные по истерзанной земле, гремющий хаос. Собственное воображение поразило Хьюстона. Ветер играл с ним. Он взвыл, и Хьюстону послышался отдаленный грохот ружей. Он был уверен в том, что слышал пронзительные крики, жуткие стоны, и...

Хьюстона передернуло. Сморгнув очередную слезу, он вновь увидел перед собой аккуратную решетку из крестов, ярко выделявшуюся на роскошной зеленой траве, настолько глубокой по тонам, что она казалась почти что оливковой. Черные оливки. Покрова могил. А вдалеке подгоревшие облака оттеняли небо такой бездонной глубины, которую ему никогда в жизни не приходилось видеть.

— Скоро начнется буря, — послышался за спиной голос Дженис.

Хьюстон, обернувшись, кивнул. Дженис задрожала, плотнее запахнув на груди коричневый твидовый блейзер. Длинные рыжеватые волосы были откинuty ветром назад. Щеки казались неестественно красными. Зеленые глаза сузились и слезились, как и его собственные. Они проникали в его душу.

— Нельзя ли смотреть на них из машины? Я продрогла. Хьюстон улыбнулся.

— Похоже, я путешествовал во времени.

— Алло, не торопись. Ты ждал этого тридцать семь лет, но, Боже милосердный, разве тебе не холодно?

— А мы включим обогреватель. И спустимся вниз.

Отвернувшись от Дженис, он открыл дверцу со стороны водительского сидения и забрался в кабину. Спортивные туфли крепко прижимались к педалям. Дженис проскользнула и села рядом с ним. Они захлопнули двери. Его щеки онемели. Руки замерзли. Ветер завывал, бормоча что-то рядом со стеклом.

— Я чувствую пустоту... какое-то странное... состояние, — проговорил Хьюстон.

— Обычное дело. Этого можно было ожидать. Ведь он в конце концов твой отец.

— Был отцом.

Хьюстон завел мотор, отъезжая от «центральной туристической точки» (как было написано по-французски на знаке) и по двухполосному гудронному шоссе начал съезжать вниз, направляясь на встречу, в ожидании которой провел всю свою сознательную жизнь.

— Странно, — проговорил он. — Ребенком я только и делал, что представлял, на что будет похоже это место. Воображал себе кладбища, какие есть в наших краях. Но ведь это... Не знаю, право, как и назвать.

— Санировано, гомогенизировано, анестезировано и упаковано в целлофан.

Мужчина рассмеялся.

— Ты навсегда останешься в шестидесятых. Закрою глаза и вижу, как ты произносишь речи на ступеньках перед главным входом в студенческий союз. «Сожгите свои повестки! Захватим здание администрации!»

Дженис спрятала лицо в ладони.

— Не могла я быть такой плохой.

— А я ничего и не говорю. Ты, разумеется, была хорошей. Но должен тебе признаться. По секрету. Свой военный билет я так и не сжег.

— Ты, лгун. Ты всегда хотел лишь...

— Забраться руками тебе в штаны. Или в трусы, что тоже неплохо.

— Лицемер, да к тому же еще и грубиян.

— Грубиян, но крайне прагматичный. Давай уж говорить по существу.

Они шутили и смеялись, а перед ними вставали все новые и новые ряды крестов, увеличиваясь в размерах. «Веселиться здесь — все равно, что насвистывать, когда мимо проезжает катафалк», — подумал Хьюстон.

— Ты, похоже, по-настоящему испуган, — сказала Дженис.

— Здесь нет деревьев. Заметила?

— Рожица бы испортила весь вид. Армии же нравится, когда все чисто и аккуратно. Как грится, «в аккурате».

— Так гряд во-флоте.

— Слушай, прекрати, а? Ты же прекрасно меня понял. Короче говоря: военные убивают друг друга, а затем наводят глянец на смерть.

— Неподходящая для красноречия война. Не Вьетнам.

— Допускаю. Необходимая война. Это понятно. Но стоя здесь, на этом холме и глядя на эти кресты, никогда не узнаешь, сколько боли лежит в этой земле.

— Не уверен, что хочу, чтобы мне об этом напоминали.

Хьюстон почувствовал, как его изучает Дженис.

— Прости, — сказала она. — Похоже, я не совсем сообщаю, что говорю.

— Тридцать семь лет. — Он покачал головой и крепче сжал руль. — А ты знаешь, я ведь даже на фотографии его никогда не видел.

Дженис пораженно уставилась на мужа.

— Что-что? Издеваешься?

— Мать сожгла их все. Говорила, что не перенесет напоминания. Потом, конечно, пожалела. Но тут уж ничего нельзя было поделать: негативов у нас не было.

— Видимо, она его безумно любила.

— Знаю только, что возможностей вторично выйти замуж у нее было достаточно, но она ими не воспользовалась. И я все еще помню, — хотя прошло много лет, — как она плакала вечерами перед сном. Я просыпался и слышал ее. Входил и спрашивал, что случилось. «Я просто вспоминала, Пит, —

говорила она мне с красными от слез глазами, шмыгая носом. — Просто вспоминала твоего отца».

— Господи.

— Как много крестов! Интересно, под каким похоронен он?

Дженис положила руку ему на колено и ободряюще сжала. Затем, покопавшись в своем джутовом кошельке, вытащила пачку сигарет. Зажгла одну и передала мужу.

Он кивнул и глубоко затянулся. Американская. Низкое содержание смол и никотина. Он с большим трудом отыскал здесь эти сигареты, заплатив за них в четыре раза больше, чем они стоили в Штатах. Но те французские, которые он здесь пробовал, никуда не годились. Один кашель. Кроме того, он считал, что так как их трудно отыскать, ему удастся держать в узде свою вредную привычку.

К тому же — деньги.

«Ситроен» заполнился дымом. Хьюстон открыл окошко и почувствовал резкий удар ветра по лицу. Дым мгновенно улетучился. Хьюстон смотрел на высокие травы, гнущиеся к земле по обеим сторонам пути. Гудронная дорога повернула налево по склону. С этого места хорошо просматривались обширные сады в западном крыле долины. Но ветер нагнал облака, и они закрыли солнце. По долине прокатилась тень. Хьюстон повернул. Теперь у него перед глазами оказалась восточная часть долины, ветровое стекло было как будто забито крестами, — они были близко, отлично видны и, казалось, таили в себе какую-то угрозу — белые, бесконечные, на фоне грозных туч.

Перед ними выростала каменная ограда, становясь все более отчетливой. Наконец, Хьюстон въехал в распахнутые, разукрашенные ворота и остановился на стоянке. Выйдя из «ситроена», пара оказалась перед длинным низким белым зданием, которое напомнило Хьюстону административные центры у себя на родине, сплошь стекло и сталь. Безликое. «К нему бы очень хорошо подошло определение «институтское здание», — подумал он. Кусты казались сделанными из пластика, а газон напоминал бетонное покрытие.

— Безумие, — пробормотал Хьюстон. — Ничего не произойдет, ничего не изменится из-за того, что я сюда приехал. Черт побери, да ведь я его даже не знал, даже не видел. — Голос у него стал каким-то скрипучим.

— Хочешь сбежать?

Пит покачал головой.

— Не могу. О своем отце я не думал годами. Но хорошо помню, как еще мальчишкой дал зарок, — когда вырасту, увидеть его могилу. Теперь мать умерла. Мы приехали во Францию, чтобы я отвлекся от мыслей о ее смерти. Но я все продолжаю ее вспоминать. Может быть, если я увижу эту могилу, мне легче будет примириться с той. А, может быть, я просто хочу рассказать ему, что его жена умерла.

Джен сунула ладошку в его руку, и он крепко сжал ее. Хьюстон почувствовал, как в горле застрял комок.

— Давай-ка выполним твой зарок.

Хьюстон кивнул. Он прошел мимо знака — Памятник Американским Бойцам — по обсаженной кустами дорожке к стеклянным дверям входа. Толкнув их, он почувствовал спертый воздух в помещении и услышал эхо собственных шагов, отражавшихся от пола, покрытого поддельным мрамором. В длинной, узкой комнате на стенах висели огромные щиты: фотографии и карты, показывающие развитие событий в этой битве; ружья, шлемы, форма и ранцы; модели, диаграммы, картины, флаги. Комната была слишком ярко освещена. Пит услышал шипение, с которым за его спиной закрылась дверь. Почувствовал, как Дженис встала рядом с ним.

Но все свое внимание он сосредоточил на столе, находившемся прямо перед ним, в противоположном конце комнаты. Длиннолицый служащий с коротко подстриженными волосами, тонкими губами и в темном костюме, расправил плечи, поджидая их. Хьюстон прошел прямо к нему.

— Чем могу быть полезен, сэр?

Хьюстон увидел на лацкане у клерка значок Американского Легиона.

— Прямо не знаю, как... Мой отец здесь погиб, — выпалил Хьюстон. — И я не знаю, как отыскать его могилу. Они расположены в алфавитном порядке? — Голос его казался гулким в мавзолейной пустоте зала.

— Нет, сэр. — Клерк наклонился вперед со столь упреждающим и скорбным видом, что невольно напомнил Хьюстону распорядителя похорон. — По полкам и ротам. Если вы сообщите мне эти сведения или хотя бы назовете имя своего отца, я вам найду его могилу.

— Стивен Хьюстон.

— Знаете ли вы его отчество? На случай, если людей с такими именами окажется несколько.

— Прошу прощения?

— Я говорю, что может оказаться несколько Стивенс Хьюстонов.

— А, понятно. Самюэль.

Клерк, голос которого выдавал южанина, посмотрел на Пита с интересом.

— Из Техаса, сэр? — растягивая слова, пропел он.

— Нет, а почему вы так подумали?

— Прошу прощения, сэр. Просто отчество, понимаете... Сэм Хьюстон.

— А, ну да, конечно... Нет, мы из Индианы.

— Минуточку, подождите. — Клерк повернулся к консоли, находящейся у него под стойкой.

Хьюстон взглянул на Джен. Гудели яркие флюоресцентные лампы. Он почувствовал, как в висках началось гулкое уханье.

— Наверное, придется еще разок курнуть, — сказал он.

За его спиной пальцы клерка выбивали чечетку на компьютере. Джен принялась копаться в кошельке. Хьюстон услышал озадаченный голос техасца.

— Так значит, Стивен, Сэмюэл да еще и Хьюстон, так, сэр?

— Именно. — Он взял у Джен сигарету. Закурил и вновь повернулся к клерку.

И ему не понравилось, как молодой человек хмурился. Сердце его гулко забухало.

— В чем дело?

— Мне бы хотелось уточнить, как пишется имя вашего отца, сэр.

— Х-ь-ю...

— Нет, с фамилией все понятно. Имя, имя, сэр. Пишется с «ив» в середине, так? Иногда еще добавляется или убирается лишнее «е», после «в».

— Нет, все правильно. Только «ив» — и больше ничего.

— А вы уверены в том, что он похоронен именно здесь?

— Абсолютно.

— Не может это быть другое кладбище?

— Нет, именно это.

— Секундочку, сэр.

Клерк на негнущихся ногах побрел к двери. Постучал. Изнутри ответил приглушенный голос.

Хьюстон наблюдал за тем, как клерк вошел в другую комнату и прикрыл за собой дверь.

— И что за чертовщина здесь, блин, происходит? — обратился он к Джен.

Озадаченные глаза женщины нервно скакали туда-сюда.

— Думаю, что их дурацкий компьютер опростоволосился.

Хьюстон резко повернулся к неожиданно открывшейся двери. И уставился на человека в военно-морской куртке, с темными глазами и квадратной челюстью. До Хьюстона еще доносилось отдаленное эхо его шагов.

— Мистер Хьюстон, меня зовут Эндрюс. Управляющий.

Они обменялись нервными, неохотными рукопожатиями.

— Мой помощник уведомил меня, что вы приехали сюда, чтобы навестить могилу своего отца?

— Верно.

— Мы не можем отыскать записи о том, что отец ваш был похоронен именно на этом кладбище.

У Хьюстона перехватило дыхание.

— Мой помощник все перепроверил и на дисплее не оказалось никого с таким именем.

— Но это невозможно!

— Почему же, сэр... Во время закладки в программу наших старых данных, мы были очень аккуратны. Но мы все же люди, и, естественно, случаются ошибки.

— Ошибки? Так, значит, подобное уже случалось?

— Мне очень жаль, сэр... В прошлом году, а также недавно, в прошлом месяце. — Казалось, Эндрюсу очень неловко. — Все наши документы находятся внизу. Я все проверю. Займет не более пятнадцати минут.

— Подождите-ка. А эти, ну, другие могилы... Вы их нашли?

Но управляющий почему-то ничего не ответил.

2

Хьюстон мерил шагами комнату. Он ничего не понимал. Управляющему понадобилось больше пятнадцати минут, о которых он поначалу говорил. Затем, когда он, наконец, появился, то попросил их с Джен пройти к нему в кабинет. Нахмурившись.

Хьюстон и сам умел хмуриться. Он взглянул на жену, погасил в пепельнице очередную сигарету и вошел вслед за ней в кабинет.

Хьюстону стало нечем дышать, — комнатка была маленькой и в ней не было окон. Возле металлического стола, на котором ничего не лежало, стояли три стула, тоже металлических. На стене — телефон. И сильные яркие лампы, лишь усиливающие головную боль.

— Вы, видимо, и так уже кое-что поняли, — начал Эндрюс.

Хьюстон застыл на стуле.

— Но...

— Пожалуйста, прежде, чем вы ударитесь в амбицию, послушайте меня. Все-таки я могу предложить вам несколько приемлемых объяснений. Вполне возможно, ваш отец похоронен на кладбище к северу отсюда. Это в пятидесяти милях...

— Нет, его убили именно здесь, в этой битве.

— Итак, естественным предположением является то, что если он здесь убит, то, следовательно, здесь и похоронен, — Эндрюс ждал ответа.

У Хьюстона от злости огнем загорелось лицо. Но он попытался себя успокоить.

— Верно, именно это я и предположил.

— Но военные дела, особенно в боевой обстановке, не всегда были четко организованы, здесь применима обыкновенная человеческая логика. — Эндрюс сложил губы «куриной жопкой». — Вам известен смысл и расшифровка сокращения ПБВ?

— Разумеется.

— В данном случае так и могло произойти. В общем, если говорить откровенно, то ваш отец мог быть похоронен где угодно.

— Тогда, — Хьюстон с трудом пытался сдержать рвущую наружу злобную нетерпеливость, — позвоните на то близлежащее кладбище, о котором вы говорили.

— Я уже это сделал. Теперь мы должны всего лишь дождаться ответного звонка.

Но ответ, когда он наконец последовал, оказался вовсе не тем, на который надеялся Хьюстон. Эндрюс повесил трубку обратно на место. И покачал головой, постукивая карандашом по столу.

— Господи, но неужели вы не понимаете, как это безумно звучит, — прошептал Хьюстон.

— С моей стороны было бы нечестным не сообщить вам еще об одной вероятности.

— Какой же?

— О ней крайне неприятно упоминать. Вы только разозлитесь. Я знаю.

— То есть, вы хотите сказать, разозлюсь еще сильнее. — Он побелел.

— Существует вероятность, — хочу сразу же оговориться, крайне маленькая, можно даже сказать, ничтожная, — что вашего отца похоронили под именем другого человека.

— Под другим именем?

— Точно. Если бирки перепутали...

— То есть он похоронен здесь же, но зовут его уже Смит или Джонс? — Голос Хьюстона взлетел на недостижимую высоту.

— Или Джон Доу — неизвестный, неопознанный. В сражениях бирки иногда уничтожаются, а тела бывает настолько...

— Пожалуйста, — просительно запричитала Джен.

— Прошу прощения, миссис Хьюстон. Нельзя сказать, что подобный разговор мне доставляет удовольствие. Существует еще одна возможность: когда кладбищенские списки каталогизировали, то ошибка...

— Будьте добры, попроще, — рявкнул Хьюстон.

— То есть ваш отец вполне мог быть похоронен, но не внесен в наши списки.

— То есть, вы хотите сказать, что его тело утеряно?

— Я ведь не говорю, что Я его потерял, сэр. — Голос управляющего изменил окраску. — Челюсть его выдвинулась вперед, а скулы стали четче выдаваться на лице. — Меня перевели сюда, сэр, пять лет назад. Я понятия не имею о том, чем здесь занимались мои предшественники. Но могу вас уверить в том, что свою работу я выполняю хорошо.

Хьюстон почувствовал, как охватившая его ярость заполнила крошечный кабинетик.

— Пит, мистер Эндрюс хотел нам помочь, — произнесла озабоченно Джен.

Хьюстон замер на стуле. Затем, помассировав пульсирующий от боли лоб, неуклюже закивал, чувствуя смущение.

— Я не имел в виду лично вас, — проговорил он, — я хотел сказать... ну... что это мог сделать... кто-нибудь...

Хьюстон увидел, как управляющий сверкнул глазами.

— Прошу прощения, — сказал он. — Я — учитель. И, наверное, мог бы говорить иначе. Выразаться несколько точнее. Прошу прощения.

Вспышка в глазах Эндрюса сменилась задумчивостью. Видно было в глубине темных глаз управляющего, что его ум обрабатывал полученное извинение. Наконец, он вздохнул.

— Я чертовски озабочен, — прошу, мэм, извинить мой язык — ведь я служил в армии. Сержант мое звание. Теперь работаю на министерство обороны. И отношусь к своей

работе честно. Вы не представляете, в какие сложные положения нас частенько ставит Военное Министерство. Вспомните анекдоты про военных. — Он покачал головой. — Поверьте, я делаю на своем месте все от меня зависящее. Представьте себе, каково мне было, когда случались подобные ситуации в прошлом. Мне было хуже, чем сейчас, раза в два. Но какая бы глупость здесь не произошла — поверьте — я к ней никакого отношения не имею. Мне себя винить не за что. Я ведь только... Мистер Хьюстон, что у вас сломано?

— Чертова боль. — Хьюстон щурился в свете ослепительных резких флюоресцентных ламп. Их гудение напоминало вой зубоврачебного сверла.

— Сейчас, минуточку. — Джен сразу же полезла в сумочку. — Отыскав металлическую баночку с аспирином, она схватилась за термос. — И немножко кофе осталось.

Хьюстон проглотил три пилюли и выпил теплого горького кофе. Потом поставил чашку на стол, прикрыл глаза и стал ждать, когда жгучая боль отступит.

— Я обещаю вам удовлетворить ваше любопытство, мистер Хьюстон. Проверю, что тут произошло.

Пит приоткрыл веки и уставился на управляющего сквозь бьющий в глаза нестерпимо-яркий свет.

— Мистер Хьюстон, вы ведь учитель. Сами говорили.

Неужели? Он не мог припомнить.

— Верно. В Индиане.

— Высшая школа?

— Колледж. Данстон Колледж. Частное учебное заведение около Эвансвилля.

— Почти что Кентукки.

У Хьюстона пробудился интерес.

— Это... а откуда вы знаете?

— Я вырос в Луисвилле. Дома не бывал с тех пор... с тех пор, как очутился здесь. Говорят, что смог стал намного гуще.

— Совершенно верно.

— Прогресс. Боже сохрани нас. Вы преподаете...

— Творческое письмо.

— Так вы писатель? — Похоже, на Эндрюса это произвело впечатление.

— У меня опубликовано четыре романа.

— А я-то думал, как это вам удалось набрать денег на заграничное путешествие, да еще и на другой континент?

Хьюстон почувствовал, как волна гнева захлестнула его.

— Хватит, вам, черт побери, задавать всякие скользкие вопросы! Я понимаю, что у вас на уме. — Он пронзительно взглянул на Эндрюса. — Если вы думаете, что я все это придумал, только потому, что пишу, то...

— Нет, мистер Хьюстон, ничего подобного я не думал. Но, пожалуйста, давайте на мгновение посмотрим на все это другим оком. Моим. Встаньте на мое место. Вы ведь раньше во Франции никогда не бывали, правда?

— Если бы я бывал, то помнил, где находится могила отца.

— Но вы ведь приехали во Францию не для того, чтобы посетить его могилу.

— Не понимаю.

— Когда вы планировали свое путешествие, то главным было отнюдь не...

— Посещение этого кладбища? Нет, умерла моя мать, просто хотел забыться на время после ее похорон.

— И потом решили, что раз уж вы все равно поедете во Францию, то было бы неплохо отдать дань уважения...

— Вокруг меня была сплошная смерть. Но я не понимаю, к чему все это...

— Вы приехали неподготовленным. И не можете сообщить мне необходимые сведения, которые облегчили бы мне поиски. Например, номер. Личный номер вашего отца. Кем он был по званию?

— Капралом.

— Уже лучше. Приедете домой — просмотрите все семейные папки. Сделайте копию извещения Военного Министерства, присланного вашей матери, или любые другие документы, которые сможете отыскать.

— Их попросту не существует.

— Прошу прощения?.. — Эндрюс ошеломленно заморгал.

— Мать сожгла все, все те письма, что присылал ей отец, его фотографии, извещение Военного Министерства. Все. Она его чересчур любила. Думаю, его смерть ее подкосила. Она старалась избавиться от воспоминаний. Поэтому и уничтожила все, что могло бы о нем напомнить.

— Вроде бы я вас слышу, но с пониманием у меня на сей раз туго.

— Просто я хочу сказать, что она его очень любила.

— Нет. — Эндрюс проговорил это весьма твердо. — Я просто не могу понять, почему вы тогда стопроцентно уверены в том, что ваш отец похоронен именно здесь.

— Она сама мне сказала.

— Когда?

— Когда я подрост. Когда принялся задавать ей вопросы о том, почему у меня нет отца.

— И вы полагаетесь на детскую память? — Лицо управляющего перекошилось от возмущения.

— Она говорила мне об этом не единожды. Видите ли, к тому времени она уже здорово сожалела о том, что сделала. Ей снова хотелось иметь его письма и фотографии. Для нас с ней он стал чем-то вроде легендарной личности. Она повторяла истории о нем, больше похожие на сказки — раз за разом, одними и теми же словами. И заставила меня пообещать, что я запомню все подробности. «Питер, — я как сейчас слышу ее голос. — Питер, хотя твой отец умер, он будет существовать до тех пор, пока мы его помним».

Эндрюс постукивал карандашиком по столу.

3

— Он, что, считает меня чокнутым? — спросил Хьюстон.

Он стоял рядом с «ситроеном» вместе с Дженис. Ветер утих. Тучи исчезли. Сверкало солнце.

— Нет, не считает, — ответила Дженис и с тревогой взглянула на мужа. — Но что бы ты сделал на его месте? Правда ли то, что именно военные все испортили? А, может быть, ты просто перепутал?

— Слушай, говорил же тебе...

— Да я-то тебе верю. Тебе нет нужды мне доказывать, какая классная у тебя память. Я ведь знаю, что тебе даже заметок для уроков в классе не нужно. Так что меня убеждать нечего. Если уж убеждать — так это управляющего. Для него ведь факт не является фактом, если он не записан на листе бумаги и дважды не перепроверен. Судя по его настроению, он сделал все, что мог, принимая во внимание сущность твоего заявления.

— То бишь, считает меня придурком.

— Нет. Заблуждающимся.

Хьюстон проехался пятерней по волосам. И в смятении повернулся лицом к угрожающему белому зданию. — Прекрасно. Я так благодарен ему за это. Может быть, я действительно что-то напутал. — Он резко повернулся к жене. — И не потому, что я могу ошибаться. А потому, что может ошибаться моя мать.

— Ее теперь не спросишь.

— Может быть, так оно и есть? — спросил он с болью, неохотой и раздражением в голосе. — И так все оставим? На произвол судьбы?

— Приедем домой, можем написать в Военное Министерство.

— Но ведь мы уже здесь. И здесь, всего в нескольких шагах отсюда, где-то похоронен мой отец.

— Если ты обнаружишь хоть какое-нибудь свидетельство, то Эндрюс сможет отыскать могилу. Но ведь ты сам недавно сказал: какая, собственно, разница? — Она моргнула, словно да нее только тогда дошел смысл ее слов. — Последняя часть не считается, забудь.

Хьюстон устался на жену.

— Для меня, человека средних лет, кое-какая разница все же имеется. Черт побери, конечно же, жизнь не изменится оттого, что я постою у его могилы. Но тому пацану, которому так хотелось иметь отца... Дьявольщина, да что же это со мной такое?

— Ничего. Просто ты крайне сентиментален. И это привлекательная черта.

Хьюстон улыбнулся ей.

— Знаешь, что и как и, главное, когда сказать.

— Я обязана это знать. Мы ведь довольно давно женаты. Он поцеловал ее.

Снова взглянув на здание, Хьюстон заметил, что из какого-то окна на них пристально смотрят, но не понял, кто именно.

— Ошибаюсь, но не я, — сказал Пит смазанной тени в окне.

— Что-что?

— Просто... Проклятая головная боль. Почему бы тебе не повести машину?

Хьюстон забрался в «ситроен». Окна открывать не стали. Сиденье нагрелось, воздух был затхлый, пахло каким-то старьем. Решившись все-таки проветрить автомобиль, он почувствовал, как в голове начинает оформляться какая-то мысль.

Хотя он и ощущал спиной могилы, но все-таки оборачиваться не стал. Он был полностью поглощен этой свежей мыслью, никогда раньше не возникавшей у него в голове.

— Был один француз, — проговорил он.

— Где? Я его не заметила. Ты не хочешь сказать, что я настолько невнимательна?

— Нет, не здесь. Один француз. Теперь вспомнил.

— Вспомнил, что?

— Француз. Тогда. В тысяча девятьсот сорок четвертом. Мать говорила, что получала от него письма.

Мозг прояснился. Дальний темный уголок памяти осветился, и воспоминания полезли наружу.

— И эти письма остались? — спросила Джен.

— Сомневаюсь. Если она сожгла и более невинные вещи, то должна была и это спалить. Но это не имеет значения. Я помню, что она по их поводу говорила. — Возбуждение и ликование нарастало. — Француз писал, что он лично и люди его страны чувствуют себя в долгу перед солдатами, погибшими за свободу их родины. Каждый житель их деревушки выбрал себе могилу и ухаживает за ней. Они подравнивают травку, смотрят за тем, чтобы на каждой всегда были свежие цветы. Каждый погибший солдат для них все равно, что брат или сын.

Джен нахмурилась. Выехав на вершину холма, она все свое внимание сосредоточила на дороге.

— И этот француз выбрал могилу моего отца.

— Не понимаю, каким образом это может помочь в наших поисках.

— Он-то помнит. Помнит могилу. Вот мы его и спросим, где она.

— Это в том случае, если он еще жив. А если нет?.. В общем, я не вижу в твоей идее особого смысла. Мы ведь даже не знаем, кто он и как его зовут.

— Я знаю.

— Но ведь ты не можешь надеяться на то, что я поверю...

— Пьер. Это его имя. Я именно поэтому и запомнил. Пьер де Сен-Лоран.

— Это та деревня, в которой мы остановились. Сен-Лоран. Но как тебе удалось запомнить его имя? — Она внимательно посмотрела на мужа.

— Господи, да ведь это же проще простого. Мать мне всегда говорила: «Питер, если возникнет какая-нибудь нужда, запомни, что человека, ухаживающего за могилой твоего отца во Франции, зовут точно так же, как и тебя. ПЬЕР».

4

Деревушка раскинулась по обеим сторонам темной реки. В полдень сонный солнечный свет освещал крыши жилых домов и магазинчиков, и Хьюстону показалось, что он пришел

в нормальное состояние и вернулся к обычной жизни. Он улыбался продавщицам цветов, фруктов, старикам, курящим трубки на приступочках своих домов. Если бы не машины, телеграфные столбы и телефонные провода, Пит бы, наверное, решил, что попал в семнадцатый век.

Джен ехала через старый каменный мост. Под ним лениво качались две лодки. В одной из них сидели мужчина с мальчиком и удили рыбу. Впереди показалась деревенская площадь, на которой высоченные, пышные деревья резко контрастировали со стройным, устремленным ввысь обелиском, посвященным Второй Мировой войне. Пит прошел мимо резвящихся на площади ребятишек прямо к унылой табличке на обелиске — реестру погибших в войну деревенских жителей.

— Ну, что? — спросила его Джен.

Хьюстон только вздохнул. Они подъехали к гостинице, выходящей фасадом на городской парк и реку.

— Я, конечно, могу прочитать меню, — вздохнул Хьюстон. — И отыскать мужской туалет. Но боюсь, что задавать правильно необходимые вопросы да еще и ответы переводить — не для меня.

Они прошли ко входу в гостиницу. Много-много лет назад этот дом был феодальным поместьем. А теперь туристы ели и спали там, где в свое время проживала знать, правящая страной.

— Европа позволяет видеть вещи по-иному, — заметила Дженис, когда они приехали. — Этот дом был поставлен задолго до создания Американского государства.

Войдя в перекрытый балками высоченный холл, они приблизились к стойке портье. Хьюстон, запинаясь, на ломаном французском, спросил управляющего, можно ли здесь нанять переводчика.

Мужчина медленно ответил, что мсье должен воспользоваться этой поездкой для того, чтобы улучшить знание языка. А с переводчиком он начнет лениться. «Прошу прощения за дерзость.» И управляющий заулыбался.

Хьюстон расхохотался. Управляющий вздохнул свободнее.

— Д'аккор. Же сей. Мэ нуа... — Хьюстон замолчал. — Нам необходимо сделать здесь кое-какие важные дела. И мне надо понимать все очень точно. Пресиземен...

— Ну, тогда совсем другое дело. Если мсье соблаговолит подождать...

— Помираю с голода, — пролепетала Джен.

Пит сообщил управляющему, где именно они соблаговолят ждать.

В столовой они сели у окна, выходящего в парк, прямо перед ними стояли огромные деревья. Заказали сухое белое вино, холодного цыпленка и салат.

Пит почувствовал, как на него легла чья-то тень. Подняв глаза вверх, он увидел стоящую рядом с их столом женщину.

— Мистер Хьюстон?

Ей было лет тридцать, может, чуть меньше, но никак не больше. Высокая, стройная, с длинными, темными волосами; красивые глаза, полные, хорошо очерченные губы, глубокий мягкий голос — все в ней привлекало внимание.

— Управляющий этой гостиницей — мой отец. Он сказал, что вам необходим переводчик.

Ее появление оказалось настолько неожиданным, что несколько секунд Пит не мог сообразить, что она говорит по-английски без малейшего намека на акцент.

— Все верно.

— Тогда, быть может, я смогу быть вам полезной.

— Пожалуйста, садитесь. Хотите вина?

— Нет, благодарю. — Садясь, она подоткнула юбку под себя. На ногах у нее были сандалии, а тело прикрывал длинный, желтый, с закатанными рукавами свитер. Скрестив руки на колене, она ждала.

— Это Дженис, — продолжил Хьюстон. — Меня зовут Питер. — Они обменялись рукопожатиями.

— Симона, — ответила женщина.

— У вас превосходный английский.

— Я изучала отельный менеджмент в Беркли. В шестидесятых. Когда начались студенческие беспорядки, вернулась во Францию.

«Значит, все-таки ошибся, — подумал Хьюстон. — Лет тридцать пять, так оно вернее. А ведь ни за что не скажешь». Он объяснил, зачем он сюда приехал, но ничего не сказал о том, что произошло на солдатском кладбище.

— То есть вам бы хотелось отблагодарить этого человека, — сделала вывод и подвела черту под его рассказом Симона. — За то, что он ухаживал за могилой вашего отца.

— Просто мы очутились здесь. И я подумал, что это минимум того, что я могу сделать.

Симона нахмурилась.

— Тридцать семь лет.

— Понимаю. Он мог давным-давно умереть.

— Это не самое главное. Если он жив, то отыскать его будет непросто. В этой деревушке очень много людей из старинных семей, последним именем которых является Сен-Лоран. Потомки тех Сен-Лоранов, что когда-то жили здесь. Это все равно, что в Америке искать Смита или Джонса.

— Но это Пьер де Сен-Лоран. Это значительно сузит круг поисков.

Симона поразмыслила.

— Пожалуйста, подождите минутку. — Она легко, с аристократической грацией встала и вышла из зала.

— Очень привлекательна, — проговорила Дженис.

— Серьезно? А я и не заметил.

— Глупыш, тебе лучше доесть свой ланч, а не то, смотри, попадешь в переделку.

Он ухмыльнулся. К тому времени, как Симона объявилась вновь, они как раз закончили пить кофе.

— Проверила телефонную книгу нашей деревни, — сказала она. — Удивительно, но в ней нет ни единого Сен-Лорана с таким распространенным первым именем. Будь мы в Штатах, можно было бы свериться с местным листом переписи населения. Но у нас в Сен-Лоране такого нет.

— Так что же, нам его никак не найти?

Казалось, Симона чем-то встревожена.

— Так как же? — переспросил Хьюстон.

— Вполне возможно, что один человек сможет нам помочь.

Хьюстон нахмурился, заметив неохоту, с которой она это сказала.

— Он очень стар. И болен. Зато знает все про эту деревню.

Хьюстон поднялся на ноги.

— Давайте-ка сходим к нему.

5

В ноздри Хьюстона ударил сильный запах. Шторы были закрыты. Комната была погружена во мрак: светились лишь сияющие угли от прогоревшего в очаге бревна.

Старый священник сидел в кресле у камина. Звали его отец Деверо. Был он хрупок и морщинист, практически не виден, весь какой-то ссохшийся, а спутанные волосы на голове напоминали Хьюстону паучье гнездо. Кашель вырывался из глубины его груди. Он кашлял очень часто, и всякий раз усилие причиняло ему нестерпимую боль. Он вынимал из-под подоткнутого вокруг его тела одеяла скомканный, но

чистый платок, и промокал губы. Силы он находил лишь для коротких, медленных фраз, и голос его был настолько тих и тонок, что Хьюстон — хоть и не понимал ни слова — обнаружил, что невольно подается вперед.

— Столько лет. Столько всего было, — поворачиваясь от священника, Симона вполголоса переводила.

— Скажите, что я ценю его усилия. Скажите, что все, что бы он не вспомнил, будет обращено на пользу нашего дела, — сказал Хьюстон.

Симона заговорила по-французски. Священник ответил.

— Он помнит того человека, которого вы ищете.

Хьюстон взглянул на Дженис, с трудом сдерживая рвущуюся наружу радость.

— Он извиняется. Потому что помочь вам не может.

— Но почему? — удивился Хьюстон. — Если помнит?

— Он извиняется. Тогда тот человек был молод. И он сам был молод. Слишком многое произошло.

Хьюстон оцепенел.

— Что-то тут не так. Вы уверены, что он понял все, как надо?

— Да, абсолютно.

— Тогда, почему же...? Послушайте, спросите его вот что. Тот человек, что мне нужен, он до сих пор живет в этой деревушке?

Симона перевела. Священник покачал головой.

— А это что еще значит? — спросил Хьюстон. — Либо он не знает, либо не хочет говорить.

Отец Деверо закашлялся. Вытерев рот своим огромным носовым платком, он прикрыл глаза. Хьюстон, исполненный сострадания, содрогнулся. Симона быстро что-то сказала, и священник ответил коротко, видимо, очень конкретно.

— Кое-что я поняла, — сказала Джен. Но Хьюстон настороженно ждал перевода.

— Он ничего не знает, так, по крайней мере, отец Деверо говорит. Не знает, где живет этот человек, и жив ли он еще. Но главное — ему нет до этого дела. Рассказывая обо всем этом, он как бы нарушает свои обещания, но надеется, что Господь сделает ему скидку. Как пастор, он обязан непременно следить за каждым членом своего прихода, но в данном случае он снимает с себя все обязательства. Он должен любить созданную Богом душу, но обязан целоваться с человеком, в котором она живет. — В камине треснула искорка.

— Не понимаю, — проговорил Хьюстон.

Священник снова принялся говорить. Голос его становился все глуше и глуше. Затем он так жестоко закашлялся, что у Хьюстона все зазвенело внутри.

— Он говорит, что ему пора отдыхать. Он не в состоянии больше отвечать на вопросы.

— Но...

— Тут еще вот что. Он говорит, что все, что он знает об этом человеке, он услышал на исповеди. Очень много лет назад; с той поры многое изменилось. Он все еще помнит времена, когда мясо по пятницам считалось смертным грехом. Или пропуск воскресной мессы. И развод. — Симона замолчала. — Он помнит времена, когда мог читать мессу полатыни. Он счастлив, что умрет раньше, чем произойдут другие изменения. Но для него сама сущность осталась неизменной. Он не может открыть тайну исповедовавшегося. Таков закон.

Хьюстон пристально смотрел на священника, сидящего возле очага. Мудрое лицо вглядывалось в него, старческие глаза горели странными огнями. Хьюстон вздохнул и медленно покивал головой.

Отец Деверо повернулся к Симоне, чувствуя, что сил на то, чтобы разговаривать с ней с глазу на глаз у него не осталось. Тон был отеческим. И хотя Хьюстон изо всех сил старался понять, что он ей говорит, плотные камфорные пары сбивали и отвлекали его. Наконец, он сдался и перестал напрягаться.

Джен вдруг задохнулась, — шокированная, обескураженная, ошеломленная — сказать было трудно.

Священник замолчал. Симона наклонилась, чтобы поцеловать ему руку. Он благословил ее. Женщина помогла ему встать. Пит поблагодарил его, хотя за что — так до конца и не понял.

— Помоги тебе Господь, — ответил по-французски отец Деверо. Ухватившись за кушетку, он сделал шаг, перехватил ручку кресла и шаркая ногами, вышел из комнаты.

Выйдя из пропитанного камфорными парами дома приходского священника, Хьюстон стал полной грудью вдыхать свежий воздух позднего полдня в саду.

— И что теперь? — спросил он.

— Деревенский секретарь, — предложила Симона. — Они направились к железным воротам в садовой стене.

— Последнюю часть вы почему-то не перевели, — напомнил Симоне Хьюстон.

— Это личное.

— Еще в отеле вы колебались, приводить нас сюда или нет.

Женщина кивнула. Хьюстон толкнул створку ворот и пропустил ее вперед.

— Вы, наверное, поняли, что он говорил о разводе, — проговорила Симона, наконец.

Пришла пора кивать Питу.

— В общем, когда я поехала в Беркли, я там вышла замуж. Но все было напрасно. Мы не сошлись.

Значит, дело было вовсе не в студенческих беспорядках... Симона вернулась во Францию из-за разрушенного брака и развода.

— Он говорил о том, что я должна прийти на исповедь и что он помолится за меня.

6

Подвал здания деревенского суда находился возле реки. Влагодой было пропитано все. Деревянный пол казался мягким, влажная конторка липла к рукам. От бумаг, сложенных в деревянные короба, покрывавшие ряды полок на стенах, исходил запах сырого сероводорода.

Хьюстон наблюдал за клерком, который смотрел на него прищурившись и категорически покачивал головой, напоминая американцу сержанта с кладбища и священника:

— Нон, мсье.

Человеку было далеко за пятьдесят, он был тучен и понятлив. На ланч он поглощал колбасу. Хьюстон за несколько шагов учуял чесночный перегар, смешанный с табачной вонью и прокисшим винцом.

Хьюстон сочувствовал ему. Они находились здесь уже в течение часа. Попросили клерка проверить налоговые декларации на Пьера де Сен-Лорана, но подобного человека в списках обнаружено не было. Тогда они принялись за списки имен людей, которым принадлежала близлежащая пахотная земля. И вновь ничего.

— Эстиль морт? — полюбопытствовал клерк и тут же пожалел о сказанном. Позже, он хотел прикусить себе язык, потому что подобная идея означала новую работу, розыск в папках со свидетельствами о смерти за многие годы. Он вздохнул и начал выставлять на конторку коробки с папками.

Хьюстон знал, что подобная работа может выполняться только служащими муниципалитета, но клерк великодушно принял их предложение о помощи.

На самом деле клерк просто оставил все свое хозяйство на откуп Симоне, Питу и Дженис. А сам лишь щелкал подтяжками по полосатой рубашке, оттягивая и отпуская их, и покачивался с пяток на носки. И постоянно поглядывал за спину Хьюстона, туда, где на стене висели запыленные часы.

Пит мог читать по-французски, хотя говорил не очень хорошо, но с документами разбирался с трудом. Бумаги прилипали друг к другу, и любое неосторожное движение руки могло разорвать их напополам. Чем дальше в глубину времени удалялись они, тем светлее становились чернила, и каждый писака карябал на листах по-своему. Они с Дженис постоянно обращались к Симоне за комментариями и объяснениями. Восьмидесятые, семидесятые, затем шестидесятые годы. В каждой коробе бумаги были сложены по алфавиту, но все Сен-Лораны были свалены в кучи без разбора, алфавит имен не соблюдался. В промозглом подвале, без окон, со светом, жидко льющимся с потолка от пары запыленных лампочек, у Хьюстона вновь разыгралась страшная головная боль. Он внезапно понял, что щурится.

— Я бы сейчас выпила, — сказала Джен.

— И не раз, — ответил Пит. — Мы просмотрели всего лишь половину бумаг. О, Боже, нет, больше, чем половину. — Он ошибался. Им оставалось просмотреть всего лишь три короба. Он взял 1953-й, Симона 52-й, а Дженис 51-й.

— Где же пятидесятый? — удивился Хьюстон.

Клерк был озадачен.

Симона перевела. Служащий пустился в пространное объяснение.

— Больше бумаг нет, — сказала Симона Хьюстону.

— Как так?

— Записи заканчиваются на пятьдесят первом году. Все правильно. Я совершенно позабыла.

— Что позабыли?

— Был большой пожар. Теперь я вспомнила. Как раз в пятидесятом. Я тогда была совсем ребенком, но помню, как мать носила меня смотреть. Пламя превратило ночь в день.

— Сгорело здание суда?

— Старое, но очень элегантное, настоящее здание суда. Не то, что этот дурацкий склад. Кто знает, что там случилось. Может быть, кто-то кинул не потушенную сигарету, или была

повреждена электропроводка. Кто знает? Но ущерб был колоссальный. Сгорело все до тла. Мать принесла меня посмотреть, и я глазела до тех пор, пока не заснула у нее на руках и она не отправилась домой. Но утром мы снова пришли вместе с ней, от здания кроме остова, ничего не осталось. Несколько месяцев подряд, проходя мимо пепелища, я ощущала во рту привкус дыма.

— Но все-таки что-то должно было остаться?

Она молча посмотрела на него.

7

Они шли по покрытой булыжником улице. Небо было оранжевым, но в этом месте дома загораживали вид на закат, сгущая ранние сумерки. Прищурившись, Хьюстон наблюдал за теньями, vyplывающими из речного тумана, который поднимался вверх и зависал над деревьями в дальнем конце улицы.

— Ну, мы по крайней мере постарались, — проговорила Джен.

Держа ее руку в своей, он апатично кивнул, размышляя над личностью Пьера де Сен-Лорана.

— Похоже, что этот человек просто-напросто испарился.

— В Америке вы бы сказали, что произвели выстрел с дальним прицелом, — сказала Симона. — Но против вас оказалось слишком много обстоятельств.

— Но кто-то же должен его помнить! — проговорил Пит голосом, дрожащим от ярости.

— Совершенно не обязательно, — пожала плечами Симона.

Хьюстон зыркнул на нее.

— После войны большинство деревень оказалось в кошмарном состоянии, воспоминания о том, что в них произошло, казались людям невыносимыми, — объяснила Симона свои слова. — Потерявшие дом, родителей, знакомых, родственников, они решали начать жизнь сначала в другом месте. Вы американец и не поймете этого. Вам повезло: на вашей земле войн было раз-два и обчелся. Но здесь, во Франции, мир — довольно редкий гость. Война длилась целыми веками без перерыва. — Она замолчала; глаза ее были печальны. Это довольно трудно объяснить. Представьте себе вашу Гражданскую войну, Джорджию после нашествия войск Шермана. Не осталось ни единого поместья. Ни единой

травиночки в поле не растет. Полный разгром. А теперь вообразите, что через тридцать семь лет вы приезжаете в эту самую Джорджию. И начинаете искать человека с совершенно обыкновенной фамилией, жившего в деревушке, находившейся на пути движения войск Шермана. Неужели вам не очевидна абсурдность этой затеи? Разве вам покажется странным то, что его никто не может вспомнить?

— И все-таки должно что-то проклюнуться.

— Неужели чувство долга настолько сильно? Вам так хочется его отблагодарить?

Хьюстон едва не рассказал ей об истинной причине своих поисков. Но внезапно что-то внутри него захлопнулось. Собственная неуверенность и нежелание делиться своими мыслями встревожила его. Самому себе он объяснил это как невозможность высказывать вслух свои воспоминания. Глубочайшие чувства, столько сдерживаемые внутри, были крайне болезненны.

— Тут, я думаю, дело в чести.

Симона озадаченно нахмурилась.

— Завтра можем сходить в полицию.

Джен удивленно уставилась на француженку.

— Зачем это?

— Раз уж вы так решительно настроены.

Хьюстон почувствовал огромную, опустошающую усталость. Он был благодарен Симоне за то, что она вывела их с узенькой, покрытой булыжником улочки на дорожку, находящуюся напротив парка. Тени исчезли. Закат был ослепительно, завораживающе красив. За тихим парком туман, поднимающийся над рекой, был пастельно-оранжевых тонов.

— Прямо, как у Сезанна, — проговорила Джен. «Зачем мальчишечьим горестям позволять портить настоящее? — думал Хьюстон. — Я здесь. Прекрасная страна. Вкусная пища, приветливые люди. Зачем позволять прошлому уничтожать спокойствие сердца? Здесь и сейчас — вот, что имеет значение. И вино — добавил он. — Да, еще вино».

— Давайте-ка выпьем, — сказал он. — Вы поужинаете с нами, Симона?

— Благодарю, но я нужна отцу. Меня чересчур долго не было. Может быть, как-нибудь в другой раз, перед вашим отъездом.

— Тогда завтра.

— А как же полиция?

— Я думаю, что не стоит туда ходить. Вряд ли они чем-нибудь смогут помочь. — Рука Джен все также лежала в его ладони. Он почувствовал, что напряжение постепенно покидает ее. — Я вам заплачу. Правда, расценок не знаю...

— Мне было необходимо попрактиковаться в английском. Все бесплатно.

Пит понял, что женщина надеется на то, что он не станет спорить. Усталость боролась с твердым намерением во что бы то ни стало отыскать могилу отца. «Но, в конце концов, — сказал Хьюстон самому себе, — я сделал все, что мог». Какая разница в том, что он проиграл? Никакой. Вообще. Поход на могилу сопровождался бы сплошными волнениями и переживаниями.

Зайдя в гостиницу, Пит повернулся к Симоне, намереваясь поблагодарить ее. Но не успел. Потому что безупречно одетый, с золотой цепочной, свисавшей из кармашка жилетки, отец Симоны как раз подходил к их небольшой компании. Подтянутый, аристократического вида, с умными и озорными глазами. Которые тотчас же стали круглыми от ужаса, когда Симона объяснила, где они были.

Мужчина побледнел.

— Комментарий? — Он в полной панике повернулся к Хьюстону и прошептал: — Куи? — Голос его выдавал неподдельную тревогу.

— Пардон?

— Пьер де Сен-Лоран? — В глазах пожилого человека светился ужас.

— Уи.

Отец заговорил с Симоной. Резкие, отрывистые фразы сыпались с такой скоростью, что Хьюстон не мог понять ни единого слова. Симона нахмурилась.

— В чем дело?

— Отец сожалеет, что ничего не знал. Он говорит, что мог бы помочь, предупредить, сберечь вам уйму времени и оградить от неминуемых бед. Бед, которые должны в скором времени произойти. Слышите?

8

Пришлось подождать. Несмотря на то, что отец Симоны был невероятно возбужден и безумно хотел все им объяснить, он не мог пренебречь своими обязанностями гостиничного управляющего и должен был проследить за тем, как серви-

рован ужин. С невероятной неохотой он отошел от Джен и Хьюстона.

— Попозже, — сказал старик по-французски, — поговорим об этом попозже. — Он пошел было прочь, но тут же раздосадованно и встревоженно вернулся. — Долго, — сказал он и повторил, — лонгемент. Потому что вам придется многое понять.

Огромный холл напомнил Питу, насколько он сам мелок. Кожа начала чесаться. Он почувствовал спиной чей-то взгляд. Это уходила Симона.

— Подождите, — попросил Питер.

— Я должна помочь отцу.

И вот Пит и Дженис остались в одиночестве. Приглушенные звуки, доносящиеся из столовой, казалось, издавались привидениями. Хьюстон почувствовал себя в пустоте, в полной изоляции и от людей, и от окружающей обстановки, ощущая себя в ином, ирреальном мире.

Загудел лифт. Клеть опустилась и металлическую панель кто-то отодвинул. Постоялец в черном галстуке и костюме прошествовал мимо Пита и Джен, направляясь в обеденный зал. Он прошел достаточно близко от Хьюстона, так что тот смог учуять запах талька — он был лилейным. В то же самое время Пит видел человека будто бы издалека, словно смотрел на него в широкий глаз телескопа.

«Нереально», — подумал он.

— Что тут происходит? — обратился Пит к Дженис.

— Петер Лорре.

— Чего?

— Агент в бюро путешествий не упомянул о международном заговоре, когда продавал нам билеты.

— Судя по всему, мы всколыхнули какое-то болото. Может быть, старинный скандалчик?

— Мы кое-что всколыхнули, это точно. И что нам теперь делать?

Посмотрев на джинсы, в которые и тот и другой были одеты, супруги поняли, что переодеться им хочется ничуть не больше, чем ужинать.

Но они заставили себя подняться наверх и надеть что-то более строгое и официальное, затем снова спустились в столовую. Квиш был превосходен, но Хьюстон даже не мог оценить его по достоинству. Желудок свело от нетерпения, словно он ждал нужный телефонный звонок, который постоянно откладывается. Занятые своими мыслями, они задумчиво пили кофе, но управляющего так и не было нигде видно.

Симона тоже куда-то исчезла. Пит с Джен вышли прогуляться и двигались под желтыми фонарями, вдыхая поднимающийся с реки мозглый туман. Созвездия холодными кристаллами повисли над их головами.

Вернувшись в гостиницу, они увидели поджидавших их у конторки Симону и ее отца. Они были взволнованы и очень напряжены, Хьюстон с женой подошли к французам. До сего момента отношения между управляющим и Хьюстоном складывались крайне просто: хозяин и уважаемый гость. Теперь же отец Симоны стал доверенным лицом, другом.

— Жак Монсар, — представила его Симона. Имя, столь обыкновенное, казалось, совершенно не подходит небольшому стареющему человеку столь аристократической наружности. Хьюстон тряхнул его руку и был приглашен — крайне вежливо, но почему-то очень уж мрачно — выпить в кабинете или в принадлежащей управляющему квартире, бренди.

На первом этаже ближе к черному ходу там, где была надпись, что проход категорически воспрещен, находились две комнаты. Хьюстону не удалось увидеть ту комнату, которая, по его предположению, являлась спальней. Зато гостиная оказалась просторной и хорошо обставленной, — несколько отлично подобранных антикварных вещей: стулья, столы и лампы. Просто, элегантно и очень дорого. Наибольшее впечатление на Хьюстона произвела общая атмосфера комнаты, — неяркое освещение, легкие полутени и обивка мягких нежных тонов.

Бренди оказалось лучшим из всего, что он когда-то пробовал. Пока он смаковал напиток, налитый в хрупкий бокал, часы пробили сначала десять, затем половину одиннадцатого.

— ...Он был дьяволом. — Голос Монсара завораживал. Говорил он по-французски, Симона переводила. — Поймите, это крайне важно, — продолжил управляющий. — Ни один мужчина, настоящий мужчина, не стал бы вести себя так, как он. Он был мальчиком двадцати одного года. Но его действия простить нельзя. Он был дьяволом. — Монсар формулировал свои мысли крайне осторожно. — Тысяча девятьсот сорок четвертый год. Вы слишком юны, чтобы это помнить. — Он употребил местоимение «вы» не только как форму вежливости, но еще и для того, чтобы включить в категорию слушателей Симону и Дженис. — И не можете представить себе, как это могу сделать я, какие тогда были времена. Эта гостиница была командным пунктом для наци. В этой самой комнате немецкий генерал собирал совещания

для разработки тактических маневров и планирования боевых действий против союзников.

Монсар замолчал. Увидев, что бокал Хьюстона пуст, он наклонился и налил еще брэнди. Пит закурил, не отрывая взгляда от лица Монсара.

— Здесь, в этой комнате и в столовой, в свое время питались немецкие офицеры. Чтобы разместить штабистов, были конфискованы все лучшие дома вдоль реки. Солдаты разбили лагерь и стояли в парке, по берегам реки и в полях. На каждого жителя деревни приходилось по три дюжины фашистов. Куда ни кинь взгляд — везде их форма, шлемы. И их танки, их пушки, их... машинная смазка, вот что мы вдыхали вместо воздуха. Выхлопы их механизмов. Пот. И еще что-то едкое, не поддающееся описанию, что я под конец определил как страх: он исходил как от немцев, так и от селян.

Вспомнив это, старик поджал губы. Глубоко вздохнул.

— Еды в деревне даже для кормежки жителей не хватало, да еще и немцы оказались не так уж хорошо снабжены продовольствием. Чтобы воевать, им была необходима еда, и поэтому они обыскивали наши дома. Все забрали, обнаружили все наши тайные склады продовольствия. Ничего нам не оставили. Люди начали голодать. Мы потеряли силу и уже не могли обслуживать немецких офицеров с той быстротой и эффективностью, которой они от нас требовали.

Монсар впервые выпил глоток из своего бокала. Подержав брэнди на языке, он всматривался наполненными горечью глазами в видения далекого прошлого.

— Пьер де Сен-Лоран, — наконец, произнес он.

У Пита на затылке зашевелились волосы.

— Мы вместе ходили в школу. Были друзьями. Частенько играли и жалели, что мы не братья. Он был высок, строен, очень хорош собой, и по нему вздыхали все деревенские девушки. Он обманул кучу девчонок, пообещав на них жениться. Можете представить ярость их отцов. Из-за этого я потерял к нему доверие.

«Значит, все-таки местный скандальчик, — подумал Хьюстон. — Деревенский повеса. Ничего удивительного в том, что священник не захотел ничего говорить.» Вновь его бокал опустел, и вновь Монсар его наполнил. Комната плавала в дыму.

— Ходили слухи, что в деревне где-то спрятан провиант, целый склад. Глухой ночью — немцы очень любили терроризировать спящих — они его разграбили. Склад продо-

вольствия обнаружили за потайной дверью в подвале, а позже, утром, на мосту расстреляли всех живших в этом доме, даже двоих маленьких детишек. Всей деревне было приказано смотреть. Затем тела швырнули в воду, и они поплыли по течению. Все поняли, что на склад кто-то их навел, ибо как в таком случае его так легко и так быстро обнаружили? Информатором оказался Пьер, хотя в то время я еще об этом не знал. Все это было настолько подло и гадко, что я никак не мог сообразить, кто же на подобную пакость решился. Наплевать на то, что спрятавшие еду были эгоистами и ни с кем не хотели делиться. Это другой, совершенно другой грех, и с ним надо разбираться отдельно. Но информатор, доносчик, спутавшийся с немцами, совершил грех куда более тяжкий.

— Затем пришли союзники, — продолжил старик. — Отклонившись на север, они провели наци, бывших в полной уверенности, что в этой деревне они остались для противника незамеченными. И поэтому они хотели застать союзников врасплох, преградив им путь. Но немцы не знали того, что союзников предупредили. Наци проиграли битву, хотя потери с обеих сторон оказались невероятно огромными!

— Союзники? Но кто же их предупредил? — раздался голос Хьюстона в полной тишине.

— Правильно, — кивнул старик. — Вы все поняли.

— Пьер?

— Ночью он проскользнул через немецкие траншеи. Добрался до постов союзников. И добился успеха. Все рассказал. И незамеченным пробрался обратно.

На сей раз тишину нарушила Джен.

— Но зачем? — Старик нахмурился. — Если он сотрудничал с немцами. Зачем ему это понадобилось? — повторила она. — Помогать союзникам ему не было никакого смысла.

— Ку эст, се куэ се? — спросил отец Симону.

Она перевела, и он кивнул.

— Уи. Се илложик. Но отсутствие логики — одна лишь видимость. На самом деле она была, он преследовал свои корыстные интересы. Так как для всех нас он оставался верным гражданином, и никто не подозревал в нем предателя, то этот поступок возносил Пьера на недостижимую высоту, делая из него героя. О, он праздновал победу. Он хитрил. Стал в наших глазах патриотом и подмял под себя очередную порцию девушек.

Старик посасывал брэнди, сосредоточенно глядя в окно, в темноту ночи, словно она являлась для него экраном, на котором возникали образы прошлого. Хьюстон услышал резкий крик какого-то животного и подумал, что для ночной птицы охота сегодня оказалась удачной. Он почувствовал внезапный холод, и даже свежий глоток брэнди его не согрел.

— Да, Пьер был умен, — сказал Монсар. — Он боялся, что мы его подозреваем и планируем месть. В общем, чтобы защититься, он должен был сделать себя неуязвимым для обвинений, должен был продемонстрировать «искреннюю» лояльность. А, может быть, немцы просто оказались недостаточно щедрыми. Или же Пьер думал, что союзники могут заплатить много больше. Из алчности он искал более доброго хозяина. Но я не верю в то, что союзники ему платили. Американцы уважали бескорыстие и патриотизм, двигавшие поступками людей. Они считали, что француз должен передавать им немецкие секреты из одной только любви к свободе. Представляю себе, насколько разочарован был Пьер. Но я учитываю еще одно существенное обстоятельство. — Глаза старика потемнели, словно от долгой и безнадежной болезни, которой он изо всех сил сопротивлялся.

— Хочу предложить вам совершенно иное толкование его поступка. Дьявольщина! Видите ли, меня всегда озадачивал тот факт, каким образом Пьеру удалось пробраться через немецкие линии. Так легко. И с тем же изящно и красиво проскользнуть обратно. Давайте-ка предположим, что наци заплатили ему за то, чтобы он доставил информацию союзникам. В следующей битве, которая произошла в пятидесяти милях отсюда, союзники были разбиты. Американцы проиграли сражение, потому что у немцев оказалась тайная информация. Вы, наверное, слышали о подполье. Я, как и Пьер, был членом подпольного комитета. Когда союзники захватили нашу деревушку, то американцы сделали в этой самой комнате командный пункт и собрали совещание, на которое были приглашены члены подпольного центра. Нам сказали, что очень важно каким-нибудь образом проскользнуть сквозь немецкие посты, пробраться на их позиции и посмотреть, каковы их силы. Мы все сделали, ценой невероятных усилий, это был величайший момент в истории нашей деревни, но информация наша оказалась неверна. Когда союзники начали атаку, то они наткнулись на укрепления и поняли, что их ждали. Я был уверен в том, что предателем является Пьер. Либо он снова поменял цвет, либо был немецким агентом все это время. Я считаю, что

на нем лежит кровь тысяч солдат. На нем одном. Он был невероятный, полнейший эгоист. Заботился всегда только о самом себе.

— Не хотел бы показаться неучтивым, — прервал его Пит, — но хотелось бы получить доказательства.

Симона перевела.

— Доказательства? — Лицо старика передернуло гримаса отвращения. — Он исчез в утро наступления союзников, в то утро, когда их силы были разбиты. Собрал вещички и был таков. Куда он подался никто не знает. Но причина его отъезда, несомненно только одна, — он совершил кошмарное преступление и убежал, опасаясь мести людей.

9

Когда лифт вез их наверх, Пит, не отрываясь, рассматривал убегающий вниз вестибюль. Он чувствовал себя настолько измочаленным, выпотрошенным, что ему какое-то время казалось, что это не кабина лифта поднимается, а люди внизу убирают огромный холл в подвал. Хьюстон закрыл глаза. Потеряв равновесие и ориентацию, он как можно сильнее старался вжаться в стенку лифта. Приступы головокружения и подташнивания закончились, но Пит с тревогой заметил, что совершенно мокрый от пота.

— Ты, по-моему, здорово напился, — заметила Джен. — Практически в одиночку прикончил бутылку брэнди.

Хьюстон собрал остатки сил и моргнул. Он увидел появившийся перед глазами коридор. Желудок пришел в нормальное состояние только тогда, когда лифт, наконец, остановился. Сделав внушительный вдох, он оторвался от стены.

— Нужно выспаться, — сказал он. — Мне следовало лучше поесть.

Потянув за решетку, Пит услышал царапанье металла о металл и, остановившись, посмотрел на жену с болезненным смятением.

— Мы слушали его в течение двух часов. То, что он говорил, казалось совершенно убедительным, тебе не показалось? Но если спросить меня сейчас, то я с полной уверенностью смогу сказать лишь то, что в один прекрасный день его приятель исчез. Почему он скрылся, мы точно не знаем. Вся речь Монсара — сплошные догадки и умозаключения.

— Нет, нам известно еще кое-что, — проговорила Джен. — Перед исчезновением Сен-Лоран пошел к священнику. И исповедовался.

Хьюстон немного расслабился. И вновь его охватила непреодолимая усталость.

— Если исповедь как-то и связана с исчезновением, то я этого пока не усматриваю. И доказать все это мы не в состоянии.

— А для меня подобная связь яснее ясного.

— Потому что ты католичка. Разумеется, для нас, американцев-протестантов, исповедь кажется чем-то странным, необычным. Но не для католиков Франции в 1944-м. Эти люди постоянно обращались к священнику, чтобы он выслушал их. Во время Второй Мировой войны, когда вокруг было столько смертей, они должны были исповедоваться дважды в день. — Хьюстон только сейчас понял, что до сих пор сжимает ручку двери лифта. Он открыл ее и отступил назад, давая Дженис проход.

Но женщина осталась в лифте.

— Я совсем не это имела в виду, — сказала она.

Пит нахмурился.

— Тогда что же?

— Сен-Лоран не был обычным мальчиком из церковного хора. Ему нравились девчонки. Он вырос и сразу же очутился по уши в... беде. Помнишь, Монсар упомянул несколько скандальчиков? — Хьюстон кивнул. — Как ты думаешь, стал бы Пьер каяться в подобных грехах?

— Если он думал, что его прегрешения всем давным-давно известны, тогда ему не было смысла скрывать их от священника. Ему бы не повредило признание в том, что он сладострастен.

— Верно. Священник мог посулить ему жизнь в аду. Но какого рожна переться на исповедь, если собираешься рассказывать лишь о тех грехах, о которых всем давным-давно известно? Неужто отца Деверо шокировала бы обыкновенная похоть?

— Вряд ли. Священники являются спецами по части человеческой природы. Поэтому признание в грехе похоти как бы предполагается с самого начала.

— Очень хорошо, — сказала Джен, и глаза ее посуровели. — Тогда объясни-ка мне, что в таком случае показалось отцу Деверо настолько отвратительным и омерзительным, что он до сих пор вспоминает то признание на исповеди и

презирает молодого человека, пришедшего к нему за отпущением грехов?

Хьюстону показалось, что лифт падает вниз и стремительно вышел в коридор. Джен пошла за ним, крепко держа мужа за руку.

— И еще вот что, — добавила она. — По рассказу Монсара выходит, что Пьер не был чересчур набожным. Это моя догадка, но я сомневаюсь, что он очень часто ходил на исповеди. Но в тот самый день он пошел на исповедь и рассказал священнику все.

— Но почему?

— Потому что Пьер де Сен-Лоран был напуган до смерти. Он настаивал на отпущении грехов, пока с ним не произошло чего-нибудь ужасного. — В полной тишине, царившей в коридоре, супруги внимательно вглядывались друг в друга. — И отец Деверо — единственный, кому известна эта тайна. — Джен помолчала и затем продолжила. — И это вовсе не похоть, я уверена. И об этом он ни за что не скажет.

Хьюстон моргнул. Звук колокольчика в лифте обескуражил его. Кто-то внизу, в холле, нажал кнопку вызова. Но лифт не пошел. Хьюстон задвинул металлическую решетку и услышал, как замок защелкнулся. Заскрипели тросы, загудел наверху мотор, и кабина стала опускаться.

— Мы тут всех разбудим, — сказал Пит. Они прошли по коридору. Хьюстон услышал, как кабина добралась до вестибюля и там остановилась. Послышался звук отодвигаемой решетки, сильно напоминающий вождение ногтя по доске. И вновь раздалось гудение мотора.

— Это глупо, — сказал Хьюстон. — Чего мне волноваться? Просто поздний посетитель возвращается домой, чтобы придавить хорошенько.

— А вот сейчас уже ты начинаешь пугать меня, — проговорила Джен.

Когда они подошли к двери своего номера, лифт остановился на их этаже. Хьюстон принялся лихорадочно копаться в карманах в поисках ключа. Двери лифта кто-то распахнул единым рывком. Хьюстон взглянул в коридор. И едва не расхохотался.

Постоялец в черном галстуке и вечернем костюме, пахнувший лилейным тальком, который сегодня проходил в холле мимо Пита, вывалился из лифта, невидящими глазами взглянул на Хьюстона и Джен и, едва не потеряв равновесие, захлопнул решетку и, спотыкаясь, поплелся в противоположный конец коридора.

— Слишком воображение разыгралось, — рассмеялся Хьюстон и чмокнул Джен.

— Хочешь заняться этим прямо здесь? — ухмыльнулась жена.

Пит покачал головой и повернул ключ в замке. Они вошли в номер. Было темно; лишь из коридора падал луч света, резко очерчивая силуэты вошедших.

— Все дело в том, что меня совершенно не интересует, что там в конце концов наделал Сен-Лоран. Я всего лишь хочу узнать, где же на...

Вспыхнул свет, и Хьюстон осекся, не договорив предложение.

10

Они оба устали и улеглись на кровать. Опершись на подушки, на ней лежал человек и в свою очередь рассматривал супругов.

Лет тридцати пяти, с квадратной челюстью, с тонким носом, и коротко остриженной шевелюрой, зачесанной справа налево мужчина казался больным, наверное потому, что из-за щетины у него был серый цвет лица. Одет он был во все темное: морской свитер, шерстяные брюки и ботинки на каучуковой подметке.

Пораженный Хьюстон почувствовал закипевшую горячую панику. Слишком много всего свалилось на него одновременно. Вцепившаяся в его руку Джен дрожала от страха. Растерявшийся Хьюстон не знал, как ему поступить, — звать ли на помощь, убежать ли, схватив Джен за руку, звонить ли по телефону, а, может быть, следовало броситься на этого мужчину и начать с ним драться. Воля Пита превратилась в колесо с соскочившим приводным ремнем и крутящимся свободным ходом. Затем оно, это колесо, замедлило движение, остановилось, и Хьюстон, окаменев, застыл.

— Закройте, пожалуйста, дверь, — произнес мужчина глубоким спокойным голосом. Сказал по-английски, хотя и с сильным, но не французским, акцентом.

Слишком много всего. Хьюстон не мог шевельнуться, он задыхался, чувствуя, что не в силах сделать даже вдох.

— Пожалуйста, — повторил мужчина, — дверь закройте.

— Нет, — сказала Джен.

Пит машинально хлопнул дверь, прежде, чем сообразил, что именно он сделал.

— Пит! — закричала Джен и постаралась схватиться за ручку.

Но Хьюстон поднял руку, чем сразу же остановил ее. Он сверкнул на мужчину.

— Ну, закрыл.

Мужчина на кровати смерил его взглядом, а затем медленно выдохнул воздух из легких.

— У вас должно быть классное основание для подобного... — сказал Хьюстон.

— Я вызываю полицию, — бросила Джен. И пошла в другой конец номера.

— Я бы не стал этого делать, миссис Хьюстон.

Когда женщина схватила трубку, мужчина прыжком сорвался с кровати. Глаза Джен расширились от страха. Она стукнулась спиной о стену. Мужчина нажал на рычаг и вырвал трубку из ее руки.

Пит прыгнул вперед.

— Черт побери, а ну убери лапы! Я суну эту засраную трубку тебе в..!

Мужчина обернулся к нему и поднял телефон, как дубинку. Хьюстон с ужасом смотрел в самые холодные, самые бесчувственные глаза, которые ему когда-либо приходилось видеть. Он мгновенно остановился. И в отчаянии отступил.

— Не стоит усложнять и без того сложную ситуацию, — произнес мужчина.

— А ну говорите, какого рожна вам нужно?

Мужчина поставил телефон на место.

— Я-то считал, что это и так понятно. Такого же, как и вам. Рожна под названием Пьер де Сен-Лоран.

В мгновение это имя выкинуло из головы Хьюстона все остальные мысли.

— Вы знаете, что мы его разыскиваем?

— Это знают все, — ответил мужчина.

— Но как..?

— Клерк, в бумагах которого вы рылись. У него такая скучная жизнь. Поэтому он развлекается тем, что пускает время от времени различные слухи по нашей деревушке. И вот сегодня двое американцев поставили его в затруднительное положение. Для него ведь имя Сен-Лорана ничего не значит — пустой звук. Но вот старики — те помнили. И хотя прошло тридцать семь лет, упоминание об этом человеке

взбудоражило городок. Поэтому нет ничего удивительного в том, что я узнал о ваших поисках.

— Это не дает вам никакого права...

— Миссис Хьюстон, вы ужасно выглядите. Почему бы вам не сесть? Пока мы поболтаем. — Перед этим мужчина употребил слово «старик» и сейчас — «поболтаем». Идиома была английской, отнюдь не американской.

Хьюстон взглянул на Джен, глаза которой были сейчас не столь напуганными, сколь настороженными. Она держалась от мужчины на расстоянии и обошла стул сзади. На одно-единственное жутковатое мгновение Питу показалось, что она готова распахнуть дверь. Но жена тут же села.

— Вы, наверное, полицейский, — предположил Пит. — Человек...

— ...очень заинтересованный — ничего больше. Не стоит напускать таинственности больше, чем это дело заслуживает. Просто я тоже ишу этого человека.

— Почему?

— Не могу ответить на ваш вопрос. Дело крайне деликатное. Личные мотивы.

— Не скажете? Но ведь вы просите помочь?

Мужчина засмеялся, но без намека на радость или облегчение. Звук сильно смахивал на чахоточный кашель.

— Нет, вы не поняли. Именно я хочу предложить вам помощь. Ведь в своих поисках вы зашли в полный тупик. Но я могу помочь вам перелезть через глухую стену.

— Как и почему?

Человек вздрогнул.

— Почему? Потому что мои усилия пропадают даром. Вполне возможно, что вы со свежим взглядом на вещи разглядите нечто такое, что ускользнуло от моего внимания. А как? Очень просто. Я дам вам адрес. Есть такой городок — Ронсево. Рю (улица) Габриель. Сто тринадцать.

— Он там живет?

— Никаких вопросов больше. Теперь у вас есть все, что вам необходимо знать.

— И что будет, если я его отыщу?

— Скажете мне.

— Но каким образом я отыщу вас?

— Вам и не придется. Я сам наведуясь.

Мужчина осторожно двинулся к двери.

— Запомните. Ронсево. Рю Габриель. Сто тринадцать. — Он зажал ручку двери в кулаке. — Мистер Хьюстон. Миссис Хьюстон.

Поклонившись, он выскользнул из двери.
Дверь захлопнулась. Щелкнул замок. Пит взглянул на
Джен и резко бросился к дверям. Рывком распахнул их.
Коридор был пуст.

11

— Питер, пора с этим делом завязывать.

— Что?

— Я боюсь.

Сосредоточившись на подъезде к повороту, Хьюстон не смог взглянуть в ее сторону. «Ситроен» очень легко повернул и понесся по прямому участку шоссе. Пит опустил стекло и вдыхал свежесть раннего утра — влажную, прохладную. Оторвав взгляд от полей и оград, Пит посмотрел на жену, — она была пепельного цвета.

— Я тоже, — сказал он. — Но это не значит, что надо сдаваться.

— Это простое упрямство.

— Ты чертовски права в этом вопросе. Но больше всего я зол. Вчера утром я проснулся в надежде увидеть могилу отца. Но повсюду, куда бы я не обращался, меня ждал от ворот поворот. Я выслушивал тысячи обоснований того, почему я не могу увидеть могилу отца. На кладбище, например, дражайший Эндрюс счел меня психом ненормальным. Затем я встретился с замечательным священником, который со мной даже разговаривать не захотел. Потом клерк, бумаги которого оканчиваются пятьдесят первым годом. Монсар, изобретающий фантастические истории о сорок четвертом годе. А затем какой-то засранец, прикурнувший на нашей кровати, который, видимо, считает себя полуночным посланником или чем-нибудь в этом же роде.

— Я настаиваю на том, чтобы обратиться в полицию.

— Да ты только поразмысли хорошенько. Мы же с тобой полночи об этом говорили. Копы вполне возможно никогда этого парня не найдут. Но предположим, что все-таки найдут. Единственное, что можно вменить ему в вину — вторжение на чужую территорию. Но нет никакого доказательства, что он вломился в наш номер. Мы проверили наше барахло — ничего не пропало. Поэтому копы захотят узнать, что же он там у нас делал. Что мы с ним обсуждали, о чем говорили. Представь-ка их реакцию, когда они узнают, в чем дело. Исчезнувшая могила. Селянин, испарившийся в сорок чет-

вертом. Будут с нами обращаться, как тот управляющий кладбищем. Решат, что я свихнулся.

— Мне было бы спокойнее, если бы мы с ними побеседовали.

— Да с чего ты взяла, что нам что-то угрожает? Нас никто не запугивал. Кроме того, на время расследования придется оставаться в городе. Но ведь мы должны через десять дней лететь домой. Мне хочется всю эту историю как можно скорее закончить и насладиться остатком нашего отпуска.

— Нет, тут не только это.

«Ситроен» мягко катился по двухполосной дороге. Солнце встало, потеплело. На полях по обеим сторонам дороги работали фермеры. Хьюстон пожал плечами.

— С чего ты взяла?

— Ты ведь тоже признался, что боишься.

— Потому что меня что-то беспокоит. И, главное, я не понимаю толком, что именно. В общем необходимо выяснить все до конца. Если Пьер де Сен-Лоран был хотя бы в половину таким эгоистом, каким его расписал Монсар, то почему же у него хватило времени написать моей матери и сообщить ей о том, что он ухаживает за могилой отца? И после этого он внезапно исчезает. Я уверен, что ответ на этот вопрос очень прост. Но я не смогу спокойно заснуть, пока его не услышу. Тем не менее я прекрасно понимаю, — и это меня приводит в ужас, — что не будет этого простейшего ответа, не будет вообще никакого.

— Хорошо, тогда пообещай.

Он внимательно посмотрел на жену.

— Я не стану жаловаться, — продолжила Джен. — Заткнусь и буду кататься с тобой, сколько тебе влезет. В Ронсево останусь в стороне и подожду, пока ты вволю не наговоришься. Но уж если ничего не отыщешь, будь добр, пообещай, что на этом все завершится, что ты прекратишь пудрить мозги и мне и себе...

— ...и доставишь меня в прекрасные и удивительные места! — Хьюстон расхохотался. — Так я же этим и занимаюсь. Слушай, это же настоящее приключение!

— Обманщик. — Дженис тоже расхохоталась.

И тут же в жарком, тошнотворном страхе он услышал ее крик. Нога судорожно навалила на педаль акселератора. «Ситроен», дернувшись, рванулся вперед, и Пита вжало в сидение. Непослушными руками крутанул руль. Машину

резко занесло вправо, а затем влево, и только после этого он смог выровнять ее.

Он быстро взглянул на Джен. В темных, огромных, бездонных глазах стоял безумный страх. Лицо было перекошено и совершенно бескровно. Ее крик превратился в беспомощный стон.

Ему нужно было смотреть, куда он едет. Когда балочные перекрытия старинного моста приблизились, Хьюстон услышал рядом какой-то рев. Слева. Он и раньше его слышал, но тогда рев раздавался сзади, за машиной. В зеркальце заднего обзора он увидел фургон, который рванул ближе, козырек над водителем сидением был опущен, и Пит не смог рассмотреть лица шофера.

И вот теперь фургон неумолимо мчался рядом, — огромный, черный, и с таким грохотом, что Хьюстон едва слышал вопли Джен. Ее панический страх передался ему. Обе машины мчались к мосту.

Мост был старым, на одну полосу, с каждой стороны его подпирали огромные балки. Когда Хьюстон, заморгав, пошел ему навстречу, то ему показалось, что он едет сквозь туннель. Пролетев мимо дорожного знака, Пит, даже с его слабым знанием французского, ясно понял, что английским эквивалентом ему будет: «ПРОЕЗДА НЕТ».

— Блин, да что же за чертовня случилась с... — Но договорить ему не удалось, потому что фургон вильнул в сторону, сталкивая «ситроен». И весь ужас заключался в том, что там не было никакой дороги! Ряд сосен оборвался справа. Перед ними распахивалась пропасть, ведущая в реку.

— Пит!

Фургон столкнулся с «ситроеном», послышался резкий металлический грохот, потрясший машину. Слишком поздно Хьюстон вспомнил о тормозах. Узкий проход впереди страшил, Пит чувствовал, что превращается в камень. Он понял, что может только править и ехать вперед. И снова фургон врезался в «ситроен». Хьюстон ощутил удар. Дверца с его стороны вдавилась в кабину. Если ему не удастся вывернуть, он в лепешку расшибется о мост. В мозгу промелькнула картина: машина разваливается на куски, они с Дженис прошибают ветровое стекло, вылетая вперед.

Хьюстон так до конца и не понял, что произошло. Фургон промчался сквозь бутылочное горлышко въезда на мост и дальше. Хьюстон, как в невесомости, увидел распахнувшееся небо. Падающий автомобиль начал клониться вниз, задрал

задние колеса. Берег реки стремительно приближался, и Пит задохнулся от ужаса, разглядев под собой пенящуюся реку.

Пустота. Немота. Свист несущегося мимо воздуха. К собственному удивлению Хьюстон почувствовал смутную эйфорию, тишину, безмолвную умиротворенность.

Несмотря на то, что поверхность реки казалась мягкой, машина словно въехала в бетонный блок. Удар заставил распахнуться челюсти Хьюстона. Отдача снова сомкнула их, вспарывая язык. Его рука рванулась вправо, защищая Джен.

А затем он начал кашлять, задыхаться. Зрение пропало. Как и дыхание. Не говоря уже о движении. Казалось, все встало с головы на ноги (а может и наоборот), и Пит понял, что перевернулся. Легкие отвергали воду, которую он вдыхал. Чем больше он кашлял, тем больше воды струилось ему в глотку. Глаза его были распахнуты, но грязная илистая вода казалась хуже слепоты. Опускаясь куда-то, Хьюстон думал только о том, что сходит с ума.

Непослушными дрожащими руками он пытался расстегнуть ремень безопасности. Оказалось, что он его и не застегивал. Пит принялся рвать ручку двери, но она словно примерзла, видимо, дверь заклинило. Он почувствовал, как рядом с ним шевелится Джен. Протиснувшись в окно — Хьюстон неожиданно вспомнил, что оно было открыто — он рванулся к небу вверх, словно это была единственная щель, оставшаяся ему в жизни. Ремень зацепился за раму. Пит уперся ногой в руль. Ударил, что было сил и внезапно почувствовал себя свободным. Плечом он процарапал по скале. Его подхватил поток. Он плыл вверх, а грудь разрывалась, и тьма сгустилась. Он слышал неясные, глухие отголоски каких-то звуков, ревающих в ушах.

Ему нужно было дышать, просто дышать. Это было необходимо, и инстинкт возобладал. Хьюстон вырвался на поверхность и наконец-то вдохнул в себя воздух. Он выплыл в ослепительный солнечный свет, на прохладный, сладкий, чистый, живительный воздух.

Он вволю надышался и молотил по воде руками, стараясь держаться на поверхности. А затем нырнул, чтобы взглянуть на Джен. О, черт, она все еще была внизу.

Хьюстон решил подождать. Он ждал и ждал. Но поток уносил его вниз по реке, и тут он понял, что ждать дальше — глупо. Задержав дыхание, несмотря на слабость, он нырнул на дно, помогая себе руками.

Живот свело. Он согнулся пополам, уткнувшись головой в колени. Прохладная вода успокоила его душу, а тело онемело от холода. Хьюстон почувствовал сонливость. Затем перед ним возникла фигура, обрамленная сияющим нимбом, и он понял, что это его отец.

12

Смерть оказалась вовсе не такой, какой он себе ее представлял. Вовсе не темная и не ужасающая, оказалось, что она мягкая, успокаивающая и милая. Его вел — ввел в нее — отец. Хьюстон вовсе не ощущал никакого страха. Он столько вопросов хотел задать отцу. Плача, Пит понял, что как и в детстве, смотрит на него снизу вверх. Любимый, обожаемый отец стоял, нависая над ним, и яркий нимб, который не позволял различить черты его лица, обрамлял его голову. Хьюстон попытался вытянуться, чтобы увидеть все, как можно отчетливее, отчаянно пытаясь разглядеть, что же происходит, напрягая кончики пальцев, и его жутко злила рука, схватившая его за плечо из-за спины. Эта рука пыталась утешить его куда-то. Он сбросил ее к чертям. Но рука нажала еще сильнее.

— Отпусти! — заорал он в ярости. Хьюстон неверными шагами пробирался к своему отцу. Но тут же другие руки стали хватать его за плечи, талию, укладывать куда-то. Он пытался сопротивляться. Он дергался, — но бесполезно.

— Отпустите! — истерически кричал он. Зрение было замутнено. Глаза набухли слезами.

— Это же мой отец! Как вы не понимаете! — Но руки не отпускали его. Они терзали его и старались опрокинуть назад. — Помогите! — кричал Хьюстон, обращаясь к отцу. Но отец смотрел на него равнодушными, безразличными глазами. — Хватит! Больше не могу! — завопил Хьюстон. Отец пристально изучал его. Затем, пожав плечами, отец поднял правую руку, медленно качнул ею в безмолвном прощании, мягко повернулся и ушел. Спина его размывалась вдаль, поглощалась туманом.

— Ты обязан мне помочь! — завопил Хьюстон. — Ведь ты же мой отец!

Но отца он не винил. Шумы поглотили его, Пит пытался взять себя в руки и обратил всю свою оставшуюся злобу на тех, кто старался его задушить и удержать.

Его пронзил свет. Затопили звуки. Он попытался защитить глаза, чтобы удержать слезы. Но кто-то схватил его за руки и прижал их к чему-то твердому.

— Сволочи! — заорал Хьюстон.

Затем он вспомнил о Джен и о том, как он старался ее спасти, и его скорбь по погибшему отцу сменилась благодарностями Богу за то, что она осталась жива.

— Тебе удалось! — говорил он. — Боже, ты не представляешь, как я напугался! — Она стояла очень близко, наклонившись над ним.

— Джен, я тебя люблю.

И тут ее шевелюра потемнела, а лицо стало более вытянутым и глаза — более печальными. Эта женщина была не Джен, и все же она его знала.

— Пожалуйста, вам необходимо отдохнуть, — сказала женщина.

Пит увидел, что она придерживает его руки вниз. Он заерзал, стараясь освободиться.

— Вам необходимо расслабиться, — сказала она ему. — Ваши бинты съедут. Не напрягайте ребра. — Он почувствовал, как на лоб надавили, а грудь что-то пронзило. Сквозь тело пронеслась боль, похожая на жало огромного шмеля.

— Господи. — Корчась от боли, Хьюстон огляделся и увидел врачей, медсестер. Но он никак не мог понять, что же они говорят. Французский. Так-то. Они говорили по-французски.

— Где Джен?

Никто не ответил.

Хьюстон стал переводить взгляд с одного лица на другое. И остановился, наконец, на лице знакомой ему женщины, но это была не Джен.

— Симона?

Печальноглазая кивнула. Хьюстон сглотнул.

— Джен?

Женщина соболезнующе покачала головой.

— Нет, нельзя! — крикнул Хьюстон. — Не она! Не может же она..! — Симона продолжала смотреть на него. Морозящий ужас прихватил его сердце. Яростный страх не отпускал. Пит рванулся с кровати. — Так где же, черт побери, она?!?!?!?

Комната пришла в движение. К нему полезли врачи и медсестры. Хьюстон попытался их отбросить и пролезть между ними.

— Джен?! Где?!?!?

Укол. Это игла. Слева медсестра. Игла входила ему в руку. Он почувствовал, как в поток крови влилась новая жидкость.

— Нет! Джен! Я должен..!

На него навалилась усталость. И схватился за голову. Рухнул на подушки. Симона наклонилась над ним. Натянула простыню ему на подбородок. Лицо ее исказилось, удлиннилось, закачалось, словно она вошла в воду.

— Я останусь с вами, — сказала она.

Но в мозгу Хьюстона вода неслась к нему потоком. Он услышал дальний приглушенный крик. Его охватила тьма, и он утонул.

Часть вторая

13

Горе поглотило его. Ему было наплевать на то, где именно он был, сколько времени находился без сознания и сколь тяжелы были его раны. Несколько отчаянных дней Хьюстон уверял себя, что все его невзгоды были нереальными, что Джен была жива, а просто он видел кошмар во сне — вот и все. Но память не давала ему покоя, и скорбь, казалось, было невозможно вынести. Пит не сомневался в том, что разум его даст трещину. Но затем что-то в нем надломилось. Горе окутало его, сохраняя силу, надежду и волю к жизни. Слезы разрушили все. Казалось, что поток волнится.

Он лежал на кровати в темноте. И слышал льющуюся воду. Громыхание?

Гром.

Значит, ночь. Фонарь показывал, что дождь струится по стеклу окна, отбрасывая мозаичную сетку на потолок.

Вспыхнула молния, и он увидел комнату: витиеватую резьбу на деревянных стенах, пышное старинное бюро, огромную разлапистую кушетку.

Гром грохотал. Направо от Хьюстона дверь в завитках дерева распахнулась. В проем метнулся свет. Тень какой-то женщины заполнила просвет. Но это была отнюдь не медсестра, да и дом оказался не больницей. Из соседней комнаты доносилось потрескивание бревен в камине.

Женщина подошла ближе. Она стояла против света, черты лица различить было невозможно. Вспомнив свой кошмар, Пит почувствовал себя выбитым из колеи, ему казалось, что фигура наплывает на него.

Он пристально посмотрел на нее. Черт побери, правильно, ведь это не Джен! Сердце безудержно колошматилось в груди. И внезапно остановилось. Потому что женщина повернулась к окну в профиль. И в свете молнии Хьюстон узнал ее.

— Симона! — Его голос едва было можно узнать.

Она повернулась и всмотрелась в его лицо в полнейшей темноте.

Задыхаясь, Пит протер вспухшие глаза.

— Я-то думал, что вы... — Он не смог произнести имени жены. Горло захлопнулось болью.

Симона посмотрела на него с жалостью. Зажгла лампу, стоящую на углу столика. Ее свет был мягким и отражался золотистыми искорками в чистом, голубом зеркале.

Пит смущенно сморгнул. Горло горело огнем.

— Где я?

— В гостинице. В комнате моего отца.

Она подошла к нему. Свернула пробку с запечатанной бутылки с водой, налила стакан и поддержала его руку, когда он взял его, чтобы выпить. Он почувствовал распухший язык, поглощающий влагу.

— Нельзя сразу много, — сказала Симона. Губы его ощущали резкое и острое шипение.

— Я лежал в больнице. — Он рухнул обратно на подушки. Но его утверждение было в то же время и вопросом. Он не был до конца уверен в том, что находился в том здании и видел всех тех людей... видел ли?..

— Врачи для вас ничего больше не могли сделать. Лишь покой. Отец сказал, что мы вполне сможем наблюдать за вами здесь. Он чувствует себя обязанным. Ему до сих пор стыдно.

— Из-за того, что тот мужчина оказался в нашей комнате?

— Это дом моего отца. Его постояльцы находятся под его опекой.

— Он никак не мог знать того, что... Это не его вина... Но все-таки поблагодарите его от моего имени. — Дождь рухнул на оконное стекло.— Расскажите мне, что же в конце концов произошло.

— А мы-то надеялись, что вы нам расскажете, — произнесла женщина. — Вас обнаружил на берегу реки один фермер. Он решил, что вы мертвы, но прибывший затем врач «скорой помощи» вас откачал. Полиция проверила дорогу и нашла то место, где вы сломали ограду. Команда подводников нырнула к вашей машине. — Симона потерла плечо и уставилась в окно.

— И?

— Мне очень жаль. Но ваша жена так и осталась внутри салона.

Пит закрыл глаза.

— Мы слышали о вашем несчастном случае по радио. Отец не мог оставить отель, он настоял на том, чтобы я пошла к вам. Остальное вам известно. Как только это стало

возможно, я привезла вас сюда. Вас здесь навещает врач. У вас рана на голове. Небольшое сотрясение мозга, плюс поломанные ребра. Чувствуете, как их стягивают бинты?

— Нас кто-то скинул в дороги, — произнес Пит, вспоминая. Симона непонимающе уставилась на мужчину. — Фургон. Огромный, квадратный, мощный фургон. Однополосный мост, а эта скотина старалась нас обогнать.

— Полицейские хотели с вами побеседовать.

— Они ничем не помогут. Я ведь не запомнил номера. Им не отыскать этот фургон.

— Видимо, кто-то здорово выпил или торопился.

— Нет. Все было подстроено заранее. — Симона замерла.

— Кто-то сделал это нарочно. — Глаза Хьюстона засверкали.

— У вас сотрясение. Вам это все кажется.

— В нашей комнате прятался незнакомец. Он же мог позвонить или же послать курьера. Но он решил встретиться с нами тайно. Я не смогу доказать даже его приход к нам в номер. Когда я описал его, ваш отец не признал этого мужчину. Он спрашивал, кто бы это мог быть?

— Никто его не узнал.

— Я так и знал. Итак, какой-то незнакомец отсылает нас в городок, находящийся в сотне миль отсюда, и по дороге мы попадаем в аварию. Если бы я погиб, то вы бы никогда не узнали, что приключилось на самом деле. Но я выжил и теперь могу сказать, что это была не случайность. Водитель хотел спихнуть нас с дороги. Сделал это намеренно. Фургону не было никакой необходимости нас обгонять.

— Но ведь все это лишено смысла. Кому понадобилось вас убивать? Зачем это?

— Пьеру де Сен-Лорану. — Хьюстон наблюдал за женщиной, понимая, что сейчас он представляется ей сумасшедшим. — Я точно знаю, — продолжил он. — Все началось тридцать семь лет назад. Кому какое дело до того, что произошло в те времена? А если кто-то этим заинтересуется, то его придется остановить. Потому что для кого-то это значит довольно много. Все.

— Вам необходимо отдохнуть.

— Послушайте. Пообещайте мне. Пообещайте, что ответите меня туда. В Ронсево. Мне хочется узнать, кто же живет по тому адресу.

— Да не могу я вас так...

— Обещайте.

— Поговорим после. — Она устало посмотрела в окно.

— В чем дело? — спросил Хьюстон.

— Да не время сейчас...

— А ну-ка, подробнее.

— Мне придется задать вам один вопрос. Хотела бы я этого не делать. — Хьюстон нахмурился. — Это даже не вопрос... Но, вы поймите..., необходимо все подготовить. — Хьюстон все еще не понимал. — Ваше посольство сделало запрос. У вашей жены не было ни родителей, ни детей. Не осталось никого, кто мог бы подписать...

— Что подписать?

— Документы.

Воцарилось молчание.

— Где бы вам хотелось ее похоронить?

— О, Господи. — Хьюстон не смог удержать слез. Он заплакал. Он плакал и плакал. И думал, что слезы никогда не кончатся.

14

Гроб медленно провалился под пол. Пита передернуло. Под ногами что-то загремело. Гроб исчез. Крутящаяся панель выдвинулась наверх и закрыла напольный люк. Со щелчком зашла в пазы. Гудение замолкло. В комнате воцарилась тишина.

Хьюстон повторял бесконечно: старайся не думать о том, что там, внизу, произойдет... происходит. Но тут он услышал — или решил, что услышал — какой-то посторонний звук, зловещий, мерзкий, под ногами, рычание пламени... как дома, в каминной трубе.

Ему отчаянно хотелось уйти. Отвернувшись от пурпурных бархатных драпировок, от столбиков, доходящих до пояса и соединенных кручеными веревками, ограждающих место, где стоял гроб, он, как старик, прошаркал подошвами по идеально-гладкому полу.

Вся в черном, за его спиной стояла Симона. Рядом с ней в трауре переминался с ноги на ногу отец. Хьюстон вздрогнул, увидев их, в щеках напряглись мышцы. Распорядитель шагнул вперед и мрачно поклонился. Если мсье соблаговолит прийти утром...

Хьюстон, кивнув, пробормотал:

— Благодарю.

Но горло ему свело настолько сильно, что голос сорвался. Зрение померкло. Зал превратился в серый туманный замок. Пит испугался, что вот сейчас грохнется в обморок. Согнувшись, он протянул к Симоне руку. Она подхватила его. Монсар быстро взял его под другую. Отец и дочь повели Хьюстона к выходу.

Он с трудом понимал, что его ведут по коридору. Затем открылась какая-то дверь, и ему в глаза ударил солнечный свет. В полуобморочном состоянии Пит опустил веки. Ступени, дорожка, затем трава. Он рухнул на бетонную скамью, и опустил голову между коленей.

— Со мной все будет в порядке, — сказал он своим провожатым.

Но скорбь вырывалась из него. Ему казалось, что сердце не выдержит и разорвется.

Затем кто-то крепко обнял его. Хьюстон сморгнул слезы с глаз. Симона обнимала его одной рукой. Пит рыдал, не в силах себя сдержать.

— Вы должны понять. Джен хотела, чтобы все произошло именно так.

— Вам нет нужды объяснять.

— Она заставила меня пообещать... Что я еще мог сделать? Я обязан чтить и уважать ее желания. Кремация. — Хьюстон сжал кулаки и застонал. — Если бы я похоронил ее во Франции, то, что бы я стал делать, вернувшись домой? Мне необходимо видеть ее могилу. И мне нужно было бы приезжать для этого во Францию. — Он зажал глаза руками.

— А что было бы, если бы я похоронил ее дома? Тогда мне пришлось бы лететь с ее телом в Штаты, и мне было бы наверняка не вернуться сюда. — Он с трудом задышал.

Симона отстранилась от него. Ее голос был мягок и нежен.

— А что в этом плохого? Принимая во внимание происшедшее здесь, я не думала, что вам захочется вновь видеть эти места.

— Я должен остаться.

— Зачем?

— Затем, чтобы узнать, кто старался заткнуть мне рот, когда я задавал вопросы. Если же я уеду, то задача этого человека будет выполнена. А я ему такого удовольствия доставить не могу.

Женщина нахмурилась.

— Вы до сих пор верите...

— В то, что Джен убили? Без сомнения.

— Но полиция провела расследование. Доказательств никаких. Они проверили тот адрес, что вы им дали. Никто никогда не жил там по фамилии Сен-Лоран. Они и фургон разыскивали. Прошлись по всем авторемонтным мастерским, на тот случай, если кто-то ремонтировал боковое крыло. Но ничего не отыскивали.

— Не сомневаюсь, что они считают этот фургон моим изобретением. Я же видел, как они на меня смотрели. Считаю меня истериком... Видимо, думают, что я был просто пьян, потерял управление, а потом придумал всю эту историю с фургоном, чтобы скрыть собственную ошибку.

Симона покачала головой.

— Они вам поверили. Это действительно был наезд.

— Не только наезд. Я знаю. И не уеду отсюда до тех пор, пока не узнаю, почему моя жена умерла. Она была хорошей женщиной и никому не причинила зла. Я любил ее. И эта сволочь за то, что с ней сотворила, — заплатит. — Стальные нотки в голосе изумили его самого. Ярость вытеснила скорбь. Он вовсе не хотел ничего такого. Потому что злость уродлива. Но он держал ее под своим полным контролем.

Монсар сказал что-то по французски. Симона ответила. Затем взглянула на Хьюстона.

— Отец прав. Я не понимаю, почему вы считаете...

Продолжать ей явно не хотелось. Хьюстон тяжело устал вился на нее.

— Продолжайте, — сказал он.

— Если вы не можете довериться полиции, если вы считаете, что они затратили на ваше дело недостаточно времени, то почему вы решили, что сможете сами справиться с этим делом? Вы — в единственном числе, и я, простите, считаю, что вы не очень-то понимаете, что делаете.

Хьюстон горько усмехнулся.

— Но судя по всему, я справляюсь со своей задачей не так уж плохо, иначе бы на меня не стали наезжать. И я продолжу свои поиски. Буду задавать вопросы и дальше и поеду туда, куда поведут меня ответы. Я уже и так очень близок к разгадке. Это по крайней мере мне понятно.

— Если вы правы, — не буду притворяться, что верю вам, — то вы впутываетесь в опасную игру. И вполне возможно, что в следующий раз вам может и не повезти.

Хьюстон стиснул зубы.

— Хотите знать правду? По идее я должен быть по-черному напуган. Но все дело в том, что я чувствую такое дьявольское опустошение и такую чертовскую злость, что вовсе ничего не боюсь. Надеюсь, они вновь захотят меня остановить. И таким образом объявятся. Покажут себя. И я смогу переломать их паршивые шейки.

Женщина вздрогнула.

— Жена мертва. И у меня есть два пути. Либо отправиться домой и горевать до конца дней своих, либо остаться здесь и узнать, зачем и почему ее убили. Что бы вы сделали на моем месте? Уехать в Штаты и не попытаться даже... — Его глаза молили. — Помогите мне!

15

Хотя здания в Ронсево были старше, да и архитектура, несомненно, европейская, все же это место напомнило Хьюстону некоторые провинциальные города с мельницами на окраинах, которые ему приходилось видеть в Пенсильвании. Даже природа была схожей. Густо покрытые лесом большие холмы, через которые протекала грязная издыхающая река, а в центре узенькой долины — Ронсево, который от холма до холма накрывала тяжелая шапка индустриальных выхлопов. Эту часть Франции Хьюстон бы с удовольствием опустил, но с тех пор, как Дженис умерла, воспоминания о девственных деревенских пейзажах оказались оскверненными, и этот грязный городок вполне соответствовал чувствам и мыслям Пита.

Ему объяснили, что здесь в основном производят бумагу, и он чувствовал запах горькой, едкой кашицы. Прищурившись, Пит наблюдал за фасадами домов, покрытых серым, пепельным налетом. Глаза начали слезиться, разъедаемые сыплющимся с неба порошком. Закрыв окошко со своей стороны, Хьюстон повернулся к Симоне.

Она сидела за рулем белого «рено» последней модели. До поездки она спросила его, не хочет ли он сам вести, но ребра Хьюстона, когда он поднимал руки, все еще болели. Однако гораздо хуже было то, что теперь он боялся водить машину, в нем проснулся «страх пережитого». Пит сел на переднее сидение рядом с Симоной и стал давать указания, сверяясь по карте, пока Симона маневрировала в плотном дорожном движении. Въехав в город, они стали пробираться сквозь узенькие — даже главные и те отличались этим

грехом — улочки. Мрачные дома как бы давили на машину с обеих сторон. Пит разглядывал табличку за табличкой. Полдень, а ядовитый смог наглухо отгородил от них солнце.

— Представляю себе, каково здесь жить, — сказал Пит.

— Что еще хуже, — у этих людей нет выбора. Вам стало неприятно, что вы сюда приехали?

Вместо ответа Хьюстон ткнул куда-то в перекресток.

— Отсюда налево. Видите?

Женщина, разглядев знак, гласящий: Рю Габриэль, кивнула.

Пит почувствовал, как злость подстегивает его. «Скоро, скоро», — думал он.

Машина завернула за угол и попала в старинную часть городка. Дома, казалось, клонятся вперед. Усталые. Деревянные, замызганные, с облупливающейся краской.

Хьюстона затрясло. Стоящий на улице старик казался нездоровым и даже заразным. На домах практически отсутствовали номера. Пятьдесят пять. Затем восемьдесят третий, девяностый, девяносто шестой. Цифры устало висели на дверях. Но заметив сто тринадцатый дом, Пит почувствовал, как сильно заколотилось сердце.

Симона проехала мимо.

— Подождите.

— Надо отыскать место, где можно припарковаться, — объяснила она.

Хьюстон обернулся, стараясь рассмотреть, есть ли в доме квартиры. Там были старые каменные ступени и деревянная арка. Казалось, что все окна на четырех этажах закрашены. Либо они в действительности были закрашены, либо их никогда не мыли. Впереди из-за угла вывернул грузовик. Узкая улочка позволила разъехаться двум машинам, но грузовик процарапал «рено» по переднему бамперу. Когда он дернулся вбок, Симона резко нажала на тормоз, до отказа вывернула руль и аккуратно поставила автомобиль на парковку, от которой только что отъехал грузовик.

Хьюстон поразился ее мастерству. Женщина сделала вслед грузовику неприличный жест. Несмотря на свое состояние, Хьюстон рассмеялся. Симона удивленно посмотрела на него и тоже расхохоталась.

— Водить я училась в Сан-Франциско, — объяснила она.

— А я думал, что учеба происходила на грузовых линиях. Слава Богу, что за рулем сидел не я.

— Лучше машину запереть. В этом районе, если ее не разберут к нашему приходу на детали, будем считать, что нам здорово повезло.

— Словно я снова дома. — И тут он пожалел, что вообще приехал во Францию: если бы они этого не сделали, Джен была бы жива.

— Вы побледнели, — встревоженно сказала Симона.

— Просто на ум пришла мысль, к которой я вовсе не был подготовлен. — Он вышел из «рено» и запер за собой дверцу. — Давайте осмотрим здание.

Пит нетерпеливо ждал, пока Симона обойдет машину и присоединится к нему. Они двинулись по грязной улице. Прошли мимо трех хулиганов, поведших носами в сторону Симоны. Добрались до номера сто тринадцатого.

Хьюстон осмотрел мутные окна, прищурившись, заглянул в темноту разбитого деревянного подъезда, сделал глубокий вдох и пошел по ступеням вверх.

За аркой находилась пыльная дверь. Пит повернул ручку. Дверь со скрипом отворилась. Они вошли в неосвещенный коридор. В ноздри ударил запах сырости, плесени и, если он не ошибся, — мочи. Справа открылась дверь. Небритый лысый мужчина, выходя из помещения, застегивал молнию. За его спиной Хьюстон разглядел два унитаза, со свисающими сверху цепочками для спуска воды.

Мужчина удивленно остановился. В замешательстве ухмыльнулся.

— Пардон, мадам. — А дальше Хьюстон понял. — Я не слышал, как вы вошли.

— Жассете. — Симона быстро заговорила по-французски. Лысый ей что-то ответил.

Хьюстон напряженно ждал.

Симона развернулась к нему.

— Это здание под офисы. Он говорит, что сторожит его. Очень много незанятых офисов, поэтому он боится, что вскоре здание продадут. А он потеряет работу. — Небритый лысак все так же нервно ухмылялся. — Он думает, что мы пришли, чтобы купить этот дом.

— Спросите его.

— О Сен-Лоране? — Симона повернулась к мужчине. — Пьер де Сен-Лоран?

— А, уи. Же ле коннэ.

Хьюстон внезапно почувствовал обжигающую боль в желудке.

— Он сказал, что знает его? — Пит старался ничему не удивляться и держать себя в руках. — Но ведь полицию заверили, что здесь никогда не было никакого де Сен-Лорана.

— Ле ном. Же коннэ ле ном. Карантэ эт юн. — Мужчина услужливо закивал, показывая на деревянные ступени в глубине холла. — Иль э луи карантэ эт юн.

— Симона, переведите же!

— Сен-Лоран арендовал номер сорок один. Наверху.

— Бог ты мой! А он его видел? — Хьюстона разрывало на части, — ему хотелось одновременно и бежать наверх, и остаться здесь, чтобы выудить у сторожа как можно больше информации.

— Авец вуа лью ву? — спросила Симона. Сторож что-то ответил. Симона повернулась к Хьюстону. — Нет. Говорит, что инструкции он получал от агента, который нанимал офис. В них было сказано, чтобы кабинет был оставлен открытым, а ключи лежали на столе. Затем он получил другое послание, в котором предписывалось сменить вывеску на двери. Приходил почтальон с посылками.

— Так он наверху? — спросил Хьюстон. — Эс-иль-си?

— Жамэ, — ответил сторож, а затем произнес какую-то конструкцию посложнее.

— Что там?

Симона объяснила.

— Он говорит, что Сен-Лоран здесь никогда не бывает. Офис не нужно убирать. Посылки остаются нераспечатанными.

— Что за чертовщина? — Хьюстон взглянул вверх по лестнице. И задрожал.

— Питер?

Хьюстон услышал за спиной какие-то шаги, но не повернулся на звук. Сжимая перила рукой, он перескакивал через две ступени одновременно. Лестница скрипела. Перила ходили ходуном. Наверху тусклая желтая лампочка освещала еще один коридор.

— Питер?

Он наконец-то обернулся. Сзади спешила Симона.

— Полиция была здесь, — рывкнул Хьюстон. — И ничего не узнала. Этого мне не понять. Но это доказывает, что в ту ночь ко мне действительно кто-то приходил.

— Я в этом никогда не сомневалась.

— Тогда вы будете моим свидетелем, когда мы пойдем в полицию. Я бы сам ни за что не связал это место с пребыванием здесь Сен-Лорана, если бы мне кто-нибудь об

этом не сказал. Вы приехали со мной сюда и знаете, как трудно отыскать этот дом. У меня должны были быть инструкции. Кто-то должен был указать мне, где именно искать.

— Я же сказала, что верю вам.

Разговаривая, они взбирались все выше. Дойдя до третьего этажа, Симона с Питом обнаружили что на площадке не вкручена лампочка. Темнота взволновала Хьюстона.

Затем следующий. Наконец, они поднялись на четвертый этаж.

16

Пит остановился. Здесь не раздавалось ни звука, хотя с улицы был хорошо слышен грохот проезжающих автомобилей. Хьюстон вдохнул запах сырости и плесени. Он ожидал самого худшего, ему казалось, что коридор стал намного длиннее. Но неловкость сменилась злобой, и он решительно отправился искать офис.

Номер сорок первый оказался в дальнем конце коридора. Прищурившись, Пит прочитал вывеску «ИМПОРТЕЙШНЗ, СТ. ЛОРАН», выведенную с помощью трафарета по матированному стеклу.

Хьюстон постучался. Ответа не последовало. Он повторил стук и когда опять никто не ответил, крепче ухватился за дверную ручку.

Симона взяла Пита за руку.

— Вы уверены? — спросила она. — Если то, о чем вы думаете, правда, тогда вы в опасности.

— Мы оба, — ответил Хьюстон. — Знаете, я как-то не подумал... лучше бы вам подождать где-нибудь подальше отсюда...

— Вы, верно, шутите. Неужели вы считаете, что я смогу остаться где-то поблизости в одиночестве...

— Мне необходимо это сделать! Я задолжал Джен. — Хьюстон толкнул дверь. Раздался скрип проржавевших петель, и их взорам открылся офис, состоящий из единственной комнатки. Дверей в другое помещение не было. Два матированных окна.

Хьюстон вошел. Почувствовал, как Симона вцепилась ему в руку, но даже не взглянул в ее сторону. Все внимание он сосредоточил на офисе. В левой стороне комнаты было

абсолютно пусто. Справа расположился грязный деревянный шкаф. Пит просмотрел все ящики — пусто.

Впереди стоял древний стол, на котором были отчетливо видны потеки от бутылей и стаканов. Еще более четко вырисовывался телефон. И три небольшие посылки с проштемпелеванными марками.

Хьюстон обошел стол и уставился на посылки. На них было напечатано ПЬЕР ДЕ СЕН-ЛОРАН. Пит поднял одну.

— Тяжелая. — Хьюстон потряс посылку. — Ничего не шибуршит. Интересно, что в ней.

Поставив посылку на место, он поднял трубку телефона и удовлетворенно кивнул, услышав гудок.

— Работает. Значит, кто-то им пользуется. — Вот и все. Кроме задрипанного стула с кожаной обивкой больше в комнате ничегошеньки не было.

— И что теперь? — спросила женщина.

— Хочу проверить, что в посылках.

— Хотите сказать, что откроете их?

— Нет, не хочу. Не хочу, чтобы узнали, что мы сюда заходили. На двери написано импорт. Но я почему-то сомневаюсь. Или же дела идут настолько дерьмово, что он помирает с голода. Это местечко предназначено не для ведения дел.

— Для чего же?

— Пока не знаю. Может быть, это передаточный пункт: скинул посылку — забрал...

— Посылку или послание?

— Может быть и то и другое. Но посмотрите: марки проштемпелеваны несколько дней назад. Если же начинка действительно ценна, тогда почему никто не пришел и не забрал их? — Хьюстон потряс вторую посылку. — Вполне возможно содержание героина или же денег. Или — черт побери меня совсем — просто книги. — Он сложил губы трубочкой. — А может быть ничего противозаконного.

— А ведь офис не был закрыт, — пробормотала Симона.

— Давайте-ка лучше предположим, что эти посылки не имеют никакой ценности. Черт побери! — рявкнул Хьюстон, — мы не узнали ничего нового. Можно было остаться внизу...

— Есть мысль. — Пит упорно смотрел ей в лицо. — Вы все так же полны решимости?

Хьюстон кивнул.

— Мы можем подождать в пустом офисе дальше по коридору. Если кто-нибудь придет за посылками, мы за ним проследим. Это может быть Сен-Лоран. Или же тот, кто пойдет к Сен-Лорану.

Пит ухмыльнулся.

— Симона, это просто... — Он оборвал самого себя на половине фразы. Ухмылка исчезла. Он решительно повернулся к двери. В коридоре послышались скрипучие шаги.

Они не закрыли дверь. Симона отступила за спину Питу. Хьюстон моментально зашел за стол. Из коридора на них смотрел сторож.

— Са ва бьен? — глаза его были пусты, в них сквозил страх.

Хьюстон выдохнул воздух: он все понял. Ну, разумеется, этот мужик должен наблюдать за зданием. Теперь же он наблюдает за ними, — боится работу потерять.

— Скажите ему, что мы импортеры, — сказал Пит Симоне. — И что вернемся сюда, как только здесь кто-нибудь появится.

Женщина перевела, и они стали выбирать¹ся. Сторож смотрел не на них, а в офис.

— Мерси, — проговорил Хьюстон.

Они двинулись по коридору.

— Позже, — сказал Хьюстон мужчине. — Плю тард. — Они дошли до лестницы.

— Значит, теперь нам не удастся засесть в пустом офисе, — сказал Пит, обращаясь к Симоне. — Придется искать иной путь. — Они начали спускаться.

Сторож зашел в офис, проверяя, все ли на месте. И тут в комнате за их спинами зазвонил телефон. Хьюстон остановился и повернулся.

— Подождите, Симона. Слушайте и переводите все, что он скажет.

— Он может и не ответить.

Звонки прекратились. Тишина. Хьюстон напряженно ждал.

Вне поля его зрения сторож произнес:

— Уи.

Взрывом снесло стены. Крыша рухнула вниз. Коридор исчез. Взрывной волной Хьюстона понесло назад, вбило в стену.

Он рухнул вбок и застонал, когда стукнулся о ступени лестницы. Симона закричала. В воздухе запахло дымом и еще чем-то едким, острым и вонючим. Пит почувствовал жар на лице. Кусок стены рухнул рядом с его головой.

Что-то, извиваясь и визжа, упало на него. Хьюстон в панике повернул голову и увидел, что это Симона. В резком свете пламени, он увидел, что она вся в крови. Он сам тоже.

Пит закричал. Опаляющее пламя было совсем близко. Он покатился по лестнице на третий этаж. Взглянув наверх, он увидел, что пламя закрыло все, находящееся над ним.

Кашляя от дыма, Хьюстон почувствовал, как жар вонзился в него. Одежда стала горячей. Зрение сбилось.

— Нужно... — но он вдохнул порцию дыма и так закашлялся, что закончить предложение не смог.

Вместе с женщиной, они, оступаясь, принялись спускаться по лестнице вниз, вернее по тому, что от нее осталось. Один раз они потеряли равновесие. Потом им пришлось отшатнуться назад, когда перед ними грохнулся здоровенный пылающий кусок деревянной балки. Вцепившись в поручни, они смогли перебраться на другой этаж. Или постарались, по крайней мере. Потому что и так расшатанные перила оторвались, и Пит с Симоной упали на площадку. Хьюстон замычал от боли, пронзившей тело. Но пламя теперь взмывало над их головами.

— Вы в порядке? — спросил Пит у Симоны.

Белолицая Симона тряслась от ужаса. Она встала, но с большим трудом. Они продолжали спускаться. Через минуту им удалось выскользнуть из здания, отчаянно кашляя. На дороге они скорчились возле бампера машины. Начала собираться толпа. Люди бежали со всех сторон, горя желанием помочь. И сквозь рев языков вырывающегося пламени Хьюстон услышал далекий, но приближающийся вой пожарных сирен.

17

Утром начнем сортировать все это барахло, — сказал инспектор. — Но судя по силе разрушения, обнаружить что-нибудь стоящее вряд ли удастся.

Они сидели в узенькой комнатухе с семью столами. Возле Хьюстона двое полицейских торопливо кому-то называли. Смотря на них, Пит потер плечо.

— Получше вам? — спросил инспектор.

— Ноет, гадина.

— Ничего удивительного.

Санитары, прибывшие с каретой «скорой помощи», привезли Симону с Хьюстоном в приемный покой. Легкие ожоги. Контузии. Шок. Симона потянула кисть руки. У Хьюстона оказалось выбито плечо. Бинты, накрученные вокруг его раненых ребер, смягчили удар. И все-таки Хьюстон чувствовал, что все тело — с макушки до пяток — страшно ноет.

Да еще и сонный от лекарства, которым его напичкали. Пит не помнил, как день превратился в вечер и не мог восстановить поездку из больницы в полицейский участок. Он был в таком состоянии, что даже не удивился, когда инспектор полиции, назвавшийся Альфредом Беллэем, заговорил по-английски.

Но удивленный взгляд, мелькнувший на лице Симоны, заставил его встревожиться. Придя мгновенно в себя, Пит стал рассматривать этого высокого, стройного, приятного и хорошо одетого мужчину.

— Вы говорите по-английски? — спросил он.

— Именно поэтому мне и поручили ваше дело. Как только пожарники поняли, что вы американец, они моментально послали за мной. Много лет тому назад, еще в Париже, мне приходилось иметь дело с англичанами. Там и выучился языку.

У Хьюстона несколько прояснилась голова. Похоже, что этому человеку лет тридцать пять-шесть. Судя по всему, карьеру он начинал совсем юнцом и сильно отдал ком-то... ноги. Тогда-то его и перевели в Ронсево. Иначе, как еще объяснить то, что он живет здесь?

Альфред Беллэй спросил:

— Так, значит, вы считаете, что это была бомба?

— Не могу себе представить ничего другого.

— Утечка газа, например.

— Ничего подобного не почувствовал.

— Мадмуазель?

Симона покачала головой.

— Значит, вы подозреваете, что в посылках содержались взрывчатые вещества?

— В комнате мы проверили все... кроме посылок. Где же еще могла быть спрятана бомба?

— Зазвонил телефон...

— Верно.

— Сторож прошел в офис, собираясь ответить на звонок...

— Точно так.

— Он взял трубку, проговорил «да», и... — Беллэй поднял и развел руками, изображая взрыв.

— Именно.

— Значит, существуют две возможности. Бомба взорвалась сама по себе, случайно, без привязок ко времени вашего посещения. Это первая. А вторая — бомба взорвалась именно тогда, когда и следовало, запущенная в действие дистанционным управлением. Сам по себе телефон не мог бы запустить устройство. Потому что если бы это было так, то первый же звонок оказался бы фатальным. А я помню, что вы сказали о том, что телефон прозвонил дважды.

Пит кивнул.

— Значит, тот, кто звонил, хотел прежде всего удостовериться, что в офисе кто-то присутствует. Услышав голос, он нажал на кнопку, и сигнал на коротких волнах задействовал механизм взрывателя.

Хьюстон и сам об этом подумывал, но не хотел говорить об этом раньше времени, подозревая, что Беллэй поднимет его на смех.

— Но вы пока что не сказали, что там вдвоем делали, — продолжил инспектор.

— Мы пришли повидаться с одним человеком.

— Пожалуйста, мистер Хьюстон, — проговорил Беллэй, — как-то это у вас скучно получается: я задаю вопрос, и вы отвечаете ровно столько, сколько нужно. Ведь человек, вовлеченный в это дело, должен проявить абсолютную готовность к сотрудничеству. А вы знаете больше, чем говорите.

— Давайте, расскажите ему все, — сказала Симона.

Беллэй взглянул на женщину, и его брови поползли вверх.

— Так, значит, вы тоже говорите по-английски.

Симона кивнула.

— Ну, раз больше нет ничего, то хотя бы это в нас троих общее имеется. Так рассказать мне что именно? Давайте, заканчивайте.

— Нас кто-то хотел убить, — проговорил Хьюстон.

— Похоже на очевидность. А дальше? Почему?

— Мы разыскиваем одного человека. Пьера де Сен-Лорана. Который исчез в сорок четвертом году. Один человек предположил, что мы сможем отыскать его в том доме.

— Какой человек? Кто предположил?

— Мы не в курсе. Он не назвался. Оставил послание и смысл.

— И вот вы пришли в контору.

— Первый раз, когда я ехал сюда, со мной была жена. Случился инцидент. Дорожная авария. Жена умерла.

Беллэй пораженно смотрел на Пита.

— Это было убийство, я так понимаю? Принимая во внимание то, что здесь произошло?

— В этом нет никаких сомнений.

— Мне-то поначалу казалось, что все это выдумки, — встряла в разговор Симона. — Но теперь я полностью согласна с Питером. Его кто-то пытается убить. Чтобы он не отыскал Пьера де Сен-Лорана.

— А почему Сен-Лоран для вас так важен? — спросил Беллэй. Он внимательно всматривался в Хьюстона.

— Это довольно странно, — ответил Пит. — Отец мой был солдатом. Его убили в сорок четвертом. А этот Сен-Лоран ухаживал за его могилой. Я хотел было просто поблагодарить его.

Говоря все это, Хьюстон смотрел на рифленый пол. Он не знал, зачем врет, почему не признается в том, что ищет могилу отца. «Это слишком личное, слишком запутанно, — думал он. — Нет, тут замешано что-то еще. И этого чего-то ты страшно боишься. Не можешь встать с ним лицом к лицу.

— Принимается, — сказал Беллэй сухо. — Но ведь этот человек вовсе не нуждается в вашей благодарности. И вы сказали, что Сен-Лоран исчез в сорок четвертом.

— Правильно. И главное, чем больше тупиков встречается на моем пути, тем сильнее мне его хочется отыскать. Тут еще этот незнакомец отослал нас сюда, и...

Беллэй нахмурился.

— Здесь замешано что-то еще.

— Я вам правду говорю.

— Но всю ли правду? Взгляните на это дело с моей точки зрения. Этот случай бессмысленен. Зачем Сен-Лорану вас убивать?

— Это-то и сводит меня с ума! Я не знаю!

— Альфред?

Беллэй развернулся к полицейским, которые на протяжении всего разговора звонили по телефонам. Теперь один из них, обращался к инспектору.

— Уи? — сказал тот.

Разговор велся на французском. Казалось, что Симона чем дальше, тем становится все возбужденнее.

Беллэй повернулся к Хьюстону.

— Весь этот район принадлежит одному менеджеру, агенту по найму. Он проверил свои записи. Здание, в котором вы побывали, принадлежит «Верлен Энтерпрайзис», но они никогда не слышали о Пьере де Сен-Лоране. Но агент настаивает на том, что Сен-Лоран снял этот офис.

— Так значит агент может описать этого человека!

— Хотелось бы, чтобы все было так легко. Сен-Лоран проводил переговоры о найме по телефону и по почте. Оплату присылал в письме, в котором лежали наличные.

Хьюстон застонал: частично из-за того, что действие успокаивающих закончилось, и спина невероятно заболела, но еще и от того, что получил очередное «туше». Снова Пьер де Сен-Лоран ускользнул сквозь пальцы.

— Когда? — спросил он.

— Прошу прощения? — не понял Беллэй.

— Офис. Когда он его снял?

— В этом месяце. Одиннадцатого числа.

— Так это же всего три дня назад.

— А почему это так важно?

Хьюстона аж затрясло. От ярости.

— К тому времени Джен уже была мертва. Сволочи!

— Питер, вот тебе и доказательство, — Симона сидела, вертикально выпрямившись на своем стуле.

— Доказательство чего? — спросил Беллэй.

Голос Хьюстона горел злобой.

— Когда незнакомец послал нас сюда, он не мог знать, что Сен-Лоран находится в этой конторе. Офис даже не был снят. Когда же выяснилось, что я выжил, то они понадеялись на то, что я поеду сюда, чтобы проверить то, с чего все началось. Итак, они подождали, пока копы проверили все здание, а затем наняли офис, как и предполагалось с самого начала. Сучьи гады! Они наблюдали, как я вхожу в здание. Позвонили, уверенные в том, что я отвечу на звонок. Потому что хотели убедиться, что я нахожусь в комнате.

18

Хьюстон ехал по дороге, изредка проверяя в зеркальце, что творится сзади. Без всякой на то причины свернул вначале влево, затем направо. Потом объехал просто так целый квартал. Прибавил скорость. Снизил ее. И когда, наконец, удостоверился, что за машиной вроде как никто не

следует, выскочил на шоссе, ведущее из Ронсево и нажал ногой на акселератор.

— Эта дорога ведет прочь от города, — произнесла удивленная Симона.

— Знаю.

— Но отель, в который нас отослал Беллэй, находится вовсе в другой стороне!

— Вот поэтому я еду в эту!

— Так, значит, вы не теряли направления? Все те улицы, в которые вы «тыкались»... Боже мой...

— Вам, наконец, стало понятно. Они ведь не подумают, что мы выедем так рано из города. Мы ранены. Естественно для нас провести ночь в городе... А как быстро нас смогут засечь здесь?

— Мы могли бы зарегистрироваться под другими именами.

— Это лишь затруднит им задачу, но не сделает ее невозможной. Останься мы в Ронсево, как они моментально нас отыщут.

— Мы могли бы попросить у Беллэя охрану.

— И вы бы доверились охране? Мы бы не знали человека, которого бы поставили нас охранять, кто он такой, это мог бы быть любой из них, переодетый в униформу. Даже если бы охранник оказался надежным, все равно тот, кто хочет нас уничтожить, изыскал бы способ это сделать. Так что выбора у нас нет. Нам придется бежать. Пока мы охотимся за Сен-Лораном, кто-то в свою очередь охотится на нас. В следующий раз он окажется умнее и осторожнее. Подготовится более тщательно, и... Сделает так, что нас больше никто никогда не отыщет.

Симону перетряхнуло.

— Не надо так...

— Просто я хочу, чтобы до вас дошло. Мы бьемся за собственные жизни.

Дальний свет фар открывал перед ними темную пустую дорогу. Пит, прищурившись, всмотрелся в дорожный знак.

— Вам знаком этот город?

— Никогда о таком не слыхала.

— Так может быть и остальные о нем не знают. Десяток километров. Давайте попытаемся. Больше вести я не в состоянии. Плечо сейчас отвалится.

— А у меня распухла кисть. Я вообще не смогу вести, — сказала Симона.

Пит перевел на вторую скорость. Стараясь не застонать, он повернул руль. От пульсирующей боли рука отказывалась подчиняться. «Рено» с трудом проскочил мимо канавы и выехал на грунтовую, покрытую гравием дорогу, пробивая фарами тьму.

— Простите меня, Симона.

— За что?

— За то, что втянул вас в эту историю.

— Сама напросилась. Вы сказали, что Джен убили, а я решила, что это все ваши фантазии. Думала, что шутите.

— Ничего себе шуточки. Какие уж тут фантазии. Я-то превосходно знал, на какой риск иду. Так разозлился, что едва соображал, что делаю. Вот вас и втянул... Не стоило просить вас о помощи.

— Теперь уже все равно. Я здесь. Выбор с моей стороны сделан. Давайте скажем так: оба мы лопухнулись. Так, кажется, у вас говорят?

— Послушайте, я могу теперь попробовать действовать в одиночку, оставить вас в этом городке. Но стоит вам показаться дома... Я боюсь. Может быть, он будет идти за вами.

Симона ничего не ответила, но Пит услышал, как она втянула воздух в легкие.

— Понимаете? Вполне возможно, что мы связаны не на один вечер. Этот может решить, что вы по уши завязли в этом деле. И подумает, что вы представляете собой опасность его существованию. Так что же — разделимся, или решим действовать вместе и впредь? — Хьюстон ждал, но ответа не последовало.

Он, не отрываясь, наблюдал за дорогой, несущейся в свете фар. Внезапно перед ним возникли какие-то дома, кафе, станция техобслуживания, бензоколонка. Фонарей было мало. Людей не было видно. Одинокая машина ютилась на одной улице. Прежде, чем Пит сообразил, «рено» промчался сквозь городок, и вновь перед ними раскинулась темная сельская местность. Он сделал разворот, морщась от страшной боли и двинул обратно.

— Вы так и не ответили, Симона.

— Я в ярости.

— Я же просил прощения.

— Да не на вас. Я зла, напугана, и мне не нравится, когда меня страшат. В Штатах этим страшно любил заниматься мой муженек. Ему так хотелось держать меня в руках. В своих, разумеется. А когда я от него сбежала, он

принялся меня преследовать. Терроризировать. Дважды пытался меня прикончить.

— Господи.

— Приехала я обратно во Францию. И тут пообещала сама себе. Что никогда больше не буду жить в страхе. Никогда не стану думать о том, что кто-то прячется в кустах. Никогда никому не позволю покушаться на мою свободу. Никому не позволю подкрадываться, чтобы пугать меня. Так что с этого момента это и моя схватка. Я хочу остановить этого подонка.

19

Если судить по вывеске, то это был отель, но домик больше походил на пансионат в Штатах. Потрясающе старый дом, находящийся в квартале от основного перекрестка. В этом месте было абсолютно темно. Пит припарковал автомобиль возле каких-то довольно густых кустов дальше по дорожке. Сопровождаемые фырчанием мотора, они с Симоной пошли по улице.

Дом был темен и тих. Хьюстон постучал. Никакого ответа.

Хьюстон постучал еще разок. Его трясло от усталости, вызванной шоковым состоянием. Симона отошла подальше в тень, когда мимо проехала какая-то машина.

Третий раз и, наконец, появился свет. По вестибюлю прошла тень. Старая женщина в мешковатом халате и ночном колпаке появилась в небольшом окошке. Она слегка приоткрыла дверь и с подозрением уставилась на парочку.

Симона очень много говорила, по мнению Хьюстона, пока снимала комнату. Старушка была раздражена тем, что ее разбудили посреди ночи, а узнав к тому же, что Хьюстон и Симона — люди разных национальностей, вообще забеспокоилась, ее волновал вопрос, женаты ли они.

Хьюстон, подтверждая это, кивнул.

«Если же они не муж и жена, — проговорила старая перечница, — то она даст им отдельные номера».

Пит все понял. Старую не интересовал вопрос греха. Просто сдай она две комнаты, денег будет вдвое больше.

Они не могли рисковать, ночуя в отдельных номерах. Наконец, Симона решила проблему, предложив за односторонний номер двойную цену, и старуха удовлетворенно кивнула.

Они втащили свои сумки. Вошли. Хьюстон заплатил. Женщина махнула рукой вверх, где виднелась какая-то дверь. Симона и Пит устало поднялись по лестнице.

— Она занимается не тем делом, что ей предназначено судьбой, — сказал Хьюстон. — Ей бы машины продавать.

— Сказала, что завтрак подают в шесть.

— Это означает лишь то, что она уверена, что мы его обязательно проспим, так что нет нужды его готовить. Беру назад свои слова. Ей следовало стать политиком.

Они вошли в номер. Комнатка оказалась чистой и опрятной, но маленькой. Медная кровать и провисший посередине матрас. Хьюстон поставил сумки на пол и потрогал его. Симона заперла дверь.

— Надеюсь, что вы не смущены, — проговорил Пит. — Другого выхода у нас не было. Придется жить в одной комнате.

— Я видела раньше спящих мужчин. Теперь самое главное, на мой взгляд, — кто расположится на кровати, а кто на стуле?

— Может, монету кинем?

— Думаю, что попользуюсь своим исключительным правом женщины и предложу вас кресло.

— Этого-то я и боялся. — Хьюстон осмотрел комнату. — Ванной, как видно, нет.

— Двойная цена, и вы еще надеялись на ванну? Мечтатель.

Хьюстон отворил дверь и выглянул в коридор.

— Так, пусто. Ну, раз уж мне все равно суждено спать в кресле...

— То и в туалет вы отправитесь первым. Этого-то я и боялась.

Они усмехнулись друг другу. А затем им вспомнились обстоятельства, приведшие их сюда, и лица Пита и Симоны моментально погрустнели.

— Я ненадолго, — сказал Хьюстон.

Схватив свою сумку, он вышел из номера. Возвратясь в пижаме и халате, он увидел, что Симона тоже переделась и была уже в халате. Пока ее не было, Пит разыскал в ящике комода одеяло и пристроился в кресле. Но что-то не давало ему покоя. Какая-то важная деталь, которую, как ему казалось, он упустил.

Симона вернулась. Поставила свою сумку. Но вместо того, чтобы лечь, она уселась на краешке постели. И внимательно посмотрела на Хьюстона.

— Беллэй был прав.

— В чем?

— Правды вы не сказали.

— Ошибаетесь.

— Вовсе нет. — Лицо ее напряглось. — Меня с самого начала мучали подозрения. Уж слишком вам хотелось отыскать Сен-Лорана и отблагодарить его.

— Он ухаживал за могилой отца. Я ему обязан. Что тут такого странного...

— Ни за чем он не ухаживал.

— Что?

— Он же исчез в сорок четвертом. Не мог он сдержать обещание, данное вашей матери. Ничем вы ему не обязаны.

Пит почувствовал, как вспыхнуло его лицо.

— Но я решила не обращать внимания на неувязки, — продолжила женщина. — Подумала, что, видимо, у вас есть причина не раскрывать истинного мотива. Я думала, что это не моя забота. Вы мне понравились. Мне было любопытно. И решила продолжить притворство.

— Симона, я не хотел...

— Дайте же докончить. Затем умерла ваша жена, и я сочувствовала вашему горю. В отличие от многих моих сограждан, я симпатизирую американцам. Итак, я отринула сомнения. Стала помогать вам и дальше. Но теперь и меня хотят убить. Я вас за это не виню. Как я уже говорила, я свой выбор сделала и даже если сделала это бессознательно, вслепую, все равно выбор этот — мой, я за себя отвечаю. Но раз уж я вовлечена в это дело, пожалуйста, будьте со мной откровенны. Всю дорогу сюда я ждала объяснений, но вы не доверились мне, не удостоили меня правдой. Больше ждать я не в состоянии. Какого черта здесь происходит?

Пит внимательно смотрел на нее. Он нервничал не только из-за подстерегающей их опасности, но и из-за какого-то иного страха, — неуволимого, тайного, угрожавшего душевному миру и спокойствию, даже ясности сознания. Угроза походила на жестокое и опасное животное, подстерегающее их в ночи. Пит старался его не замечать, притворяясь, будто его вовсе не существует, что его подозрения не имеют под собой никакой реальной основы.

Но вот теперь настало время взглянуть правде в глаза. Тварь ощерилась из темноты.

— У меня есть, — произнес Пит, — немного брэнди. — Он откинул одеяло, которым укрывался, нагнулся и взял в руки сумку. Открыл и вытащил из нее бутылку. Осмотрелся, но стаканов не увидел.

— Придется, как видно, из горла. — Открутив крышечку, он приложил бутылку к губам. Затем, заморгав, передал ее Симоне.

Она удивила его, взяв бутыль. Взглянула на этикетку, подняла бутылку ко рту и сделала мощный глоток. Хьюстон наблюдал за тем, как заходило адамово яблоко, когда Симона проглотила напиток. Затем она поставила бутылку между ними на пол.

— Правду, — потребовала она. — Вы все время тянете.

Пит изучал лицо женщины, говорить ему не очень-то хотелось. А затем, словно внезапно порвалась нервная струна, тянущая его назад, он сказал:

— Все дело в отце. Я не могу найти его могилу. — Слова повисли в воздухе.

Пит порылся в карманах пиджака, отыскал пачку сигарет, закурил.

Симона была совершенно сбита с толка.

— Но при чем же здесь...

— Мать мне всегда говорила, что он похоронен на военном кладбище возле вашего городка. — Несмотря на тесноту в груди, Пит заставил себя продолжить. — Так как я все равно приехал во Францию, то решил почтить его память. Но — черт возьми! — оказалось, нет ни малейшего намека на запись, что он был здесь похоронен. Я ничего не понимал. Затем я припомнил, что матери писал некий Пьер де Сен-Лоран, что он ухаживает за могилой отца. Я подумал, что поговорив с Сен-Лораном, я узнаю, где находится могила.

Женщина совершенно ничего не понимала.

— И это...? То есть вы верите в то, что ваша жена, сторож здания, вы и я пострадали только из-за того, что кто-то пытается вам помешать найти могилу отца?

— Нет. Таким образом это звучит полным идиотизмом.

— Тогда в чем же дело?

Хьюстон глубоко затянулся.

— Все не так просто. Всякий раз, когда меня посещает эта мысль, я ее стараюсь отместить. То есть я хочу сказать, что она настолько безумна, что если обнаружится, что это правда, то...

— Питер. — Ее глаза умоляюще смотрели на него. — Большого безумия, чем то, что уже произошло, быть не может. Расскажите, — попросила Симона. — Доверьтесь мне.

Хьюстон кивнул.

— Попробуйте понять. Я никогда не знал отца. Он был убит примерно в то самое время, когда я родился. Мать его восхваляла на все лады. Какой он был умный, красивый, как нас любил. Высок, силен, отлично разбирался в автомобилях и пел, как оперная звезда. Для нас он был святым. Но все то время, пока я подрастал, я видел отцов своих друзей и по-черному им завидовал. Я знал, что эти люди не так круты, как мой отец, но они были живыми, и я всем сердцем жаждал, чтобы один из них был моим. Я спрашивал мать, не собирается ли она снова выйти замуж. Она говорила: «Никогда не отыскать человека, который мог бы сравниться с твоим отцом». И так и не вышла. До смерти оставалась одинокой вдовой.

Он выдохнул клуб дыма. Симона подняла с пола бутылку и выпила. Лоб ее хмурился.

— Дети очень изобретательны, — продолжил Хьюстон. — Можно называть это фантазиями, ребяческой подозрительностью, основанной на неуверенности. А, может быть, следует назвать это надежной. — Он покачал головой. — Но мне начал сниться сон. Я его выдумал. Я его анализировал. Придумывал много-много различных — не знаю, как бы это получше обозвать — сценариев, что ли? А что, если отец вовсе не умирал? Вдруг он просто потерял память и вообще не знает о том, что у него есть жена и сын? Или такой, например. Может быть, его жутко изувечили или он покрыт кошмарными ранами, и он не хочет возвращаться домой, чтобы не показать своего уродства — шрамы там, всякие, знаете... Или того хуже, ну, это — поганейшая из возможностей: предположим, что с ним, наоборот, все в порядке, но он просто не хочет возвращаться домой? Значит, он нас оставил, повернулся ко мне спиной, пустив мое детство на самотек.

Внезапно Хьюстон почувствовал, как к глазам подступили слезы. В горле запершило. Он схватился за тлеющий уголек сигареты, словно хотел уничтожить печаль, надеясь, что боль в сожженных пальцах отвлечет его от переживаний прошлого.

— Питер, — проговорила Симона нежно. Она встала и подошла к нему. Положила руки ему на плечи.

Его трясло, но он вдыхал в себя запах ее духов. Не в силах взглянуть на женщину.

— Я же говорил, — произнес он, крепко зажмуриваясь, — что дети очень изобретательны.

Ее руки крепче сжали его плечи.

— Так вы думаете, что ваш отец все еще жив? — От недоверия ее голос звенел, как новая струна. Но в нем звучало еще кое-что: невообразимый ужас.

— В свое время мальчик убрал свои детские фантазии в коробку вместе со старыми игрушками. Он наконец-то вырос. И вот теперь я узнаю, что отец не похоронен на том месте, которое указала мать, что Пьер де Сен-Лоран исчез, и черт побери! — мне до смерти хочется узнать, что здесь происходит! Если то, что мать рассказывала о могиле — правда, то что же ложь?! Сколько всего, что я принимал на веру, окажется вымыслом? Единственный человек, который в силах открыть правду — это Сен-Лоран, но некто так обеспокоен тем, чтобы мы его не отыскиали, что уже дважды на меня покушались. Убили жену, и...

Голос Хьюстона сорвался. Симона притянула его к себе: он уткнулся лицом в ее живот и почувствовал, как она держит его, успокаивая.

Оба застыли, когда раздался стук в дверь.

Повернулись к двери. Удар погромче.

Симона прошла к дверям. Вытирая слезы, Хьюстон наблюдал за тем, как она распахивает створку. И напрягся.

Услышал голос старухи.

Симона что-то ответила. Затем снова голос старухи. И шаркающие шаги по лестнице.

Симона закрыла дверь.

— Говорит, что не даем ей спать.

Пит кивнул.

— Все понятно. Если со мной будет продолжаться истерика, то к завтрашнему дню меня можно будет спокойно выбрасывать в мусорное ведро.

Женщина, внимательно смотря на него, подошла ближе. Наклонилась и поцеловала в щеку.

— Мы найдем Пьера де Сен-Лорана, — сказала она. — Так или иначе, но ответы на все вопросы получим.

Сон наступил быстрее, чем он ожидал. Когда Симона выключила свет, Пит услышал ее шаги. Затем звук скидываемого халата и хруст простыней, когда она забиралась между ними.

Он поплыл и во сне снова очутился на Рю Габриэль 113. Он выходил с Симоной их офиса. А сторож наоборот входил. Пит снова услышал телефонный звонок. Взрывом его швырнуло вниз по лестнице. Он почувствовал, как навалилась на него сверху Симона. Он поднял ее. Но тут же заметил, как странно повернута ее шея и под каким неестественным углом торчит вниз подбородок. А во лбу торчит кусок заостренного дерева с кулак величиной. Она была мертва. Боже, Боже, он ее убил! Сначала Джен, затем Симону! Не единожды, но дважды! И он закричал, когда мертвые глаза француженки уставились на него. Он кричал и кричал. А затем в панике рванулся...

— Питер!

Он бился в руках, которые старались его удержать.

— Питер! Все в норме! Тебе приснился кошмар!

Он заморгал, дрожа, и уставился на пытавшуюся удержать его в кресле Симону.

— Не единожды, но дважды, — пробормотал Пит.

— Все в порядке. Просто сны.

— Раз, затем другой...

Кожа пошла пупырышками. Хьюстон зашарил в поисках выключателя и во внезапно вспыхнувшем свете повернулся к женщине.

— Дважды, — сообщил он ей, задыхаясь.

— Верно, я все знаю. Сначала автокатастрофа, затем бомба. А дальше?

— Я не это имел в виду. — Ясность ударила, как взрывная волна. Потому что наконец-то он вспомнил ту деталь, что не давала ему покоя. — Дважды. Дважды уже все случилось. Кладбище. В прошлом месяце приходил человек, который тоже искал могилу отца. И сержант не смог ее отыскать. А еще в прошлом году. Сержант сказал, что и тогда произошло то же самое.

Хьюстон увидел, как расширились ее зрачки.

— Боже мой! — прошептала она. — Так значит есть еще пропавшие могилы?

20

Пит перевел рычаг на вторую скорость. «Рено» с натугой понесся вверх по склону холма и перевалил через гребень. Хьюстон вывел на третью.

— Где это?

Она задохнулась.

— Ты что, никогда не видела?

— И не хотела бы. Господи, так сколько же сыновей там полегло?

— Десять тысяч.

— Да, — выдохнула Симона — Потери.

Он снизил скорость возле металлических ворот, и въехал на автостоянку. Взвизгнули тормоза, когда он резко остановился перед табличкой: Памятник Американским Бойцам.

Они пошли быстрым шагом к широкому приземистому зданию. Хьюстон толкнул дверь, придержал створку для Симоны и повернулся. В центре комнаты, как обычно, — диорамы, за ними дальше, за конторкой — стройный высокий клерк.

Он походил на робота, автоматически включившегося при звуке приближающихся шагов. Он вытянулся во фронт.

— Слушаю вас, сэр. Мистер... Хьюстон? Как поживаете?

— Управляющего.

— Сэр, он занят в своем кабинете.

— Приведите.

— Если появилась дополнительная информация, можете выдать ее мне.

— Я же сказал: давайте сюда Эндрюса.

Клерк, похоже, страшно обиделся. Пожав плечами, он повернулся к двери управляющего.

Стучать не пришлось. Она сама отворилась.

Расправив плечи и опуская рукава, из кабинета вышел Эндрюс. Мускулы распирали хрустящие рукава его чистой сорочки.

— Прошу меня извинить, мистер Хьюстон, — они обменялись рукопожатиями, — но я ничего нового не узнал.

— Зато узнал я, — сказал Пит.

Эндрюс внимательно посмотрел на американца. А затем изумленно уставился на Симону.

— Моя жена... — Хьюстон сглотнул. — Мертва. Это женщина мне помогает.

Эндрюс застыл.

— Мертва? Но ведь...

— Об этом я разговаривать не желаю. — Голос Хьюстона был резок и груб, с надломом. — Это слишком большая боль. Каким-то образом, сам того не желая, я на что-то наткнулся. Во что-то влез. Послушайте, мне бы хотелось задать вам несколько вопросов.

— Пожалуйста. Давайте любые.

— Когда мы с женой были у вас, вы сказали, что ошибки имели место.

— Верно. Военные не безгрешны.

— И привели два примера.

— Я не...

— В прошлом году кто-то приезжал, чтобы отыскать могилу отца, и не нашел.

— Точно.

— То же самое случилось в прошлом месяце. Так вот, мне необходимы фамилии этих людей.

— Но зачем они вам? — Лоб управляющего покрылся глубокими морщинами. Он наклонился вперед. — Вы предполагаете...

— Пожалуйста. Мне нужны их фамилии.

— ...что здесь есть какая-то связь? Что если мы отыщем одну могилу, то найдем и остальные?

— Не знаю. Это только предположения. Но не могу избавиться от ощущения, что что-то здесь нечисто. Совпадение? Что ж, возможно. Но мне...

— Секундочку.

Хьюстон смотрел, как управляющий вернулся в свой кабинет. На одно жесточайшее мгновение ему так ясно вспомнилось первое посещение кладбища, что Питу показалось, поверни он сейчас голову в сторону, и в поле зрения покажется Джен.

Но на него смотрела Симона. Скорбь набухла, болью толкая в сердце.

— Джеффри Хэтчинсон. — Вернулся Эндрюс, держа в руках листок бумаги. — Второго имени найти не удалось. В прошлом месяце этот Хэтчинсон оставил свой адрес и телефон на тот случай, если мне удастся-таки найти могилу.

Хьюстон вытащил бумажник.

— Я могу вам заплатить за звонок по телефону, или постараюсь поговорить по общественному.

— Что? Не...

— Если он был здесь в прошлом месяце, значит, уже вернулся домой. Мне необходимо с ним поговорить.

— Но зачем? Он ведь рассказал мне все, что знал.

— Мне кажется, что кое-что он все-таки запомнил.

Эндрюс хмурился.

— Значит, вы настолько уверены, что здесь что-то не в порядке, что есть какая-то связь..?

— Есть только один способ это проверить.

Эндрюс какое-то время раздумывал.

— Разговор через океан. В Штатах еще ночь.

— Тогда, значит, он спит. Вероятнее всего, он дома.

Эндрюс не отрывал взгляда от Хьюстона.

— Вот, что я вам скажу. Заключим договор. Если все ваши предположения окажутся полным бредом, то вы заплатите Военному Министерству за сделанный телефонный звонок. Если окажетесь правы, сохраните деньги.

— Деньги меня не волнуют. Мне просто очень нужно с ним поговорить.

Эндрюс кивнул.

— В мой офис, пожалуйста.

И снова Хьюстон вспомнил свой первый приход сюда. Он вошел в кабинет управляющего вслед за Дженис. На сей раз он шел за Симоной, и за время между этими двумя посещениями в его жизни перевернулось все. Пит почувствовал злость и горечь.

В кабинете все так же гудели лампы дневного света. Эндрюс снял со стены трубку; указал на жесткие металлические стулья.

— Это займет некоторое время.

Но Хьюстон остановил его.

— Подождите.

Рука Эндрюса хотела набрать номер.

— В чем дело?

— Прежде чем вы начнете... Дайте взглянуть на эту бумагу. — Хьюстон взял со стола бумагу и карандаш, что-то написал. Затем сложил листок и положил его на стол.

— Это что еще за новости? — спросил управляющий.

— Мне бы хотелось кое-что доказать вам.

Эндрюс не понимал. Его глаза буравили лицо Хьюстона. Где-то в глубине полыхали сомнения. Он начал тыкать пальцами в цифры на панели.

— Хотелось бы, чтобы все это можно было бы объяснить.

Он проговорил что-то в трубку.

Хьюстона восхитил его беглый французский.

— Если линии не перегружены, — объяснил Эндрюс Питу и принялся барабанить пальцем по стене. И снова проговорил по-французски: — Уи? А, мерси. — Хьюстону: — Нам везет.

Пит ждал.

— Да? Мистер Хэтчинсон? — проговорил Эндрюс. — Я понимаю, что для звонка время не совсем подходящее, но... Управляющий Эндрюс, сэр. С военного кладбища к северу от Сен-Лорана, Франция... Да, да, именно. Нет, сэр, никаких новостей у меня пока нет, но... я прекрасно все понимаю,

сэр... Прошу прощения за то, что разбудил... Пожалуйста, секундочку. Здесь у меня стоит один человек, который очень хочет с вами побеседовать.

Несмотря на расстояние Хьюстон услышал рычание, доносящееся из трубки. Вздвогнув, Эндрюс передал трубку Питу.

— Не хотел бы я быть на вашем месте.

Пит взял трубку. Голос на том конце провода замолк. Он слышал потрескивание на трансатлантической линии. Смутный перехлест голосов из другого разговора. И отчетливо проговорил:

— Мистер Хэтчинсон, меня зовут Питер Хьюстон. Вы меня не знаете, так что не пытайтесь вспомнить, где мы могли встречаться.

— Черт, да вы соображаете, сколько сейчас времени?! — раздался сиплый голос.

— Да, я думаю, около пяти.

— Без пятнадцати! Вы разбудили мою жену и детей! Мне плевать на то, есть ли у вас новости! Сержант, кстати, сказал, что их нет. Какого черта?! У вас что, ребята, это новая хохма — звонить за океан, будить людей и смотреть, что из этого получается?! Блин, да что же это в конце концов..!

— Прошу прощения за причиненные неудобства. Но мне необходимо задать вам один вопрос. Ответ может ничего сам по себе не значить, но он поможет отыскать могилу вашего отца. Мне было необходимо немедленно связаться с вами.

— Кто вы, черт побери, такой? Армейский чин?

— Нет. Сейчас я не могу вам этого сказать. Пожалуйста, позвольте задать вам вопрос.

— Давайте же! Все, что угодно, только чтобы еще поспать! Я на двух работах...

— Мистер Хэтчинсон, ваша мать никогда не получала писем от француза? В сорок четвертом? В котором француз пишет о том, что благодарен людям, освободившим его страну. И собирается ухаживать за могилой вашего отца?

— Это и есть ваш вопрос? Да кто же помнит эту дремучую старину?

«Я, — подумал Пит. — Видимо, отец мне был позарез нужен.»

— Так, значит, не помните?

— Разумеется, нет. Я был тогда пацаном!

Возбуждение, железным кольцом сжавшее горло Хьюстона, начало спадать.

— А вот теперь, черт бы вас подрал, вы еще и мать разбудили! — с новыми силами проорал Хэтчинсон. — Во, сюда идет! Да вы весь чертов дом на уши поставили!

— Мистер Хэтчинсон, пожалуйста, спросите у нее, — снова сердце заколотилось, как ненормальное.

— Чего еще спросить?

— О французе.

— Да ради... Эй, подождите-ка! секундочку!

Хьюстон услышал дробный стук трубки, словно ее клали на что-то твердое. Затем послышался вопль младенца и бурчание отдаленного разговора.

Внезапно Хэтчинсон снова появился на линии.

— Было такое письмо. Ну, вы удовлетворены?

— Мне необходимо узнать имя француза, который его писал.

— Да ради...

— Пожалуйста, раз ваша мать все равно рядом. Это займет всего секунду. Спросите.

И снова приглушенный, смазанный разговор.

А потом больше не раздавалось воплей младенца. И голоса стихли. Хьюстон слышал в трубке лишь потрескивание.

— Мне кажется, он ушел и оставил меня с носом, — сказал Хьюстон Эндрюсу и Симоне. — Выравнивает счет, мстит за то, что я его поднял с постели.

Хьюстон взглянул на часы. Прошла минута.

— Зарывается. Повешу трубку и наберу номер снова.

Но, когда он собирался было повесить трубку, в ней раздался голос Хэтчинсона.

— Пьер де Сен-Лоран. Мать сберегла все письма. Ну, теперь, надеюсь, все?

— Вы просто себе не представляете, мистер Хэтчинсон, насколько вы меня обрадовали. Большое вам спасибо. — Хьюстон едва не расхохотался от радости. — Сейчас я передам трубку снова управляющему Эндрюсу. Повторите, пожалуйста, ему все, что вы мне сказали.

— Какая-то чушь.

— Всего минуту. — Рука Хьюстона тряслась от возбуждения. — Возьмите, — сказал он Эндрюсу.

Симона встревоженно наклонилась к нему.

— Представляешь? — спросил Пит.

Эндрюс уже говорил в трубку:

— Мистер Хэтчинсон? Да, назовите, пожалуйста, это имя. — Он нахмурился, словно на другом конце провода несли какую-то тарабарщину. — Да, благодарю, — произнес он и гневно зыркнул на Хьюстона. — Я не уверен, что это важно. Если же это поможет, то можете быть совершенно спокойны: я с вами свяжусь.

Эндрюс повесил трубку и взглянул на Пита.

— Допустим, что я сегодня туго соображаю или накануне переел снотворного и только что проснулся. Или что я глуп с рождения. Видя ваше возбужденное состояние, можно решить, что вы что-то обнаружили. Если это и так, то я этого не заметил. Имя, которое назвал мне Хэтчинсон, для меня пустой звук и ничего не значит.

— Какое имя?

— Сен-Лоран. Пьер де Сен-Лоран.

— Хорошо. — У Хьюстона был ликующий, взвинченный голос. — Разверните теперь листок бумаги.

— Я все время... — Но он осекся, так и не поведав своим слушателям, что именно он все время делал.

Взял листок.

Хьюстон услышал, как тяжело выдохнула воздух Симона. И повернулся, чтобы увидеть совершенно пораженного Эндрюса, который в недоумении смотрел то на Пита, то на бумагу, на которой крупно было выведено: Пьер де Сен-Лоран.

— Но каким образом... Как вам удалось узнать..?

— Надеюсь, время у вас найдется, — сказал Питер.

— Для чего?

— Для того, чтобы послушать чертовски занимательную историю.

21

Это заняло час времени. Клерк приносил кофе, наполнял чашки, вытряхивал переполненные окурками пепельницы. Голос Хьюстона становился все тише, Симона дополняла его рассказ деталями. Пит смотрел в глаза управляющему, чтобы понять его отношение к этой истории. Вначале глаза отказывались во что бы то ни было верить. Вскоре в них замелькало любопытство... Заинтригованность быстро сменилась изумлением, затем шоком, а затем, наконец, пониманием скрытого пока смысла. Эндрюс казался потрясенным.

— Если вы окажетесь правы... — Он выглядел так, словно тот упорядоченный мир, в котором он до сих пор жил, не вынесет подобного безумия. — Да нет, этого не может быть. Невозможно. Боже, да как же такое пришло вам в голову?

— Как? Да вот так, — спокойно отозвался Пит. — Нужно проверить ваши записи.

— То, что вы хотите найти, в записях нет. Этого там не может быть.

— Телетайп у вас имеется?

Эндрюс кивнул.

— Вместе с рацией, в комнате связи.

— Так вот, то, что мы ищем, может быть в чьих-то записях.

Эндрюс положил обе руки на стол. Хьюстон наклонился к нему и увидел, как побелело у того лицо. Эндрюс решительно поджал губы. Затем отодвинулся на стуле и резко встал.

— Давайте попробуем.

Они вышли из кабинета, прошли мимо стойки и в дальнем конце огромной комнаты увидели массивную дверь, на которой по-английски и по-французски было написано «НЕ ВХОДИТЬ».

Эндрюс толкнул ее и пропустил своих попутчиков вперед. Они оказались в совершенно белом коридоре с горящими под потолком лампами дневного света... Одна дверь — туалет. Вторая — оборудование для ремонта. Следующая — комната связи. Они вошли.

Хьюстон увидел рацию, телетайп и несколько громоздких шутоквин, назначения которых он себе не представлял. У рации сидел давнишний клерк.

— Я почти закончил.

— А зачем на кладбище такое оборудование? — спросил Хьюстон.

— Все это барахло нам присылают для того, чтобы мы готовились к Третьей Мировой. Оно здесь нужно, как рыба зонтик.

— Наконец, оно вам понадобится для нужного дела.

Несмотря на настроение, Эндрюс ухмыльнулся.

— Надеюсь, что не забыл, как тут все это...

Но Хьюстон отлично чувствовал страх, с которым Эндрюс садился за телетайп.

Управляющий отпечатал несколько слов, ряд букв, и телетайп откликнулся набором кода.

— Эта машина соединена с нашим основным европейским офисом, — объяснил Эндрюс. — Сейчас второй оператор ответил, что получил мое сообщение и слушает.

Эндрюс еще что-то напечатал.

— Запрашиваю разрешение на ввод информации в Штаты.

Телетайп отпечатал: «Ваше разрешение введено. Причина».

И знак вопроса.

— Давайте придумаем что-нибудь получше.

Пока Хьюстон нервно соображал какую-нибудь причину для подобного запроса, Эндрюс отстукал еще несколько фраз: «Неполные данные по кладбищенским спискам. Прошу информацию для установления местонахождения могилы пропавшего солдата».

— Это заставит их почесать в затылках. Если сами не поймут, то отправят мяч кому-нибудь другому.

Пауза. Телетайп застрекотал: «Причина принята. Укажите, к кому относится ваш запрос».

Эндрюс потер подбородок.

— Чертовски подходящий вопросик.

— Начните проверку с приписных листов, списков ушедших на Вторую Мировую. О том, кто был в данном подразделении, — подсказал Хьюстон.

Эндрюс кивнул, уселся за машиной поправее и начал колотить по клавишам телетайпа.

Простучался ответ.

— Прошли, — выдохнул Эндрюс. — Говорим со Штатами. — У Хьюстона участилось дыхание.

— Они мотают нас туда-сюда по стране, запрашивают различные инстанции, офисы. Через некоторое время мы получим необходимые списки.

Прошло полчаса. Хьюстон почувствовал нечто вроде удара, когда выяснилось, что круг поисков сократился и, наконец, остановился на армейском гарнизоне возле городка, где он работал учителем, в Индиане.

— Я провел там столько лет и должен был приехать во Францию, чтобы узнать, откуда все началось.

Эндрюс собрался.

— Итак, начали. С самого начала.

Хьюстон почувствовал горечь в распухшем горле и увидел, как Эндрюс принялся печатать имя: «Стивен Сэмюэль Хьюстон. Положение. Вторая Мировая Война». Эндрюс остановился.

Появился ответ: «Поиск документации».

Они стали ждать. Пятнадцать минут. Двадцать пять. У Хьюстона горло было обожжено сигаретами.

— Почему так долго? — спросил он.

— Большая война, — ответил Эндрюс, пожимая плечами.

Телетайп, наконец, ожил: «Ответ на запрос о положении. Стивен Сэмюэль Хьюстон». Пауза. «Третья армия».

— Паттон, — сказал Пит, не совсем понимая, отчего чувствует такое бешеное возбуждение.

«Вторая пехотная дивизия. Тринадцатый полк. Второй батальон. Рота «Д». Пауза. «Пятый взвод».

— Один-ноль. В нашу пользу. Удар второй, — произнес Эндрюс и продолжил печатание: «Крайне признательны. Имеем второй запрос. Положение. Вторая Мировая война».

Эндрюс взглянул на листок бумаги, на котором Хэтчинсон написал имя отца. И отстукал: «Пол Эндрюс Хэтчинсон».

Ожидание. На сей раз оно оказалось короче. «Третья армия. Вторая пехотная дивизия. Тринадцатый полк. Второй батальон. Рота «Д». Пауза. «Пятый взвод».

У Хьюстона похолодела кожа на шее.

— Они были вместе.

— А вы считали, что этого не произойдет? — удивился Эндрюс.

— Я рассчитывал на то, что свихнулся! Надеялся на то, что ошибся! Две пропавшие могилы! И Пьер де Сен-Лоран, связанный с ними обоими! А теперь выясняется, что отец и этот Хэтчинсон, оказывается, служили в одной роте! Да, черт же поберет, — в одном взводе!

— Слишком много совпадений, вы совершенно правы, — буркнул Эндрюс. — Мне это не по вкусу. Но что же нам теперь делать? Прощаться со Штатами? Или у вас будут еще вопросы?

— Мистер Эндрюс, — послышался голос Симоны. Мужчины, удивленные, повернулись к ней. — Скажите, вы не могли бы попросить их подождать?

Пит и Эндрюс внимательно разглядывали красивое, тонко очерченное лицо, — она выглядела элегантно, как никогда. Хьюстон смотрел, как ее полные губы надулись в задумчивости.

— А в чем дело? — поинтересовался Эндрюс.

— Я не очень-то разбираюсь в войсках. Все эти подразделения... Вы не могли бы объяснить... Они шли по нисходящей?

— Верно. Значит, так: армия, затем дивизион, полк, батальон, рота, взвод.

— А сколько во взводе человек?

Эндрюс пожал плечами.

— По-разному. Обычно около пятидесяти человек.

— А в военное время?

— Зависит от потерь. Но даже со всеми возмещениями, можно спорить, что полной укомплектованности не было. Давайте придерживаться золотой середины: скажем, тридцать человек. Может, конечно, и меньше, но будем говорить о тридцати. Есть ведь еще и следующая ступень — деление взвода на отделения, в которых равное количество людей. Будем говорить о двух отделениях по пятнадцать человек.

— Тогда предлагаю сделать вот что: во-первых, определим, в каком из отделений находились отец Питера и Хэтчинсон. — В комнате воцарилась абсолютная гробовая тишина.

— А дальше?

— А, во-вторых, обратимся к родственникам остальных солдат этого отделения и узнаем, сколько человек погибло под Сен-Лораном.

— И сколько могил, которых не существует, — добавил Пит. И внезапно ему стало страшно.

22

Они проработали весь день. Так как в комнате связи окон не было, то и наступления сумерек никто не заметил. У Хьюстона появилось ощущение того, что он словно попал в стоячее болото, где время остановилось, и что день и ночь являются частями забытого, потерянного измерения.

Наконец, напряжение достигло предела, он вышел.

Сумерки оказались очаровательными. Встав возле «рено», принадлежащего Симоне, он услышал, как она подходит к нему. Пит, не отрываясь, смотрел на холмы, поля, золотую пшеницу и сады, простирающиеся до самого горизонта.

Затем повернулся лицом к женщине.

— Знаешь, я тут говорил себе, что если очень захотеть, то, наверное, можно увидеть Эндрюса, показывающего мне могилу отца. И вот я благодарю Эндрюса и отдаю дань памяти погибшему отцу. И затем жизнь моя пойдет своим чередом, как и должна была идти. Я возвращаюсь домой. К своим ученикам. К своему писательскому ремеслу. Доживаю до глубокой старости вместе с Дженис. И нужно-то для этого только хорошенько сосредоточиться, представить, как могло бы все обернуться.

Он глубоко задышал от горя и тоски. Симона не сказала ни слова. Она лишь посмотрела на Пита так, словно до этого мгновения его не замечала. Затем ее губы тихонько сложились в нечто похожее на скорбную улыбку. Она затряслась — тихонько-тихонько — и, наконец, взяв его за руку, мягко ее пожала. Они вместе вернулись в здание.

— Все сделано, — сказал Эндрюс, когда пара вошла в угрюмую, мрачную комнату. Развернувшись к ним, он указал на кипу отпечатанной бумаги, лежащей на столе. Но в голосе его не было и намека на победные нотки.

Хьюстон собрался с силами. Следы усталости на лице управляющего подсказали ему все, что он и сам должен был вскоре узнать.

— Покажите, — сказал он.

Эндрюс указал пальцем.

— Здесь вот имена всех тех, кто был во взводе. Я провел здесь черту. Под ними фамилии людей, бывших во втором отделении. Похоже, я не ошибся в количестве. Пятнадцать человек.

— Отец. А вот и Хэтчинсон. — Несмотря на то, что все остальные фамилии ровным счетом ему ничего не говорили, он прочитал список до конца. — Итак, что дальше?

— Итак, нижний список... Здесь начались небольшие неприятности. Во-первых, надо было установить местонахождение родственников. Такое количество международных переговоров вызвало бы у моих начальничков кучу ненужных вопросов. У меня в Штатах есть приятель. Он мне кое-что задолжал, поэтому я позвонил ему, и он все сделал сам. Я пообещал ему, что оплачу все переговоры. Сколько бы они не стоили. Самое главное, что он все сделал.

Хьюстон и не думал торопить Эндрюса. Они с разных сторон приближались к пониманию этой загадки. И сейчас была очередь управляющего рассказывать то, что ему удалось выяснить. Так пусть он изложит версию так, как ему того хочется.

— Пятнадцать человек во втором взводе, — сказал Эндрюс. — Вы, конечно, понимаете, что разговор идет только о тех, кто к началу этой битвы остался в живых.

— Конечно. Так что там с ними?

— Черт, они умерли.

— Что? Все, как один? — поразилась Симона.

— До единого. Все проклятое отделение.

— Ничего себе, — брякнул Пит.

— Я, конечно, в статистике не очень, но мне думается, что вряд ли сражение было настолько кошмарным, что должны были полечь все. Да, конечно, издаваемые нами памфлеты я читал. Разумеется, битва вовсе не была такой легкой и бескровной, но и судным днем — тоже. Так, для проверки, я просмотрел ротные отчеты. Ну, все материалы, которые помогают нам отвечать на вопросы посетителей. Потери составили тридцать процентов. Какие-то подразделения пострадали очень сильно, другие отделались царапинами. Как я уже говорил, среднее количество по армии — тридцать процентов погибших. Так почему же этому бедному отделению так не повезло, что никто не остался в живых, и все полегли на поле битвы? Стопроцентное количество погибших!

Дышалось Хьюстону с трудом.

— Каковы ваши выводы?

— Проверив похоронные отчеты, я обнаружил именно то, что могло бы быть, если бы ситуация была нормальной. Из этих пятнадцати солдат шестеро покоятся на кладбище.

— А остальные?

— А кто его знает. Ваше предположение будет ничуть не хуже моего. Я позвонил на кладбище, находящееся отсюда в пятидесяти милях. По нулям. Тела просто-напросто исчезли. А вот вам решающий довод. Я попросил, чтобы проверили нахождение каждого тела в отдельности. Итак, шестеро, похороненных на нашем кладбище, описаны, как погибшие в бою. Оставшиеся — пропали без вести. Никто никогда не доказал, что они мертвы.

— Дезертиры? Думаете, что они просто-напросто сбежали? — спросила Симона.

— А что же еще мне думать?

— Но было ли расследование?

— Наверняка, — ответил Эндрюс. — Но во Франции в тот военный год так много надо было сделать и так мало на это отводилось времени, что следователи оказались попросту сбитыми с толку. Черт, да вы только представьте себе то лето! Самый длинный день — как его называют — был в июне, а к сентябрю почти вся Франция оказалась освобожденной. Везде движение войск, операции по очистке территорий. В подобной суматохе могло произойти все, что угодно. Если же эти ребята дезертировали, то куда они могли двинуться? И, главное, зачем? У них было бы больше шансов выжить, если бы они остались со своим подразделением. Так же подумали и следователи и закрыли дела. Но можете быть

абсолютно уверены в том, что если бы ваш отец показался на пороге своего дома, он был бы моментально арестован. Предполагаю, что некоторое время вы сами и ваша мать находились под пристальным военным наблюдением.

Хьюстон мысленным взором перенесся в дом, в котором они жили. Мать с сыном выходили из дверей и спускались по ступеням крыльца, мальчуган шагал рядом с матерью по улицам. Хьюстон будто бы вышел из другого дома и последовал за ними. Он никогда не понимал того детского мира, в котором когда-то жил.

— И все-таки вопрос остается, — сказал Пит. — Если они дезертировали, то, черт побери, куда отправились? И почему они это сделали? — Ему показалось, что сейчас он просто свихнется. — На самом деле мы ничегошеньки не доказали.

— Вы неправы, — сказал Эндрюс. — Семьи этих пропавших без вести людей получили по письму.

— От Военного Министерства?

Эндрюс скорчил рожу.

— От Пьера де Сен-Лорана.

23

В темноте послышался звон церковного колокола. Они еще не доехали до Сен-Лорана, но периодический далекий перезвон отдавался эхом, пронизывая ночь. Звезды казались алмазами; головная боль Хьюстона становилась все сильнее и сильнее. Он опустил стекло. Прохладный воздух обнял его мягкими руками, но звон колокола отдавался в ушах даже с такого расстояния.

— Такая поздняя служба? — удивился Пит и взглянул на светящиеся стрелки часов. — Полуночная месса?

— Этот звон не соответствует тому, о чем думается во тьме, — произнесла Симона.

Хьюстон молча просчитал от одного до четырех. На счет пять он снова услышал низкую вибрацию колокольного перезвона. Просчитав еще раз, он пробормотал:

— Пять, — в тот самый момент, когда послышался удар колокола.

Симона услышала.

— В чем дело?

— Колокол бьет каждые пять секунд ровно. Последовательно, с равными промежутками. Может быть, звон разносится вовсе не с церкви? Может быть, в Сен-Лоране есть часы, которые звонят в это время?

— Нет. Да и люди в нашей деревне ложатся спать довольно рано. Их бы разбудил звон колокола. А такое развлечение им ни к чему.

— Тогда, значит, должна быть важная причина, нечто особенное, что заставило начать этот перезвон.

— Нечто экстраординарное? Срочное?

— А что если...

— Пожар?

Хьюстон надавил на педаль акселератора. «Рено» рванулся вперед. Симона со своей распухшей кистью все еще не могла вести машину. У Хьюстона целый день ныло плечо и болели ребра, но, не обращая на это внимание, он помчался по извилистой дороге по холму, напряженно вглядываясь вперед, туда, где фары пронизывали темноту. Они двигались столь быстро, что чернота ночи казалась стеной, к которой рвалась машина. Пит взглянул на усеянное звездами небо. Но над горизонтом не было и намека на красный отсвет.

— Мы бы увидели, — сказал он. — Ведь почти подъехали.

— Если не пожар, то что же еще?

— Чертовски скоро мы об этом узнаем.

Колокол звонил, и теперь звук его слышался намного отчетливее, когда «рено» помчался по окраинам деревушки, вначале мимо коттеджей, затем магазинов. Во многих домах горел свет.

— В нашу пользу по крайней мере одно очко, — проговорил Пит. — Уж если звон поднял с постелей всех этих людей, тогда, наверняка, и священник не спит. До завтра я не дотерплю. Нужно повидаться с ним прямо сейчас. Он не сможет отказать нам на сей раз. Слишком много у нас доказательств. Ему следует понять, что это более важно, чем его молчание.

— Ты не католик, — сказала Симона. — И все еще не понимаешь.

— Я понимаю, например, то, что моя жена мертва. И то, что священник должен рассказать мне, в чем ему признался на исповеди Пьер де Сен-Лоран. Не знаю как, но я заставлю его все мне открыть. Он должен, должен, просто обязан!

— Тайна исповеди чересчур важна, чтобы через нее можно было переступить. Если он что-то расскажет, жители деревни никогда ему не простят этого и не станут исповедоваться.

— Но ведь должен же быть хоть какой-то путь! Ответ близок, и он единственный, кто его знает! — Он повел машину через старинный каменный мост, вдыхая запах ночного тумана, поднимающегося с реки, глядя, как он дрожит среди деревьев в парке.

Прямо перед ним показался отель, где были освещены все окна, словно в день праздника.

Симона была поражена.

— Я никогда не видела ничего подобного. Что же здесь в конце концов происходит?

Пит не стал подъезжать к боковому выходу, а подкатил прямо к главному входу и, выскочив из машины, рванулся к гостинице, несмотря на то, что боль в плече и ребрах мучила его.

Симона поспешила следом. Взлетела по древним каменным ступеням. Огромные дубовые двери были распахнуты. Постояльцы вглядывались во тьму, откуда доносился звук колокола.

Монсар стоял среди гостей, все еще одетый в вечерний костюм. Его морщинистое лицо было туго обтянуто кожей.

Симона обняла его.

Хьюстон скромно остановился рядом. И пытался расшифровать, что именно говорил дочери Монсар.

Словно получив сильный удар, Симона, услышав ответ отца, отшатнулась и застыла. Затем повернулась к Хьюстону.

— Это не праздник.

Под яркими лампами Хьюстон увидел, насколько побелело ее лицо.

— Бдение, — произнесла она. — Заупокойное. Все жители отдадут дань уважения.

— Кому? — Любопытство Пита достигло предела.

— Отцу Деверо. Иль морут, — ответил Монсар.

— Что? Неужели вы сказали — Деверо? Священник?

— Священник мертв, — всхлипнула Симона.

Абсолютно ничего не понимая, Хьюстон покачал головой.

— Нет. Не может быть. — Он заморгал, уставившись на гладкие, отполированные временем и бесчисленными ботинками ступени. — Мы были так близко, — простонал он.

— Вье, — услышал он объяснения Монсара; в голосе старика он услышал печаль. Несколько следующих предложений оказались смазанными. А затем: — Маладе, — услышал Пит.

Симона развернулась, как сжатая пружина.

— Падре был стар. Болен. — Ее глаза казались безумными. — Ни одного человека у нас не любили и не уважали больше. Его будет страшно недоставать.

— Но что случилось?

— Молодой священник обнаружил Деверо у алтаря. Он лежал на полу. Власти подозревают сердечный приступ. Ты же видел, насколько он был болен. И даже дышал с трудом.

— Всего лишь день. Мы опоздали на день. — Пит потер пальцами глаза. — Да нет, что это я... Хотя, конечно, день... Нам бы потребовалось много... много других дней...

— Он был так утомлен. В каком-то смысле это даже хорошо.

— Но не для него. И не для нас. — Энергия, которая питала Пита, внезапно куда-то испарилась. Казалось, что ступени дрожат. — Мы были так близко...

Он пошел по направлению к свету, бьющему из входа в гостиницу, он уже настолько привык к равномерному звону колокола, что подсознательно продолжал отсчитывать по пять секунд. Но на сей раз на счет пять сквозь ночь не было слышно эха. Оно на последней звонкой ноте угасало, умолкало, умирало. Ночь была совершенно тиха, за исключением приглушенных голосов постояльцев, собравшихся в призрачном туманном парке.

— Да смилостивится над ним Господь, — произнес Хьюстон. Он сглотнул все, что было в пересохшем рту, и вошел в гостиницу.

Симона вошла следом.

— Нам нужно поговорить.

Пит не понял. Минуя конторку и лифт, они прошли в дальнюю часть вестибюля, которая вела к комнатам ее отца.

Женщина остановилась настолько резко, что Пит едва на нее не налетел. Они находились перед закрытыми дверями, ведущими в апартаменты Монсара.

— Ты что, ничего не понимаешь? Не чувствуешь? — спросила Симона.

— Что еще чувствовать? — удивился Пит.

— Священник мертв, а ты испытываешь одно разочарование? А почему не подозрение? Как, например, я? Разве мы не сошлись на том, что в этом деле чересчур много совпадений? Священник был нашей последней надеждой, и в тот момент, когда мы решили заставить его рассказать правду, оказывается, что мы уже опоздали. Он умирает. Я потрясена. И не могу поверить в обыкновенную неудачу.

— Но ведь он действительно был болен.

— Да, это сильно упрощало дело.

Хьюстон почувствовал злоеший ветерок на своем затылке.

— Алтарь. Он один. Подушку на лицо. Внезапный испуг. Небольшое давление на грудную клетку. Что угодно для души. Никаких следов. Да и кто бы стал об этом думать, Пит?

— Дознание...

— Здесь тебе не город. Тут все по старинке. Никакого вскрытия. Простейшее врачебное заключение. Скромные похороны.

— Но доказать мы не сможем...

— Я это чувствую, ощущаю. После всего того, что случилось... По-моему, иначе и быть не могло. Нам придется вести себя так, словно священника убили. И неужели тебе не очевиден этот факт? Тот, кто за нами охотится, вернулся обратно по своим же следам, чтобы их хорошенько замести.

— Это никогда не закончится. Симона, ты не можешь оставаться здесь одна.

— И ты тоже. Но вот, кого нам придется опасаться больше, чем любого врага, так это отца. Он никогда не предоставит нам одну комнату на двоих. Это будет ударом по его морали.

— Мы можем с ним поговорить, объяснить ему как-то...

Симона решительно покачала головой.

— Тогда он может быть нашим провожатым.

— И подвергаться опасности?

У Хьюстона желудок просто куда-то ухнул и, похоже, оторвался. Он постарался раскинуть мозгами. Из вестибюля слышался топот многих ног, — постояльцы входили в гостиницу.

— Здесь говорить невозможно, — сказал Хьюстон.

— В мою комнату. Для вящей радости отца можем оставить дверь открытой. — Она быстренько повернула дверную ручку и вошла. Пит зашел следом, вдыхая в себя запах духов и свежесть ее волос. И снова ему показалось, что он находится рядом с Дженис, а не с Симоной, словно во времени открылась черная дыра, и они вернулись на десять дней назад. После того, как Монсар рассказал им про Пьера де Сен-Лорана, они двинулись вверх в номер... и обнаружили в нем седоватого, небритого незнакомца.

И все повторилось вновь. «Нет, — сказал себе Хьюстон. — Я не могу этого видеть, потому что тогда выходит, что я сошел с ума.»

Потому что их поджидал тот же самый человек. Со своей квадратной челюстью, тонким носом и короткими темными волосами, разделенными на строгий и ровный справа налево пробор. Та же темная одежда — свитер, шерстяные брюки и ботинки на каучуковой подметке. И на кровати он возлежал точно так же, как и в тот раз.

Но различие состояло в том, что вся грудь его представляла собой расплывшееся кровавое пятно от шеи до ремня на брюках. На сияющем бархатном покрывале были лужицы крови. Кровь струилась по подоконнику в том месте, где он его переползал, падая, оставляя за собой засохшие сгустки на ковре.

Симона закричала.

Часть третья

24

Вопль ее, как острый железный шип, вонзился Хьюстону прямо в череп. Пит отшатнулся. Симона закрыла лицо руками и сквозь пальцы прорывался дикий визг. Хьюстон схватил ее за плечи и развернул лицом к себе.

— Прекрати! — рявкнул он.

Она вопила изо всех сил.

— Хватит! — повторил он. Потряс. Его мозг воспринимал одновременно огромное количество звуков и ощущений. Крики, топот множества ног по вестибюльному полу. Напряженную ширококостную плоть под покрытым свитером плечами, которые он сжимал. И безумное выражение лица Симоны в тот момент, когда она отняла руки от глаз, и из них выглянул дичайший страх.

Потом Пит почувствовал, как в комнату ворвались люди, и, пораженные, остановились. Но все свое внимание он сосредоточил на Симоне. Прижал ее к себе, крепче обнял и почувствовал дрожь возле своего сердца. Взглянув еще разок на кошмарную фигуру, лежащую на кровати, Хьюстон ощутил, как страх уступает дорогу ярости. Он отыщет того, кто это сделал! И заставит кричать его так, как она кричала.

Рядом появился Монсар.

— Да позовите же кто-нибудь врача! — рявкнул Хьюстон, но его никто не понял.

— Юн медисин! — прорычал Монсар.

Несколько человек выбежало из комнаты. Хьюстон передал Монсару его дочь из рук в руки. Затем повернулся лицом к окровавленной фигуре, распростершейся на кровати и, чувствуя накатывающую тошноту и кислый привкус во рту, сделал шаг вперед.

Он был ошеломлен. Человек все еще дышал — неглубоко, но все-таки грудь вздымалась медленно-медленно... и невысоко... Хьюстон увидел, как чуть-чуть подрагивают веки. Он-то считал мужчину мертвым, но сейчас слышал сильные, затрудненные вдохи, свист воздуха, втягиваемого пересохшими губами.

Хьюстон осторожно приблизился, не желая прикасаться к крови, лужицами растекшейся по бархатному покрывалу. Наклонился к раненому. Свитер был разрезан точно посередине. Хьюстон увидел окровавленную рубашку. Заметив куски омерзительно торчащего искромсанного мяса, Пит отвернулся к стене. Зрение замутилось. Вцепился в изголовье кровати, чтобы не рухнуть тут же.

— Сейчас придет врач, — сообщил он мужчине.

Ответа не последовало.

— Держитесь. Мы вам постараемся помочь.

Кивок был практически незаметен.

— Вы меня слышите?

На этот раз веки затрепетали: человек явно старался ответить.

— Кто это вас?

Хьюстон напряг слух, стараясь понять что-нибудь, но слов различить было невозможно.

— Так кто? — переспросил Хьюстон.

— Найдите Харона.

Хьюстон побледнел.

— Не понимаю, что вы имеете в виду. Это с вами сделал человек по имени Харон?

— Верлен. Отыщите Верлена.

Бред да и только. Пит в обалдении покачал головой. Перескочив с персонажа древнегреческого мифа, мужчина заговорил о поэте девятнадцатого века.

— Вы знаете человека по имени Верлен?

— Нет, вы не... — Кровавая пена начала срываться с губ. Глаза сверкали безумным светом.

— Да где же врач?! — заорал Хьюстон на сгрудившуюся в дверях толпу. Ничего не понимая, люди уставились на Пита. И тут же сквозь толпу начал проталкиваться Монсар, — он уходил вместе с Симоной.

Пит повернул голову и уставился на умирающего.

— Вы должны мне помочь. Что вы...

— Ле блан, — пробубльнул человек.

Хьюстон не сообразил, почему мужчина внезапно перешел на французский.

— Белый?

Человек завертелся в горячке.

— Да не белый. Ле блан. Должен был меня убить.

— Заколоть? Но почему?

— Я убил священника. Задушил его.

— Но...

— Слишком много знал. Ему, видимо, сказали.

Человек сильно закашлялся. Рана разошлась шире. Хьюстон подавился.

— Предал.

Хьюстон с трудом старался понять бормотание умирающего.

— Я вас видел, разговаривал с вами. Был звеном в цепи.

— С кем вы были связаны?

— Со всеми. С Верленом и Хароном.

Безумие.

— Они мне не доверяли. Харон не доверял. Послушайте! — Настойчивость в голосе была столь велика, что Хьюстона передернуло от проявления такой силищи. Мужчина приподнялся на локтях. Спина выгнулась. — Послушайте!

Хьюстон был в ужасе. Цвет лица мужчины стал похожим на цемент.

— Ле блан. Верлен. Отыщите Харона.

— Берегите силы.

— Времени не осталось. — Снова голос ослабел. Дыхание стало неровным, как порывы ветра. — Последний раз меня использовал. Но боялся, что вы меня отыщите.

Из коридора Хьюстон услышал доносящиеся голоса:

— Ву эен олле! Ву эен алле!

Вошел темноволосый человек, в руке он держал докторский саквояж. За ним следом шли двое полицейских.

У Хьюстона сильно заколотилось сердце. Он быстро повернулся к раненому.

— Я же говорил, чтобы вы держались, — пробормотал он. — Врач уже здесь.

Но ему понадобился единственный взгляд, чтобы все стало ясным. Выражение лица переменилось, на него напозла маска смерти.

— Нет, нет, подождите! Вы еще не все сказали! — запричитал Пит. — Мне слишком многое нужно узнать!

В комнате воцарилась тишина.

Пит потряс мужчину за плечо.

— Врач уже пришел. Проснитесь же! — Он склонился так низко, что кровь впиталась в его одежду. — Не умирайте!

Он начал было ритмично давить на грудную клетку, но тут на его руку легла чья-то твердая ладонь. Увидев плотную волосатую щетину, он повернулся, но лицо врача было неумолимым. Никакой надежды не оставалось.

У Пита опустились руки. Он медленно кивнул. Врач взял труп за запястье. Затем поднял ему веко. Вдох врача поведал обо всем сразу.

Пит застонал, в потрясении обведя невидящим взглядом сгрудившихся в дверях гостей, — они словно склеились, расплываясь и волнуясь, как волны.

— Вы все слышали, — буркнул Пит, обращаясь к толпе. — Слышали, что он мне говорил. Харон. Нечто белое. Верлен. Вам хоть что-нибудь понятно?

Но словно в непогоду, покрывшись рябью, лица лишь покачивались и таращили пустые глаза. И отлетали, сдвигаясь назад, все назад...

25

Позже ему рассказали, как он грохнулся на ковер, и Хьюстон, ощущая впоследствии ссадину на лбу, ничуть в этом не усомнился. Тело Пита настрадалось до такой степени, что в конце концов отказалось ему служить. Он спал восемнадцать часов. Наконец, похмельный и с трудом управляющий своим телом, он очнулся все в той же спальне, только теперь рядом с Симоной сидел и Монсар.

Первым делом следовало отправить человеческие надобности. Пошатываясь, Пит отправился в туалет. Темная щетина придала лицу нездоровую бледность. В ванной он отключился от всего и принялся наслаждаться острым, чистым ощущением бритвы на своем лице. Ему понравился горячий душ, роскошь чистых носков и белья, мягких джинсов и свитера.

Он вышел. Кровать уже была заправлена. Комната — пуста. Пошатываясь, Хьюстон выглянул из спальни в гостиную, где тепло потрескивали поленья в камине. Настенные часы показывали четверть девятого.

Вечера. Он все еще никак не мог поверить в то, что сейчас так поздно и что он проспал столько времени. Целый день потерян. Симона стояла, улыбаясь. Волосы она убрала назад, сделав хвост. На ней было простое, перехваченное ремнем синее платье, делавшее ее глаза более темными.

— Получше? — спросила она.

— Отдохнул. В башке — кавардак. А ты? Когда я видел тебя в последний раз...

— Сейчас все в порядке. Прошу прощения.

— За что, интересно? За крик? Да я сам едва не заорал...

— Врач напичкал меня пилюлями. Теперь я больше не испугана, зато страшно зла. Ты должен узнать кое-что.

— И у меня есть кое-какие новости.

Монсар сидел рядом с камином в глубоком кресле. По их интонации он пытался определить, о чем именно они говорят.

Хьюстон наблюдал за тем, как Симона приводит в порядок мысли и чувства.

— Тот человек... ночной посетитель, — начала женщина. — Его кровь оказалась на подоконнике и газоне под окном. След увел далеко в кусты. И дальше, к сосновой роще, что находится возле города. Там стояла машина. И еще обнаружили следы второй машины, стоявшей рядом.

Пит сел в кресло и сжал подлокотники.

— Я тоже должен тебе кое-что сказать. Перед смертью этот мужчина нашел в себе силы сказать, что именно он убил священника.

Лицо Симоны побледнело.

— Значит, я была права.

— Он говорил довольно сбивчиво. Упомянул Харона и еще что-то белое.

— Ерунда какая-то, — отозвалась женщина.

— Знаю. Он все время что-то бормотал, захлебываясь кровью. Из того, что я примерно понял, вышло следующее: после убийства священника он встретился с тем, кто его нанял.

— Там его и прирезали.

— Точно. Он не сказал, что произошло дальше. Видимо, завязалась борьба. Ему удалось скрыться. Расположение вашего дома он знал. Поэтому и заполз в вашу квартиру, пытаясь спрятаться.

— Если он умирал, почему в таком случае не попытался отыскать врача?

— Врач вызвал бы полицию. К тому же этот человек, видимо, все-таки надеялся на то, что сможет выжить. А в тюрьму попадать ему не хотелось. В нашем случае, мы, быть может, ему бы и помогли.

— Или сравнивали бы с ним счеты.

Хьюстон кивнул.

— Но все получилось совсем не так, как он запланировал. Видишь ли, я просто не знаю. Он бредил. Мог просто заползти к тебе в комнату, сам о том не подозревая. Но он заговорил. Сказал, что Харон использовал его в последний раз, а затем убил, чтобы я не смог его отыскать и поговорить.

— Это именно то, о чем я вчера говорила, — кто-то убирает за собой дом и подчищает всю грязь, что оставил.

— И успешно справляется с этим. Теперь мы с тобой... — Хьюстон не знал, как закончить, да и не хотел этого делать.

— Являемся последними каплями на его ковре.

Пит закусил губу.

Монсар что-то спросил. Симона объяснила. Старик восторженно переводил взгляд с нее на Пита.

— Вполне возможно, что и Эндрюс в опасности, — предложил Хьюстон.

— Он звонил, — сказала Симона.

Пит выпрямился в кресле.

— Когда?

— Днем. Он начал проверять дальше. Взводный лейтенант был не с теми, кто исчез.

— Значит, он жив?

— Сержант ему позвонил. Лейтенант все еще помнит тех девятих пропавших. Никак не может понять, что же с ними случилось. Как тебе известно, битв было две. Одна здесь, вторая — в пятидесяти милях севернее.

Пит кивнул.

— Так вот: вторая битва. Они исчезли во время второй битвы.

— Тогда зачем притворяться, что они были убиты и погребены здесь, в Сен-Лоране?

— Для того, чтобы отвлечь внимание от действительного хода событий.

— Каких таких «событий»?

Симона просто посмотрела на него. Монсар стал что-то спрашивать. Хьюстон просто не обратил на него внимание.

— Харон, — сказал он. — Нечто белое. Верлен.

Симона оборвала свои объяснения отцу на середине фразы и развернулась лицом к Питу.

— Что?

— Я забыл. Вчера, перед самой смертью, этот мужчина сказал: «Найдите Верлена». Все бессмысленно. Кто такой этот Верлен? И каким, черт побери, образом мы сможем его отыскать?

— Не его. А это. — Кошмарный взгляд ее глаз потряс Хьюстона.

— Ты его знаешь?

— Неужели не помнишь? Еще тогда в Ронсево. Беллэй. Ну, когда сидели в офисе. Эти полицейские на заднем плане, которые все время названивали по телефону...

Хьюстон безуспешно старался вспомнить.

— Он говорил с ними.

— И они сказали, что этот блок офисных зданий...

— ...снимал один агент.

— А агент...

— ...ответил, что здание снято «Верлен Энтерпрайзис». —

Хьюстона передернуло.

— Так что не «он». А оно. Этот мужчина имел в виду «Верлен Энтерпрайзис».

Хьюстон мгновенно поднялся на ноги.

— Одевайся. Мы уезжаем.

— Куда?

— В Ронсево.

Монсар твердо произнес:

— Нон.

В комнате все затихло. Хьюстон удивленно повернулся к старику.

Подчеркивая свои слова жестами, Монсар заговорил горячо.

— В чем дело? — спросил Хьюстон.

— Отец понимает твои намерения. Но хочет, чтобы ты остался. Говорит, что тебе нужно отдохнуть, поесть.

— Времени нет.

— Он говорит, что одна ночь погоды не сделает. Я считаю, что он прав. Мы приедем в город уже после полуночи. И что станем делать? Беллэя в офисе не будет.

— Мы его разбудим.

— И напичкаем своими предположениями... Сонный человек будет враждебно настроен.

Хьюстон крепче обхватил подлокотники кресла. Срочность и неотложность дела звала в дорогу, но разум подсказывал, что лучше принять совет Монсара.

— Отец за нас беспокоится. Он считает, что мы должны скрываться.

— И жить в страхе, пока нас не обнаружат? Сейчас, по крайней мере, если нам и жутко, мы все же кое-что делаем.

— Ты можешь вернуться в Штаты.

— Тебе именно этого хочется?

— Я ведь только перевожу, что говорит отец. Он считает, что если ты вернешься домой, они почувствуют себя в безопасности и прекратят нас преследовать.

— Но ведь ты останешься. И в опасности.

— Нет, отец считает, что без тебя мне ничто не грозит.

Хьюстон зло уставился на Симону. Он почувствовал, как боль и смятение раздирают его на части.

— Я не могу уехать. Есть неоплаченный должок. Жена.

Словно поняв его тираду, старик глубоко вздохнул. И заговорил снова. Симона перевела.

— Он просит тебя пойти на компромисс.

— На какой?

— Предлагает гостеприимство на единственную и последнюю ночь. А затем просит, чтобы ты уважил его отцовские чувства. То есть уехал, оставил меня в покое и искал бы собственной смерти, но не моей.

— Симона, тебе ведь хорошо известно, что я не желаю твоей смерти.

— Я только перевела.

— Но ты-то, что скажешь? Скажи, чего хочешь? Я все сделаю. Если тебе будет удобнее, я сейчас уйду.

— Этот вчерашний мужчина. Отец говорит...

Кто-то стукнул в дверь кулаком. Грохот словно встряхнул всю комнату. Симона в страхе прервала фразу на середине.

— Ну, скажи же, — настаивал Хьюстон.

Отец не дал ей сказать.

— Антре!

Дверь распахнулась. Молоденький официант в курточке без единого пятнышка вкатил в комнату столик. Из-под серебряных крышек просачивались вкуснейшие ароматы. В корзиночке, накрытая белой салфеткой, лежала французская булка. В бутылке поблескивало красное вино.

— Я не голоден, — сказал Хьюстон.

И зарыдал.

26

Он смотрел вниз из комнаты, находящейся на последнем этаже. «Затяг Монсара», — думал Хьюстон. Он был уверен в том, что отец лично выбрал этот номер, чтобы держать Симону как можно дальше от него. Монсар с ними поужинал, делая все возможное, чтобы роль обеспокоенного отца была всем понятна. Возможности поговорить наедине не было. Через пятнадцать секунд после того, как Хьюстону показали комнату, они с Симоной ретировались, и Хьюстон больше ее не видел.

С тех пор прошло три часа. Сейчас был час ночи, и Хьюстон, хмурясь, стоял у окна, глядя на парк, раскинувшийся внизу, и на туман, который плыл между деревьями. Фонари прожектора вокруг гостиницы отключили. Пит не зажигал свет, — так было меньше шансов оказаться подстреленным. Но хмурился он вовсе не оттого, что чувствовал себя в опасности. А оттого, что не понимал, никак не мог понять Симону: почему она его бросила, почему изменила свое отношение. Пит даже не осознавал, насколько он стал зависеть от нее.

И теперь эта зависимость ему страшно мешала: он чувствовал себя одиноким. Снова. И неизвестное будущее придется встречать лицом к лицу. Одному. Возможна смерть. Он оперся о раму и напомнил себе о том, что в конце концов Симона была права. Нет никакого смысла рисковать жизнью и ей тоже.

«Неужели я настолько эгоистичен, что захочу принудить Симону к тому, чтобы она разделила со мной поджидающую опасность, только бы не чувствовать себя одиноким? — думал он. — Пусть постарается спасти свою жизнь. Она заслужила свою безопасность.»

Он почувствовал себя опустошенным. «Может быть, то, что сказал старик, действительно верно? Нужно уехать. Я должен отправиться обратно домой, заняться снова своим делом и благодарить Господа за то, что остался в живых.»

Но ведь и это дело его касалось, как бы на него не смотреть, — выбор все равно был единственным. Необходимо найти человека, убившего его жену. И поэтому завтра он начнет все сначала. В одиночку.

Пит пошатнулся и только тогда сообразил, что задремал у оконной рамы. Светящиеся стрелки часов показывали два часа ночи. Внизу стояла тихая, мирная, схожая во всем с идиллической картиной деревни, тьма. Хьюстон даже поперхнулся от подобного юмора. Он достаточно долго стоял не шевелясь у окна и заметил проскользнувшего сквозь туман между деревьев мужчину. Того самого, что проходил мимо Пита как-то вечером. Того, от которого несло лилейным тальком. И снова он был одет крайне официально и снова поздно возвращался. На сей раз мужчина вовсе не казался пьяным, и Хьюстону стало любопытно: откуда же он так поздно возвращается? Но, несмотря на восемнадцатичасовой сон, он почувствовал усталость и поэтому позволил незнакомцу спокойно исчезнуть из своего сознания. Пошатываясь и заплетая ногами, Пит поплелся к кровати.

Простыни были прохладными и хрустящими. Выскользнув из одежды, Хьюстон заполз под одеяло. Голова рухнула в подушку, и он скорчился на приветливом, мягком, но не провисающем матрасе, совершенно непохожем на стул, в котором Пит ночевал два дня назад. Воспоминание неприятно засело в сознании. Вновь возвратилась боль от принятого Симоной решения, от одиночества, которое он сейчас ощущал. Он начал считать обратно к нулю от сотни, но до семидесяти пяти так и не добрался.

Он неожиданно проснулся, дурное предчувствие овладело им. В темноте Пит заморгал глазами. Ему снился человек, пахнувший лилейным тальком, а разбудил его — Пит это сразу понял — какой-то шум.

Царапанье. Металлом о металл. Хьюстон не шевелился. Из своего положения он вглядывался в царящую в номере темноту.

Сначала дверь. Он ее запер. Может быть, кто-нибудь старается ее открыть? Нет, неверно. Звук исходил из другого места. Убийца не станет рисковать шкурой, открывая выходящую в общий коридор дверь. Конечно, большинство гостей уже спят, но один-то — человек с лилейным тальком — вернулся поздно и мог начать задавать вопросы.

Мужчина с лилейным тальком. Хьюстон принялся лихорадочно соображать. Этот человек появлялся всякий раз, когда случалось что-нибудь жуткое.

Хьюстон сел в кровати и уставился на окно. Но балкона за стеклом не было. Поребрика, подходящего прямоком. к окну — тоже. Тогда откуда? Откуда, черт побери, несется этот проклятый скрежещущий звук?!

Желудок сократился. Руки начали трястись. Только тогда до него наконец-то дошло: дверь, смежная дверь между его номером и соседним! И не одна дверь! Две! С этой стороны дверь можно было преспокойно открыть. Но Хьюстон запер ее, и вот теперь кто-то в соседней комнате старается ее отворить со своей стороны. Ни один возвратившийся поздно постоялец ничего не заметит и не станет задавать вопросы. У убийцы — сколько угодно времени, и никто ему не помешает.

Дверь стала отворяться. Хьюстон был не вооружен, наг, беспомощен во тьме. Ему не выжить. Тогда Пит набрал полную грудь воздуха, готовясь заорать.

И тут же остановился. Помощь вовремя все равно не подоспеет. А крик лишь насторожит убийцу и заставит его действовать как можно быстрее. Хьюстон изо всех сил вжал

голову в подушку. Если убийца воспользуется ножом, тогда у Хьюстона будет возможность прыгнуть и схватить его за руку.

А дальше? Разумеется, этот человек тренирован, в то время как Пит не имеет никакой подготовки. Руки парализовало от страха. Пальцы онемели.

Он прищурился, понимая, что с такого расстояния никому убийце не рассмотреть, спит Хьюстон или бодрствует. Дверь была полностью открыта, но в соседней комнате царил мрак. Хьюстону была видна лишь тень, направляющаяся к нему. Согбенная. Осторожно передвигающаяся. Никаких выстрелов, способных разбудить постояльцев. Нож — вот отличное оружие для такого дела. Или подушка... как беднягу-священника.

Фигура приблизилась к кровати. И принялась изучать Хьюстона. Несмотря на то, что легкие жгло немилосердно, Хьюстон старался дышать, напрягая брюшной пресс, чтобы звук выходил ровным, как у спящего.

К нему потянулась рука.

Сейчас! И Хьюстон нырнул. А затем взвился в воздух, приземлившись прямо на человека, повалив его, запутав в протянутых за собой простынях, и путаясь сам. Они стали биться на полу в отчаянной схватке. Пит выругался и постарался выдернуть нож из руки убийцы. И тут в пах ему врезалось колено. Пит застонал, чуть не согнулся пополам и схватил убийцу за горло.

— Пит, прекрати! — Но он продолжал душить. — Нет, Пит! — В темноте голос был хриплым, дергающимся. — Хватит! Ты мне больно делаешь!

Задыхаясь, Хьюстон замер. И в тот же момент выпустил жертву из рук.

— Симона!

— Горло, Боже...

— Господи, прости. — Хьюстон, пошатываясь, поднялся на ноги и помог женщине встать. Он зашарил рукой по стене в поисках выключателя, а затем включил лампу на столике возле кровати. Симона глотала слюну, массируя пережатое горло. На ней была рубашка и джинсы. Левая щека опухала. Она быстро, от боли мигала.

— Черт, да я же тебя едва не прикончил! — сказал Хьюстон.

Симона свалилась поперек кровати, разминая шею. Простыни лежали на полу.

Внезапно Хьюстон почувствовал холод.

И собственную наготу. Он стоял совсем рядом с женщиной абсолютно голый. Трясущимися руками Пит поднял простыни с пола и обернулся ими. Длинный конец он закинул через плечо.

Симона расхохоталась.

— В чем дело? — удивился Пит.

— Вид у тебя идиотский, — сказала она. — Смешной и глупый.

— Да ты меня чуть ли не до смерти напугала!

— Второй ключ забрал отец. Поэтому через входную дверь я попасть не могла.

— Так постучала бы, что ли!

— А если бы меня кто увидел? Отец, например? Нет уж! Поэтому я обнаружила ключи от соседней комнаты и прошла через эту дверь.

Пит сжал простыни. И снова Симона засмеялась.

— А когда я открывала соседнюю дверь, то стукнула ключом в замок.

— Ты могла бы постучать в соседнюю дверь!

— В том-то и была загвоздка. Я не хотела тебя будить. Ты не думай, я не только над тобой, я над нами обоими смеюсь. Вся мизансцена получилась забавная. Эти простыни. — Она показала пальцем и захихикала. — Ты выглядишь оскорбленным величеством. — По ее щекам катились слезы.

Пит сам не смог сдержаться. Он осмотрел себя, эти смятые простыни и представил, как смешно выглядит со стороны — свое замешательство, негодование. Он почувствовал, как в нем закипает смех. Рухнув на постель, он смеялся до тех пор, пока не заныл живот. Слезы заструились по его лицу.

— Господи, ну и парочка, — простонал он. — Неужели было что-то такое срочное, необходимое, что нельзя было подождать до утра?

Симона прекратила смеяться.

Лицо ее походило на лицо ребенка, глаза были наполнены до краев страхом.

И тут до Хьюстона дошло.

— Нет.

— Пит, я...

— Нет, — повторил он твердо.

Она выглядела пристыженной.

— Мне очень неловко.

— Ерунда.

— Я думала... Ладно, проехали.

— Скажи.

— Если бы я с тобой переспала, то тогда ты, быть может, понял, как много для меня значишь и как я хочу быть с тобой. Я сказала тебе, о чем говорил отец. Но ведь это не мои слова. Я просто переводила, позволила ему высказать свою точку зрения.

— Но не стала спорить.

— Не при нем же. Это бы его возмутило.

— То есть, ты не сдаешься?

Она решительно покачала головой.

— Поедешь со мной? — он выпрямился. — В Ронсево?

— Куда угодно. Я тебя одного не отпущу. Ты мне необходим. Черт побери, да я же тебя люблю!

— Не надо.

Она была поражена.

— Не говори. Не надо.

Пит закрыл глаза. И его затрясло.

27

Они выехали на рассвете. Под дверь отца Симона подсунула записку, в которой написала о том, чтобы он не волновался, что она позвонит и все объяснит, и что в любом случае скрываться вечно она не сможет, да и не намерена.

У них с Хьюстоном все было наравне и шансы на спасение одинаковые.

Но пока они ехали — Пит выбрал другой маршрут до города и все время наблюдал за дорогой в зеркальце заднего обзора — то почему-то все время молчали. Узкая дорога извивалась крутыми кольцами сквозь обсаженную деревьями деревенскую местность. И чем дольше они молчали, тем отчетливее осознали, что их нервность все больше и больше нарастает.

— Что-то не в порядке, — наконец, проговорила Симона. — Что?

Хьюстон покачал головой из стороны в сторону, уходя от вопроса.

— Так нечестно, — возмутилась Симона. — Будь же правдивым хотя бы со мной.

Хьюстон вцепился обеими руками в руль.

— Это не твоя забота.

— Все, что касается тебя, касается и меня тоже. Пожалуйста, не отбрасывай меня. Я этого не заслужила.

Хьюстон закусил губу до такой степени, что она заныла.
— Со мной все будет в порядке. Просто мне следует все хорошенько обдумать.

— Это касательно прошлой ночи?

Пит кивнул.

— То, что я хотела?

И снова кивок.

— Моя жена... Нет, давай-ка о ней не говорить. Не хочется причинять тебе боль.

— А ты и не сможешь. Я ведь не лгала. Поэтому со всей серьезностью сказала, что люблю тебя. — Симона подняла руку. — Дай закончить. Я поторопила события. Сама знаю. Знаю и то, что сложностей не миновать. Но я согласна рискнуть. Я просто обязана рискнуть. Потому что всегда этого хотела. И теперь хочу. Показать тебе.

— Я ведь тебя ни в чем не обвиняю.

— Тогда позволь задать тебе вопрос. Ты свою жену любил?

— Разве это не очевидно?

— Не слишком подходящий ответ. Для меня. Нет, ты скажи об этом прямо и честно. Любил ее, или же ваш брак превратился в обыкновенную привычку?

Хьюстон заторможенно проговорил напряженным голосом:

— Я ее любил.

— Тогда так: она думала о том, что ты остаток жизни проведешь, говоря о ней? Что ты верен ей до такой степени, что даже после ее смерти будешь себя вести так, словно вы еще женаты? Отвергнешь другую женщину?

— Да нет. Она бы страшно рассердилась, услышав такое.

— Ну, тогда будь верен ее памяти. Уважай ее. С благодарностью вспоминай мгновения, проведенные с ней. И поверь: я не собираюсь с ней соперничать. Не собираюсь занимать ее место. Не хочу, чтобы ты ее забывал. Хочу разделять твою любовь.

Хьюстон вздохнул. Глаза щипало от слез.

— Пит, мы можем умереть сегодня днем, ночью, завтра. Но по крайней мере — вместе. Мы разделим мгновения, подаренные нам.

— Ну, разве ты не понимаешь? Ты мне нравишься! Но мне это вовсе не нужно сейчас. Мне хочется лишь оплакивать Джен.

Симона тяжело взглянула на Пита.

— Я стремлюсь отыскать убийцу. Я не имею права нравиться тебе. А ты — мне.

Но в ответ Симона лишь положила ладонь ему на руку.

Никогда прежде Пит и Симона не были в офисе Беллэя. Когда они вошли туда, то оказалось, что его нет. Они обратились к сидящему за столом тучному полицейскому и поинтересовались, как отыскать Беллэя.

Ответ француза оказался настолько тревожным и странным, что Симона взволнованно повернулась к Питу.

— У него нет кабинета, — сказала она. — Он даже не приписан к здешнему комиссариату.

— Тут какая-то ошибка. Он ведь говорил, что ему отдали наше дело лишь потому, что он понимает мой английский.

— Он из Парижа.

— Верно, он нам так и отрекомендовался. Сказал, что несколько лет тому назад в Париже имел дело с какими-то англичанами.

— Но приехал он сюда вовсе не тогда, когда сказал, — прошептала Симона. — Полицейский говорит, что прибыл он в день взрыва. Помнишь? Нас привезли в неотложную помощь и мы там какое-то время ждали. Затем показался Беллэй.

Стукнула дверь. Они резко и удивленно развернулись на месте.

В дверном проеме стоял Беллэй. Он был одет так же тщательно, как и в прошлый раз: коричневый костюм с жилеткой, брюки тщательно отутюжены, вид у него был аккуратный и подтянутый. Он с любопытством и иронией наблюдал за парой: голова чуть наклонена вбок, брови приподняты, во взгляде — вопрос. Короткие темные волосы тщательно расчесаны.

— Мы хотели вам вчера позвонить, — проговорил Хьюстон. — Я думаю, вам известно, что в городе мы не ночевали.

— Только представьте себе мое удивление. — Он двинулся вперед, и ботинки застучали по кафельному полу. — Поначалу я встревожился, но сходя в морг и не обнаружив вас там, пришел к выводу, что вы состорожничали. Ведь если бы вы умерли, я бы ничем вам помочь не смог. — Глаза его сияли умильно. — Я тут вопросов поднакопил.

— И мы тоже. Вы нам солгали, — сказал Хьюстон.

— Да ну? Каким же это образом?

— Сказали, что приписаны к здешнему департаменту, а на самом деле ничего подобного. Из Парижа приехали только для того, чтобы с нами увидеться.

— Поразительно. Вы в этом абсолютно уверены?

— Мы расспрашивали полицейского. Он нам все это и сказал.

Умиление как-то само собой исчезло с лица Беллэя. Глаза его потемнели. Он, нахмурясь, взглянул на полицейского, который, чертыхаясь, пытался пробить на пишущей машинке три кнопки какого-то отчета.

А затем резко покрыл беднягу французским матом.

Так, по крайней мере, показалось Хьюстону.

Коп взглянул на Беллэя. Его лицо покраснело. Он сложил дулю и повертел ею в воздухе. Жест получился крайне неприличным.

У Беллэя перехватило дыхание. Коп возобновил борьбу с машинкой, а Беллэй расхохотался. Затем повернулся к Хьюстону.

— Никакого уважения.

— Как и тайн.

— Это правильно, мой друг. За исключением ваших. Вы же храните свои секреты, разве не так? Я просил вас выдать мне информацию, а вы стали подвирать.

— Не больше вашего. Слушайте, хватит болтать! Что, в конце концов, происходит?

Показалось, что на мгновение выдержка оставила Беллэя. Но он тут же выпрямился, и снова в глазах промелькнуло неподдельное изумление.

— Ишь ты... Давайте-ка мы заключим сделку. Вашу информацию за мною. Если, конечно, готовы сотрудничать...

— Верлен.

— Все в порядке. Поговорим. — Беллэй указал в сторону распахнутой двери.

Они вышли. Симона шла следом. Коридор был выкрашен серой краской. Или просто казалось, что краска серая, но в любом случае все требовало обновления. Из одного кабинета вышло двое полицейских и направились вместе в другой офис.

Беллэй повел их по коридору. Постучавшись в дверь, сделанную из матированного стекла, он подождал, пока ему не ответили и только тогда вошел. Сказал три предложения по-французски. Вышел мужчина с усталыми глазами и провалившимися щеками. Мельком взглянув на Хьюстона, задержал взгляд на Симоне. Затем с неохотой ушел.

— Они поселили меня здесь, — сказал Беллэй Хьюстону. — Не захотели, правда, дать отдельный кабинет. Но ничего. Этот вполне подойдет. — Он элегантно пригласил их зайти.

Хьюстон вдохнул запах плесени, исходящий от коробок, папок, бумаг. Архив. Посередине стоял стол.

Беллэй закрыл дверь.

— Садитесь, пожалуйста. Разговор, по всей видимости, займет некоторое время.

Симона подчинилась.

Но Хьюстон и не подумал никуда садиться.

— Верлен, — произнес он. — Выкладывайте.

— Нет, так не пойдет. Если уж начинать что-то, так с вас. Вы первый, а затем...

— Все понятно. Я уйду, — Хьюстон потянулся к дверной ручке.

Беллэй и не подумал его останавливать.

Хьюстон взглянул на собственную руку. Затем вздохнул и сел за стол.

— По крайней мере, вреда от этого никакого. Попытаемся.

— Конечно, никакого. Я вижу, что вы человек более любопытный, чем я. — Беллэй наблюдал за Питом. Затем, видимо, сделав какой-то выбор, вздохнул, передразнив Хьюстона. — Но если по-честному, — продолжил он, — то меня настолько гложет любопытство, что я готов продать собственную мать и заложить душу. Пожалуйста, начинайте. Расскажите все, что с вами приключилось. Не пропустите ничего. Ведь вы не знаете, какая деталь может оказаться особенно важной.

Хьюстон закурил. А затем, не выпуская ни малейшей подробности, четко и ясно выложил все, что знал.

— Верлен, — наконец, сказал он. — Все сходится на Верлене.

— И Сен-Лоране, хотя признаться, фамилия мне абсолютно незнакома. — Беллэй замолчал и повернулся к Симоне. — Вы можете что-нибудь добавить?

— Нет. Питер все рассказал.

Снова Беллэй переключил все внимание на Пита.

— Так, значит, ваш отец все еще может быть жив и вовлечен в это дело. Если же он мертв, значит к этому он не имеет ни малейшего отношения.

— К чему «этому»? Теперь ваша очередь. Пришло время выполнить условия сделки.

— Не уверен, что смогу. Нет, я, конечно, могу рассказать, что знаю. Но не понимаю, зачем это вам?

— Ради всего святого...

— Нет, вы послушайте, послушайте внимательно. Я слишком долго над этим работал. Поэтому потерял всю объективность, которая у меня еще оставалась. Хотя, быть может, новый угол зрения — ваш угол — прольет свет, укажет новую тропку...

Хьюстон ждал.

Беллэй постучал кончиками пальцев по архивному столу и начал.

29

— Я — не полицейский, — начал Беллэй. — Я работаю на правительственное учреждение. Разведку. Конечно, вы можете обозвать меня шпионом, но я предпочитаю менее драматичное слово.

Симона наклонилась вперед. Хьюстон даже не обратил на нее внимание.

— Не могу сказать вам, на какую контору работаю. Мы предпочитаем анонимность, да и название вам все равно ничего не скажет. Работа наша имеет исключительно оборонный характер, мы не сталкиваемся с иностранными правительствами и не využívаем их тайны. Совсем наоборот. Наша задача — оградить собственную страну от столкновения с иностранными державами. Мы — защитники. Мы отыскиваем вражеских агентов и убираем их.

— Это синоним слова «убиваем»?

— Все время забываю, что вы романист.

— А это-то вы как узнали?

Беллэй улыбнулся.

— Узнавал. А ваше посольство — рассказало. Пока вы находились в пункте неотложной помощи, прибыло ваше досье. Так же, как и досье мадам Симоны. Только не лезьте в бутылку. Это были необходимые меры, но подобная информация не просочится наружу.

— Я не сделала ничего, порочащего собственное имя, — произнесла женщина гордо.

— Ага, знаю. Читал это в вашем досье.

Симона казалась встревоженной, словно ей наплевали в душу или подглядели в замочную скважину.

— У мистера Хьюстона тоже в порядке с пороками. Я пришел к заключению, что ваша связь с Верленом оказалась чисто случайной, непреднамеренной. Но вы все-таки оказались втянутыми в это дело, и сейчас вопрос стоит так: как на это реагировать и как себя вести?

— То есть вы хотите сказать, что Верлен является куском меда, на который слетаются вражеские мухи, то есть шпионы? Беллэй внимательно посмотрел на него.

— Америка — не единственная страна, которую разъедает рак. Наркотики, преступность, моральная бездуховность. Зло растекается по миру. Оно заразно. Франция, Италия, Англия и Германия и Бог знает кто еще — нет времени перечислять страны. Бесконечен список. Мы медленно погибаем, все мы, все народы, страны, каждый из нас.

«Проповедь? — подумал Хьюстон. — Я-то его об информации спрашиваю, а он меня поучать вздумал?»

— Не ваша забота, — сказал Пит грубо. — Вы же не полицейский

— Верно.

— Тогда...

— «Верлен Энтерпрайзис» является синдикатом по распространению наркотиков, укрытию краденого, проституции, игорного бизнеса, они поставляют наемных убийц, профессионалов по поддельным документам и денежным купюрам. Им принадлежат дома типа того, в котором вы едва не погибли. Они покупают прогарное дело и используют его для прикрытия и отмывания грязных денег, чтобы налоговая инспекция не могла ни к чему придаться. Уроки Аль Капоне выучили не только в Америке, но и здесь, во Франции. Ведь этот гангстер отправился в тюрьму не за убийства, а за неуплату налогов. Вы бы, наверное, очень удивились, например, узнав о том, что «Верлен», не задумавшись, взорвало дом, в котором вы находились, а теперь требует за него страховку.

— Господи...

— В каком-то смысле я нахожу их наглость впечатляющей. Но как вы только что сказали, эти убийства — не моя забота. Но у меня с «Верленом» другие счета. Год назад полицейские принялись слушать уличные разговоры. Ничего конкретного. Так, слухи. И не в Ронсево, а в Париже и Марселе. Огромные партии наркотиков безо всякого труда ввозились на судах в страну. Под большими я подразумеваю партии раз в десять больше обычных. Затем в двадцать. Потом в тридцать раз. Если эти слухи были верны, тогда подобная

операция невозможна без крупных взяток и подкупа верхнего эшелона чиновничьей бюрократии. Одно это уже заставляло с подозрением отнестись к этим слухам. Потому что такая коррумпированность сама по себе практически невозможна. Но, что еще того интереснее, в подобных деяниях не было ни малейшего смысла. Огромные партии наркотиков просто забьют рынок, и цена неминуемо упадет. Зачем гангстерам лишать самих себя прибыли? Зачем такие поставки?

Хьюстон почувствовал закипающую злость.

— Если вы с нами в кошки-мышки задумали играть... Если ответа нет...

— Есть, есть ответ и все, что угодно. Возникли новые слухи, на сей раз не с улицы, а от глубоко законспирированных агентов. Не секрет, что попытки ослабить напряженность в мире провалились. Ваш президент дал это ясно понять. Госдепартамент относится к Советам так, словно холодная война никогда не закончится. Вторжение в Афганистан сделало для всех ясными намерения Советов — Восточная Европа, Куба, Южная Америка, Средний Восток и, конечно, Африка. Дорожка хорошо просматривается. Но они прекрасно знают, что еще многие места необходимо завоевать. Снаружи и изнутри.

— То, что вы сказали несколько раньше...

— Теперь, значит, видите связь? Доказать, разумеется, мы не можем, но подозреваем, что, потеряв вконец терпение, Советы усиливают процесс разложения нашего общества. «Верлен Энтерпрайзис» — это организация для гангстеров. Но если предположить, что и гангстеры являются для кого-то фронтом? Допустим, что Советы относятся к ним, как к молчаливым, скрытым партнерам, не подозревающим, с кем именно они имеют дело. Грязные деньги. Покупка открытого, прогорающего дела. А дальше — контроль со стороны. Подкуп и мошенничество, коррупция и сводничество. Используя недостатки системы. Культивируя их. Позволяя сорнякам расти, как можно гуще. И когда мы разложимся до такой степени, что будем думать только о собственных наслаждениях, когда повсюду наступит анархия, тогда Советы нас легко захватят.

— Что, Советы контролируют мафию?

— И эквивалентные организации в Италии, Англии, Америке. Чтобы закоренелые преступники оказались вражескими шпионами? Да разве кому-нибудь подобное в голову придет? Но слухи, мистер Хьюстон, становятся все тревожнее и их все больше. Я занимался расследованием последние девять

месяцев. Пока не могу доказать, что между Советами и «Верлен Энтерпрайзис» существует связь, но массированные поставки наркотиков, падение цен — этому нет иного объяснения, очевидно, что чья-то сила решила подточить устои нашей державы и посеять хаос.

Злость Пита не уменьшилась.

— Я хочу лишь отыскать убийцу Джен. Хочу остановить тех, кто пытался убить нас обоих с Симоной. Я хочу снова зажить нормальной жизнью. Понимаете? Если знаете хотя бы что-то, что может нам помочь, — скажите. Зачем вы рассказали мне эту леденящую душу историю, которая в конце концов станет историей?

— Вы пытаетесь обнаружить могилу отца. Начинаете искать Сен-Лорана. Все это приводит вас к «Верлену». Кроме всего прочего, сейчас придется заниматься сорок четвертым годом. Пропавшим взводом. Исчезновением Сен-Лорана. Тогда что-то произошло, а отзвук донесся до наших дней. Раскрыв ту тайну, мы раскроем и все остальные.

— А в центре паутины — мой отец, — сказал Хьюстон. В животе что-то ухнуло вниз. — Боже милостивый, да что же он за человек-то был? Во что он был вовлечен?

— И теперь, — подала голос Симона.

— Что?

— И теперь вовлечен. Ведь все только начинается.

Хьюстону показалось, что в комнате потемнело.

Беллэй угрюмо кивнул.

— Так что же мне делать? — спросил Хьюстон.

— Ничего...

— С вами, без вас, но я его найду. Научите, — потребовал Хьюстон. — И я хочу узнать все о «Верлене».

30

Список собственности компании «Верлен», напечатанный в одну колонку, занял три страницы. Бизнес любого вида и типа, — прачечные и импортные конторы, дистрибьютеры и кинотеатры, рестораны и офисные здания, финансовые корпорации и конгломераты. Хьюстон выпал в осадок. Он оторвал взгляд от документов.

Беллэй объяснял:

— На бумаге «Верлен» выглядит, как девственница перед свадьбой. Все легально, законно, организовано классными адвокатами. Выплачиваются все налоги. Не обходится сто-

роной благотворительность. Выпускаются акции. Выплачиваются дивиденды вкладчикам. Все правильно, документы составлены настолько тщательно, что понадобилась целая армия наших собственных бухгалтеров, чтобы разобраться в этой писанине. Это форменный лабиринт фактов и цифр, где все туманно до невероятности. Если начинаем расследовать дела главных инвесторов, то обнаруживаются новые корпорации, а люди, числящиеся директорами, попросту не существуют. Имена — липовые. Так что мы даже не можем выяснить, кто-кому-куда платит деньги. Это с одной стороны. С другой, — то дело, которым занимается «Верлен», не может приносить тех доходов, о которых он докладывает.

— Судя по всему, инвестиции и доходы — нелегальны и принадлежат синдикату, — предположил Пит.

— Или Советам, если принять мою точку зрения, — добавил Беллэй.

Пит снова углубился в список предприятий... и внезапно среди огромного количества названий узнал одно. настолько знакомое, настолько поразительное, что он побелел.

— В чем дело, Пит?

Хьюстон встревоженно повернулся к Симоне. Он изучал каждую черточку ее красивого и строгого лица, ее великолепные волосы. Наконец, взглянул в вопросительные, ищущие ответа глаза.

Но не смог заставить себя сказать.

А что, если его подозрительность не имеет под собой почвы? Он не имеет права делать ей больно. По крайней мере, до тех пор, пока сам достоверно не убедится.

— Да ребра ноют, — ответил он, стараясь говорить как можно естественнее. — Болят точнее. Я слишком много на себя взвалил.

— Ничего удивительного, — сказал Беллэй, взглянув на часы. — Уже шесть. Всем нам необходим отдых. Не возражаете отобедать со мной?

— Давайте без обид, — сказал Пит. — Но я бы вместо еды предпочел крепкий сон. Может, как-нибудь в другой раз?

— Да ради Бога. Кроме того, у меня есть кое-какие личные дела. И, к тому же, — у нас проблема.

Хьюстон нахмурился.

— Вы все еще в опасности. Пока вы изучаете документы, кто-то за вами охотится. Ситуация-то не изменилась. Поэтому нужно отыскать местечко, где бы вы могли переночевать. И я совершенно с вами согласен: в отеле небезопасно.

— Тогда где же?

31

В охотничьей избушке. По крайней мере она казалась охотничьей. На вершине голого холма, очищенного от деревьев и кустов по периметру. Обозначая, что это избушка, но не простая, вокруг нее шла ограда. Низкое, широкое здание казалось совершенно безобидным. Стены сложены из бревен, крыша покрыта кедровой дранкой. Здесь же дровяной сарай и гараж на единственную машину.

Чтобы добраться до избушки, Хьюстону с Симоной пришлось оставить «рено» в подземном гараже полицейского управления Ронсево. Выехали в полицейском фургоне, который начал произвольно кружить по улочкам, стараясь, если не избавиться от хвоста, то по крайней мере его засечь. Затем нашу пару пересадили в неприметную машину и вывезли из города. Симона все время встревоженно смотрела на Хьюстона, словно отчаянно пыталась подавить в себе какой-то вопрос. Но оставалась спокойной. Сжимала ему руку. Пит чувствовал ее напряжение и все время вспоминал, что видел в папке дела, заведенного на «Верлен».

Чтобы отвлечься, он заставлял себя смотреть в окно, на темные силуэты деревьев, выстроившиеся возле плавно заворачивающей деревенской дороги. Водитель нажал кнопку на панели управления. На сей раз Хьюстону захотелось спросить, что это он делает, но машина под углом сползла с дороги и начала карабкаться в гору, на сей раз по ухабистой разбитой тропке, настолько густо обсаженной кустами, что они задевали обшивку машины.

И тут, выглянув из темноты нависающих деревьев, появилась прогалина и на ней — холм, на вершине которого в призрачном лунном свете Хьюстон увидел очертания охотничьей хижины. Его передернуло.

И вновь водитель нажал кнопку. Хьюстону больше не хотелось задавать вопросов. Да и причина была ясна. Металлические ворота распахнулись. Сквозь проем автомобиль подкатил к зданию. Хьюстон оглянулся. Ворота закрылись.

Машина остановилась. Водитель не выключил мотор, но и не вышел.

Пит наклонился вперед.

— Мы ждем. За нами кто-нибудь должен прийти?

Водитель обернулся и изумленно взглянул на Пита. Хьюстон понял, что человек не говорит по-английски.

Но Симона все перевела. Шофер ответил.

— Нас ждут. А он должен ехать, выполнять другую работу. Он думал, что процедура нам знакома.

— Он, что, хочет просто бросить нас здесь? — У Пита родилось не одно, а сразу несколько дурных предчувствий. — Но здесь же темно. Мы даже не знаем, где находимся.

Водитель снова что-то сказал. Симона перевела Хьюстону:

— Он хочет, чтобы мы вышли. Он и так опаздывает.

— Ну и черт с ним.

— Он говорит, что мы будем в безопасности.

Внезапно возле автомобиля возникла чья-то тень. Хьюстон рефлекторно откинулся назад, закрывая собой Симону. Сердце забухало. Он в панике потянулся за ручкой двери.

Слишком поздно. Дверь распахнулась как раз в тот момент, когда Пит пытался ее закрыть. Из темноты выдвинулся мужчина. Одетый в черное с головы до пят. Короткая черная борода, черный берет, мощная черная наплечная кобура, из которой выглядывала мощная черная рукоятка пистолета. Ему было около пятидесяти. Мужчина прищурившись посмотрел колючими глазами вначале на Симону, затем на Хьюстона.

— Пожалуйста, — сказал он по-английски с сильным акцентом. — Будет лучше, если вы зайдете внутрь.

— Вы от Беллэя? — спросил Хьюстон.

— Мы вместе работаем. У нас один руководитель.

— Это место...

— Совершенно безопасно. Пожалуйста, поторопитесь. Здесь, на улице, я вас защищать не могу.

Хьюстон взглянул на Симону, ища у нее поддержки. Она кивнула. Они вышли из авто. Незнакомец мментально захлопнул дверцу. Побарабанил пальцами по крыше. Водитель отъехал. Бредя вслед за женщиной к избушке, Хьюстон услышал, как плавно и бесшумно распахнулись ворота и увидел, как свет фар скрылся за горизонтом. Потом и звук двигателя стал неразличимым. С тихим шепотом закрылись ворота.

А затем за исключением шагов, ступающих по покрытой росой траве и хлопанья крыльев, по всей вероятности летучей мыши, вообще ничего не стало слышно. Хьюстон ощущал присутствие Симоны рядом с собой, смотрел в мускулистую, обтянутую черным свитером спину. Мужчина тащил его и ее сумки.

— Никто ничего не потрудился объяснить, — проворчал Пит. — Так что же это все-таки...

— Убежище. Наш дом для безопасных встреч. Место отдыха. Его можно использовать для чего угодно. Иногда для допросов. И с пристрастием. Меня называют Анри. Без фамилии, будьте любезны. Я ваш слуга.

— И телохранитель?

Они дошли до ступеней, ведущих на скрипучее крыльцо.

— Данное слово вызывает слишком нежелательные ассоциации. Главное, что от меня требуется, — обеспечить вам максимум удобств и безопасность.

Он распахнул обшарпанную, непокрашенную дверь. В полутьме Хьюстон увидел вторую, металлическую дверь и встал рядом с Анри, который набирал на циферблате какие-то цифры. Что-то зажужжало. Тяжеленная дверь открылась на дюйм.

— Предосторожность, — Анри грациозно предложил им войти.

Они вступили в тьму. Хьюстон услышал, как Анри что-то тронул на стене. Тут же закрылась дверь и зажглись лампы.

— Все работает автоматически, — пояснил страж. — Свет выключен, когда дверь открыта.

Хьюстон заморгал. Комната оказалась огромной, с мощными потолочными балками, темными деревянными панелями по стенам и с пушистыми деревенскими коврами на полу. На стене висела медвежья шкура и мощные оленьи рога. Под рогами находился камин.

Но внимание Хьюстона было приковано к целой стене мониторов — радио и теле. Они посверкивали и поблескивали. Шкалы и стрелки пошатывались.

— Ух ты, ну и приспособления, — сказал он.

— Охрана. Как только металлическая дверь запирается, дом запечатывается. Как видите, окон здесь нет.

Хьюстон осмотрел зал. Стены мощные, без просветов.

Симона была поражена.

— Но снаружи были окна, хоть в них и не горел свет. Казалось, что дом вполне обитаем.

— Так он и должен выглядеть. Это часть замысла, — ответил Анри с удовольствием. — За окнами — ставни, а за опущенными ставнями — эти стены. Кажется, что владельцы хотят уединения и покоя днем, а ночью их не бывает. Никаких теней на рамах. Никаких мишеней для снайперов. Все спокойно, безлико и надежно. Хижина — это просто бункер. За деревянными панелями — металлические. Полно еды и воды.

— По вашему, небось, проекту?

— Догадливы. Это мое хобби. Мне повезло, потому что это также и моя работа. Все эти приспособления связывают нас с центральным бюро и спутниками. Но, что более важно, — они охраняют наземные сооружения. Вся ограда, разумеется, снабжена телекамерами. Стоит кому-нибудь попробовать взобраться на нее или даже коснуться, как мы получим сигнал. И — естественно — мы наблюдаем также и за лесом. Вы, наверное, заметили, как водитель нажал кнопку, съезжая с шоссе? И когда подъезжал к воротам?

Пит покивал.

— Это для того, чтобы предупредить меня о своем приезде. Но в любом случае сигналы, поступившие на мониторы, предупредили меня об этом заранее. Если бы подъезжал чужой, человек, не отвечающий на предупредительные сигналы, я бы моментально подготовился к атаке.

Пит сглотнул.

— Мне бы выпить.

— Джек Дэниелс, если не ошибаюсь, а леди...

— Сухой martini.

— Правда? Такого в вашем досье не было. — Анри казался озадаченным. — Все здесь в шкафчике. Сам я пить не смогу, но с удовольствием поухаживаю за гостями.

Однако Пит решил приготовить напитки лично. Он указал на шеренгу запечатанных бутылок на стойке.

— Они все запечатаны...

— Мои гости — люди осторожные.

— И что с того?

— Никто не станет пить из открытой бутылки.

У Хьюстона перехватило дыхание.

— Но ведь не так уж трудно кинуть в бутылку яд, а затем снова ее запечатать.

— Приходит время, когда не остается ничего другого, как довериться.

«Прямо, как мы сейчас», — подумал Хьюстон.

— Мне нужно с тобой поговорить, — сказала ему Симона.

Пит понимал, что это неизбежно, хотя и старался всеми силами уклониться от этого разговора. Но глаза, ее глаза испытующе смотрели ему прямо в душу.

— Ваша комната вон там, — показал Анри. — Там есть ванна, душ и туалет. Ужин будет подан через час.

Симона вошла в комнату до того, как Анри закончил фразу. Хьюстон схватил их сумки. Комната оказалась большой, с потолочными балками и панелями по стенам, с натертым паркетом и королевской постелью.

Симона закрыла дверь, как только Пит вошел.

— В ванну, — приказала она.

— Что?

— Ты понял. — Она прошла в угол комнаты и рывком распахнула дверь. Увидела ослепительный белый кафель. Зашла. Пит поставил сумки на пол.

Затем, нахмурившись, поплелся следом.

— В чем дело?

Но Симона ничего не ответила. Вместо этого она повернула краны и открыла душ. Затем, когда шум воды стал невыносимым, повернулась к Хьюстону.

— Ты опять что-то скрыл.

— Думаешь, что здесь установлены микрофоны?

— Ну, разумеется, я именно об этом и думаю! Дура была бы, если бы не думала о том, что комната прослушивается. А теперь: правду! Прекрати что-то постоянно скрывать!

Из кранов лилась вода.

— Говори, — приказала женщина.

Он неохотно промямлил:

— Беллэй принес дело «Верлена». И мы принялись просматривать документы...

Симона кивнула.

— Мне достался список предприятий «Верлена», всех компаний, которые им принадлежат... Послушай, Симона, я не хочу тебя расстраивать... Только поэтому я и утаил... Потому что должен был подумать о соучастии... Потому что в середине второй страницы я наткнулся на название гостиницы твоего отца. Она принадлежит «Верлену».

Симону словно ударили по лицу.

— Отец работает на «Верлен Энтерпрайзис»?

— Под названием гостиницы я прочитал ваш адрес, а далее стояла фамилия твоего отца.

— Тут какая-то ошибка!

— Именно поэтому я и старался это от тебя скрыть. Я просто должен узнать правду.

— Ее может знать Беллэй.

— Разумеется.

— Так, значит, он нас проверяет.

— Поэтому нас сюда и привезли. Не защищает он нас. А наблюдает за нами.

— Но если это правда, — ее глаза обезумели, — если никакой ошибки и в помине нет, значит, отец...

— И старался меня остановить. И, таким образом, была убита Джен. И тот человек проник в нашу комнату. И в твою тоже. Он старался сравнить счета с твоим отцом.

— Нет. Умирая, он не упомянул имени отца.

— Не играет роли. Я знаю только, что имя твоего отца оказалось в списке, и...

Симона вылетела из ванны.

— Эй!

Она развернулась, глядя ему в лицо.

— Нет, я докажу, что это не так. Я не позволю тебе так о нем думать. Он мой отец. А ты пытаешься мне сказать, что я его совершенно не знаю, что он лгал, рассказывая о Пьере де Сен-Лоране. Предположение о том, что Сен-Лоран все еще жив, что отец его знает, что они соучастники, что... Если я поверю твоим предположениям, я сойду с ума! Что отец пытался меня убить?!

— Я ведь на твоей стороне. Давай немного потише, а то мужик...

— Плевать я хотела! Я собираюсь доказать, что ты ошибаешься! Я докажу это Беллэю! Всем!

— Но каким образом?

— Позвоню! Сейчас же! Расскажу ему, что мы узнали! Он не посмеет мне солгать! Я просто спрошу!

32

Симона схватилась за ручку двери. Пит подбежал к ней. Видимо, ей показалось, что он хочет ее остановить, и поэтому ее движения стали более лихорадочными. Женщина рванула дверь на себя с такой силой, что она грохнулась о внешнюю стенку. Пит бежал следом.

За плечом Симоны Хьюстон увидел, как Анри резко повернулся, чтобы посмотреть на них, и запутался в наушниках, которые просто не успел снять. Его лицо над черной бородой зарумянилось от смущения.

— Я просто... — начал было он.

— Да знаю я, чем вы там занимались, — рявкнула Симона. — Подслушивали! Но это не имеет значения! Вы знаете, чего я хочу! Телефон! Где он тут? Давайте его сюда!

— Он предназначен только для экстренных случаев!

— А это что, по-вашему? Вы же слышали, о чем мы говорили! Это крайне важно!

— Дайте я хоть в управление позвоню, предупрежу.

Тут Симона увидела телефон на стене между двумя мониторами.

Анри вскочил, собираясь ее перехватить.

Хьюстон вклинился между ними.

Симона дотянулась до телефона и набрала номер.

— Так нельзя, — насутился Анри.

— Отдыхай, — ответил Пит. — Если вариант не сработает, всегда можешь обвинить во всем нас, если же получится, вам же лучше.

Анри потянулся за пистолетом. Но рука застыла в воздухе.

Потому что Симона уже с кем-то разговаривала. Французский лился потоком. Хьюстон понял всего несколько отдельных фраз.

Анри понимал все. Его глаза сузились. Он стоял, застыв в напряжении, поджав губы с такой силой, что они побелели.

Не дыша, Пит повернулся и начал наблюдать за Симоной. Голос женщины стал сильнее, интонации — более требовательными.

И тут же тон изменился от требовательности к озадаченности, от уверенности к смущению.

Хьюстон посмотрел на Анри, который выглядел более сурово и кивал с мрачным удовлетворением.

— Что она говорит? — Хьюстон почувствовал, как засадило в горле. Голос сорвался.

Анри поднял руку, призывая его к молчанию, и продолжал смотреть и слушать Симону.

Трубка выпала из ее пальцев, грохнувшись на рычаг. Симона глядела на нее, так, словно та была чем-то испачкана.

Затем откинула волосы на сторону. Хьюстон увидел стоящие дыбом волоски на ее шее. Его затрясло. Симона задрожала, медленно обернулась, моргая опухшими глазами.

— В чем дело? — спросил Хьюстон.

— Отец, — только и сказала она.

Хьюстон подошел и взял женщину за плечи.

— Что там с твоим отцом? Скажи же...

Пит прижал ее к себе и почувствовал, как слезы выжигают материю рубашки на его груди.

— Он на побегушках...

— Нет.

Ее голос срывался от слез.

— Уехал. Этим утром. Взял с собой чемодан.

— Куда? Я... Белиберда, безумие. Скажи, что тебе наговорили.

— Это портье. — Симона отстранилась, чтобы смотреть ему в глаза; по ее щекам катились слезы. — Утром. Никто не понял, что произошло, но отец казался взвинченным, сам с собой разговаривал. Не хотел ничего делать. Сказал персоналу, чтобы выполняли свою работу без него, что скоро, через несколько дней, максимум через неделю, вернется. Несколько раз кому-то звонил из своего кабинета, затем упаковал вещи и уехал.

Мониторы все так же гудели. Пит впервые осознал, что этот звук не прекращался ни на секунду. Но тут зарыдала Симона и он слушал только боль, страшную боль ее голоса. Он с силой притянул ее к себе, крепче прижал и принялся гладить по волосам.

— Это может не играть никакой роли, не иметь значения вообще. Просто по делам...

— Да неужели тебе не ясна связь? Неужели не понятно, почему он повел себя именно так? — Симона покачала головой.

Покачал головой и Хьюстон.

Она отстранилась.

— Моя записка. Я ведь написала, что еду вместе с тобой. Что я собираюсь тебе помочь. Так же, как и себе. У меня ведь нет выбора. Так я написала. И надеялась на то, что он меня поймет.

— Боже мой. Ночь.

— Он-то хотел, чтобы я держалась от тебя подальше. А мы считали, что это отцовские заботы, защита дочери... А на самом деле — все наоборот. Он прекрасно знал, что мы обнаружим. Он всегда знал о том, что нам грозит. С того самого мгновения, как я начал разыскивать Пьера де Сен-Лорана. Он не думал, что и меня попытаются убить. И поехал умолять «Верлен». Чтобы они сохранили мне жизнь. Отцы. Теперь не только твой, но и мой. Они оба в этом замешены.

— Но ведь были еще телефонные звонки, — напомнил Хьюстон.

— Да, звонки, — подал голос Анри.

Пораженные Симона с Питом повернулись к нему, словно слова были произнесены не на французском или английском, а на каком-то тайном наречии.

— И что? — переспросил Пит.

— Звонки. Из своего кабинета, — повторил Анри.

— Точно, — сказала Симона.

— Упаковал вещички. Сказал, что уезжает на несколько дней.

— Ну и что с того? — спросил Хьюстон. — Не понимаю, что это нам дает.

— А вы подумайте. Он не остался в городе. Уехал куда-то.

— И все-таки я...

— Звонки могли быть в другой город. Значит на них должны прийти счета, которые следует оплатить. Мы узнаем номера по телефонным компьютерам, — сказал Анри.

У Хьюстона перехватило дыхание. И тут неожиданно завывли мониторы.

33

Хьюстон скорчился, словно ему в грудь всадили нож. И мгновенно повернулся в сторону источника звука — пронзительного визга, то затухающего, то вновь поднимающегося до неестественной высоты.

— Что это?

— Система сигнализации, — ответил Анри, и глаза его сузились. Он вытащил пистолет.

С мониторов неся и неся пронзительный вой. Хьюстон уцепился за последнюю хрупкую надежду.

— Может быть, неправильно сработала система.

— Невозможно. Я сам ее делал. — Анри сделал три шага вперед и добрался до мониторов.

Симона схватила Хьюстона за руку. Пит почувствовал давление женских пальцев.

— Кто-то идет через лес. — Анри указал на один из мониторов. — С юга. — Палец показал на дальнюю стенку.

Светящаяся лента крутилась на широком голубом экране. Желтая точка ползла по нему снизу вверх.

Анри указал на красную родинку посередине экрана.

— Это мы. Вершина холма. Читать экран нужно точно так же, как карту. Вершина — север, низ — юг. Вправо и влево — соответственно восток и запад.

Точка продолжала двигаться с юга на север и наверх холма.

— Животное, — предположил Пит.

— Невозможно, — ответил Анри. — Датчики скоординированы так, чтобы указывать на размер, вес и тепловое излучение объекта. Последнее в особенности. И поэтому единственное, что способно задействовать систему датчиков, — человеческий организм.

— Но кто бы ни шел сквозь лес, он может и не представлять собой угрозу, — упорствовала Симона. — Турист, путешественник, да кто угодно.

— А это скоро выяснится. Точка подобралась к ограде.

— И если ее коснутся...

— Через металл пропущен ток.

— Чтобы можно было остановить?

— Скорее убить.

Широко распахнутые глаза Симоны выразили все, что думал по этому поводу Хьюстон.

— Но ведь тот, кто там находится, вполне может быть невиновным, — сказала женщина.

— Мы не можем рисковать.

Вторая сирена завывала еще сильнее первой, Симона дернулась от пронзительного вопля.

— Вот вам и ответ на ваш вопрос, — сказал Анри. — Про ограду. Вашего туриста она не остановила.

Точка поднялась еще выше.

— Но ведь вы сказали, что ограда под напряжением.

— Видимо, этот человек пришел сюда подготовленным. Он отлично знает, что делает.

Хьюстон смотрел на то, как Анри побелевшими от напряжения пальцами сжимает рукоятку пистолета.

— Остановите его, — сказал американец.

— Пулеметы расстреляют его в тот момент, когда он проделает половину пути до хижины. Они расположены таким образом, что линии огня у них пересекаются. Весь холм заминирован, за исключением подъездной дорожки. Его остановят. Можете не волноваться. На этом склоне скрыться невозможно.

Но Хьюстон подумал: «Почему же, если мы не должны волноваться, дружище Анри, твое дыхание стало таким неглубоким, частым и хриплым?» А когда завывала следующая сирена, все стало ясно. Замурованные со всех сторон в избушке, они были загнаны в ловушку. Через западный

сектор экрана теперь тоже двигалась точка по направлению к центру.

— Их двое!

Хьюстон, чтобы как-то справиться с внезапно начавшейся дрожью, вцепился в край стола. Точек было уже не две — три! На сей раз она появилась с севера и двигалась внутрь.

И с востока!

— Сирены! Я больше не могу слышать этот вой! — Симона приложила руки к ушам и сильно-сильно сжала их.

— Выключите, — сказал Пит.

Анри щелкнул выключателем. Сирены умолкли. Но тишина оказалась куда более страшной, чем любой вой. Воздух как будто превратился в вакуум. Хьюстон застыл в ожидании надвигающейся беды. А четыре точки, дойдя до определенного расстояния до избушки, вдруг как по команде остановились.

Световой луч продолжал кружиться по экрану. Точки расположились вокруг хижины удивительно симметрично.

— Что происходит? — спросила Симона.

— Будь здесь окна, мы бы сразу же это узнали.

— Радуйтесь, что их нет, — фыркнул Анри. — Потому что мы тут же превратились бы в мишени. Благодарю тебя, Господи, за эти железные стены!

— Но разве у вас нет телекамер?

— Есть, но вот экран... Какие-то статические помехи. Что-то словно вторгается...

— Почему-то не слышно пулеметов.

— Эти люди прекрасно знали, где следует остановиться. Они не переступили «красную черту», за которой начинается огонь.

— И не переступят, — сказал Пит.

— Откуда такая уверенность?

— До сих пор все ваши штучки им удалось просто-напросто обойти. Они прекрасно подготовились. Потому что знали, с чем придется столкнуться.

— Это невозможно.

— Да вы постоянно это твердите. Невозможно, невозможно! Да не бывает невозможного! Что-нибудь да происходит. А сейчас, например, — вот это.

— Смотрите! — Симона указывала на монитор.

Южная точка двинулась вперед.

— А что там с минами?

— Он, наверное, на подъездной дорожке.

— Замечательно! Просто молодец!

— Но все может начаться в любую секунду.

- А что если они перекроют электроэнергию?
- Не смогут. Генератор прямо под нами.
- А что, черт поберет, делает этот приятель?

Хьюстон узнал это чрезвычайно быстро. Южная точка внезапно остановилась. Пауза слегка затянулась, и тут внезапно, дверь, через которую они вошли, разлетелась на куски.

34

Она треснула и сорвалась с петель. Куски полетели на толстые ковры. Вонь кордита, горящего дерева и перегревшегося металла забила Хьюстону ноздри. Он закашлялся и вдруг понял, что стоит на коленях. На какое-то мгновение ему показалось, что он снова в Ронсево, во время взрыва в офисном здании.

Но на сей раз тут использовали кое-что покруче бомбы.

— Ракета! — завопил Анри. В дыму его было совершенно не видно. — Плевать они хотели на пулеметы и автоматы! Они вовсе не собирались подбираться вплотную к хижине! — Голос его напоминал рев фановой трубы. — Они остановились и теперь начнут разносить хижину на куски! Они...

Второй взрыв перекрыл все остальные звуки. Западная стена, возле которой Хьюстон наливал выпивку, разлетелась вдребезги, и в комнату влетело несколько огромных дымящихся кусков дерева.

Симона закричала. Восточная стена, на которой были укреплены мониторы Анри, взорвалась. Хьюстон грохнулся на спину, на него посыпались камни. Голова с глухим стуком припечаталась к твердому паркету. Рядом рухнул здоровенный булыжник. Пит, опираясь на него руками, поднялся и принялся высматривать Симону. И тут полетела южная стена.

— Нельзя здесь оставаться! — крикнул Анри.

— Но и бежать бессмысленно. Нас перестреляют, как куропаток.

— Есть выход. — Голос Анри был настолько спокойным, уравновешенным, что Хьюстон с опаской уставился на француза, опасаясь, не сошел ли он с ума. — Помогите! — рявкнул он, хватаясь за булыжник.

Хьюстон потерял опаленные горячим и едким дымом глаза. Ошеломленно стал смотреть на отчаянные движения Анри. В дыму тот здорово смахивал на дьявола, — весь в черном,

и с черной — сатанинской — бородой. В ту же секунду Хьюстон услышал оглушительный грохот, разнесший к чертовой матушке спальню. И почувствовал еще что-то... Свист возле головы. И обжигающий внезапный жар. Повернувшись, увидел языки пламени. Дальний конец комнаты горел. Воздух ревел, словно от урагана, огненным штормом.

— Да помогите же! — крикнул Анри еще раз.

Хьюстон повиновался. Спотыкаясь о развалины, он побрел к французу: ноги все время натыкались на острые углы от выбитых в разные стороны консолей и разбитые стекла. Новый взрыв бросил его вперед. Барабанные перепонки настолько болели от постоянного грохота, что Пит не слышал даже рева пламени. Зато ощущал разбухающий жар — более мощный, близкий и безумный. Симону скрывал дым. Она кашляла. Еще взрыв. Визжащий кусок шрапнели попал ему в плечо.

Нужно было откинуть большой камень. Поднять и отбросить. Под ним должен быть люк.

Анри пихнул Пита вперед, сам кидаясь на пол. Удар вышиб из легких Пита весь воздух. Стараясь вдохнуть, он набрал полные легкие дыма и стал задыхаться.

Но Анри уже открыл люк. Сквозь клубящийся дым Пит пытался рассмотреть черную дыру. Что-то внутри подсказывало ему быть осторожным. «Нет», — сказал он себе. Ошеломленный омерзительной темнотой, Пит отшатнулся.

К нему тянулись алмазные в клубах белого дыма языки пламени. Одежда потеплела. От волос исходил едкий запах поленого.

— Быстрее! — поторапливал Анри.

Хьюстон схватил Симону.

— Там есть лестница? — спросил он.

— Ступени! Лестница! — прокричал Анри в ответ.

Все остальные колебания были сметены очередным взрывом. Обхватив рукой Симону, Хьюстон двинулся в черноту. Под его ногой возникла ступенька. И еще одна, когда он шагнул другой ногой вперед.

— Все в порядке, — сказал он Симоне. — Здесь безопасно. Ничего не бойся!

Ее рука так и тряслась на его плече, когда она стала спускаться вниз. Пламя подступило так близко, что тьма внизу освещалась. Хьюстон увидел земляной пол, грубые каменные стены. Почуял кисловатую влажность и услышал гудение генератора. Сквозь тени разглядел в углу громадный силуэт.

Анри прокатился вниз, хлопая себя и стараясь стряхнуть пламя с затлевшей одежды. Упав на землю, он принялся кататься по грязи, и Хьюстон кинулся ему на помощь. Замотав руку рубашкой, он принялся стряхивать огонь. Наконец, дым пропал. Анри застонал, его лоб покрылся потом.

— С вами все в порядке?

Анри не ответил, его глаза были от боли плотно сжаты. Запах горелого, исходящий от него, вызывал тошноту. Он с силой втянул в себя воздух.

— Времени у нас нет. — И постарался подняться на ноги. Когда Хьюстон решил ему помочь, он отпихнул его в сторону. — Ждать нельзя. Надо торопиться.

Взглянув наверх, Хьюстон увидел забившие люк языки пламени. Огонь уже лизал деревянные ступени.

— Мы же здесь задохнемся.

— Нет. За мной. — Анри схватил Хьюстона за руку. Подбежав к самому темному углу подвала, он рванул на себя металлическую дверь. Она со скрипом отворилась. Все двинулись вперед.

— Здесь туннель. Пожарный выход, так сказать. Он ведет вниз по холму, за ограду. И приведет нас к лесу.

Они побежали. Хьюстон врезался в мокрую каменную стену. Острый угол процарапал плечо. Он не видел, куда идет. Запаниковав, он вслепую рванул дальше.

Симона кинулась следом, шатаясь из стороны в сторону. Зажатые в темноте, они падали на мокрую раскисшую землю. Их спины перепачкались в жижу. Ботинки Пита намокли, брюки были холодными и липли к ногам. Но все-таки они поднимались. За спиной Хьюстон услышал приглушенные расстоянием два взрыва. Он продолжал бежать, ощущая за собой Анри и Симону, слыша чавканье грязи в промокших ботинках и свое паническое дыхание, отражающееся от стен туннеля.

— Скоро они закончат, — слышался напряженный голос Анри. — Пройдут по дорожке. Просмотрят развалины. И увидят, куда мы отправились погулять.

И вновь инстинкт Пита стал его о чем-то предупреждать. Было здесь что-то ясное, как день, видимое невооруженным глазом, что-то, что он проморгал. Он не мог вычленить эту мысль, проанализировать, понять, но его разум настойчиво возвращался и возвращался к этому, Хьюстон нервничал.

Что-то тут было не так. Но, Господи всемогущий, что именно?

— Здесь помедленнее, — приказал Анри. Он кинулся вперед, стараясь их задержать. — Секундочку.

Хьюстон сделал, что требовалось. И придержал Симону.

— А в чем дело? — спросил он.

— Там, впереди, должна быть следующая дверь. Мы почти добрались.

Хьюстон почувствовал, как Анри двинулся вперед. Восемь ступеней.

— Здесь. Нашел.

— Выведите нас отсюда, — сказала Симона.

— Еще несколько секунд.

Хьюстон услышал, как Анри возится с засовом. Он грохнул о железо. Анри задохнулся, но восстановил дыхание и дернул снова.

— Сейчас, я почти что... Все! — Француз оперся спиной о стену. — Теперь мы в безопасности.

Но в мозгу Хьюстона продолжали раздаваться сигналы тревоги. Что-то не в порядке. Он услышал, как Анри открывает дверь. Бледный свет луны ворвался в постепенно расширяющуюся щель. Воздух был свеж и чист.

— Господи, благодарю, — сказала Симона.

От света луны, просачивающегося сквозь гущу ветвей, Пит ощутил прилив небывалых сил, возбуждение. Анри двинулся вперед, чтобы отодвинуть ветви, закрывающие проход. И вот лунный свет ярко засверкал. Хьюстону еще не приходилось видеть ничего столь же прекрасного. Все еще сжимая руку Симоны, он двинулся в след за Анри — свобода! Несколько шагов, и они будут в полной безопасности. Деревья возвышались прямо перед ними.

И тут терзающее его подозрение, наконец-то, оформилось и ярко засверкало в мозгу.

— Анри, секунду. Если нападающие знали о хижине, ограде под напряжением, минах и пулеметах, если они прекрасно понимали, что им понадобятся ракетометы, тогда им известно и о...

Раздавшийся из леса выстрел оборвал мысль Хьюстона. Пит почувствовал, как пуля прошла сквозь тело Анри, как на него брызнула кровь. Анри, задохнувшись, выгнулся и рухнул на Хьюстона.

— Питер! — закричала Симона.

Хьюстон был не в силах ничего сказать. Он в ужасе старался выкарабкаться из-под мертвеца. Безумно схватил пистолет.

— Питер, скажи хоть что-нибудь!

— Анри мертв.

— Нет!

Хьюстон швырнул ее вниз. Следующая пуля, взвизгнув от попадания в железо, впилась в дверь позади его головы.

Пит увидел вспышку у одного из деревьев. Затем услышал выстрел. Еще один. Это была уже вспышка огня из другого ствола. Они были разделены расстоянием футов в двадцать.

Судя по всему, нападавшие рассчитывали, что он отступит назад и снова помчится вниз по туннелю обратно, навстречу тем, кто их преследовал. Они стреляли отнюдь не по четко видимым мишеням. Просто они хотели заставить Хьюстона вернуться в туннель.

«Нельзя отступать, — подумал Пит, — это ясно, как и то, что оставаться здесь тоже нельзя».

Ярость вскипела с такой силой, что едва не свела Хьюстона с ума. Паника сменилась отчаянным безумием.

Он увидел очередную вспышку огня. И выстрелил в ответ. Затем встал и прыгнул вперед.

— Питер!

Но его уже было не остановить. Он бежал вперед, целясь в то место, откуда стреляли. Он выстрелил еще раз, раздался вопль. Пит свернул в сторону. Заметил вырвавшийся слева огонь, но все так же продолжал нестись вперед, туда, откуда слышался стон. Хьюстон перепрыгнул через бревно, уклонился от дерева. Страх обострил все его чувства. Он видел так, словно ночь превратилась в день. Слух, несмотря на пытку, которой подвергались его барабанные перепонки в течение довольно длительного времени, работал безотказно. Стон впереди по курсу. Какое-то шебуршание в кустарнике. Скорчившаяся, держащаяся за раненую руку фигура. Неверящее выражение лица. Молодой человек с гладковыбритыми щеками, умоляюще прося...

Хьюстон выстрелил ему в череп.

Звук был кошмарным: брызнули мозги и кость. Страшный звук, жидкий, выстрел словно провалился в голову парня.

Хьюстон дернулся в сторону, его стошнило, он повалился на землю, покатился. Выстрелил еще один из нападавших. Хьюстон услышал, как пуля смачно вонзилась в ствол дерева. Разлетелись щепы, прошуршав по мертвым листьям леса.

Он продолжал катиться. Свалился в какую-то канаву. Остановился.

Он лежал в воде. Холод.

— Питер! — закричала Симона. «Эти крики приведут врага в недоумение. Только не прекращай кричать», — стал он мысленно умолять Симону.

Пит пополз по канаве, звуки от его передвижения смешивались со звуками бегущей и огибающей камни и свалившиеся ветви воды.

«Продолжай кричать».

Пятнадцать ярдов. Двадцать. Закоченевший Пит пополз вверх по склону и, прищурившись, стал разглядывать во тьме лабиринт деревьев и кустарников.

К груди намертво прилипла грязь. Хьюстон сильнее сжал оружие. Сколько патронов осталось? Он принялся считать и решил, что еще три.

Услышал крик Симоны:

— Питер!

И увидел какое-то движение возле дерева. Не так уж далеко. Человек, в замешательстве повернувшийся в сторону крика Симоны.

Хьюстон прицелился.

Задержав дыхание, он поставил на землю оба локтя. Правую кисть зажал левой ладонью, успокаивая прыгающий в руке пистолет.

Но ствол все равно колебался.

Нет! Прищурившись, Пит сосредоточился. Нет! И потерял почти все силы. Рука стала опускаться.

Пот выжигал глаза. Голая грудь дрожала, прижимаясь к земле.

Фигура двинулась вперед, выйдя из-за дерева.

Хьюстон нажал на курок, дернувшись от отдачи. Оглушенный он попытался как можно быстрее вскочить на ноги. Ботинки поехали на опавших листьях. Пит оступился и упал. Пополз.

Фигура продолжала двигаться. Хьюстон снова нажал на курок. Металл клацнул о металл. И ничего не произошло.

«Черт побери, у меня кончились патроны!»

Но и противник был ранен. Хьюстон кинулся к нему, въехал головой в грудь и упал вместе с ним.

Хьюстон колотил его пустым пистолетом изо всех сил. Ручка пистолета сломалась. Но он не останавливался. Снова и снова. Он не хотел, не мог позволить, чтобы ярость испарилась.

Его тело устало намного быстрее, чем душа. Рука стала тяжелой и непослушной. Револьвер выпал из ослабевших пальцев. Пит рухнул на врага. И когда увидел его лицо и

осознал, что сделал, тогда из его груди исторгся стон, отчаянный, дикий вопль. Его вырвало, и он вцепился грязно-красными руками себе в лицо.

— Господи, — прошептал он. — Помоги.

35

— Ты жив! — Симона выбежала из туннеля.

Хьюстон, пошатываясь, брел к ней из темноты.

Женщина обняла его, всхлипывая.

— Я боялась, что тебя...

Хьюстон, весь дрожа, поцеловал ее.

— Ты ранен? — спросила Симона.

— Плечо.

На землю капала кровь.

— Надо отсюда убираться, — сказал Пит. — Остальные. Могли услышать выстрелы.

Он, прищурившись, наблюдал за пожаром, разгоравшимся на холме.

— Они будут здесь совсем скоро, — сказал Хьюстон. Указал на лес. — Быстрее.

Они в панике побежали по направлению к деревьям. У Пита болело все тело. Он стал продираться сквозь кустарник. Перед ними зияла чернота.

Лес становился гуще.

— Надо отыскать дорогу, — сказала Симона.

«Куда идти?» — думал Пит. Он полностью потерял ориентировку. И не мог вычислить, в какой стороне должна быть дорога. Где-то с дальней от них стороны холма. Но они не могут вернуться. Их тут же услышат. А по всем его расчетам дорога должна была быть где-то впереди.

Он услышал шум льющейся воды и побежал. Река. Хьюстон увидел ее, когда выбрался из прибрежных кустов. Он потерял равновесие и едва не шлепнулся в воду. Симона его поддержала. Пит прищурился, хрипло дыша, и взглянул на отражавшуюся в реке рябкую неровную луну.

— Черт побери, мы в ловушке!

Река шумела, черные, покрытые белыми шапочками волны извивались. У Хьюстона от страха заболел живот. Но схватился он почему-то за грудь.

— Нужно бежать по берегу, — сказала Симона. — Но они, скорее всего, разделяться. Пойдут в оба направления и отрежут нас от дороги.

Пит старался отыскать какой-то выход.

— Переплывем, — наконец выдавил он.

Симона внимательно посмотрела на него.

— Это наш единственный шанс.

— Слишком сильное течение. Мы утонем, — сказала Симона.

— Если нас отыщут, убьют непременно. Так что другого пути просто не существует.

Женщина покачала головой.

— Придется рискнуть, — сказал Хьюстон.

— У тебя же плечо...

— Ничего не поделаешь. Не время сейчас, я теряю кровь.

И снова Симона покачала головой.

Пит трясущимися руками попытался расстегнуть ремень.

— Держи. Намотай его покрепче на руку. Я возьмусь за другой конец. Нас не должно отнести друг от друга. — Он в панике осматривал реку. — И хватит болтовни.

Затянув ремень покрепче, они соскользнули вниз по берегу. Поток захватил их сразу же и завертел, жестко кидая из стороны в сторону. Пит цеплялся за ремень, чувствуя, как Симону начинает относить в сторону. Он натянул его до предела, стараясь остановить кручение. Лицо оказалось под водой. Кашляя, Хьюстон потянулся к поверхности воды.

Никогда в жизни не чувствовал он столь ошеломляющего, ледящего холода. Вокруг все пенилось и хаотично двигалось. Он услышал, как стонет и воеет река, и только через какое-то время понял, что это не река, а он сам стонет.

Какой-то предмет толкнул его, сильно надавив на ребра. От удара Пит чуть не оказался под водой. Хьюстон увидел, как мимо, ошестинившись обломанными, торчащими в разные стороны сучками, проплыло бревно, он слишком поздно сообразил, что его можно было бы использовать при переправе. Вытянувшись, Пит попытался дотянуться до него, но не достал: ствол дерева уплыл в темноту, растворившись в пенящемся потоке. Симона рядом взбивала воду ногами.

«Я умру», — подумалось ему. И тут же показалось, что он снова находится в своей машине, стараясь выскользнуть из окна, царапая стекла и металл, в безумной надежде выкарабкаться на поверхность, пока мозг постепенно угасает.

Больше у него не было сил. Он отказывался бороться. Раненое плечо подвело; его тащило течением. Джен умерла. Вскоре умрет и он. Надежды замерцали последним пламенем и погасли. Он сдался... и тут же очнулся, — когда Симона потянула за ремень.

— Плыви, — сказала она.

— Не могу. Слишком слаб. Плыви дальше сама.

— Нет! Мы почти на месте!

Ему показалось, что он ослышался.

— Что?

— Берег! Мы почти добрались!

Хьюстон глупо заморгал. Черные нависающие тени. Силуэты деревьев, холмов и...

— Господи, — вырвалось у него. Новые силы влились в его жилы. Отчаянная жажда жизни заполнила каждую клеточку его тела. Он бросился вперед, потянулся к берегу, и когда дотронулся ногой до дна, то начал победно верещать:

— Мы здесь! Мы всех победили!

Пробравшись сквозь грязную воду, он бросился на берег лицом вверх, лицом к звездам. Увидел луну. Он боготворил ее.

— Мы в безопасности, — сказал он Симоне, чувствуя, как возбуждение согревает онемевшее лицо. — Теперь им нас никогда не найти. Даже если они переплывут реку, им не узнать, в каком именно месте мы перебрались, насколько нас отнесло течением и смогли ли мы ее вообще переплыть.

Он попытался было встать, но силы его оставили.

Симона сказала:

— Отдохни.

— Мы промокли и продрогли. Если не отыщем какое-нибудь убежище — замерзнем до смерти.

И тут Пит услышал далекий грохот грузовика и рев могучего мотора. За спиной. Где-то в деревьях. Пошатываясь, Хьюстон поднялся на ноги: дыхание с сильным свистом вырывалось из груди.

— Быстро, — сказал он.

— В округе наверняка есть фермы. Мы сможем добраться до телефона. И позвонить Беллэю.

Пит замер.

— Нет. Не можем.

— Но он нас защитит.

— Неужели? Ты понимаешь, что кто-то знал обо всем? Беллэй все подготовил! Он отослал нас в это убежище! И эти люди напали на хижину, как только мы туда приехали!

— Он послал нас в западню? Беллэй?

— Ясно что кто-то это сделал! А кто мог знать о том, где мы скрываемся?

— Но Беллэй... я не понимаю, зачем...

— А если он на них работает? Если он вовлечен в эту игру?

Симона застонала. В глазах светилась отчаянная тоска.

— Ну, скажи же, что это неправда...

— А у тебя найдется еще какой-нибудь ответ? Нас отослали сюда, чтобы умертвить!

Ее губы задрожали.

— Значит, нет никого, кому мы могли бы довериться. Нам ни за что не выжить.

Он смотрел на нее; мокрая одежда прилипала к телу. Он чувствовал ее страдания, полнейшее отчаяние и безнадежность.

— Нет, — сказал Пит, наконец. — Есть-таки человек, которому мы сможем довериться.

Часть четвертая

36

Что-то случилось. Не может же он настолько опоздать, — сказал Хьюстон.

Кафе было битком набито. Они с Симоной встревоженно ждали в угловой кабинке, поблизости от черного хода. Понемногу потягивая вино. Слушали долетавшие до них разговоры, когда зал стал заполняться людьми, пришедшими позавтракать. У них не было другого выхода. Время шло. Наконец, Хьюстон сказал Симоне, что им пора уходить.

— Нет, давай подождем еще немного.

— Нельзя так рисковать, — сказал Пит. — Что, если его телефон прослушивается? Что, если он разговаривал с... Со всеми этими людьми? Что, если один из них сидит здесь? Что, если его послали сюда, чтобы нас прикончить?

— Сейчас ты говоришь то же самое, что и я вчера.

— Не понимаю.

— Говоришь, что если он тоже повернул против нас, то нам конец. Если окажется, что безопасного места нет, то, значит, «Верлен» победил. Потому что мы парализованы. Но подобного мы позволить им не можем. Так что давай ждать и надеяться.

Он внимательно посмотрел на Симону.

— Не знаю, что бы я без тебя делал.

— Блин, да и я тоже не представляю, что бы вы делали без меня.

Но это произнесла не Симона. Голос принадлежал мужчине. Хьюстон в тревоге повернулся.

Возле их столика стоял Эндрюс: короткостриженный, квадратночелюстной, тяжеломускульный. Он стоял очень прямо и из-за рубашки с эполетами-погончиками казалось, что он все еще служит в армии.

Хьюстон отшатнулся.

— Откуда вы появились?

— С черного хода. Поэтому и опоздал. Хотел убедиться, что за мной нет «хвоста». Телефон я проверил: он не прослушивается. — Нервное лицо его было встревожено. Он

задумчиво положил на стол папку, выдвинул стул и, выпрямившись, сел. — Вы жутко выглядите. Когда вы вчера позвонили, то не хотели рассказывать, что с вами произошло. А теперь...

Хьюстон рассказал.

Закончил он стариком в драндулете, подобравшим их на дороге. Он поверил в байку о несчастном случае и довез их до близлежащей деревушки, где, как только рыдван скрылся из вида, они заплатили какому-то пьянчуге, который отвез их в другую деревушку, находящуюся несколько дальше.

— И после всего случившегося у вас достаёт мужества встречаться со мной здесь? В общественном месте, битком набитом народом?

— Мы решили, что на виду у всех нас не станут убивать. Чересчур много свидетелей.

— Из вашего рассказа я понял, что эти ребяташки не особо стесняются.

— Огромное спасибо. Я именно на это и рассчитывал. На поддержку.

— "Верлен" и Харон? Нечто белое?

— Я знаю... смысла в этом не слишком много.

— Как камень, брошенный в пруд. Круги расходятся все дальше и дальше.

— Вам удалось узнать номера? — спросил Хьюстон.

Эндрюс внимательно посмотрел на него.

— Вы решительно настроены на то, чтобы продолжать все это?

— Больше, чем когда бы то ни было. Да разве у нас есть выбор? Либо мы бежим до тех пор, пока нас не схватят, либо раскрываем правду и деремся.

Эндрюс вздохнул.

— Узнал я эти номера. — Он взял папку и положил ее перед собой.

Но пальцы его двигались крайне неохотно.

— Это было непросто. Пришлось напоминать об одолжениях, сделанных мне когда-то. Пришлось и самому поклоняться. Я потерял нескольких друзей из армейской разведки. Но в конце концов убедил всех, кого следовало. Им не хотелось называть номера без специального разрешения... Вы все еще уверены в том, что не можете доверять местным властям? Или лучше сказать так: французским властям?

— А вы бы на моем месте им доверились? И кому: местным полицейским или агентству Беллэя?

— Судя по тому, что произошло — нет.

— Номера, — потребовал Хьюстон.

Эндрюс покосился на папку. Он колебался, теребя печать непослушными пальцами.

— Может быть, вам все же лучше где-нибудь спрятаться? — спросил он. — Разведка просила — нет, даже настаивала — на том, чтобы вы оставались в стороне, пока они проводят расследование.

Хьюстон протянул руку, пытаясь схватить папку.

Эндрюс сам вскрыл печать. И вытащил на свет Божий листок бумаги.

— Ваш отец сделал три телефонных звонка, — сказал он Симоне. — Междугородних, как вы и предполагали. Номера записали на компьютер телефонной компании, и поэтому в гостиницу должны поступить счета. — Он отдал листок Симоне. — Вот они. Номера и страны. Я понятия не имею, кто живет по этим номерам. Но страны должны иметь какое-то определенное значение. Франция, затем Англия, и, наконец, — Америка.

Пит почувствовал холодок.

— Америка?

— Вполне возможно, что он звонил уже вашему отцу, — сказал Эндрюс. — Вот почему я колебался, говорить вам это или нет. Тайны нашего детства должны оставаться в далеком прошлом.

— Ошибаетесь, — сказал Пит. — Если нет правды, зачем тогда все остальное?

— Ради вашего спокойствия я бы, может быть, и согласился. Больше я вам ничем помочь не могу. Разведка приказала мне держаться от всего этого подальше. С этого мгновения вы действуете сами по себе... И вот еще что. — Эндрюс неохотно залез пальцами в папку и вытащил из нее первую страницу парижской газеты. — Вы это видели?

Хьюстон кивнул.

— Происшествие в охотничьей избушке. Упоминания о тех двух, которых мне пришлось... — Хьюстон сглотнул что-то кислое. — Затем речь идет о нас, французские полицейские даже не сомневаются, что мы ответственны за убийство секретного агента. Благодаря Беллэю нас теперь разыскивают. Так как нас не убили, то он представил все в таком свете, будто это мы во всем виноваты. Если бы я смог только добраться до его глот... — Хьюстон застыл. — Они ведь меня заставили это сделать.

— Что?

— Убить. Они разбудили во мне то, что я бы не хотел в себе раскрывать.

— Но самозащита...

— Не имеет значения, — выпалил Хьюстон. — Я убил двоих. Я... — Он увидел, как на него начали посматривать, оборачиваясь, люди. Он взглянул вниз, на кружочки, которые оставлял на столе его стакан с вином. Они смешались, смялись, превратившись в мертвые лица убитых им людей. — Я не был обучен убивать. — Он затрясся. Голос его стал низким и хриплым. — Я действовал чисто инстинктивно. Да, книги, которые я пишу, местами жестоки, и мне приходилось кое-что изучать, ходить на стрельбища, вникать во многое. Но то, что произошло, — было по-настоящему, и я с этим здорово справился. Я выиграл битву. У профессионалов. Старался говорить себе, что просто везунчик. Но ведь я знаю, что именно чувствовал. У меня на подобные штуки, оказывается, талант. А мне не понравилось, что меня в это впутали.

Хьюстон напрягся. Он почувствовал, как американец сжал кулак.

— Беда в том, что я вас понимаю, — сказал Эндрюс. — Я был во Вьетнаме. В моем подразделении были люди, способные убить и не перекреститься. Даже не заметить того, кого они убили. Но у меня все время были кошмары. — Эндрюс, как и Хьюстон в свое время, сделал паузу. Поджал, вспоминая, губы. — Вот почему я там, где нахожусь. На кладбище. Это епитимья. Ведь я вам уже говорил, что если человек убивает и ему на это плевать, то он кусок говна, вот и все. Но если ему нужно убить, а он этого не делает, тогда он кандидат в покойники.

Пит сосредоточенно слушал Эндрюса, подумал, а затем повернулся в сторону.

— Вся беда в том, — сказал он, — что мне хотелось убивать. Мне хотелось, чтобы они заплатили за все, что сделали со мной, с Дженис и Симоной. Вот, что меня беспокоит. — Он снова взглянул на американца. — Я зол и напуган. Потому что грохнул двоих и в следующий раз вполне возможно сделаю это с большей легкостью.

Эндрюс не пошевелился. Он просто смотрел на соотечественника, изучая его. А когда заговорил, то в голосе его прозвучало уважение.

— Тогда, вполне возможно, вы и выберетесь.

Пит положил трубку обратно на рычаг и вышел из стеклянной телефонной будки. Руки были липкими от пота. В этом огромном, забитом людьми зале — парижском телефонном комплексе — все стены были уставлены телефонными кабинками. В самом центре, за стойкой, группа служащих терпеливо принимала заказы от огромного количества людей, преимущественно туристов, пришедших сюда для того, чтобы позвонить за рубеж. В зале было шумно, но это нравилось Хьюстону. Он чувствовал себя защищенным в подобном хаосе.

И снова он просмотрел листок бумаги, который ему оставил управляющий кладбищем. Три удивительных номера. Абоненты во Франции, Англии и Америке. Руки тряслись. Рядом послышался толчок, и дверь соседней кабины открылась. Вышла Симона: лицо у нее было напряженным и задумчивым.

— Дозвонилась? — спросил Пит. — С кем-нибудь удалось поговорить?

— Да. — Голос был озадаченным. — Это здесь, в Париже. Но отнюдь не контора, а домашний телефон. Леблан. Франсуа Леблан.

Он не смог скрыть потрясения. Симона смотрела на него.

— В чем дело?

— Скажу через секунду. Вполне возможно, что тут ничего не скрывается. И что же он сказал?

— А я с ним вовсе не говорила. Его как раз не было дома. Ответил слуга.

— Может быть, Леблан должен скоро вернуться?

— Нет. Два дня назад он очень поспешно уехал. На важную деловую встречу, которая должна состояться в загородном доме.

— Два дня назад? То есть, когда ему позвонил твой отец?

— Может быть, ты думаешь, что я этого не знала?

Хьюстон изучал ее лицо: страх и напряжение светились в ее глазах. Он тихонько обнял женщину.

— Спокойнее. Я понимаю, насколько тебе тяжело. Нам обоим не слишком сладко пришлось. Но мы вынуждены искать ответы на вопросы.

— Нужно искать моего отца! Если он старался меня выгородить, если звонил Леблану затем, чтобы предотвратить то, что произошло, значит он в опасности. Его наниматели

засомневаются в его верности. Не может он одновременно быть верным «Верлену» и мне.

— Я думаю, что мы от него недалеко.

Симона встревоженно взглянула Питу в лицо.

— Это связано с твоим звонком?

— Номер в Лондоне. И тоже домашний. Владельца зовут Жюль Фонтэн. Его тоже нет дома. Секретарша сообщила, что два дня назад ему пришлось уехать. На срочное деловое совещание.

— Сюда, во Францию?

— Ты сама это сказала.

— Тогда, значит, отец с ним! С Лебланом!

— Будем надеяться, — вздохнул Хьюстон. — Головоломка практически решена. Осталось проверить кое-какие детали.

В будке, из которой недавно вышел Хьюстон, зазвонил телефон.

— Америка, — сказал он. — Я попросил клерка сделать вызов сразу же после предыдущего. Это Нью-Йорк. — Он вошел в будку и протянул руку к трубке, в которой должен был — как он сам надеялся и одновременно страшился этого — прозвучать голос его отца.

— Алло, — произнес Пит. На линии послышался треск. Хьюстон повысил голос, стараясь перекричать любые помехи. — Меня зовут Виктор Корриган, — продолжил он. — Кто-то оставил для меня у моей секретарши этот номер телефона с просьбой позвонить. Но я не совсем понимаю, кому и куда я звоню. В записке много неясностей.

Женский голос. Около сорока, или чуть больше. Ясно, что из высших классов. Рафинирован, словно она заканчивала небольшой частный колледж в Новой Англии.

— Виктор Корриган? Прошу прощения. Боюсь, что имя мне незнакомо. — Интонации неуверенные. Хьюстон почему-то предположил, что ей приходится много извиняться.

— Какая кошмарная неприятность, — продолжил он. — Я нанял новую секретаршу. Всю неделю только и делает, что ошибается. Придется, наверное, ее уволить.

— Ой, нет, пожалуйста, это ужасно. Что касается дел, то я просто не знаю, чем могла бы вам помочь. Видимо, вы должны поговорить с моим мужем.

— Простите, а он дома? Может быть, ему известно, что произошло?

— Нет. Он два дня назад уехал. В горы.

Хьюстон почувствовал, как сквозь жилы струится нетерпение.

— Тогда я позвоню попозже. Прошу прощения за... Нет, подождите-ка. Еще один вопрос, если вы, конечно, располагаете временем. Секретарша настолько безалаберна... Не могли бы вы сказать мне имя мужа, чтобы я мог проверить собственные записи? Быть может, я смог бы предположить...

— Ну, конечно. — Она, казалось, была успокоена. — Я всегда рада помочь. Его зовут Пол Дассен.

— А-а... Мне следовало сразу узнать этот номер. «Верлен» да? «Верлен Энтерпрайзис»?

— Ничего подобного. Я никогда даже не слышала о «Верлен Энтерпрайзис». «Готорн Импортс».

Хьюстон нахмурился.

— Ошибочка вышла. Иногда я их путаю. Все, не буду больше вас задерживать. Мое почтение Полу. Весной Скалистые горы особенно прекрасны. Если повезет, то вполне можно даже покататься на лыжах.

— Только не в Скалистых горах.

— Прошу прощения?

— В Альпах, молодой человек. Он уехал во Францию.

Хьюстона захлестнула настолько мощная волна страха, что ему показалось, что его сейчас стошнит. Схватившись за стеклянную дверцу будки, он принялся извиняться перед леди, бормотать слова прощания и трясущимися руками вешать трубку. Затем распахнул дверь. Симона смотрела на него, пораженная полубезумным выражением его лица.

— В чем дело?

— Не знаю. Я... — Хьюстон наблюдал за тем, как ее лицо расплывается, увядает. — Он уехал два дня назад. В Альпы. То есть во Францию. — Шум зала эхом отдавался в его голове.

— Значит, они все вместе, — быстро произнесла Симона. — Все. Отец.

— Пол Дассен. — Поддерживая себя в вертикальном положении, Пит схватился руками за дверцу будки.

— Что-что?

— Так его зовут. Чувствуешь? Все остальные — Франсуа Леблан, Жюль Фонтэн — это французские имена. Мы считали, что это пропавшие без вести солдаты. Из отцовского подразделения. Но не могут же они все оказаться французами, потомками французов, родители которых эмигрировали в Америку из Франции!..

— Они могли просто изменить фамилии.

Хьюстон кивнул.

— Могли достать новые удостоверения личности. Все верно. Но зачем?

— Леблан.

Хьюстон в изумлении нахмурился.

— Когда я произнесла эту фамилию — впервые — что-то случилось с твоим лицом, — сказала женщина. — Глаза изменились.

— Так как ты француженка, то фамилия показалась тебе совершенно обыкновенной. А вот у меня с языком проблемы. Все, что я слышу на французском, автоматически в голове переводится на английский.

— Ну, и причем здесь...

— Тогда скажи, что означает эта фамилия. На английском, разумеется.

— Что-что? Леблан? Ну, блан означает... — Она осеклась, неожиданно все сообразив.

— Блан означает «белое», — закончил за нее Пит. — Тогда, в твоей спальне, умирающий человек заговорил, как мне показалось, по-французски, и я моментально перевел его слова. И разумеется, это было лишено всякого смысла. Потому что этот человек просто назвал мне фамилию. Не «белый», а «Леблан».

— Верлен и...

— Теперь мы знаем, что означают эти два слова. Но кто или что такое Харон?

38

На оживленной парижской улице Хьюстон дрожал от холода. Небо было покрыто тучами, свет угасал. Задул слабый мозглый и влажный ветер. Пит поплотнее запахнулся в спортивную куртку и застегнул все пуговицы.

В округе было полно офисных зданий и контор, находящихся на первых этажах. Рядом находилось кафе. Приближался вечер; чиновники и клерки начали вытекать из многочисленных зданий. Хьюстон посмотрел на другую сторону улицы и увидел вывеску, сообщившую ему, что это забегаловка «Ле Макдоналдс», и он подумал, что это просто чья-то шутка.

Упала первая капля дождя. Затем вторая. Асфальт начал покрываться темными пятнами. Хьюстон почувствовал, как дождь льется ему на нос, на руки, просачивается сквозь куртку. «Если припустит, — подумал он, — то ждать Симону

на улице будет невозможно.» А если он сунется под чью-нибудь крышу, то она может проехать мимо и не заметить его. Пит пытался высмотреть на улице какую-нибудь крышу, где он был бы виден с улицы. Навес, парадное.

«Не надо нам было расходиться, — думал Пит. — Нам вообще не следует разъединяться. Ни на секунду.»

Слева, в полуквартале от себя, он заметил темно-голубой фургон. Пит попытался проморгать заливающий глаза дождь и разглядеть водителя. Заметив какое-то движение в фургоне, он рванул к нему, слыша, как хлупает вода в новых, недавно купленных ботинках.

Вспыхнула молния. Хьюстон добрался до фургона. Рывком распахнув дверь, он забрался внутрь.

— Заставила ты меня поволноваться, — сказал Пит.

— В одном месте не оказалось прокатных фургонов. Второй прокат был просто закрыт. — Симона смахнула капли дождя со лба Хьюстона.

— Но ты наняла его на свое американское водительское удостоверение? С именем твоего мужа?

Женщина кивнула.

— Полиции это имя неизвестно. Им никогда не связать наем этого фургона с нами.

Пит посмотрел за спину.

— Спальные мешки? Еда?

Симона снова кивнула.

— Все взято. — Она включила «дворники». Хьюстон смотрел, как машины впереди двинулись.

— И все-таки — куда? — спросила женщина. — Нам известно лишь, что вся команда находится где-то в Альпах, в загородном доме или поместье, принадлежащем Леблану. Но просто так нам его ни за что и никогда не найти.

Хьюстон вытащил из кармана брошюру.

— Верно. Но пока ты беседовала с девицей из проката автомобилей, я на время стал брокером. Притворился, что мечтаю купить немного акций. «Верлена», разумеется. И продавец дал мне вот это. — Брошюра была рекламой «Верлен Энтерпрайзис».

— Так как Леблан находится в Альпах по делу, я решил, что загородный дом, скорее всего, — штаб-квартира «Верлена», а не его собственное убежище. Ведь таким образом он избегает дополнительных налогов. — Пит пожал плечами. — Итак, я позвонил в «Верлен». Леблана, разумеется, не оказалось. Секретарша подтвердила то, что он в Альпах по делу. Я, естественно, не назвал своего имени. Зато

секретарша вдавалась в подробности сильнее, чем слуга. Леблан находится в доме отдыха для персонала «Верлена».

— Это нам ничего не дает.

— Нет, дает. — Пит отдал Симоне брошюру. — Вот здесь. — Из зеленой Долины, если смотреть вверх за могучие рощи исполинских деревьев, можно увидеть башенки, парапеты и балкончики замка, старинного, серого на белом фоне снегов, лежащих на склонах гор, находящихся за ним. Под картинкой была надпись: «Тренировочный центр «Верлена», место отдыха сотрульников».

Пит сказал:

— Вот здесь. Вот, где мы отыщем твоего отца. И моего заодно. И ответы на все вопросы. В этом замке, в сердце Альп.

Симона свернула на более широкую улицу, которая вела прочь из Парижа. Хьюстон почувствовал обуревавшее ее возбуждение.

— И это еще не все, — добавил он. — Очередное совпадение. Агент сказал, что «Верлен» образовался в пятидесятом году. Как раз в том году, когда сгорело здание суда в вашей деревушке. Все записи были уничтожены.

— Думаешь, поджог?

— Надо было сжечь свидетельства о рождении. Ты ведь сама говорила, что тем солдатам следовало бы изменить свои личности. Так вот они использовали имена и фамилии детей, умерших в Сен-Лоране. Их отыскал твой отец — наверняка брал те семьи, которые целиком гибли во Второй Мировой. Таким образом не осталось в живых никого из родителей, кто мог бы протестовать: «Это не наши сыновья. Наши сыновья мертвы». Видимо, твой отец проделал всю соответствующую работу с бумагами. Паспорта, свидетельства о рождении, а затем — пых, и здание суда сгорело. В результате никто не мог узнать, что эти имена и фамилии принадлежат давно умершим детям.

— Один Бог знает, что еще отец для них сделал.

— Самое главное — нам известно, что у всех этих людей французские имена и фамилии. И почему.

— Нет, не почему, а как, — ответила Симона. — Почему они это сделали, мы до сих пор не знаем.

— Ничего. Скоро узнаем. — И угрюмо уставился в бушующую за окном непогоду.

— А, уи, жэ ле коннэ, — сказал молодой человек на заправочной станции, обрадовавшись тому, что может чем-нибудь помочь. Одет он был в замасленный комбинезон. Правда, мягкая серая ткань, видимо, совсем недавно стиралась, зато колени, руки и грудь были в грязи и масле.

Бензоколонка возле Гренобля. Всю ночь фургон мчался, без остановки, Пит с Симоной попеременно вели машину, пока второй спал. Несколько остановок сделали только для заправки, еды возле машины и посещений туалетов. Они выбрали южно-восточную автостраду, ведущую от Парижа к Лиону, а от него уже поехали прямо на восток к горам. Когда встало солнце где-то далеко впереди, то им вначале показалось, что это пушистые облака рассыпаны по горизонту, а затем подумалось, что это ярчайший снег на вершинах гор. Это была поразительная, захватывающая дух красотища.

Все утро они объезжали различные городишки, останавливались не меньше пятнадцати раз, чтобы поспрашивать жителей, но, похоже, никто не узнавал замка на фотографии. Когда горы приблизились, Хьюстон — уставший и голодный — совсем упал духом. Он-то считал, что замок — достопримечательность, прекрасно знакомая всем местным жителям. Но теперь он начал в этом сомневаться.

— Черт возьми, все бесполезно, — сказал он. — Я ошибся. Нам не найти это место.

Поэтому когда служащий на автозаправке узнал замок, это подействовало на него, словно разряд электрошока.

— Что? — переспросил Пит Симону. — Неужели ему известно, где находится этот замок?

Глаза парня радостно сияли, он радовался, что не разочаровал Хьюстона. Он ухмыльнулся и указал пальцем куда-то за гренобльский замок, в рощу, где виднелась маленькая темная точка возле подножия далекого пика.

Так далеко и так близко. У Хьюстона началось помутнение рассудка. Воображение приблизило и увеличило точку. Казалось, что роща с огромной скоростью приближается. Чтобы уничтожить тошнотворную иллюзию, он резко повернулся к Симоне. Ее щека находилась совсем близко у его глаз, тяжелые волосы спадали на плечи. Хьюстон дотронулся до нее, запустив пальцы в ее локоны.

— Просто хотел удостовериться, что ты действительно находишься рядом, — сказал Пит, когда она удивленно взглянула на него. — На секунду засомневался. Во всем.

— Этот пошел за дорожной картой. Он покажет, как найти замок.

— Сколько отсюда ехать? Километров двадцать пять?

— Или больше. В этих горах легко обмануться. Здесь все расстояния кажутся спрессованными.

— Именно это я и имел в виду. Если даже отсюда виден этот чертов замок, то каковы же его размеры? Видимо, здоровенный.

Вскоре они это узнали. Парень дал им карту и показал, как ехать. Выбравшись из Гренобля, они направились на восток, в горы. Хьюстон смотрел вперед. Целеустремленный, он не замечал великолепия высившихся рядом с ним вершин. Фургон низко урчал, взбираясь по узеньким гранитным проездам мимо сосен и елей, которых по мере приближения к скалам и снегу было все меньше и которые становились все более чахлыми. Воздух делался постепенно холоднее. Они проезжали мимо струившихся каскадами потоков и грозно нависавших над дорогой скал. Смотрели на долину с ее лесами и казавшийся игрушечной моделью Гренобль. Сделанный не в ту сторону поворот сбил их с правильного пути, но, обнаружив вскоре свою ошибку, они через некоторое время увидели, наконец-то, замок.

Он возвышался над ними, вбитый между двумя горами, чернея на фоне массивного клифа. Шпили высоко поднимались над елями, башенки и проходы были отлично видны.

Замок поражал своими гигантскими размерами, подавлял массивностью. Хьюстон изучал его фотографию и держал ее так, что бумага закрывала вид из машины. На снимке замок казался заколдованным детской фантазией, рисунком из книжки сказок. Опустив брошюру, Пит увидел здание с того же самого расстояния, что и на снимке и поразился тому, сколь сильна разница между плоской и объемной картинками. Безмолвная громада, на которую Пит глядел, вызывала у него дрожь.

— Кажется, что здесь несколько зданий поставлены одно на другое, — сказал он. — Тут, наверное, залов пятьдесят.

Дорога повернула, огибая здание. Она вела к простым металлическим воротам, зажатым между бетонными стенами.

«Да это крепость», — подумалось Хьюстону.

Вблизи стены закрывали вид на замок. Сквозь прутья решетки не было заметно ни охраны, ни сторожевых собак, ни какого бы то ни было движения — виднелся лишь лесопарк и гравийная, извивающаяся до бесконечности дорожка, исчезающая вдаль. Земля казалась нетронутой, девственной.

Но Хьюстон был уверен, что в густых ветвях деревьев, сквозь которые пробивались солнечные лучи, наверняка хоронятся телохранители, а в стволах понапихано достаточно аппаратуры и защитных систем.

Когда фургон проезжал мимо ворот, у Хьюстона появилось сильнейшее ощущение, что за ним откуда-то наблюдают. Из всех сил стараясь унять внутреннюю дрожь, он не повернулся и не посмотрел, как ворота исчезают за спиной. И хотя ему безумно этого хотелось, но Пит не стал рассматривать стены, не стал анализировать, из-за чего он так разнервничался. А уставился строго вперед, туда, где дорога карабкалась вверх среди вековых елей. Пит надеялся на то, что они с Симоной похожи всего лишь на случайных и безобидных туристов.

Впереди них шла машина. Взглянув в зеркальце заднего обзора, Пит увидел, что откуда-то сбоку вывернула вторая и пошла за ними следом. Ничего в принципе страшного — дорога она и есть дорога. Хьюстон думал, что все-таки их фургон выглядит, видимо, здорово подозрительным. Стена окончилась и под углом соединилась с другой, которая отошла от дороги и устремилась обратно к горе. Хьюстон повернулся к Симоне.

— Как только заберемся немножечко повыше, отыщем местечко, где сможем остановиться.

Он отыскал обзорную площадку, обнесенную перилами и парковку, покрытую гравием, отстоящую несколько в стороне от дороги. На ней находились столики для пикников, скамеечки и целый ряд платных подозрительных труб на штативах.

— Поставь фургон таким образом, чтобы задней своей частью он упирался в замок, — сказал Пит Симоне, прищурившись, наблюдая за размытой картинкой великолепной долины, раскинувшейся внизу. — Я уверен, что за движением машин на этой дороге они тщательно наблюдают. И если мы останемся здесь слишком надолго, они начнут что-нибудь подозревать. А я хочу, чтобы мы ничем не отличались от обыкновенных туристов. Выходи и иди к телескопам. Но к замку становись спиной. Веди себя так, словно тебя интересует только долина.

— А ты пойдешь?

— Пока нет.

— Но если за дорогой действительно наблюдали, то ясно видели в машине двоих. И станут еще более подозрительными, обнаружив, что я одна.

— Мне нужны всего пять минут.

Симона, нахмурившись, вылезла из фургона и перешла гравийную площадку. Подошла к телескопам. Машина, следовавшая за ними, припарковалась прямо за ней. Хьюстон напрягся. Но тут он увидел мужчину, женщину и троих ребятишек, выползавших из салона. Они возбужденно встали рядом с Симоной, восхищенные открывшимся видом. «Отлично, — подумал он. — Они будут ее прикрывать.» С этой, стоявшей позади Симоны машиной, даже если кто-нибудь наблюдал за ней из замка, все равно он не сможет хорошенько ее разглядеть.

Он прополз в заднюю часть фургона и взял бинокль, купленный им в Гренобле. Восьмикратное увеличение. Это был самый большой бинокль, который можно использовать без треноги, не боясь за трясущиеся руки. Чтобы его не было видно, Пит присел подальше от окон, и сквозь линзы уставился на замок, который находился в тысяче метров от него.

Он осмотрел сооружение, несколько небольших строений рядом, затем парковую зону и стену, примыкавшую к поместью. Иногда изображение было настолько четким, что Питу казалось, что он может дотронуться до каменных блоков, из которых был сложен замок или до гладкой голубой поверхности «порша», припаркованного возле небольшого острокрышного здания — либо бывшей каретной, либо помещения для прислуги.

Или охраны.

Хьюстон схватил корзинку для пикника, откатил боковую дверцу фургона и вылез, скрытый машиной от всех, кто мог наблюдать из замка. Выйдя из-за фургона, он встал к замку спиной, многозначительно помахивая корзинкой.

— Симона.

Она отошла от телескопа — неохотно, словно с трудом отрываясь от грандиозного вида долины — и бочком подошла к столу. Усевшись, они снова оказались скрытыми от наблюдателей в замке.

— Ну, что? — спросила она.

— Я разглядел все, что нам необходимо.

На завтрак у них были горячие круассаны и кофе. Ланч они пропустили. Со все нарастающим голодом Хьюстон заглянул в корзинку. Колбаса, сыр, крепкое красное вино. Он откусил кусок колбасы.

— Охрана с винтовками, — сказал он.

Симона застыла.

— Пятеро. Две немецкие овчарки разгуливают по территории совершенно свободно. Видимо, где-то бродят остальные. На башнях — фонари и прожектора. — Хьюстон услышал, как в ее горле раздался приглушенный вскрик. — На всех стенах вокруг замка — телекамеры. Но даже если мы придумаем, как забраться на стены, чтобы нас не увидели, все равно нам не перебраться через колючую проволоку, идущую по верху. Да, конечно, проволоку можно перерезать, но я подозреваю, что она находится под напряжением, поэтому как только мы это сделаем, автоматически включаются сигнальные системы.

— Это действительно крепость. Нам не пробраться внутрь.

Пит вытер рот, не зная, в какой форме предложить Симоне то, что он надумал.

— Ну, почему же.

— Да потому. Это невозможно.

— Нет. Просто очень тяжело. — Он положил еду и вино обратно в корзинку.

— И как же ты себе это представляешь?

Пит услышал, как хлопнула дверца автомобиля и увидел, как мужчина, женщина и ребяташки уселись обратно в автомобиль. Взревел мотор.

— Мы здесь и так слишком долго, — сказал он. — Когда они отъедут, нам тоже придется убираться. Конечно, вид отсюда потрясающий, но не настолько, чтобы вертеться тут целые сутки. — Хьюстон встал.

— Я ведь кажется спросила, как ты это себе представляешь?

— Мы заберемся в замок с противоположной стороны. Опустимся сверху. Нет-нет, не оборачивайся.

Симона остановилась.

— Но там ведь клиф! О, Господи, только не клиф! Ни за что! Гладкая каменная поверхность!

— Так, значит, оттуда они посетителей не ждут. Тоже считают, что слишком опасно.

— И они правы! Если ты только думаешь, что я..!

— Ты просто об этом подумай. Потому что через определенное время мы получим посылочку.

Симона подозрительно уставилась на него.

— Снаряжение. Из Гренобля.

40

— Но я боюсь высоты! — сказала Симона.

Они с трудом пробирались по крутому каменистому склону. Над ними нависал кряж высоких елей. Рюкзак Хьюстона тянул его назад, лямки врезались в плечи. Он сильно потел от усилий. Веки смыкались и горели. Колени дрожали. Под рюкзаком толстая рубашка и свитер прилипали к спине от сырости, его трясло от холода, хотя лицо горело, как в лихорадке.

— Ты просто не смотри назад и все, — ответил Пит.

За ними и внизу лабиринт покрытых лесом лощин и склонов резко обрывался к пропасти, выходящей прямо к долине. С такого расстояния Хьюстон не мог разглядеть укрытого за высоким забором шале, находящегося в ста метрах у дороги, их фургона, не видел и заросшей бурьяном тропинки, ведущей к замку. Пит различал лишь главную дорогу среди гор, хотя с этой высоты она казалась черной лентой, на которой белые разметные полосы ползли, точно насекомые.

— Не оглядываться, говоришь? — переспросила Симона. — Не оглядываться? Да меня просто парализует от страха, если я оглянусь. По крайней мере уж точно напишу в штаны.

Пит хохотнул, хотя ему вовсе было не до этого. Если расслабится, то наделает ошибок и хотя склон пока не представлял отвесную стену, все ж таки он был достаточно крут и, упав, Хьюстон наверняка себе что-нибудь повредит. А в данных обстоятельствах даже небольшие раны приведут к смертельным последствиям. Растяжения и синяки будут сковывать его движения, что вызовет последующие несчастные случаи, пока...

— Думаешь, это смешно?

— Нет, — сказал Пит. — Сейчас вообще смеяться не над чем.

— Да нет, я пока еще держусь. Если что случится, я схвачусь за любые камни, обломки... Но вот дальше, когда настанет черед веревок... Вот тогда мне уж точно будет не

до смеха. Не думаю, что смогу сделать все, что от меня потребуется.

Пит карабкался прямо за ней, оставляя немного справа, так, чтобы, если Симона сковырнет случайно какой-нибудь камень, он не полетел ему прямо в голову.

— Ты в нормальной форме. Бегаешь. Занимаешься гимнастикой.

— Физически — да. В принципе я понимаю, что вполне смогла бы справиться со всей этой лавиной веревок. Но ведь я не обучалась лазить по скалам.

— Я тебя научу.

— За один день?

Пит ничего не ответил. Чтобы не говорить правду, он обогнал женщину, карабаясь выше.

— Даже летя в самолете, — продолжила она, — я не могу смотреть в иллюминатор. Меня сразу же начинает тошнить. — Голос ее был натянут, как струна. Хьюстон услышал, как подошвы ее ботинок царапают по скале. — Да и солнце почти село.

Пит сощурился на небо. Солнце — красное, распухшее — грузно оседало в какую-то гору.

— Это как раз неплохо.

— Чем это еще?

— В темноте не видно, что там под тобой происходит.

Его ладонь обхватила скальный выступ. Пристроив ботинок на выступ, Пит подтянулся и влез на вершину. В мускулах отдалось облегчение. С лица капал пот. Он быстро повернулся на месте. Симона взбиралась следом. Протянув руку, он подтянул ее и, пройдя по крошечному альпийскому лужку, они отправились к мрачной стене елей и неровных клифов, возвышавшихся за деревьями.

У Пита не было времени восхищаться тем, что он видел. Солнце находилось совсем низко. Пит быстро спустился с вершины, чтобы не выдать свое присутствие силуэтом на фоне светила. Подойдя совсем близко к елям, он скинул рюкзак, потянулся и растер ноющие мышцы. Затем покопался в рюкзаке и вытащил флягу и два шоколадных батончика. Шоколадки оказались размякшими от тепла, но, не обратив на это никакого внимания, Пит сорвал с них обертки и сунул одну Симоне. Сам стал жевать другую. Энергии практически не осталось, и поэтому он не чувствовал даже сладости, батончик закончился, прежде чем он понял, что накинудся на шоколадку, как приехавший из голодного края. Отвернув

крышечку фляги, Пит глотнул теплой, отдающей железом воды.

«Это слишком, — подумал он. — Могут начаться спазмы.»

Симона вытерла с губ остатки шоколада.

— А теперь, надеюсь, отдохнем.

— Нет, сейчас проверим, не заблудились ли мы.

Из кармашка Пит достал карту и компас. Мокроватую карту он расстелил на траве и повернул ее так, чтобы контурные линии спусков и хребтов совпадали с местностью, находящейся в округе.

— Через эти вот деревья, — указал он, — мы доберемся до следующего склона. Пожалуйста, не смотри на меня так. Больше подъемов не будет. Пойдем налево от подножия и минуем две лощины справа. Затем будет третья лощина — тоже справа. По ней сойдем вниз. И таким образом выйдем к клифу, находящемуся позади замка.

— А какой он высоты?

Пит сверился с компасом.

— Пит... клиф... какой он высоты?

— А, ерунда.

— Слушай, а ты точно представляешь, что делаешь?

— Я же тебе еще вчера говорил, что когда пишешь книгу, занимаешься специальными исследованиями. Если в моей книге стреляют, я должен все узнать об оружии. Поэтому пошел, скажем, на стрельбище и стал даже брать уроки стрельбы. Во втором своем романе я вывел героя, которого преследовали в горах. Этот человек все прекрасно знал о выживании. Он мог карабкаться по скалам, использовать веревки, ну, в общем, что я должен все тебе сначала говорить. Так что пришлось мне, так как я сам, естественно, ничего об этом не знал, учиться. Конечно, я не смогу из тебя за день сделать классного специалиста. Да и дня у нас нет. Но от беды убережешь — сумею.

Хьюстон свернул карту. Компас кинул в карман.

— Давай-ка двигаться, пока еще светло. Будем учить тебя пользоваться альпинистским снаряжением.

Часть пятая

41

Вспоминать о спуске не хотелось. Как и о том, что произошло между Симоной и ним, и об умоляющих глазах, которыми она смотрела на него, когда он скользнул с обрыва.

И о провале...

Все оказалось тщетным.

«Добро пожаловать, мистер Хьюстон.»

Его ждали.

Как он кинулся вниз.

Без веревки, без снаряжения — так, словно Икар, слящийся перебороть земное притяжение.

Юкон, Аляска, господи, как все далеко...

Хьюстон медленно посмотрел наверх. Черные брюки, пиджак, галстук. Человеку где-то под шестьдесят. Полногубый, с темными полыхающими глазами, резкими щеками, зачесанными назад со скульптурного черепа темными волосами. Кожа настолько загорелая, что кажется бронзовой. Пит от страха заморгал.

— Глупостями занимаетесь, мистер Хьюстон, — произнес мужчина.

— Да? А вы на моем месте что бы сделали? — Яростные слова, вылетающие изо рта Хьюстона, казались приглушенными, словно он говорил через навощенную бумагу.

Пауза.

Пожатие плеч, означающее поздравления, удивленные глаза.

— Знаете, то же самое.

Хьюстон узнал этот голос. Перед прыжком, да... он слышал его на башне.

— И все равно дурацкий поступок. Ушиблись? — продолжил человек.

Хьюстон ничего не ответил.

— Вы опоздали. Мы вас ожидали раньше, — объяснил мужчина.

— Ожидали?

— Ну, разумеется. Но, пожалуйста, встаньте с колен. Помогите же ему подняться.

Два охранника рывком поставили Пита на ноги. Его зашатало.

— Поддержите. — Мужчина напрямую изучал Пита. — Да. Вы, конечно, не задумывались над тем, что ни за что не отыскали бы это место без моей помощи.

— Я старался.

— Ой, ради Бога... Конечно, вы показали незаурядные способности, но вам изредка помогали. Например, ваши звонки в Париж, Нью-Йорк и Лондон. Я, было, начал сомневаться, что они будут успешными для вас. Я считал, что вы сообразите, насколько я упростил вам поиски. Все те крошечные приметы и ключи, разбрасываемые мной на вашем пути...

— Так меня сюда привели? Те три человека, что отвечали мне, знали, по какому поводу я звоню?

— Не совсем. Но их проинструктировали. И хотя они не знали причины, зато понимали, что это крайне необходимо.

— Но зачем?

— Потому что вы очень хорошо спрятались. И слишком быстро убежали. Я было решил, что сам вас никогда не отыщу, и поэтому изменил правила игры. Мне показалось, что будет проще, если вы меня найдете. И, насколько можно об этом судить, оказался прав.

Хьюстон зарычал от злобы и кинулся на человека, чтобы стереть с его физиономии самодовольную ухмылку.

Охранники заломили ему руки за спину.

Казалось, мужчина ожидал этого порыва.

— Но мне казалось, что вы приведете с собой гостью. Потому что приглашение рассчитывалось на двоих. Но Симоны что-то не видно.

Хьюстона затрясло. Он почувствовал, как сквозь столпившихся пробирается Монсар.

— Симона? — спросил взволнованный старик. — Она с вами?

— Я не совсем дурак.

— Но где-то совсем рядом, правда? — спросил мужчина в вечернем костюме.

— Может быть, но Симоны вам все равно не отыскать. Она знает, где я, и, если я не вернусь, то она пойдет в полицию.

Мужчина хохотнул.

— Да неужто?

Хьюстон проревел:

— Что вы за черт?.. Неужто мой отец?

Хохоток стал несколько громче.

— О, Господи, мистер Хьюстон, ну, разумеется, нет. Хотя, надеюсь, вы обо мне слышали. Я — Пьер де Сен-Лоран.

42

Глаза мужчины сверкнули. Хьюстон задрожал. После всех напряженных поисков его усилия наконец-то завершились полным успехом. Но ни триумфа, ни удовлетворения Пит не почувствовал. Ему стало тошно.

Внезапно ему в голову пришла одна мысль. Он развернулся, смотря Монсару в лицо.

— Вы говорите по-английски?

— Куэст, се, куэст?

— Да только что. Вы спросили, со мной ли Симона. По-английски.

Но старик лишь поднял брови, в замешательстве пожимая плечами.

— Жэ нэ компре па.

— Лжете!

Старик удивленно нахмурился. И беспомощно посмотрел на Сен-Лорана.

Но Сен-Лоран, казалось, был удивлен еще больше.

— Ну, Жак, он ведь тебя раскусил, прекрати притворяться.

Монсар застыл. Затем медленно покачал головой.

— Да, верно.

— Симона?

— Не знает. В деревне я по-английски не разговариваю. Много лет назад, — война к тому времени уже закончилась, — обстоятельства заставили выучить этот язык.

— Зачем же было скрывать?

— Чтобы не привлекать внимание. Оставаться обыкновенным французиком из небольшого городка. К тому же пока Симона переводила вам мои слова, у меня выдавались минутки на обдумывание следующих шагов. Затруднения с языком помогали мне сбивать вас с толку.

— Значит, я с самого начала брел впотьмах?

Старик кивнул.

Хьюстон смотрел ему в лицо. И понял еще один трюк, еще одну ложь.

— Синяки. — Монсар потянулся к распухшему лицу. — Грим.

В свете прожекторов это было очевидно.

— Театрально, зато впечатляет, — сказал Сен-Лоран. Им хотелось представить Монсара в глазах Хьюстона и, особенно Симоны, истерзанной жертвой. Но Монсара не били, никто его не трогал.

— То есть, другими словами, вам ничто не угрожает? — спросил Хьюстон у Монсара.

Старик покачал головой.

— Он сильно упал в наших глазах, — сказал Сен-Лоран. — Но ему ничто не угрожает. Было полным идиотизмом с его стороны звонить нам и требовать безопасности для своей дочери. Затем я стал обдумывать создавшееся положение и внезапно понял, что Монсар, сам того не понимая, оказал нам услугу. Мы ведь не знали, где вы скрываетесь. Но зато были наслышаны о вашей настойчивости. Я знал, что вы все равно будете продолжать охоту. Поэтому эти звонки должны были доставить вас в наши руки.

— Но вам было бы намного проще меня убить. Зачем захватывать в плен?

— Потому что вы мне нужны. Вы и Симона. Поэтому я хочу, чтобы вы рассказали нам, где она находится.

— Мы вам нужны? Да как только мы окажемся в ваших руках оба — нам неминуемо настанет конец.

— Ну и подозрительность. — Сен-Лоран прищелкнул языком. — Видимо, переутомление. Хотите отдохнуть, поесть?..

— Чего?

Сен-Лоран прошел мимо. Охранники толкнули Хьюстона следом.

Его вели по огромному коридору с выгнутым аркой потолком.

Подойдя к массивной двери, Сен-Лоран положил ладонь на ручку и повернулся к Хьюстону, пригласительно кивнув головой.

Один охранник втолкнул Пита в образовавшуюся щель, второй закрыл дверь и встал рядом с оружием наготове.

Хьюстон в восхищении смотрел на зал, на все это страшноватое великолепие. Если бы не электричество, он мог бы поклясться, что нырнул в прошлое. Рыцарские доспехи в одном углу. Над камином геральдический герб. На стене — скрещенные мечи.

Песнь о Роланде.

Тристан, Ланселот, Элеонора Аквитанская, Генрих Второй, Ричард Львиное сердце.

Сэр Галахад.

Сэйнт.

Чудо средневековой Франции.

Пит едва мог дышать.

Но тут взгляд его наткнулся на обезоруживающе улыбавшегося Сен-Лорана.

— Кофе? Чего-нибудь покрепче? Брэнди.

Хьюстон приглядывался к трем мужчинам, стоявшим возле полированного стола в одном из углов комнаты. Двоим из них было лет по шестьдесят, один был одет в голубой пиджак и свитер, второй — в коричневый костюм. Рядом с ним стоял человек лет тридцати в распахнутой у ворота рубашке и с медальоном на шее. Глаза у него были злые, а губы презрительно поджаты. Он казался невероятно, болезненно красивым.

— Я совершенно позабыл о приличиях, — посетовал Сен-Лоран, обращаясь к Хьюстону. — Позвольте представиться. Я — Франсуа Леблан. Эти трое джентльменов — Жюль Фонтэн из Лондона...

Человек в свитере и голубом пиджаке приветственно поднял бокал с бренди.

— Пол Дассен из Нью-Йорка...

Коричневый костюм кратко кивнул.

— И его сын Чарльз.

Рубашка и медальон. Никакой реакции. Холоден и кичлив.

— Но, как вам известно, у нас есть и другие фамилии.

— Отец. — Его голос был настолько тягуч, что застревал в глотке. Мышцы шеи от напряжения вздулись так, что начали напоминать куски распухшей кожи. — Который из вас? — Он перевел взгляд с Сен-Лорана на мужчин. — Кто?

Жюль Фонтэн? Человек смотрел на Хьюстона из-за бокала с бренди.

Дассен? Тот стоял, как истукан.

— Ну!

— Это я, — произнес Дассен; глаза его глубоко запали и были обведены темными кругами; голос звучал неохотно, почти шептал. Затем он прокашлялся, словно его что-то душило.

Хьюстон даже не понял, что движется, пока не сделал три шага. Затем резко остановился и стал пристально смотреть на этого бледного, болезненного вида человека. Неужели это все, что осталось от его ребяческих фантазий?

Неужели это тот, кем он когда-то восхищался, а потом научился ненавидеть? Старый, слабый, больной человек, заслуживающий больше жалости, чем злобы?

Зрение затуманилось, и ноги подкосились. Пит, шатаясь, подошел к креслу.

Но сесть так и не успел. Рухнул в обморок рядом.

43

Его дважды ударили по лицу, а затем раздалось:

— Вы очнулись? Слышите, что я говорю? — Это был Сен-Лоран.

Хьюстон почувствовал, как к его губам прикладывают бокал и ощутил резкий запах спиртного. Он содрогнулся, вяло кивнул и протянул руку за бокалом. Спина болела. От движения стало больно, но он был настолько запуган, что, несмотря на раны, не почувствовал полагающейся в данном случае сонливости. Наоборот. Пит, правда, чувствовал себя задержанным, нервы были на пределе, но голова была ясной, а мысли четкими.

— Прекрасно. Приступим к делу. Я буду с вами откровенен, — сказал Сен-Лоран Хьюстону. — Без экивоков.

— Не вижу в этом смысла.

Голос был резким и злым. Хьюстон повернулся в ту сторону, откуда он раздался, и увидел своего брата Чарльза.

Медальон покачивался на его шее.

— Не согласен. Ему ничего не следует рассказывать. Слишком рискованно. Я бы предложил убить его и покончить с этим.

— Это нам известно, — сказал Сен-Лоран. — Ты нам несколько раз об этом говорил. И даже несколько раз пытался его убить. Но вот почему-то не преуспел.

— На сей раз ошибки не случится.

— Это ты убил мою жену? — спросил Хьюстон.

Чарльз надменно скривился.

— Ты? — Голос Хьюстона поднялся до небывалой высоты; он поставил бокал на стол и поднялся на ноги. — Ты вел тот фургон?

— Разумеется, нет.

— Но отдал приказ? Ты тот, кто ее убил, я спрашиваю?

Взбешенный до последней степени, Хьюстон двинулся через зал. Угол зрения сузился, и он видел лишь одного Чарльза. Пит вытянул руки. Чарльз отступил, пытаясь ускользнуть.

— Мистер Хьюстон, — произнес Сен-Лоран.

Еще шаг.

— Я не могу этого позволить, — продолжил Сен-Лоран.

Чарльз забежал за стол. Хьюстон сделал следующий шаг и почувствовал сдерживающие его руки.

Охранник надавил Питу на точки, находящиеся за ушами. Боль была непереносимой, и американец упал на колени. Он скорчился, не в силах даже застонать. Но боль также быстро пропала. Охранник отошел. Пит хватал ртом воздух и растирал шею.

— Не испытывайте мое терпение, — предупредил Сен-Лоран Хьюстона. — Вы здесь гость. Вот и ведите себя подобающим образом.

Пит кивнул, массируя пульсирующую шею.

Чарльз ослабил, стоя за столом.

— Вы видите. Этот человек невменяем. Ему не следует доверять.

— Выбор сделан. Отступать не в наших правилах.

— Но...

— Хватит пререкаться! — На сей раз выступил отец Хьюстона. — Мы встретились для того, чтобы все утрясти. Я говорил и от себя, и от имени Жака, предлагая данное решение.

— Меня волнует лишь безопасность моей дочери, — сказал Монсар. — Я хочу, чтобы ее жизни ничто не угрожало. — Трясаясь, он начал тянуть за синяки и шрамы на своей физиономии. Грим нелепыми полосами резины отставал от лица.

— Он прав, — согласился Фонтэн. Сунув руку в карман своего моряцкого пиджака, он вытащил тяжелый серебряный портсигар. — Все эти споры — бессмысленны. — Он закурил сигарету. — Давайте придерживаться принятого решения. — Он помог Хьюстону подняться на ноги и дал ему сигарету. — Возьмите. Сядьте и послушайте. Это касается вашего будущего.

Глубоко затянувшись, Хьюстон сел в кресло. На Чарльза он не смотрел, хотя взгляд молодого человека прожигал в нем дырку.

— Все согласны? — спросил Сен-Лоран.

Никто не произнес ни слова. Пит почувствовал царившее в зале напряжение.

— Вот и отлично. Послушайте, мистер Хьюстон, вы пишете всякие выдуманные истории. Вот, позвольте вам одну такую рассказать. В тысяча девятьсот сорок четвертом году я был двойным агентом у немцев.

— И вы так спокойно в этом сознаетесь?

— Мы ничего не достигнем, если я буду вам врать. Я же хочу, чтобы вы поверили в мою добрую волю.

От подобной прямоты у Хьюстона захватило дух.

— Я давал информацию о передвижениях союзников. За это боши платили мне золотом. Из подобных начинаний вырастают большие дела. Я решил, что если бы у них было мало золота, то они бы не стали тратить его на мою оплату. Значит, его много. Немцы тогда бежали, грабя все, что попадалось под руку. У них могли быть тайники, где богатств не счесть. Все дело было в том, чтобы выманить их секреты.

Хьюстон выпрямился в кресле.

— Так, значит, вот в чем дело... Вы просто-напросто украли у немцев...

— Не следует забегать вперед и делать неправильные выводы. Все гораздо сложнее, чем вы можете себе вообразить. Я не крал золото. Мне не пришлось этого делать. Мне его отдали.

Хьюстон нахмурился.

— Немецкий генерал стоял перед дилеммой. Он был уверен в том, что война вскоре кончится и Германия ее проиграет. Фатерлянд обанкротился. Но богатства, стекавшиеся в Германию, можно было пустить на следующие войны.

— Безумие.

— Так же посчитал и немецкий генерал. Бессмысленные страдания, новые зверства и жертвы. Золото, из-за которого умерло столько народа, станет поводом для очередных убийств. Но не соглашаться с Гитлером значило самого себя приговорить к смерти. К тому же генерал понял, что Гитлер вовсе не приветствует храбрость возвращавшихся офицеров. Наоборот, за свои провалы они расплачивались жизнями. Поэтому особого смысла в возвращении в фатерлянд не было. Генерал вспомнил о том, что оба его сына погибли в битвах, а жена умерла от горя. Какое же у него будущее? Разумеется, довериться своим офицерам он не мог. Ему был нужен человек, абсолютно беспринципный. Он послал за мной. «Десять миллионов долларов золотом — твои, — сказал он мне. — За то, чтобы помочь мне скрыться и не попасть в

лапы союзникам.» Он хотел сбежать в Южную Америку, где мог бы жить в свое удовольствие. На свою долю.

— И вы согласились?

— Самым трудным оказалось отыскать готовых мне помочь людей. Своим соотечественникам я не доверял. Они чересчур любили родину и не хотели иметь дела с предателями. Зато, изучая американцев, я обнаружил одно подразделение, которому мог довериться. Молодые солдаты были столь напуганы жестокостью битв, что могли легко дезертировать. Разве что никакого будущего у дезертиров не было. Поэтому они нуждались в некотором убеждении, стоявшем мне нескольких миллионов долларов.

— И что дальше? — спросил Хьюстон.

— Я сообщил генералу, что союзники вскоре пойдут в атаку. Он отправил всех солдат — включая тех, кто сторожил золото, — на фронт. Это было логично. Кто будет красть золото, когда вокруг идет битва?

— Смятение, — проговорил Хьюстон. — Пока немцы ждали атаку с одной стороны, с другой им вонзили нож в спину.

— Генерал ждал нас у грузовиков, на которых было спрятано золото.

— Вы взяли их и смылись?

— Точно. Нам повезло. Мы шли ва-банк. Мы стали богатыми.

— Как же вам удалось исчезнуть с таким грузом? В разоренной войной Франции? А немцы вас не преследовали?

— Золото мы спрятали. Грузовики отогнали за пятнадцать километров от этого места. А форма позволила нам пробраться через позиции союзников.

— Генерал...

— Был, разумеется, одет точно так же, как и мы. Через месяц, с помощью невероятного количества всяких ухищрений, мы добрались до Южной Америки. Когда закончилась война, многие немцы захотели избежать оккупации. Я не хочу сказать, что мы помогали всяким маньякам. Но столько генералов стремились избежать участи Гитлера... Они боялись нюрнбергского судилища, и мы предоставляли им спокойную поездку в Южную Америку. Они отлично платили за наши скромные услуги.

— Но в пятидесятом вы вернулись во Францию.

— Он знает, — пораженно пробормотал Фонтэн.

— Ну пусть тогда сам и скажет.

— Вы появились именно в этот момент, Монсар, — сказал Пит. — Пока вы скрывались, то вам в голову пришла новая идея. Франция была для вас основной базой, так как тут было спрятано золото. А Монсар был вашим давнишним приятелем. Вы подкупили его гостиницей. В старых регистрационных книгах вашего суда он подыскивал нужные варианты и рискнул сделать вам новые удостоверения личности и свидетельства о рождении. А затем спалил здание суда, чтобы никто не докопался, что ваши имена — это имена давно почивших детишек.

— Очень впечатляюще.

— А священник?

— У меня произошло мгновенное помутнение рассудка. Я совершил признание на исповеди. Я же говорил, что был молод и испуган. Рассказал все, уповая на обет молчания.

— Положились на честного человека.

— Я знал, что он ничего не скажет.

— А потом все-таки убили его.

— Не совсем так. Это сделал ваш брат.

— Но зачем?

— Спросите у него.

— Священник слабел, — выступил Чарльз. — Он мог все рассказать.

— А ты давно нервничал по этому поводу, — сказал Сен-Лоран, обращаясь к Чарльзу. — И заставлял нервничать и меня. Если бы я знал о твоих намерениях...

— Кто-то должен был исправить ваши ошибки. — Двое в упор смотрели друг на друга.

— Харон, — сказал Хьюстон.

Все повернулись к нему.

— Харон, — повторил он.

— Это мы взяли из классической мифологии. Перевозчик в мир теней. Платишь ему. Он тебя перевозит. То, что мы делали для немцев. Харон — это наше кодовое имя. И теперь мы предлагаем вам присоединиться к нам.

Хьюстон побледнел.

— Присоединиться?

— Оглянитесь. Вы ведь знаете, что, кроме меня, в нашей группе было девять американских солдат. И здравый смысл говорит о том, что вас лучше видеть вместе с нами, чем убивать вас.

— Но сможете ли вы держать все в секрете?

— Если вы примете наше предложение, в нашем маленьком мире вновь воцарится спокойствие и гармония.

— А как же Чарльз?

— Он знает, что для нас всех полезнее всего. Он поймет и не станет возражать. Он смирится.

— Но смирюсь ли я?

Сен-Лоран расхохотался.

— Если не смиритесь, мы вас просто убьем. И, разумеется, Симону. Подумайте об этом. Если вы чувствуете хоть какое-нибудь влечение к ней, вы сделаете правильный выбор. И подумайте о том богатстве, которое вам предлагают.

— Никакие деньги не...

— ...смогут оплатить смерть вашей жены. Разумеется. Я не собирался предлагать вам подобную гадость, но будьте же практичны. У нас возникла трудность. Помогите ее разрешить.

— Не стыковка.

— Какая же?

— Если я к вам присоединюсь, то каким образом вы сможете мне доверять? Я буду постоянной угрозой. Поэтому мне хотелось бы поговорить об этом с отцом.

Чарльз скривился.

— Семейное воссоединение. Трогательно.

Отец Хьюстона резко повернулся к нему.

Не забывай, что он и твой родственник.

— Случайность, — ответил Чарльз. — Мне это родство ни к чему.

— Не стоит так ревновать.

— Это вряд ли можно назвать этим словом, отец. И вообще, так как он является твоей ошибкой — вот и справляйся с ней сам.

В двери влетел охранник.

— В чем дело? — спросил Сен-Лоран, нахмурясь.

Тот начал было говорить, но увидел Хьюстона и осекся.

— Прошу меня простить, — сказал Сен-Лоран, увлекая охранника в коридор. На полпути он остановился и добавил. — Я разрешаю обсудить все ваши дела с отцом. Только вас будет не двое, а трое.

— Что?

— Вы, ваш отец... и охранник.

Ветер. Холодный ветер. Хьюстон мерил шагами внутренний двор замка, следуя за отцом. Охранник наблюдал за ними с парапета. Видимо, были и другие, но Питу было все равно.

Хьюстон, наконец, собрался с духом, повернулся к отцу и спросил:

— Но почему?

Отец смотрел на него очень внимательно.

— Я не знаю, что она тебе обо мне говорила.

— Что ты самый прекрасный, великолепный, и все в таком же духе.

Отец пожал плечами.

— Мы не сошлись.

Казалось, что дворик сузился.

— Врешь! До самой смерти она клялась, что любила тебя!

Отец медленно перевел дыхание.

— То есть... Кэрл мертва? Когда?

— Два месяца назад. Приступ.

— Но ей же было всего пятьдесят восемь!

— Так ты помнишь?

— Разумеется. Я все время о ней думал. Что она, как она, как ты, что вы с ней делаете.

— Но ведь ты же сам только что сказал, что не сошелся с ней!

— Это не означает, что я ее не любил.

— Непонятно...

— Страшная боль, — сказал отец, — любить человека, зная, что тот тебя в ответ никогда не полюбит. Скорее, это она со мной не сошлась. Ты появился на свет случайно.

Хьюстон побледнел.

— Ты этого не знал?

— Я думал, что был желанным ребенком.

— Пожалуйста, постарайся понять. В те дни сексу при- давали совсем не то значение, что сейчас. Контроль за деторождаемостью не был поставлен так, как следовало. Мы с твоей матерью согласились с тем, что следует покамест обождать. Ведь аборт в то время были немыслимы. Мы хотели пожениться, как только я закончу колледж, а на самом деле все произошло через месяц после того, как Кэрл узнала, что беременна. За эту беременность она винила меня. И стала ненавидеть.

— Тогда почему же она описывала тебя с такой любовью?

— Чтобы скрыть правду. Ей не хотелось, чтобы и ты меня возненавидел.

— Но ведь я спрашивал, почему она вновь не вышла замуж. Она говорила, что круче тебя у нее никого не было, поэтому и не собирается удовлетворяться меньшим.

— Кэрол ненавидела секс. Она хотела со мной развестись. Это в те времена тоже было бы большим скандалом, но тут началась война, меня призвали, и мы пришли к соглашению, что после войны я просто к ней не вернусь. Я-то надеялся, — пройдет время, все дурное забудется и тогда мне будет легче — если я, конечно, выживу — склонить ее к перемене решения. А когда попался на крючок к Сен-Лорану, то почувствовал свое полное моральное падение. Терять мне было нечего. Уж лучше, думал я, быть богатым. Может быть, тогда Кэрол изменит свое ко мне отношение.

— А ты не пытался связаться с нами?

— Нет. Этого я сделать не мог.

— Но она получила письмо.

— Да. От Сен-Лорана. Такие письма он посылал всем родственникам «погибших». Письмо должно было убедить военные власти в том, что мы погибли.

— Мать поверила.

— Еще бы. Вместо позорного развода — вдова героически погибшего на войне мужа. Ей хотелось верить в то, что я мертв.

— А ты вторично женился, — произнес Хьюстон с горечью в голосе.

— На хорошей женщине. Но ее я никогда не любил так, как твою мать.

— И что же теперь?

— Я стараюсь спасти твою жизнь. В тебе есть все, чтобы мне хотелось видеть в Чарльзе. Я не был тебе отцом, зато сейчас могу тебя защитить. Если угодно, можешь меня ненавидеть. Но позволь спасти тебе жизнь.

— Русские.

— Что-что?

— Ваша группа работала вместе с русскими.

— Полная белиберда. Мы — преступники. Но не сумасшедшие. Каким образом эта чепуха пришла тебе в голову?

— Об этом мне сказал сам Беллэй.

— Не знаю такого.

— Французский тайный агент. Он уверен в том, что «Верлен» является прикрытием для русских шпионов.

— Питер, — он впервые назвал сына по имени.

Хьюстон чуть было не ответил: отец.

— Мы — не шпионы. Просто группа стариков, однажды преступивших закон и понявших, что придется за этой чертой оставаться всю жизнь. Мы имеем дело с уголовниками, с мафией. Всем заправляет Сен-Лоран. Мы намного слабее его и боимся ответной мести, если предадим его. Но он опасается, что Чарльз сможет нас разъединить. Мы скромны, но Чарльз — жесток. Этот человек, хотя он мне и сын, — исчадь ада. Сражайся с ним, Пит. Используй «Верлен» для того, чтобы сделать немного добра в этом мире.

— Боже, да ты сына боишься, по-моему, еще больше, чем Сен-Лорана.

— Намного больше. Не представляешь себе, насколько страшно узнать то, что твоя плоть и кровь может так тебя презирать. Он совершенно беспринципен.

— Но ведь ты, ты убил мою жену! — закричал он и обхватил отца, намереваясь уничтожить его. Задушить! Свернуть ему шею! Задавить!

Но вместо этого он обнял его и прижался к нему.

45

Из тени показался Сен-Лоран.

— Пришли к полному согласию, мистер Хьюстон?

Вопрос остался без ответа.

— Должен заметить, что нежелание, с которым вы принимаете наше предложение, убедительно.

Хьюстон по-прежнему молчал.

— Ведь если бы вы охотно пошли на сделку, у меня неизбежно появились бы кое-какие подозрения. Но теперь, я думаю, ваши колебания закончатся. Наш новый гость должен рассеять ваши сомнения.

— Еще кто-то пожаловал?

— Да. Прошу за мной.

Хьюстон увидел, как у Сен-Лорана блеснули в полутьме глаза. Француз жестом указал на массивную дверь. Ветер завывал. Хьюстон оглянулся на дворик, там огромные снежинки падали под углом на каменные плиты.

Хьюстон подозрительно уставился на разукрашенный коридор, открывшийся перед ним. Он осторожно двинулся вперед.

— Нет-нет, не сюда, мистер Хьюстон, — сказал Сен-Лоран, наклоняя голову, указывая на лесенку справа. Ступени, загигаясь, убегали куда-то вниз. Круто вниз. У Пита появилось тошнотное ощущение, что он смотрит в глубину колодца.

Он заставил себя двинуться вперед, чувствуя по мере спуска нарастающий холод и сырость. С каждым новым поворотом Пит думал, что вот-вот покажется дно, но лестница уходила все дальше вглубь. И вот когда он уже отчаялся узреть конец этой бесконечной лестницы, впереди внезапно открылся коридор с тусклыми лампочками на потолке.

— Сюда, пожалуйста, — произнес Сен-Лоран.

Направо.

Пит — отец находился рядом, Сен-Лоран чуть позади — двинулся вперед. Он подумал, что можно было бы задавить француза прежде, чем он успел бы пикнуть, но тот внезапно обогнал их и подошел к массивной железной двери.

Он поднял щеколду, запиравшую створку. Она со скрипом поддалась.

Сен-Лоран отошел в сторону и посмотрел на Хьюстона, который вошел первым.

Шок.

Страх.

Это была камера пыток.

Дыбы.

Прессы.

Цепи и штыри.

Пит увидел какую-то бьющуюся в деревянном кресле фигуру, привязанную широкими кожаными ремнями.

Симона. Он схватился за дверную ручку и застонал, стараясь справиться с подступившей к горлу тошнотой.

Но ведь она осталась наверху! Каким образом им удалось ее найти?!

Хьюстон увидел, как напрягаются ее мышцы. Как груди ходят под тканью свитера.

Из угла комнаты с кошмарной улыбочкой на губах вышел его брат Чарльз.

Пит дернулся вперед.

— Если ты только пальцем до нее...

Слова застряли в горле.

На сей раз Чарльз не отступил, а, наоборот, подтянулся и выпрямился.

— Еще один шаг, и я поверну этот рычаг. И ее шейка сломается.

Только тогда Пит заметил металлический ошейник, охватывающий ее шею.

Чарльз сжал рычаг. Хьюстон остановился. Легкие стало саднить.

— Ей не причинили никакого вреда, — сказал Сен-Лоран.

Хьюстон резко повернулся к нему.

— Ну, конечно! К креслицу ее привязали, чтобы исправить осанку! Терапия, так сказать.

— Даю слово...

— Засуньте его себе в жопу!

— Я только хочу сказать именно то, что сказал: ей не причинили никакого вреда.

Отец Хьюстона, бледный и обеспокоенный, стоял возле двери, быстро переводя взгляд с одного человека на другого.

— И ты считаешь, что я должен присоединиться к этим людям? — Хьюстона перекосило от отвращения.

Отец провел носовым платком по губам.

— Выслушай его — и все.

Хьюстон покачал головой, изо всех сил стараясь подавить бьющую его крупную дрожь.

— Как вам удалось ее найти?

— Методом исключений, — произнес Сен-Лоран. — Внешние стены наблюдаются с помощью телекамер. Так как вы попали внутрь не этим путем, иначе бы мы знали, следовательно, остаются клифы. Охране нужно было только обыскать все вокруг.

— Ночью? Чересчур опасно. К тому же прошло слишком мало времени. Они бы просто не успели вернуться.

— Если бы им пришлось взбираться наверх вашим путем, тогда, конечно. Но есть вариант более удобный.

— Туннель?

— Примерно такой же, каким вы выбирались в лес из охотничьего домика. Только этот остался с тех самых времен, когда народ сильно боялся осад. Симона, правда, пряталась, но охрана ее отыскала. Надо отдать ей должное, она попыталась отбиваться. Но не стоит лезть в бутылку. Вам же сказали, что вреда ей не причинили. У нее хватило здравого смысла для того, чтобы сдаться. Вот как она попала сюда.

— Уберите этот ошейник.

— Как только вы расслабитесь...

— Если вы его не снимете...

— Условия? Ладно. Сделаю первый шаг вам навстречу. Чарльз, сними, пожалуйста, этот металлический...

— Но...

— Делай, что говорят!

Чарльз неохотно отщелкнул ошейник, разомкнув его на две части. У Хьюстона помутилось в глазах, когда он увидел два багровых следа, оставшихся на шее женщины.

Симона тяжело повертела головой и сглотнула слюну, чтобы увлажнить горло.

— Пит...

Он обнял ее, а затем резко повернулся к Сен-Лорану.

— Если в ваши планы не входило причинять нам боль, зачем тогда...

— Этот спектакль? Все очень просто. Для того, чтобы показать вам, что случится, если вы откажитесь с нами сотрудничать. Итак, Чарльз, освободи руки и ноги мадам.

Уголки рта Чарльза поехали вниз, он словно обвис, но несмотря на это, принялся отстегивать кожаные ремни.

Симона попыталась подняться на ноги и едва не потеряла равновесие. Хьюстон подхватил ее.

— Итак, мистер Хьюстон, несколько раньше вы высказали предположение, что вы нужны мне только для того, чтобы поймать Симону, и что как только вы оба окажитесь в моих руках, я вас убью.

Хьюстон кивнул.

— Умно. Но неверно. Как видите, я мог бы показать вам ее труп, — и это было бы последним, что бы вы увидели в своей жизни. Но вместо этого я освободил вашу женщину. Теперь, естественно, ваш черед. Выбирать. Что предпочтительнее: смерть или безопасность? Попытки или согласие?

— Выслушай его, — попросил Хьюстона отец.

Чарльз тут же вякнул:

— Да, уж, послушай.

Металлическая дверь была не закрыта. Внезапно слышались шаги, и в комнату ворвался бледный, хрупкий, как-то сразу постаревший Монсар.

— Что вы натворили? — бросился он к Сен-Лорану.

— Тебя это не касается!

— Она моя дочь!

— Именно поэтому у нас и возникла эта проблема! Из-за тебя. И него!

Отец Хьюстона съежился.

— Если бы у вас не было детей, нам бы ничто не угрожало! Господи, вы же мои друзья! Если я убью твою дочь, ты мне этого не простишь. Как и он не простит мне убийства сына! Так убедите же их! Позвольте мне спасти их жизни!

Он подумал и добавил:

— И ваши, кстати, тоже.

Хьюстон повернулся к отцу, переполненный жалостью, печалью и сомнениями. Но он не мог позволить им убить Симону.

— Хорошо, — сказал он нехотя. — Я с вами.

Глаза Сен-Лорана победно сверкнули.

— А что нам скажет Симона?

Женщина наблюдала за Хьюстоном.

Он чувствовал исходящее от нее напряжение.

И кивнул.

Она повернулась к Сен-Лорану и сказала:

— Я сделаю все, что скажет Питер.

Напряжение стало постепенно рассеиваться, исчезать.

— Великолпно. А теперь — быстро. Кому еще известна наша тайна. Кто еще был вовлечен в ваше расследование?

— А при чем здесь...

— При том. Нам следует быть осторожными. Итак, кто еще знал все, что вам удалось выяснить?

— Вы собираетесь их убить?

— Разумеется, нет. В отличие от вашего брата я предпочитаю более обыкновенные методы. Их можно будет подкупить, ввести в заблуждение. Вы можете отправиться к ним и выдать другую информацию. Так кто?

— Управляющий кладбищем.

— Это нам известно. Еще?

— Он делал запросы в армейской разведке.

— Имена людей, с которыми он связывался.

— Он не называл их.

— Мы это выясняем. Дальше.

— Мы звонили в Америку человеку по имени Хэтчинсон.

— Сыну Фонтэна.

— Да, он был, похоже, раздосадован тем, что его потревожили.

— В отличие от вас его интерес к отцу чисто умозрительный. Так что он забудет.

Пит старался припомнить.

— И, конечно, Беллэй. Но он работает на вас...

— Прошу прощения?

— Альфред Беллэй. Он из французского управления национальной безопасности. Тот, который выдал вам наше пребывание в охотничьем домике.

— Я о нем никогда не слышал!

Хьюстон почувствовал какую-то пустоту в груди.

— Но если он не работает на вас, тогда каким образом вы узнали, где мы скрываемся?

Сен-Лоран выглядел удивленным.

— Чарльз, ты работал с этим человеком?

— У меня в полиции свои информаторы. Я о таком тоже не слышал.

— Но о вас ему известно, — сказал Пит. — Он клялся, что в течение целого года изучал деятельность вашей организации.

Сен-Лоран напрягся.

— Именно этого я и опасался.

— Я об этом позабочусь, — сказал Чарльз.

— Да, и побыстрее, пожалуйста. — Он повернулся к Хьюстону. — Прошу нас извинить. Но я не могу предложить вам лучшего местопребывания.

— Что такое? Вы собираетесь оставить нас здесь?

— Необходимое неудобство. Но я думаю, что с Симоной вы не будете чувствовать себя очень уж одиноким.

Отец Хьюстона явно находился в замешательстве.

— Извини, Пит.

— Так это все было подстроено? Ты лгал?

— Все-таки это лучше, чем пытка, — ответил за него Сен-Лоран. — И более эффективно.

Монсар крикнул:

— Нет!

— Вы разочаровываете меня, мой бедный друг, — обратился к нему Сен-Лоран. — Меня, если честно, от вас тошнит. Ваша слабость является угрозой нашему существованию.

— Паскуда! — И Монсар принялся ругаться по-французски.

Но Сен-Лоран лишь улыбнулся.

— Такие слова и это от лучшего друга. Какой пассаж! Вы так печетесь о своей доченьке, что, думаю, вам придется остаться вместе с ней.

Монсар задрожал. Сжав кулаки, он кинулся к Сен-Лорану, который внезапно запрокинул голову и расхохотался.

И Хьюстон тут же понял, почему. Словно по заранее отрепетированному сценарию, вперед вышел Чарльз, и в лоб старика вонзилась железная булава. Скальп на лбу разошелся, кровь заструилась в рот Монсару, колени его погнулись, и он, застонав, упал.

У Пита перехватило дыхание. Симона, дико закричав, кинулась к Чарльзу, и тот сделал шаг вперед, словно собираясь ударить и ее тоже, но Сен-Лоран поднял руку, останавливая его. В комнату вбежали двое охранников.

Злость Пита, наконец, выплеснулась.

— Ты очень смел с этой штуковинной, Чарльз.

— Можем попробовать и без нее!

— Хватит пререкаться! — закричал Сен-Лоран и обратился к отцу Хьюстона. — Будут какие-нибудь замечания? Может быть, захочешь присоединиться к ним?

— Я всегда был тебе верен, — произнес тот. — И не заслужил подобных упреков.

— Ах ты дерьмо! — заорал Хьюстон. — Ты меня подставил! Говорил так, словно нуждался во мне, а сам...

— Нам была нужна информация, — ответил отец. — И ты выложил нам ее сам и без принуждения.

— Я мог тебя убить, — прошипел Пит.

— Но не стал, — хохотнул Сен-Лоран. — Так что винить вам нужно лишь самого себя.

Грохнула железная дверь, и они остались втроем. Пит, Симона, безуспешно пытающаяся остановить струящуюся из раны на лбу Монсара кровь, и старик.

Раздался приглушенный толстой дверью смех, и камера пыток погрузилась в темноту.

46

Пит нащупал в кармане небольшую коробочку. Охранники отняли у него пистолет, но оставили ему спички.

Хьюстон вытащил коробок и трясущимися пальцами зажег одну спичку. Это был неяркий, дрожащий, умирающий, но все-таки свет! Пит повернулся к Симоне и увидел в ее глазах страх.

— Спичка быстро сгорает, и мне придется зажечь еще одну, — предупредил он ее.

Взяв спичку за обгорелый кончик двумя пальцами, он позволил ей догореть и тут же чиркнул второй.

— Спички скоро закончатся, Пит, — сказала Симона. — И что затем?

Пит развернулся и пошел вдоль стены. Так. Железная маска. А дальше железные клейма.

Клейма! Огонь!

Он едва не сошел с ума от радости, найдя жаровню со сложенными в ней дровами. Две спички сгорели безрезультатно, но третья зажгла кору, и пошел дымок. Дым! Охрана увидит поднимающийся дым, ворвется и потушит огонь. Но тут же Пит вспомнил про снегопад, — он скроет дым.

Лоб Хьюстона покрылся потом. Он подбежал к Симоне.

— Ну, как он?

— Я не могу остановить кровотечение!

Пит поднес ко лбу старика платок, и тот моментально намок.

— Рана глубокая. Может быть, черепно-мозговая травма. — Он увидел, как в неярком свете побледнела Симона. — Эй-эй, я ведь могу ошибаться.

Он приподнял голову Монсара. Веки старика затрепетали.

— Пит, он очнулся!

«Или собирается отдать концы», — мрачно подумал Хьюстон.

Старик заморгал. Губы разлепились.

— Кто...

— Это я, Симона. Я рядом. И Питер.

— Ничего не вижу.

— Тебе надо отдохнуть. Твоя голова... Постарайся ничего не говорить. Береги силы.

— Но Сен-Лоран...

— Запер нас здесь. Думает, как лучше с нами покончить. Глаза старика закатились.

— Я хотел вас предупредить... Остановить их... «Верлен»...

— Пит, помоги!

Хьюстон обхватил дергающиеся ноги старика.

— Он был моим другом.

— Кто? Сен-Лоран?

— Но он не заслуживал того, чтобы его называли другом. — И старик прохрипел. — Харон.

— Что?

— Нам платили русские.

— Но я спрашивал отца. Он отрицает, что вы на них работали.

— Еще бы. Иначе ему пришел бы конец.

Старик задохнулся и его стошнило.

Симона, как безумная, вытерла ему губы.

— Пожалуйста, перестань разговаривать.

— Нет времени. Все началось после войны, когда мы стали помогать маньякам, которые служили в концлагерях, переправляться в Южную Америку.

— Но Сен-Лоран отрицал, что вы помогали военным преступникам.

— Ложь. Все ложь. После войны мы стали помогать русским.

Пит затрясся.

— И ПЛО. И красным бригадам. И «Баадер-Майнхофф». Терроризм, ненависть, безумие.

— ИРА. Арабам, кубинцам... В общем всем. Все они пользовались услугами Харона.

— Но почему?

— Безопасный путь. В любые страны.

— А как же ваша гостиница?

— Гостиница... Безопасное пристанище для всякого рода убийц, террористов. Вот зачем она Харону. Сейчас в ней проживает убийца, который должен... — Он замолчал, не в силах продолжать. — Вы его видели.

— Кого?

— От него разит лилейным тальком.

У Пита захватило дух. Монсара затрясло, он выгнулся.

— Питер, конвульсии!

Хьюстон изо всех сил прижал старика к себе, но Монсар словно пропитался нечеловеческой силой. Хьюстона отбросило в сторону. Старик ударил его в живот ногой. Пит согнулся пополам. От чавкающих, смачных звуков, исходящих от Монсара, его затошнило.

Язык! Он глотал собственный язык!

Пит не мог залезть ему в глотку рукой. Сомкнув зубы, Монсар вполне мог откусить ему пальцы.

— Пит!

Хьюстон осмотрел комнату, ища палку, кусок железа, все равно что.

Огонь в жаровне. Пит подбежал и, схватив ветку, валявшуюся рядом, кинулся к Симоне.

Лицо старика потемнело. Он хватался руками за горло, задыхаясь.

Хьюстон с трудом просунул ветку между его зубов. Сунув пальцы в глотку, Пит нащупал язык у корня, где он загибался в сторону горла и, пока старик жевал зубами деревяшку, Пит вытащил язык.

Старик задыхался. Руки отпали от горла.

Пит услышал другие звуки. Из-за металлической двери донеслось два удара.

— В чем дело? — спросила Симона.

Если это за нами... Пит в ярости встал в полный рост и слушал, как ключ поворачивается в замке.

Он потихоньку снял со стены булаву, которой Чарльз ударил Монсара, и, когда в проеме показалась чья-то голова, резко нанес удар.

Но голова тут же исчезла за дверью и появилась вновь, когда булава стукнулась о стену.

Отец.

В руке его был автоматический пистолет с глушителем.

— Я пришел вам помочь, — сказал он. — Не вынуждай меня вас убивать.

Хьюстон глянул в коридор, увидел двоих охранников, плавающих в луже собственной крови.

— Ты их пристрелил? — спросил Хьюстон.

— Вам надо уходить. Сен-Лоран все приготовил и скоро придет сюда.

— Почему?

— Да потому, что ты, идиот чертов, слишком много знаешь!

— Я не об этом. Почему ты мне помогаешь?

— Ты ведь мой сын.

Пит метнул в него яростный взгляд.

— Это ты мне и во дворе говорил. А затем полностью поменял свое мировоззрение. И сказал Сен-Лорану, что тебе на все наплевать.

— Я должен был сохранить свободу. Я лгал для того, чтобы выиграть время. Чтобы вернуться.

— И снова лжешь.

— А эти мертвецы в коридоре — тоже ложь? Я ведь говорю, что сюда идет Сен-Лоран, но у вас есть шанс выбраться отсюда живыми!

Он подбежал к Симоне. Взглянув на Монсара, сказал:

— Брось его.

— Нет! — крикнула она.

— Но ему уже ничем не поможешь. Не можешь же ты взять его с собой.

— Нет! Я ему нужна!

— Тогда тебе смерть.

— Я должна его спасти!

— Неужели ты не понимаешь, что он мертв!

Симона съежилась и задрожала.

— Но ведь он шевелился! Нет! — Она стала трясти отца: — Сделай так, чтобы он поверил в то, что ты живой! — Она затрясла его сильнее: — Нет! Боже мой...

Голова Монсара свалилась ему на грудь. Костяшки пальцев стукнули по полу. Из рта все еще торчала ветка.
— Он не может быть мертвым! Не может!

Хьюстон поднял ее на ноги.

Симона ударила его по лицу. Он почувствовал, словно его ужалили.

— Он не мертв! — возопила женщина.

— Нам нужно торопиться.

Ее рука снова дернулась к его лицу. Пит перехватил ее за кисть и сильно потряс.

— Хватит! Мне страшно жаль, что он умер! Он храбро бился! Старался нам помочь! Но, черт побери, слушай, что тебе говорят! Надо уходить!

Его отец встал на колени возле Монсара, пощупал тому пульс и покачал головой.

— Мы идем с тобой, — сказал Хьюстон.

47

— Туда! — махнул рукой отец Хьюстона, и они ринулись к перекрестку, где встречались три коридора. Отец Хьюстона указал на правый коридор, но Симона кинулась вверх по лестнице. И моментально исчезла за первым поворотом винтовой лестницы.

— Она наткнется на них!

Хьюстон бросился следом за ней вверх по лестнице. Схватив ее за свитер на следующем повороте, Пит рванул его изо всех сил. Ткань порвалась, Симона грохнулась навзничь и, упав на Хьюстона, покатилась вместе с ним вниз. Они вскочили и, постанывая, кинулись в правый коридор.

Холодные, мокрые ступени, все дальше и дальше по коридору. И вдруг — крысы. Услышав пронзительный визг, Пит увидел, как на Симону кинулась огромная летучая мышь. Симона поняла руки, чтобы защитить голову, и тварь переключилась на Пита: огромная, коричневая, с обнаженным рядом зубов. Он попытался увернуться, поскользнулся и упал лицом на гранит.

Симона подняла его, но Хьюстон, скорчившись, ожидал следующей атаки летучей мыши.

— Ты в порядке? — крикнула женщина.

Пит кивнул, чувствуя, как наливается и распухает ободранная щека. Отец бежал где-то впереди, они с Симоной топали сзади.

Иногда ему казалось, что они бегут наверх, иногда вниз. Хьюстон не понимал, где они находятся, но пронизывающая холодная сырость показывала, что это все еще подвал. Из рта вырывался морозный пар.

— Где мы находимся? — наконец, смог крикнуть он, увидев остановившегося отца.

— Позади замка. Вот эта дверь, — отец указал направо, — ведет к горам. Сен-Лоран упоминал туннель, помнишь?

— Охрана пользовалась им, чтобы поймать Симону.

— Вот и вы уберетесь тем же путем. Снежная буря поможет вам скрыться.

— Снег все еще идет?

— Очень густой. Вы сможете выдержать бурю?

— Выдержим, я ученый. Сам увидишь. Пойдем, пока сможем передвигаться, а затем выстроим убежище.

— Я не пойду.

— Что?

— Сердце. Мне не вынести тягот.

— Но Сен-Лоран тебя убьет.

— Если я пойду с вами, то умру. А оставшись здесь, по крайней мере, не буду тянуть вас назад.

— Но так нельзя.

— Можно. Прими от меня этот подарок. Когда ты был мал, то нуждался во мне. Но я не приходил на помощь. А вот теперь, как видишь, пришел.

— Но ты мой отец...

— ...дарящий жизнь сыну. Ты все еще в опасности. Можешь замерзнуть насмерть, они могут тебя отыскать или... Но если я пойду с вами, тогда вам точно крышка. И ради Бога — подумай же о Симоне!

Крыса встала на задние лапки и зашипела. «Настоящая Шушара», — подумал Хьюстон.

— Не знаю, что и делать.

— Остановить Харона. Сделать то, что я сделать побоялся.

— Я их слышу.

Вопли. Далеко, но слышно.

— Быстро, — сказал отец. — Я их задержу. — И он схватил осклизлую ручку двери.

Хьюстон, нахмурившись, смотрел отцу в глаза и вдруг вспомнил, как Анри вел их по туннелю из охотничьей избушки.

— Ты лжешь, — сказал он отцу.

Тот побледнел.

— Да они сейчас здесь будут! Не упусти шанс!

— Не упущу! — крикнул Хьюстон и схватился за ручку второй незаметной двери слева.

— Но сюда нельзя! Этот коридор приведет тебя обратно в замок.

— Где они нас не ждут!

— Доверься мне! Беги в туннель!

Хьюстон заорал:

— Нет! — и прижал ладони к ушам, потому что в этот самый момент в подвале и коридорах взвыли сирены. Словно циркульные пилы.

Отец Хьюстона испуганно смотрел в коридор. Пит выдернул из его руки пистолет и схватился за покрытую слизью ручку второй двери.

Она не поддавалась.

— Заперто! — крикнул он и напрягся. — Помогай!

Симона подскочила и принялась тянуть изо всех сил.

Внезапно дверь поддалась, и они рухнули на спины. Вскочив, Пит зашарил по стене в проходе, открывшемся за дверью. Нащупав выключатель, он повернул его и вспыхнул тусклый свет, открывший крутые ступеньки перед ними.

Мимо проскочил отец и кинулся вверх по лестнице.

Пит дернулся, чтобы его остановить.

— Нет!

— Но замок тебе неизвестен. Ты не представляешь расположение...

— Я тебе не верю.

— Тогда убей. Потому что я иду с вами.

Перепрыгивая через две ступени, слушая, как за ними следом бежит Симона, они добрались до площадки, на которой поручни прогибались от навалившегося на них веса.

Следующая площадка. Отец с Симоной внезапно остановились. Перед ними находилась гладкая деревянная дверь. Хьюстон подбежал к ней.

— Эта дверь ведет в основные покои замка, — сказал отец Хьюстона.

Пит приложил ухо к створке, но не услышал никаких звуков, внутри была тишина.

Он коротко кивнул, поднял пистолет и повернул ручку. Его ослепил яркий свет. Вздвогнув, Пит почувствовал тепло.

Перед ним был длинный, широкий коридор. На стене висел средневековый групповой портрет. Какой-то человек в тени и женщина. В короне. С крестами в руках. В пурпурной мантии.

Охраны — нет. Опасности он не почувствовал.

— Быстро!

48

Осмотревшись в коридоре, он в ярости повернулся к отцу.

— Если только пикнешь или позовешь на помощь — я тебя прикончу. Если соврал... Как добраться до парапетов?

— Охрана тебя увидит.

— В снежной буре? Не думаю. Они, судя по всему, наблюдают за туннелем. Я попал сюда, спустившись с клифа. И выберусь обратно тем же путем.

— Ну, если угодно... Сюда.

Направо.

— Понятно. Значит, пойдем налево.

— Нет, это же глупо. Ты...

Появление охранника прекратило споры; он вышел слева, увидел их в коридоре и начал поднимать ружье.

Хьюстон выстрелил. Из глушителя вырвался пукающий звук, и охранник, расплескав на груди, по серой униформе красное жабо, рухнул на пол, выронив брякнувшее ружье.

Завыла сирена. Хьюстон почувствовал, как кожа на голове съезживается и решил не испытывать судьбу. Повернул направо, как отец советовал.

Симона вцепилась в его руку. Они побежали.

Пересечение коридоров. Взглянув в другой коридор, Пит заметил в нем человек и выстрелил.

Тренькнуло стекло. Хьюстон вздрогнул. Человек в коридоре оказался его отражением в зеркале.

Внезапно в коридор открылась дверь. Из нее вышел Жюль Фонтэн: в пижаме, с книжечкой. Увидев Хьюстона, он остолбенел. Прыгнув обратно в комнату, он грохнул дверью.

Звякнул запираемый замок. Хьюстон выстрелил сквозь дверь. Вой сирены перешел в вой Фонтэна. Пит дослушал угасающий крик у выбитого отверстия в двери.

В следующем коридоре забухали шаги. Из-за угла появился охранник и, повернувшись к Хьюстону, получил пулю в лоб. Выгнувшись назад, он рухнул с выбитым черепом.

«Ружье! Надо взять его ружье!» — подумал Пит, но стоило ему направиться к мертвецу, как из коридора послышались шаги еще одного человека.

— Назад! — сказал он Симоне.

Двое. Охранники увидели упавшего товарища и, подняв ружья, прицелились в Хьюстона.

А из другого конца коридора послышались приближающиеся к ним шаги!

Ловушка! И некуда спрятаться!

Перескочив на другую сторону коридора, Хьюстон подбежал к двери, выходящей в холл, и дернул ручку, надеясь, что она поддастся. Так и случилось. Симона и его отец кинулись к нему. Раздались выстрелы. С другой стороны появились еще охранники, и раздался крик человека, попавшего под перекрестный огонь.

Пит влетел вслед за отцом и Симоной в комнату и грохнул дверь, закрыв ее.

Зал оказался огромным, высотой этажа в три. С одного его края до другого располагался массивнейший стол, вокруг него стояли кресла с высокими спинками. Гобелены. Полыхающий камин. Свет канделябров ослеплял. В дальнем конце зала над чем-то, напоминавшим трон, нависал огромный — от стены до стены — балкон.

Дверь не разбить, решил Пит. И тут же почувствовал себя в безопасности. Но радость сменилась страхом, потому что укрытие моментально стало казаться ему ловушкой: на окнах, высившихся почти в полную высоту стен виднелись решетки.

Пит распахнул окно и выглянул во двор.

Валящий стеной снег не давал хорошенько рассмотреть, что происходило внизу, во дворе, но Хьюстону удалось разглядеть серые фигуры двух охранников. Они напряженно стояли, целясь из ружей куда-то в пространство.

То, что Пит увидел спустя минуту, показалось ему галлюцинацией. На темные фигуры охранников как будто из ниоткуда кинулись две снежно-белые тени. Одна из них подняла какой-то металлический предмет и проткнула охранника. Вторая отбросила своего противника в сторону.

Послышалась стрельба — винтовки, автоматы, пистолеты. Раздались крики.

Стреляли и в замке. Стук в дверь прекратился. Сирену заглушили выстрелы. Из двери стали вылетать щепки.

— Они стараются выбить замок выстрелами! — прокричал Хьюстон. — Через окно. Здесь можно протиснуться! Это наш последний шанс! — Он нахмурился. — Правда там, снаружи, что-то странное происходит.

Из коридора слышались другие выстрелы: быстрые, резкие, из автоматического оружия.

— Что это?

Симона! Пронеслось в мозгу. Он начал огибать стол, и тут что-то полоснуло его по груди. В комнате прогрехотал выстрел.

Балкон! Издалека он увидел, как какая-то фигура целится в него из револьвера. Золотой медальон. Чарльз!

— Так, значит, пришел сюда с друзьями, — сказал «братик».

— Что ты этим хочешь сказать?

— Не «что», а о «ком»! — Он усмехнулся. — Это я говорю о группе захвата! О людях в масках! Чарльз!

И тогда Хьюстон понял, что это были за белые тени на улице.

Чарльз прицелился.

Хьюстон выстрелил первым. Отдача вскинула его руку вверх, и пуля вонзилась в перила балкона рядом с рукой Чарльза.

Чарльз расхохотался.

— С дальнего расстояния пистолет с глушителем не дает хороших результатов, — и спустил курок.

Хьюстон нырнул вбок. Пуля впиалась в спинку кресла.

Пит трясущимися руками отвинчивал глушитель. Металл жег кожу руки. Наконец, глушитель отвалился. Со вздымающейся грудью он смотрел на стоящего в открытую отца.

— Ложись! Катись под стол! — закричал он.

Но отец словно его не слышал.

— Положи пистолет на пол, Чарльз.

Пит вытащил обойму и увидел, что она пуста. Последний патрон оставался в стволе. Его последний шанс.

Хьюстон выпрыгнул из-за стула, и Чарльз удивленно вытаращился на него.

Пит в прыжке выстрелил. Чарльз исчез.

Пит сидел под балконом и лихорадочно размышлял: если Чарльз все еще жив, то вой снежной бури за окном не даст ему расслышать его осторожные шаги...

Шаги!

Кто-то шел через комнату, шатаясь, схватившись за грудь. Отец! Он держался за сердце. Приступ. Пит увидел, как посерело лицо отца. И тут же он понял, что отец был потрясен тем, что он увидел за окном.

Чарльз стоял перед Хьюстоном и смотрел ему в глаза.

Как он спустился с балкона? Ведь в стене не было дверей, одни только гобелены.

«Ну, — спросил Хьюстон самого себя, — что будем делать?»

— Ну, — произнес Чарльз, — что будем делать? Стрелять или глазки строить?

Хьюстон беспомощно смотрел на свой пистолет.

— Патроны кончились, — констатировал Чарльз. — Иначе бы ты выстрелил.

Чарльз прицелился...

— Нет! Хватит! Остановись!

Голос принадлежал отцу: он, шатаясь, загородил Хьюстона своим телом, и умоляюще протянул руки к своему второму сыну.

— Это бессмысленно! Нас итак поймали! Зачем его убивать?

— Пердун старый! — рявкнул Чарльз и выстрелил в него.

Хьюстон услышал, как кровь с противным чавкающим звуком выплеснулась из тела отца.

Труп едва не упал на Пита, который оттолкнул его вперед, и он сделал несколько шагов рефлекторно, словно бы самостоятельно.

Чарльз в обалдении заорал, и Хьюстон, воспользовавшись тем, что брат какое-то время был загорожен телом отца, выступил вперед, и, размахнувшись, двинул Чарльза по лицу.

Он с удовольствием услышал, как хрустнула скула под его кулаком. Костяшки пальцев распухли и обагрились кровью. Он ударил снова. И еще раз.

Лицо брата свернулось набок, словно неправильно надутый шар. Он отступил, даже не пытаясь защищаться от ударов Хьюстона.

Воспользовавшись преимуществом, Пит двинулся ближе.

И тут же понял свою ошибку. Его брат просто-напросто выжидал. Со всей злобой, которую он накопил, Чарльз двинул Пита в грудь.

У Пита помутилось в глазах. Он видел, как Чарльз взглянул на выроненный им самим пистолет, но не стал его поднимать, а встал в бойцовскую стойку: ноги раздвинуты, параллельно друг другу, тело согнуто, пальцы вылезают из

кулаков, словно рассерженные змеи из потревоженного гнезда.

— Так-то оно лучше, — проговорил Чарльз разбитыми, распухшими губами. — Ты все разрушил. И прежде, чем меня возьмут, ты еще пожалеешь, что сразу же не убрался домой. — Он показал пальцем на Хьюстона, массирующего ноющие ребра. — Не волнуйся, ничего не сломано. Это была бы для тебя слишком легкая смерть. Мне не хочется, чтобы раздробленная кость пропорола тебе легкое. — Кровь пеной выступила на его губах. — Каждая секунда будет болью отдаваться в твоём теле, и ты сосчитаешь их все. В конце концов ты станешь умолять, чтобы я тебя убил или по крайней мере добил бы до бесчувствия. Но я не стану этого делать. Когда ты будешь умирать, то и тогда будешь находиться в полном сознании и понимать все, что я с тобой делаю.

Хьюстон швырнул в брата бесполезный пистолет, но Чарльз легко отступил в сторону, и тот, грохнувшись на пол, покатился по паркету.

Пит вскочил на стол, несмотря на страшную боль в груди, перекинулся на другую сторону и приземлился на полусогнутые колени на пол.

Чарльз тоже вскочил на стол, скорчившись, словно хищное животное.

Пит уголком глаза заметил, как Симона выползла из-под стола и бросилась от них прочь в дальний конец зала.

Чарльз кинулся вперед: он приземлился в боевой позиции. Хьюстон почувствовал за своей спиной жар полыхающего камина. Одежда начала дымиться.

Пит заметался, стараясь найти, чем бы себя защитить. По стене было развешено средневековое оружие. Хьюстон выдернул меч из ножен и удивился весу, который внезапно очутился в его руке. Чтобы удержать меч, ему пришлось взять его обеими руками. Пит рубанул...

Меч пропорол воздух. Чарльз отпрыгнул назад, но все-таки острие зацепило ему рубашку и разрубило золотую цепочку, на которой висел его медальон.

Чарльз впился в стоящее за ним кресло. И, сморщившись, уставился на брякнувший на пол медальон.

Хьюстон снова рубанул мечом.

Чарльз в ярости отклонился от удара.

— Ты, значит, так?

И Чарльз кинулся к другим мечам, висевшим на стене.

— Тебе каюк, в этом деле я мастер.

Но, проскочив мимо мечей, он вырвал из зажимов на стене кистень, — цепь, на которой висел маленький, утыканный шипами шарик.

Он принялся крутить его с такой скоростью, что Хьюстон увидел лишь сплошное мерцание. И шипение рассекаемого воздуха.

Запаниковав, Хьюстон с трудом подавил в себе желание убежать. Он снова взмахнул мечом.

Сталь ударилась о сталь. Цепь накрутилась на меч, и Чарльз, рванув ее к себе, вырвал из руки Пита оружие, а кистень бросил на пол. Он легко справлялся с мечом всего одной рукой. Он кинулся вперед.

Хьюстон хотел было убежать, но Чарльз сначала рубанул вправо, затем влево и погнал Пита к камину. Тот снова ощутил спиной и лопатками жар.

«Симона, — подумал Пит. — Пистолет!»

Чарльз не видел женщину. Разрубая воздух короткими прямыми ударами, он не замечал взгляда Хьюстона, пока не понял, что противник на него даже не смотрит.

Чарльз тут же начал оборачиваться, но Симона выхватила кинжал из ножен на стене и, обхватив рукоятку обеими руками, рубанула Чарльза по шее сверху вниз.

Чарльз поднялся на цыпочки, его затрясло. Рот распахнулся в глухом крике боли.

Выронив меч и схватившись за рану на шее, Чарльз выкрикнул:

— Сука! — И повернулся к ней.

Огонь! Одежда Хьюстона задымилась. Он отскочил от камина и над ним внезапно увидел странное копьё, чье острие было направлено в стоящую под ним чашу.

Пит рефлекторно схватил копьё, выдернул острие из чаши и крикнул:

— Чарльз!

Брат ощутил более мощную опасность и неуклюже повернулся.

Хьюстон швырнул копьё, пронзив Чарльза в живот рядом с пахом.

Острие вышло с другой стороны тела — со спины.

Симона заорала, стараясь увернуться от падающего тела.

Чарльз опрокинулся на кинжал, который держала женщина. Он вошел в его тело до рукоятки.

Ноги его задержались, он упал. И застыл.

Хьюстон приблизился к Симоне и сжал ее в объятьях. Он был весь в крови. Усталость взяла свое. Пит навалился все телом на Симону.

— Все в порядке. Все позади, — сказала она, подпирая его.

Но оказалась неправа.

49

Внезапно загудев, дверь разлетелась на кусочки, и в нее ввалились какие-то люди. В белом.

Все с автоматами.

Хьюстон дернулся, стараясь дотянуться до оставленного Чарльзом меча, но тут одна из фигур, снимая лыжную, скрывавшую лицо маску крикнула:

— Хьюстон? — И омраченные заботой тонкие черты лица Беллэя разгладились, он вздохнул с облегчением. А я-то все боялся, что не успею.

— И ведь не успел. — Пит с горечью повернулся к труп у отца.

— Что-что? Черт, ты же истекаешь кровью.

Хьюстон уставился на пурпурную куртку, которая, теплея, липла к его телу.

— Моя епитимья.

— Что за ерунда!

— А кто это с тобой?

— Лучшее подразделение в нашем управлении. Мы следили за вами, пока вы ездили к Эндрюсу, пока...

— Так, значит, встреча в кафе...

— Это, конечно, страшно цинично, но мы решили использовать тебя в качестве катализатора, для того, чтобы «Верлен» выявил себя.

— Все подстроено? Но как?

— Мы наблюдали за вами. Помните, например, ваш пикник на обзорной площадке?

— Так семья с детишками — ваши люди?.. Но ведь если вы все время были настолько близко, почему же вы не появились раньше. Можно было спасти моего отца. Симоны тоже!

Беллэй потупился.

— Ты застал нас врасплох.

— Что?

— Мы ведь не думали, что ты рискнешь забраться внутрь замка. Он казался очень хорошо укрепленным. После того, как ты исчез в замке, появилась охрана и забрала Симону. Мы мобилизовались как только смогли.

— А где Эндрюс? — спросил Пит.

— Здесь! — Другой человек снял лыжную маску.

— Ты мне солгал. Ты меня использовал. — Хьюстона трясло.

Но американец протянул ему руку.

Хьюстон посмотрел на нее и, сказав:

— Пошел к черту, — неохотно пожал ее. Затем повернулся к Беллэю и сказал: — В отеле сидит убийца. Я могу его опознать.

— Хорошо, — отозвался тот.

— Вот теперь все кончено, — вздохнул с облегчением Пит и, прижав Симону к груди, повернулся в сторону трупa отца. Внезапная мысль пронзила его. — А где же Сен-Лоран?

— Кинулся с крыши замка. Лежит мертвый во дворе.

Мир повернулся боком, затем вверх дном и, закружившись, как бушующая на дворе снежная метель, кинулся в лицо Питу, наказывая его за все проступки, за всю нерешительность, за все безразличие, которое он выпестовал в своей жизни.

Когда он через три дня очнулся в больнице, рядом с постелью сидела Симона.

— Я люблю тебя, слышишь? Люблю.

— Слышу.

Где вы, рыцари мертвых времен? Почему не звенят ваши мечи?

Куда подевалась доблесть и поединки?

Все мертвы.

— Но... Я люблю тебя, — сказал он.

СОДЕРЖАНИЕ

ТОТЕМ. Роман. Перевод с английского <i>М. Лебедева</i>	5
ПРОКЛЯТЫЙ. Роман. Перевод с английского <i>М. Лебедева</i>	229

Авторские права на издание романов Дэвида Моррелла «Тотем» и «Проклятый» приобретены издательством «ЛИК» у литературного Агентства Генри Моррисона (США)

Литературно-художественное издание

Дэвид Моррелл

ТОТЕМ

Ответственный за выпуск Б.Лаврентьев
Заведующий редакцией Л.Кандель

Редакторы Б.Толочинская, А.Толстиков
Технический редактор С. Раснюк
Корректоры М. Иванова, З. Смоленцева

Компьютерный набор и верстка издательства "Петербург-XXI век".

Сдано в набор 1.07.93. Подписано к печати 5.10.93. Формат 60 x 88 ¹/₁₆.
Гарнитура "Литературная". Печать офсетная. Тираж 50 000 экз. Объем 26 л.

Заказ № 334.

Издательство "ЛИК", 194354, С.Петербург, а/я 187.

Государственная типография № 4 г. Санкт-Петербурга Министерства печати и информации Российской Федерации. 191126, Санкт-Петербург, Социалистическая ул., 14.

ТОО «ГЕЛИКОН»

г. Санкт-Петербург

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ДЕЛО И КНИГОТОРГОВЛЯ

Для всех

и

каждого отдельно

— оптовые и мелкооптовые партии —

— бартерные сделки —

— розничная продажа —

У нас всегда немного дешевле.

**Разнообразные книги — детективы, фантастика, сен-
тиментальный жанр, философия, духовная
литература.**

193036, Санкт-Петербург, 3-я Советская ул., 7, кв. 20.

Телефон (812) 277-51-76.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПЕТЕРБУРГ — XXI ВЕК»

**Изготовление оригинал-макетов книг, брошюр,
другой полиграфической продукции.**

Выпуск книг разнообразной тематики.

**Издателей, полиграфистов, оптовиков приглашаем
к совместной работе.**

Вы можете принять участие (или купить готовые оригинал-макеты) в производстве следующих изданий:

- **«Последние дни императора»:** сборник мемуаров, дневников, документальных и архивных материалов, освещающих историю отречения от престола императора Николая II. С иллюстрациями, в суперобложке.
- **Ж. Верн:** «Михаил Строгов», «Найденых с погибшей «Цинтии»» (русская тема в творчестве Ж. Верна).
- **Р. Макдональд:** «Полосатый катафалк», сборник «Американский детектив».
- **Серия «Английский любовный роман»:** произведения У. Коллинза и У. Дж. Локка.
- **П. Феваль:** 4 романа (в 2-х книгах) о приключениях шевалье де Лагардера (или «Горбуна», известного по одноименному французскому фильму с Ж. Марэ в главной роли).
- **В саду, в огороде, на кухне:** пособие для садоводов, огородников, кулинаров.

**Ждем ваших предложений по телефонам:
(812) 166-55-27 (днем), 127-41-35 (вечером).**

THRILLER & TERROR

